

Е . В . Петружина

**Аспектуальные
категории глагола
в русском языке**

**в сопоставлении
с чешским, словацким, польским
и болгарским языками**

**Москва УРСС
2012**

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	7
ГЛАВА I	
АСПЕКТУАЛЬНАЯ КАТЕГОРИЗАЦИЯ ДЕЙСТВИЙ В ЛЕКСИКЕ	
1. Частеречная семантика глагола и специфика глагольной номинации	11
1.1. Номинативный аспект изучения глагола	11
1.2. Категориальное значение глагола	13
2. Аспектуально–семантические классификации глаголов	14
2.1. Принципы построения грамматически релевантных семантических классификаций глаголов	14
2.2. Базовые глаголы и их аспектуальные классы	19
2.2.1. Определение базовых глаголов	19
2.2.2. Аспектуальные признаки базовых глаголов	22
2.2.3. Аспектуальные классы базовых глаголов	25
3. Краткие выводы	32
ГЛАВА II	
КАТЕГОРИЯ ГЛАГОЛЬНОГО ВИДА В РУССКОМ, ЗАПАДНОСЛАВЯНСКИХ И БОЛГАРСКОМ ЯЗЫКАХ	
1. Основные направления изучения глагольного вида в современной лингвистике	33
1.1. Темпоральные модели славянского вида и когнитивные исследования	33
1.2. Анализ видовой семантики при помощи категориальных семантических признаков и метода толкований	37
1.3. Статус категории вида в славянских языках	44
2. Русский глагольный вид (общая характеристика)	45
2.1. Вид как грамматическая категория особого типа	45
2.2. Принципы определения категориальной семантики видов	47
2.3. Видовая парность	50
2.4. Семантика терминативных глаголов СВ и НСВ	52
2.4.1. Отражение терминативной модели протекания действия в значении глаголов СВ и НСВ	52
2.4.2. Терминативность и результат действия	55
3. Сопоставительное исследование категории глагольного вида в русском, западнославянских и болгарском языках	56
3.1. Общая характеристика сходств и различий в организации категории вида и функционировании видов	56
3.2. Сходства в употреблении видов	59
3.3. Различия в употреблении и семантике видов	63
3.3.1. Различия в сочетаемости глаголов СВ	63
3.3.2. Различия в употреблении видов при обозначении повторяющихся действий	64
3.3.3. Различия в употреблении видов при обозначении обобщенного факта в прошлом	73
3.4. Употребление видов в повествовательных текстах	76
3.4.1. Изучение текстовых функций видов в современной лингвистике	76
3.4.2. Некоторые наблюдения над функциями видов в русских повествовательных текстах	79

3.4.3. Особенности текстовых функций видов в западнославянских языках в сравнении с русским	83
3.5. Границы имперфективации и семантика вторичных имперфективов	89
3.5.1. Общая характеристика вторичной имперфективации	89
3.5.2. Функциональный и семантический анализ видовых троек в русском языке	90
3.5.3. Сопоставление вторичных имперфективов в русском и чешском языках	100
4. Краткие выводы	104

ГЛАВА III

КАТЕГОРИИ ДЕРИВАЦИОННОЙ ОНОМАСИОЛОГИИ И АКЦИОНАЛЬНОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ

1. Различные подходы к изучению внутриглагольного словообразования в славянских языках	107
2. Категории деривационной ономасиологии: модификация и мутация	109
2.1. Понятия словообразовательной модификации и мутации в лингвистике	109
2.2. Разграничение производной глагольной номинации модификационного и мутационного типов	113
2.3. Производные глаголы с пространственными приставками с точки зрения модификации и мутации	116
2.4. Структура мутационных дериватов	118
3. Расхождения между сопоставляемыми языками при производной глагольной номинации (общая характеристика)	119
4. Языковые модели глагольных действий ' <i>стоять</i> ' и ' <i>петь</i> ' в сопоставляемых языках	124
4.1. ' <i>стоять</i> '	124
4.2. ' <i>петь</i> '	128
5. Краткие выводы	138

ГЛАВА IV

ФАЗИСНО–ВРЕМЕННЫЕ МОДИФИКАЦИИ БАЗОВЫХ ГЛАГОЛОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ В СОПОСТАВЛЕНИИ С ЧЕШСКИМ, СЛОВАЦКИМ И ПОЛЬСКИМ

1. Задачи исследования	141
2. Акциональные ограничительные модификации	141
2.1. Общая характеристика фазисно-временных дериватов	141
2.2. Делимитативы в русском языке	143
2.2.1. Категориальное значение делимитативов (обзор литературы)	143
2.2.2. Фазисно–временная семантика делимитативов	145
2.2.3. Соотношение количественной и прагматической оценки действия в семантике делимитативов	147
2.2.4. Мотивирующая база делимитативов	151
2.3. Длительно–ограничительные модификации (пердуративы) в русском языке	156
2.4. Ограничительно–квантовые модификации в русском языке	157
2.5. Ограничительные модификации глагольных действий в чешском языке	159
2.5.1. Общая характеристика	159
2.5.2. Делимитативы (нерефлексивные глаголы с префиксом <i>po-</i>)	161

2.5.3. Делимитативно–прагматическая модификация (<i>po– si</i>)	164
2.5.4. Квантово-прагматическая модификация (<i>za– si</i>)	166
2.5.5 Длительно-ограничительные модификации	169
2.6. Ограничительные модификации глагольных действий	170
в словацком языке	
2.6.1. Общая характеристика	170
2.6.2. Дериваты с формантами <i>po– (si)</i> и <i>za– si</i>	171
2.6.3 Длительно-ограничительные модификации	173
2.7. Ограничительные модификации глагольных действий	174
в польском языке	
2.7.1. Делимитативы	174
2.7.2. Квантово-ограничительные модификации и пердуративы	177
2.8. Ограничительные модификации глагольных действий в русском языке в сопоставлении с западнославянскими	179
2.8.1. Общая характеристика	179
2.8.2. Русские делимитативы и их функционально-семантические эквиваленты в западнославянских языках	180
2.8.2.1. Различия в мотивирующей базе и продуктивности	180
2.8.2.2. Функциональные эквиваленты русских делимитативов в западнославянских языках	182
2.8.2.3. Различия в фазисно–временной семантике делимитативов	185
2.8.2.4. Делимитативы и видовая парность в славянских языках	187
2.8.3. Длительно-ограничительные и ограничительно-квантовые модификации в русском языке в сопоставлении с западнославянскими	190
3. Акциональные начинательные модификации	193
3.1. Общая характеристика	193
3.2. Трактовка семантики начинательности в славистике	194
3.3. Семантический анализ начинательных модификаций в русском языке	197
3.4. Исследование акциональных начинательных модификаций в русском языке в сопоставлении с чешским, словацким и польским	202
3.4.1. Русско – чешско – словацкое сопоставление	202
3.4.2. Русско – польское сопоставление	209
4. Акциональные модификации со значением конца деятельности или процесса	213
4.1. Общая характеристика	213
4.2. Результативные модификации гомогенных глагольных действий в русском языке в сопоставлении с западнославянскими	214
4.3. Финитивные модификации глагольных действий в русском языке	216
4.4. Западнославянские финитивные модификации	221
4.5. Сопоставительное исследование акциональных финитивных модификаций в русском и западнославянских языках	224
5. Выводы	227
Заключение	231
Библиография	234
Литературные источники	254

Список сокращений	255
--------------------------------	-----

*Посвящается
светлой памяти
моего мужа Анатолия*

• ПРЕДИСЛОВИЕ •

Для современной лингвистики, так же как для философии, логики и интегральной научной дисциплины – когнитологии, характерен интерес к концептуальной структуре «динамического мира», «мира, находящегося в постоянном изменении» [Вригт 1986: 516]. Важную роль в выделении лингвистически определяемых элементов динамического мира и «стандартизации бесконечного богатства изменений бытия» [Ломов 1994: 52] играет глагол во всем многообразии его грамматических, словообразовательных и лексических категорий. В этом аспекте специального внимания заслуживает русский и, шире, славянский глагол, главной типологической особенностью которого выступают выражение внутренней динамики действия, отражение существования и изменения бытия в самой структуре глагольного значения – в видовых и акциональных¹ признаках глагола, взаимосвязанных с его лексической семантикой.

В центре предлагаемого исследования находятся русский глагол и его аспектуальные категории, рассматриваемые в сопоставлении с соответствующими категориями ряда других славянских языков – чешского, словацкого, польского и, в меньшей степени, болгарского. Подход к традиционным объектам славистики – виду и способам глагольного действия (СГД), – проводимый в данной книге, можно было бы назвать комплексным, так как нами учитываются и содержательный, и формальный, и функциональный аспекты. С одной стороны, автор исходит из онтологических свойств действий, протекающих во времени, и их восприятия говорящим и определяет те семантические признаки, которые получили статус категориальных в славянских языках и составили концептуальную основу лексических, словообразовательных и грамматических аспектуальных категорий. С другой стороны, это ономаσιологическое по своей направленности исследование ограничено глаголом и его категориями. То, что находится за пределами глагольного слова, рассматривается в книге лишь как область функционирования глагола и реализации его аспектуальных свойств.

---

¹ Термин «акциональный» здесь соотносится с понятием «способ действия» (Aktionsart). Ср. другое использование этого термина в [Смирнов 1983; Леман 1995], где акциональными называются аспектуально значимые компоненты в лексическом значении глаголов, а также в трудах Г.А.Золотовой [Золотова 1994; 1997а; Золотова и др. 1998: 60–62], в которых акциональные глаголы противопоставлены стативным.

На настоящем этапе развития аспектологии, после того как на материале современного русского языка было исследовано взаимодействие разноуровневых языковых единиц в рамках категории аспектуальности [Бондарко 1987] (см. также библиографию), возникает необходимость вновь вернуться к анализу аспектуальных значений, выражаемых собственно глаголом, как на системно-категориальном уровне, так и на уровне текста. Это позволяет, в частности, изучить взаимодействие вида, наиболее грамматикализованных фазисно-временных СГД и категориальных элементов лексического значения глаголов.

В связи с категорией вида и акциональными системами в отдельных славянских языках был собран, описан, а также теоретически осмыслен огромный языковой материал. В результате возникли десятки оригинальных аспектологических теорий (о них см. [Обзор 1990; Петрухина 1997б]), а также особые аспектологические направления и школы. Большое влияние на развитие славистики оказала ленинградская школа Ю.С.Маслова и А.В.Бондарко, как и московские направления в русской аспектологии: грамматическое 40–70-х годов (В.В.Виноградов, П.С.Кузнецов, Н.С.Авилова), семантическое 80–90-х годов (Ю.Д.Апресян, М.Я.Гловинская, Е.В.Падучева). Широко известны труды пражских русистов (В.Барнетова, З.Скоумалова, В.Стракова), соединивших в исследовании русского и чешского глаголов идеи Р.Якобсона, С.Карцевского и вообще пражского структурализма с методами описания деривационной системы чешского языка, разработанными М.Докулилом, а также московского богемиста А.Г.Широковой, исследовавшей в чешском и ряде других славянских языков вид и глагольную категорию многократности. Интеграции аспектуального и словообразовательного подходов к изучению славянского глагола способствовали работы польских лингвистов (А.Богуславского, Г.Врубеля, В.Смеха, Ц.Перникарского и др.)². Имеются и обобщающие сопоставительные описания видовых систем славянских языков (Ю.С.Маслов, Св.Иванчев, А.Г.Широкова и др.).

Тем не менее данные отдельных славянских языков не проанализированы в полном объеме с точки зрения общеславянской аспектологической теории, которая позволила бы систематизировать, а также объяснить общее и специфическое в образовании и употреблении видов и СГД в отдельных славянских языках. Поэтому в современной лингвистике по-прежнему актуальной остается задача выработки общей концепции славянского глагольного вида и, в ее рамках, опреде-

---

² Обзор направлений американской, английской и французской лингвистики, связанных с изучением аспектуальной и деривационной систем русского глагола, см. в [Кронгауз 1997а; 1998].

ления специфики русского вида. Столь же актуальны сопоставительные исследования акциональных систем славянских языков.

Предлагаемая книга имеет следующую структуру.

В первой главе на материале прежде всего русского языка представлено исследование аспектуальной категоризации действий в лексике, которое проводится с учетом особенностей глагольной номинации.

Вторая глава посвящена сопоставлению категории вида в русском, чешском, словацком, польском и болгарском языках. Сопоставление предваряет системный анализ вида в русском языке, а также различных подходов к его изучению.

В третьей главе разрабатываются принципы выделения модификационных и мутационных ономаσιологических категорий, необходимых для изучения фазисно-временных СГД, которые в книге трактуются как категории модификационного словообразования. Проводится также сопоставление модификаций отдельных базовых глаголов в русском, трех западнославянских и болгарском языках.

Четвертая глава содержит системно-функциональный и семантический анализ фазисно-временных акциональных модификаций в русском языке в сопоставлении с чешским, словацким и польским языками, выявляющий сходства и различия в представлении идентичных онтологических типов действий и их временных параметров в сравниваемых языковых картинах мира.

Замысел провести такое исследование зародился у автора давно, под влиянием лингвистических воззрений научного руководителя его студенческих работ и кандидатской диссертации проф. А.Г.Широковой, а также консультанта во время стажировок в Карловом университете в Праге (1974–1978 гг.) сотрудника Чехословацкой академии наук д-ра В.Барнетовой. Окончательная же концепция докторской диссертации, легшей в основу данной книги, сформировалась благодаря трудам чл.-кор. РАН проф. А.В.Бондарко, строгого рецензента диссертационных сочинений автора, и работам проф. Е.С.Кубряковой в области когнитологии, а также в ходе бесед и дискуссий с ней о проблемах современной лингвистики.

При написании монографии автор встречала неизменную поддержку и искренний интерес к проводимому исследованию во всех зарубежных славистических центрах, с которыми была возможность сотрудничать: в Кабинете иностранных языков ЧСАН (д-р В.Барнетова, д-р З.Скоумалова), в Центре богемистических и славистических исследований и на кафедре чешского языка философского факультета Карлова университета в Праге (проф. Я.Куклик, д-р А.Трнкова, проф. О.Уличны), на кафедре русского языка и литературы Братиславского университета им. Я.А.Коменского (доц. Р.Блажек, д-р З.Новакова), в отделе Большого словацко-русского словаря Ин-

ститута словацкого языка им. Л.Штура (проф. Е.Секанинова, д-р Л.Балажова), в Институте польского языка Варшавского университета (проф. Р.Гжегорчикова), в Институте русистики Варшавского университета, с которым филологический факультет МГУ связывает многолетнее сотрудничество (проф. А.Бартошевич, проф. Й.Коженевска-Берчиньска, ныне работающие в Педагогическом институте г. Ольштына, проф. В.Змарзер, проф. С.Сятковский, доц. М.Куратчик, д-р Д.Мушиньска-Вольны и др.).

Большое значение в работе имеет языковой эксперимент, заключающийся в конструировании высказываний по заданным параметрам, модификации исходных предложений и изменении контекстного окружения глаголов с целью изучения их сочетаемости. К проведению этого эксперимента широко привлекались информанты-лингвисты, носители чешского, словацкого, польского языков, участвовавшие также в переводе русских предложений и проверке авторских переводов на эти языки. В связи с этим автор выражает свою искреннюю признательность коллегам из Праги (З.Скоумаловой, сделавшей также много ценных замечаний по тексту диссертации и книги, А.Трнковой), из Варшавы (Р.Гжегорчиковой, Й.Коженевской-Берчиньской, С.Сятковскому, В.Змарзер, М.Куратчик и др.), из Братиславы (З.Новаковой, Л.Балажовой), из Софии (М.Божиловой). За интересные и существенные для формирования общей концепции книги замечания автор благодарит Н.Е.Ананьеву, А.В.Бондарко, К.В.Горшкову, Г.А. Золотову, А.А. Камьнину, Е.В.Клобукова, Е.С.Кубрякову, О.В. Кукушкину, А.М. Ломова, С.С. Скорвида, Л.Н. Смирнова, А.Г. Широкову.

Особые слова благодарности моим коллегам с кафедры русского языка и кафедры славянской филологии, проявившим искренний интерес к ходу исследования и участвовавшим в его обсуждении, а также декану филологического факультета МГУ, заведующей кафедрой русского языка проф. М.Л.Ремневой, которая способствовала его осуществлению и завершению.

Большую благодарность выражаю доц. С.С.Скорvidу, взявшему на себя труд редактирования столь сложного и многоязычного текста.

Настоящее исследование открыто для нового славянского материала, данных других славянских языков, изучение которых с точки зрения специфики аспектуальной категоризации действий способствовало бы созданию полной общеславянской концепции глагольного вида и описанию акциональных систем славянских языков на единых основаниях.

• ГЛАВА I •

АСПЕКТУАЛЬНАЯ КАТЕГОРИЗАЦИЯ ДЕЙСТВИЙ В ЛЕКСИКЕ

1. Частеречная семантика глагола и специфика глагольной номинации

1.1. Номинативный аспект изучения глагола

Для определения категориальной семантики глагола необходимо принимать во внимание как **функциональный**, так и **номинативный** аспект изучения данной части речи.

Теория номинации в отечественной и зарубежной лингвистике разрабатывалась прежде всего в связи с именем существительным. Общепринятым можно считать положение о том, что понятие как мысль о предмете, выделяющая в нем существенные признаки, выражается именем, а всякое представление в языке может быть опредмечено. Правда, иногда упускается из виду, что во всех славянских языках имеются глаголы, от которых отглагольные существительные со значением отвлеченного действия не образуются, причем речь идет не только о модальных или реляционных глаголах (например, рус. *мочь, сметь, хватать, годиться* и др., словац. *tôcť, smieť, stačiť, hodiť sa* и др., чеш. *moči, smět, hodiť se* и др.), но и о некоторых глаголах действия, типа рус. *мчаться, мять, стеречь, ронять* и др. В этих случаях понятия о соответствующих действиях выражаются исключительно глаголами.

Имя существительное, носитель языковой дискретности, членит внеязыковую действительность и называет то, что может стать отдельным предметом мысли. Это касается не только представления о реальных предметах, но и о предметах-конструктах (типа *бег, пенни*). По отношению к имени проводится структурация понятий и понятийной части значения слова – выделение сигнификата, денотата, интенционала, экстенционала. Номинативные функции существительных, самодостаточных для называния предметов и явлений объективной действительности, характеризуются широким диапазоном, в частности способностью адекватно выражать содержание других частей речи и даже целых высказываний, «номинализируя» их [Кубрякова 1978: 86]. Номинативные функции глагола, по сравнению с именем, обладают рядом специфических особенностей.

Глагол как носитель идеи непрерывности отражает связи между отдельными субстанциями, названными именами, а также между говорящим и содержанием высказывания, высказыванием и действительностью. Релятивная сущность глагола изучается в связи с функцией предикации, и глагол исследован и описан прежде всего как носитель предикативности. Глагольный номинативный потенциал уступает именному, подтверждением чего служит тот факт, что глагольная синтаксическая деривация – транспозиция имен в область глагола, не сопровождаемая изменением лексического значения (ср. рус. дериваты типа *слесарничать, учительствовать, лентяйничать*), – славянским языкам свойственна в значительно меньшей степени, чем «опредмечивание» глагольного действия.

В номинации действий – ситуаций динамического мира – помимо глаголов участвуют и предметные слова («процессы обычно воспринимаются одновременно с предметами» [Балли 1955]), что снижает денотативную определенность глаголов и расширяет их сферу референции. Семантика глагола сама по себе относительно бедна, она дополняется и уточняется семантикой его актантов [Dokulil 1982]. По мнению Е.С.Кубряковой, наиболее четко номинативная функция реализуется у одноместных глаголов типа *расти, спать* [Кубрякова 1978: 107]. Зависимость номинативной значимости глагола от семантического класса, к которому он принадлежит, и от количества его обязательных актантов также является отличительной особенностью глагола в сравнении с существительным. Для более полной реализации номинативной функции глагола необходимо заполнение его «правых» обязательных валентностей, что возможно не только в высказывании, но и на уровне словосочетания – в рамках «оптимального окружения» глагола [Холодович 1979: 234] (или «исходной лексико-синтаксической перспективы» глагола [Skoumalová 1979], «идеальной фразы» [Апресян 1967]).

Трудно создать четкое понятие о действиях типа *чистить что-либо* или *открывать что-либо*, так как в зависимости от характера актантов соответствующие понятия в известных пределах будут меняться и конкретизироваться даже в рамках одного лексико-семантического варианта (ср. *чистить зубы, ботинки, столовое серебро; открывать окно, замок, консервную банку*).

Несмотря на все сложности изучения номинативных функций глагола, задачи современной семантики, обратившейся, вслед за логикой и философией, к анализу концептуальной структуры динамического мира, изменяющегося во времени и пространстве, требуют исследования глагола как номинативной единицы в той же степени, что и имени.

1.2. Категориальное значение глагола

Давая определение глаголу как части речи, большинство лингвистов указывают на процессуальный признак как основной в его значении [РГ 1980; Качала 1988: 132]. **Процессуальный признак** в глагольной семантике представлен как динамический сюжет, отражающий соотношение предметов во времени, причем динамичность может быть выражена в большей или меньшей степени. Динамичность ситуации мы связываем не только с изменением и приложением энергии, ср. [Comrie 1976], но и с **протеканием во времени** и **членимостью на фазы**.

Глаголы, как известно, могут обозначать и статические ситуации, например свойства, отношения (*весить, стоять, соответствовать, преобладать*). Глагольная форма создает иллюзию действия, динамичности (ср. метафору Б.Гавранека «обман (klam) глагольной формы» [Dokulil 1948]), но в действительности обозначение статических ситуаций глаголами дает возможность лишь выразить соотношение во времени участвующих в ситуации предметов, не прибегая к дополнительным лексическим средствам.

Прототипическими³ глаголами мы считаем глаголы, обозначающие динамические ситуации: целенаправленные действия (*строить*) и деятельность (*работать*), а также нецеленаправленные события (*уронить*) и процессы (*таять*). Состояния, свойства, отношения помимо глаголов могут быть выражены другими частями речи, не являющимися непосредственно производными от глаголов (ср. *Я замерз – Мне холодно; Стекло не бьется – Стекло прочное; Книга стоит 20 рублей – Цена книги 20 рублей* и т.п.). Более подробно принципы классификации глагольной лексики и семантические различия между глагольными и неглагольными предикатами анализируются в разделе 2.1 данной главы. Здесь отметим лишь, что термин «глагольное действие» в работе используется в широком и узком смысле. В первом случае этот термин обозначает любой тип ситуации, который обозначает глагол, так как именно с действием связано его прототипическое значение. «Действие» же в узком смысле в разрабатываемой классификации глаголов обозначает класс предельных (терминативных) целенаправленных ситуаций – изменений, предполагающих одновероятное завершение.

---

³ Прототип определяется как «лучший представитель (образец)» категории, концентрирующий все ее признаки, вокруг которого группируются другие элементы категории по принципу близости к прототипу. При этом прототип не обязательно должен быть перцептивно обусловлен. По мнению когнитологов, «семантические» (концептуальные) категории, как и «природные» (перцептивные, например в области цвета), также организованы по прототипическому принципу [Rosch 1973; Лакофф 1996].

Частеречная категориальная специфика глагола как предикативной единицы реализуется в его грамматических категориях – наклонения, времени, лица, числа, характеризующих динамический признак по его отношению к действительности, моменту речи (как точке отсчета на временной оси), участникам акта коммуникации. Категория вида характеризует динамический признак как таковой, **его протекание во времени** безотносительно к моменту речи. Мы согласны с теми лингвистами, которые считают, что в семантической структуре славянского глагола время реализовано и зафиксировано как категориальный компонент [Гийом 1992: 11; Каґала 1988: 143]. Действие по своей онтологической природе может быть охарактеризовано по множеству параметров, большинство из которых в славянских языках легли в содержательную основу лексико-грамматических, словообразовательных и функционально-семантических категорий (и субкатегорий), входящих в состав более общих категорий). Характерно, что многие онтологические параметры предметных сущностей, такие, как размер, цвет, форма, материал и т.п., по наблюдениям типологов в языках различного типа, как правило, не получают статус лингвистически релевантных признаков, то есть не влияют на синтагматические и парадигматические характеристики соответствующего класса слов [Talmy 1988: 171].

Характеристики протекания действия во времени трактуются в лингвистике как **аспектуальные признаки**, к которым А.В.Бондарко относит «ограниченность / неограниченность пределом, наличие / отсутствие внутреннего предела, представление действия как протекающего процесса или как ограниченного пределом целостного факта, кратность, длительность, выделение той или иной фазы действия (фазовость), актуальность последствий действия для более позднего временного плана (перфектность), различие между собственно действием, состоянием и отношением» [Бондарко 1987: 41]. Большинство названных признаков, за исключением различий между действием, состоянием и отношением, лежит в основе соответствующих частных функционально-семантических полей (ФСП) аспектуальности. В последующих главах книги анализируются прежде всего те аспектуальные категории глагола, в основе которых лежит концепт предела как временной границы действия.

2. Аспектуально-семантические классификации глаголов

2.1. Принципы построения грамматически релевантных семантических классификаций глаголов

Разработка грамматически релевантных семантических классификаций глагольной лексики лежит в русле тех исследований, которые

ориентированы на создание теории единой семантики, охватывающей как лексику, так и грамматику (труды Ю.Д.Апресяна, А.Богуславского, А.Вежицкой, С.Д.Кацнельсона, Ч.Филмора, Л.В.Щербы и др.). По мнению А.Вежицкой, «развитие лексики для различных понятийных полей... часто идет параллельно с развитием грамматики» [Вежицкая 1996: 72]. Сходную мысль высказывал С.Д.Кацнельсон: «Одни и те же категории, отрабатываемые в ходе общественно-исторического процесса познания природы и общества, откладываются на одном полюсе языка в виде лексико-грамматических категорий, то есть в виде определенных разрядов лексических значений, а на другом полюсе – в виде реляционных категорий, то есть в виде определенных возможностей сочетания слов в предложении» [Кацнельсон 1986: 125].

Тезис о единой семантике не отрицает различий между лексической и грамматической семантикой, но позволяет с учетом данных различий описать содержательную сторону языка на единых основаниях, что связано с функциональным подходом к изучению языка, при котором происходит систематизация различных языковых средств, служащих для выражения определенного категориального смысла. В нашем исследовании тезис о единой семантике реализуется в поиске и определении концептов, значимых для организации лексических, словообразовательных, грамматических категорий глагола, отражающих протекание действия во времени.

Семантические классификации глаголов, являющихся ядром предикатных выражений [Daneš 1971; Кацнельсон 1972: 83; Чейф 1975; Panevová 1978], рассматриваются в лингвистике в рамках таксономии предикатов, которая связана с классификацией пропозиций. В таких классификациях глаголов учитываются признаки, значимые для построения предложения и его парадигмы. Данные семантические классификации соотносятся с типологией ситуаций⁴.

Большинство таксономий глагольных предикатов строится с учетом «лингвистически интересных» семантических признаков, обладающих грамматической релевантностью, то есть существенных «не для индивидуальных единиц, а для целых классов единиц (грамматических форм, синтаксических конструкций)...» [Булыгина 1982: 11]. При этом соотношение собственно лингвистических критериев с денотативными в разных классификациях может варьироваться, что обуславливает расхождения между отдельными классификациями в

---

⁴ Ситуация при этом понимается: 1) как «положение дел» в объективной действительности, то есть как денотативная ситуация, как референт языкового выражения с пропозиционным значением, либо 2) как сигнификативная ситуация, концептуализирующая денотативную. Здесь используются понятия как денотативной, так и сигнификативной ситуаций, выражаемых глаголами.

деталей. Кроме того, разные цели исследования, в связи с которыми проводится классификация предикатов, выдвигают на первый план разные грамматически релевантные семантические признаки. Естественно, что таксономия предикатов, ориентированная на изучение элементарных типов предложений и валентности, будет отличаться от классификации, направленной на изучение аспектуальных свойств глаголов. Поэтому дискуссии о составе и границах соответствующих разрядов беспочвенны без учета направленности соответствующего исследования, в рамках которого та или иная классификация разрабатывается. Но разнообразие лингвистически релевантных таксономий не беспредельно, оно ограничено категориальными свойствами глагольной лексики и вполне определенной системой концептов, организующих синтагматические и парадигматические свойства конкретных глаголов. Задача лингвиста – выявить эти концепты и показать их категориально-языковую значимость.

В основу семантических классификаций предикатов – в том числе и глагольных – в славянских языках в качестве наиболее общих и существенных параметров, разделяющих все предикаты на две большие группы, кладутся различные признаки, такие, как: 1) статичность / динамичность [Lyons 1977: 406, 483; Падучева 1985а; Grzegorzczkova 1990]; 2) активность / неактивность [Daneš 1971; Daneš, Hlavsa 1981; Авилова 1976]; 3) локализованность / нелокализованность во времени [Dynamika 1989] или «вневременность / эпизодичность», наличие / отсутствие временной связанности, в соответствии с чем основополагающим считается деление ситуаций на «качества» и «явления», а оппозиция «статичности / динамичности» рассматривается лишь в рамках «явлений» [Булыгина 1982]; 4) характер соотносительности предикатного денотата с осью времени: предикаты, денотаты которых лежат непосредственно на оси времени, противопоставлены предикатам, денотаты которых так или иначе абстрагированы от оси времени [Селиверстова 1982]. С оппозициями динамичности / статичности и активности / неактивности пересекается, но полностью не совпадает противопоставление признаков акциональности / неакциональности, которые Г.А.Золотова считает основными критериями классификации знаменательных глаголов с точки зрения их роли в структуре предложения: «глаголы либо называют действие предмета, либо в виде действия представляют существование предметов, их отношения, их состояния и свойства» [Золотова 1982: 159].

На многие семантико-грамматические классификации глагольной лексики в отечественной и зарубежной лингвистике оказала влияние классификация английских глаголов З.Вендлера, построенная прежде всего на основе анализа сочетаемости и формообразования глаголь-

ных лексем. Четыре класса глаголов – **Accomplishments** (исполнения), **Achievements** (достижения), **Activities** (деятельность), **States** (состояния) – различаются сочетаемостью глаголов с инклюзивными обстоятельством типа *in two hours* (за два часа), эксплицирующими неомогенный характер обозначаемого действия, и способностью к образованию временных форм типа Continuous, свидетельствующей о пофазном существовании во времени обозначаемого действия, которое можно представить в процессе его протекания [Vendler 1967]. В некоторых работах отечественных и зарубежных лингвистов показана значимость классификации Вендлера и для славянских языков, но при этом отмечается, что многие группы, в частности русских, глаголов СВ и НСВ не укладываются в данную классификацию и не могут быть объяснены в ее терминах [Dahl 1974; Булыгина 1982; Селиверстова 1982; Куцера 1983; Мелиг 1985; Петрухина 1993а,б; Падучева 1996].

В связи с семантической классификацией глагольной лексики в лингвистике отмечается сходство между категоризацией предметов и явлений: с одной стороны, между вещественными именами типа *water, wine, gold, вода, вино, золото* и глагольными состояниями и процессами типа *like, dance, любить, танцевать*, а с другой – между конкретными счетными именами типа *horse, table, лошадь, стол* и событиями, трансформативами типа *drive out, leave for, выехать, уехать*. Первые несчитаемы, гомогенны (недискретны), делимы, способны к добавлению массы или продолжению процесса, независимы от контура существования (unbounded); вторые считаемы, неделимы, дискретны (гетерогенны), имеют определенное очертание (bounded) – границы действия связаны с начальной и конечной точками, за которыми оно не простирается [Talmy 1988; Vikner 1994; Мелиг 1995].

Подобные аналогии подтверждают тезис Гийома о построении временных представлений «по образу пространства»: «...время не может быть представлено самим собой и заимствует свое представление там, где оно имеет место, у пространственных средств» [Гийом 1992: 9]. При этом, по нашему мнению, представления внутреннего времени действия в славянских языках имеют свои отличия от пространственных очертаний предметных сущностей. В частности, действие в лексическом значении глагола может быть представлено ограниченным во времени лишь с одной стороны – начальным или конечным пределом (например, *за шуметь, запеть, от шуметь, отпеть*), в отличие от субстанции, которая либо недискретна (*вода, воздух*), либо имеет в пространстве замкнутые очертания (*озеро, дом*). Кроме того, гетерогенная субстанция (когда часть не равна целому)

дискретна, то есть зависима от своего контура в пространстве, предельна – bounded (таковы конкретные предметы: *дом, чашка, собака, книга* и т.п.), тогда как гетерогенное действие может не предполагать абсолютный конечный предел, ср., например, так называемые процессивные глаголы типа *увеличиваться, расти, ухудшаться*, у которых предел носит лишь относительный характер [Гловинская 1982; Бондарко 1986; 1996б: 126].

Многие категориальные признаки предикатов, рассмотренные выше, имеют аспектуальную значимость. Соответственно создание аспектуальной классификации глаголов важно для построения общей семантической типологии предикатов. В славянской аспектологии всегда придавалось большое значение разработке аспектуальной классификации глагольной лексики [Маслов 1948; Poldauf 1954а; Грубор 1962; Падучева 1996; и др.] (анализ аспектуально-семантических классификаций глаголов см. в [Петрухина 1990, 1993в]). Таксономическое направление в аспектологии отражает особенности категории глагольного вида в славянских и, в частности, в русском языке, «крепко связанной... с лексико-семантическими своеобразиями словесного материала», «со своей лексикологической базой» [Виноградов 1975: 192].

Изучение русского и, шире, славянского глагольного вида как грамматической категории особого типа, в которой грамматические значения тесно переплетены со словообразовательной и лексической семантикой глаголов, позволяет проанализировать проблему соотношения **лексической, словообразовательной и грамматической категоризации** глагольных действий во всей ее сложности и многогранности. Поясним понимание термина «категоризация», который в данной работе используется и в широком и в узком смысле.

Когнитивная категоризация в широком смысле – это результат классификационной деятельности и членения внешнего и внутреннего мира человека в соответствии с его опытом, упорядочение и обобщение представлений об объектах, явлениях посредством объединения их в классы, разряды, группы. Категоризация в узком смысле – это «подведение явления, объекта, процесса и т.п. под определенную рубрику опыта, категорию и признание его членом этой категории» [КСКТ: 42], акт отнесения объекта к группе [Фрумкина и др. 1991: 46]. Языковая категоризация имеет непосредственное отношение к классификации предметов и явлений в реальной действительности, так как представляет классификацию языковых единиц, их обозначающих.

В своем исследовании мы используем положения как классической, так и когнитивной⁵ теории категоризации. Нельзя не согласиться с А.Вежбицкой в том, что необходим синтез разных традиций в определении категорий, а не предпочтение одной в ущерб другой [Вежбицкая 1996: 201]. Мы считаем такой синтез не только принципиально возможным, но и необходимым: языковая категоризация многогранна и связана как с классической строгой категоризацией, основанной на логико-мыслительном типе переработки информации, так и с естественной, учитывающей законы восприятия, реального распознавания, различения и отождествления предметов и явлений. Принципы естественных категорий в языке не раз были предметом обсуждения в отечественной лингвистике, в частности, в связи с разработкой теории поля [Щерба 1974; Арутюнова 1980; Бондарко 1984б; и др.] и учения о частях речи [Щерба 1974: 78–79; Кубрякова 1990, 1997а].

В данной работе как наиболее общие семантические признаки, релевантные для видообразования и модификационной деривации и вообще существенные для изучения аспектуальной категоризации действий в лексике, словообразовании и грамматике, рассматриваются взаимосвязанные признаки **статичности / динамичности** и **изменения (гетерогенности) / стабильности (гомогенности)** (подробнее см. 2.2.3).

---

⁵ В классической теории, восходящей к Платону и Аристотелю (лингво-философский анализ категорий Аристотеля см. в [Степанов 1981]), «категории определяются исключительно в терминах общих характеристик их членов, а не в терминах специфических свойств человеческого понимания» [Лакофф 1996: 147]. Классические категории, по определению, должны обладать четкими границами, их члены должны быть равноправными и характеризующимися категориальными признаками в равной степени. Принципиально иной взгляд на сущность мыслительных категорий сложился под влиянием поздних философских работ Л.Витгенштейна [Wittgenstein 1978; Витгенштейн 1994], согласно которому категории имеют нечеткие, размытые границы и условный характер, а их члены характеризуются сложной системой переплетающихся и пересекающихся сходств, названных «фамильными» на том основании, что элементы той или иной категории, проявляющие определенное сходство, не обязательно обладают общими для всех них признаками [Витгенштейн 1994: 111–113]. С учетом последнего определения мыслительных категорий и под влиянием экспериментальных психологических работ Э.Росч и ее коллег, исследовавших прежде всего «природные», «естественные» категории в области цвета и формы, сложилось компромиссное между названными подходами решение данной проблемы в рамках теории прототипов, разрабатываемое в целом ряде исследований [Rosch 1973, 1975; Givón 1986; Лакофф 1988, 1996; КСКТ]. Об определении прототипа см. примечание 4.

2.2. Базовые глаголы и их аспектуальные классы

2.2.1. Определение базовых глаголов. В данном исследовании базовые глаголы изучаются с точки зрения их способности к фазисно-временным и результативным модификациям.

Определение базовых глаголов как непроемных используется в [Кравченко 1995; Змарзер 1996]. В книге «Образование употребительных слов русского языка» (под редакцией Л.Н.Засориной) ему соответствуют понятия 'корнетип' и 'корнеслов', семантическая система которых задает основные ономазиологические типы, «получающие дальнейшее развитие и детализацию на периферии словарного состава» [Засорина 1979: 36].

В данном исследовании мы трактуем базовый глагол (в отдельном лексико-семантическом варианте) как **непроемный в рамках глагольной системы**, но в то же время он может быть образован от других частей речи (например, *стареть*, *учительствовать*). Базовый глагол представляет наименование действия, в наименьшей степени (если сравнивать данный глагол с другими однокоренными глаголами) охарактеризованное с точки зрения параметров его протекания во времени и пространстве, продолжительности, интенсивности, отношения к другим действиям. Базовые глаголы в большинстве своем представлены бесприставочными глаголами или глаголами с десемантизированными приставками, нет у них и модификационных одноактных и итеративных суффиксов (-ну-, -ива- / -ыва-). Проемные глаголы по сравнению с базовыми представляют собой более **специфицированный** уровень категоризации и классификации динамических явлений.

Базовые глаголы соотносятся с базисным уровнем категоризации, но о их полном соответствии базисным концептам, очевидно, говорить нельзя. По мнению Дж.Лакоффа, к базисному уровню категоризации принадлежат конкретные виды действий типа *бежать*, *идти*, *пить*, тогда как менее конкретные концепты типа *двигаться* относятся к вышестоящему уровню, а виды ходьбы, например *плестись*, *ковылять*, – к нижестоящему [ср. Лакофф 1996: 169]. На базисном уровне концептуализации задаются основные ономазиологические типы действий, получающие в языке дальнейшую спецификацию, в частности при помощи модификационного словообразования, и обобщаемые в лексико-семантические и лексико-грамматические категории [Rosch 1978; Лакофф 1996: 152; КСКТ: 14].

В своей работе мы не ставим задачи последовательного разграничения конкретных и обобщенных номинаций действия типа *бежать* и *двигаться* (ср. [Лакофф 1996: 169]), рассматривая такие глаголы как

базовые с точки зрения спецификации пространственно-временных и количественных параметров обозначаемых ими действий. В связи с базовыми глаголами мы говорим о базовых действиях, минимально специфицированных с точки зрения протекания во времени.

На базисном уровне языковой категоризации «многие группировки концептов настолько тесно связаны с языковым знаком, что существуют как гештальты» [Кубрякова 1991: 109], значение которых невыводимо из значения их составляющих [Лакофф 1981]. Поэтому **значение базового глагола** в нашем понимании – это не совокупность признаков, а **единое смысловое целое**. Отдельными семантическими признаками мы оперируем на более специфицированном уровне производной глагольной номинации при изучении модификационных и мутационных значений.

Базовые глаголы представляют нерасторжимое взаимодействие лексической и грамматической (видовой) категоризации действий. При таком подходе снимается острота вопроса о видовом показателе базового глагола. С нашей точки зрения, категория вида характеризует глагольную основу в целом – лексическое и грамматическое здесь соединяются на гештальтной основе. Другую точку зрения высказывает С.Кароляк, который считает, что вид присущ понятиям, обозначаемым лексическими (корневыми) морфемами. Конкретные понятия принадлежат либо к одному, либо к другому виду. Так, понятия веры, чувства, любви, ненависти, знания, убеждения имеют длительный вид, а, например, удара, смерти, решения, отказа – моментальный, причем видовое значение характеризует корневые морфемы в составе как глаголов, так и существительных [Кароляк 1995: 100–101]. Грамматические же видовые морфемы, если таковые имеются в глаголе, не выражают, а лишь отражают видовые значения корневых морфем, с которыми сочетаются, то есть выступают как своего рода классификаторы. При этом глагольные суффиксы получают двойное истолкование. В глаголах типа *ощуща-ть*, *восхища-ться*, обозначающих длительное положение вещей, суффикс *-а-* отражает видовое значение корневой морфемы, и тем самым вид здесь грамматикализован, тогда как в глаголах типа *чувствовать*, *восторгаться*, *верить*, *любить* морфемы *-ова-*, *-и-* не являются видовыми, а служат, по мнению автора, средством образования глаголов от именных основ. Соответственно глаголы совершенного вида (СВ) типа *восхититься*, *ощутить* имеют сложную понятийную структуру, отражающую видовую конфигурацию, в которой корневая морфема выражает длительный вид, а суффикс *-и-* – моментальный. Последовательное развитие исходных положений приводит автора к построению сложной теории, согласно которой «грамматические морфемы вида, не отражающие

аспектуальных значений корневых морфем, которым они сопутствуют, – это морфемы, оторванные от других морфем, отсутствующих в явной синтагматической структуре глаголов» [Кароляк 1995: 99–102].

Теория С.Кароляка своеобразно отражает особенность категории вида в славянских языках: эта категория, в отличие от большинства других морфологических категорий, тесно связана с лексикой, поэтому так сложно найти и определить обобщенные, категориальные концепты совершенного и несовершенного вида, которые в соответствии с их грамматическим статусом должны быть представлены в отвлечении от лексического материала. Для базовых концептов действий необходимо признать тесную связь с глаголами одного вида. Так, базовыми и прототипическими глаголами деятельности, состояний, отношений, нетерминативных процессов являются именно глаголы несовершенного вида (НСВ): *любить, работать, верить, знать*. Базовых глаголов СВ в современном русском языке значительно меньше: *взять, дать, очутиться, бросить, пустить, ступить, стать* и др. Чаще всего они называют ситуации обнаружения, передачи, физического контакта предметов и его изменения. Такое соотношение базовых глаголов НСВ и СВ (преобладание глаголов НСВ) соответствует немаркированному характеру несовершенного вида.

На специфицированном уровне производной глагольной номинации правомерно ставить вопрос о морфемных видовых показателях, модифицирующих аспектуальное значение мотивирующего глагола.

2.2.2. Аспектуальные признаки базовых глаголов. Анализ базовых глаголов позволяет назвать те семантические признаки, которые в сопоставляемых языках обладают наибольшей значимостью для видообразования и выражения параметров протекания действия во времени словообразовательными средствами (то есть для фазисно-временных модификаций базовых глаголов): **динамичность / статичность, гетерогенность / гомогенность, терминативность / нетерминативность, мгновенность / немгновенность**. Набор данных параметров достаточно традиционен (см. [Петрухина 1990]) и во многом совпадает с аспектуальными семантическими признаками, рассматриваемыми в качестве содержательной основы аспектуальных функционально-семантических категорий в «Теории функциональной грамматики» [Бондарко 1987: 41]. Однако в данном исследовании некоторые из этих признаков определяются в несколько иных терминах.

В частности, глаголы, в значении которых имеется указание на некий внутренний предел в развитии действия, по достижении которого действие прекращается (типа *садиться / сесть*), мы рассматриваем как терминативные (лат. *terminus* ‘предел, граница’, ср. [Breu 1984;

Падучева 1996: 107]), а глаголы, в семантике которых такого указания нет, – как нетерминативные. Введение особого термина для обозначения традиционных предельных / непредельных глаголов [Холодович 1979: 138–139] представляется целесообразным для разграничения лексической и грамматической категоризации действий на основе одного концепта – ограниченности действия пределом (лимитативности) [Бондарко 1987], ср. *bounded / unbounded events* [Givón 1984]). В первом случае речь идет о внутреннем (качественном) пределе [Холодович 1979: 138], который может быть выражен в лексическом значении глаголов как СВ, так и НСВ (*сделать / делать, упасть / падать*), а во втором – о грамматическом пределе [Виноградов 1972: 394], выражаемом в семантике СВ (подробнее см. главу II, разделы 2.2 и 2.4).

Названные выше параметры «взяты из действительности», но переработаны языком, поэтому онтология соответствующей ситуации и ее восприятие говорящим, зафиксированное в глагольном значении, не всегда находятся в однозначном соответствии. Когда речь идет о восприятии, то «имеются в виду не индивидуальные представления говорящего, а “типизированные представления”, заключенные в значениях языковых единиц и их сочетаний» [Бондарко 1996б: 13], проявляющиеся парадигматически и синтагматически. Так, противопоставление **динамических** и **статических** глагольных ситуаций в данной классификации базируется не только на перцепции, то есть зрительном восприятии статических (недвижущихся) и динамических (движущихся) изображений [Durst-Andersen 1992: 53], и других денотативных свойствах обозначаемых ситуаций, в частности, необходимости приложения энергии для поддержания последних [Comrie 1976: 49], но и на собственно лингвистических критериях: синтагматических и парадигматических. Поэтому глаголы со значением психического и физического состояния человека или его положения в пространстве (*грустить, болеть, сидеть*) мы относим к динамическим глаголам. Сходная точка зрения выражена в [Vendler 1967; Селиверстова 1982; Вежицкая 1996]. Предикаты в предложениях *Он сегодня грустит* (1), *Ему сегодня грустно* (2) и *Он сегодня грустный* (3) представляют одну и ту же денотативную ситуацию, но входят в разные семантические классы предикатов: гомогенных процессов (1), состояний (2), качеств (3). Неглагольные предикаты выражают данную денотативную ситуацию статически, а глагольные – динамически, что отражается на сочетаемостных свойствах данных предикатов, подробнее см. [Селиверстова 1982: 119; Вежицкая 1996: 42; Петрухина 1996а, 1997б].

Статические ситуации всегда стабильны, или гомогенны. Оппозиция **стабильности / изменения**, или, в другой терминологии, **гомогенности / гетерогенности**, реализуется в рамках класса динамических ситуаций. Так как термин «изменение» в аспектологии используется неоднозначно (см. главу II, раздел 1.3), противопоставление динамических действий, ведущих и не ведущих к изменению связанной с ними субстанции, рассматривается в работе как оппозиция гетерогенных (негомогенных) и гомогенных действий.

Признаки гетерогенности / гомогенности тесно связаны с оппозицией **терминативности / нетерминативности**. Базовые гомогенные ситуации типа *спать, лежать, шуметь*, одинаковые на любом по продолжительности отрезке их существования, ср. [Vendler 1967: 101; Маслов 1948 /1984; Мелиг 1995], нетерминативны, то есть в своем лексическом значении не содержат указания на предел действия. Гетерогенные действия неоднородны: часть действия не равна всей динамической ситуации в целом. Например, *шить костюм* предполагает ряд операций, объединенных общей целью – созданием нового объекта: костюма. Каждая операция в отдельности (например, кройка материала, пришивание пуговиц и т.д.) не равна всей ситуации. Но по одной из операций мы можем назвать все действие в целом, если имеем в виду цель, на которую оно направлено, ср. [Падучева 1995: 17]. Гетерогенные ситуации, как правило, терминативны, то есть имеют контуры во времени и предел в своем развитии (ср. *падать, строить, резать*). Но изменение не обязательно предполагает абсолютный предел, например процессивные⁶ глаголы типа *толстеть, хорошеть* обозначают гетерогенные ситуации с относительным пределом. Среди базовых глаголов выделяется небольшая группа терминативных глаголов СВ типа *найти, очутиться, взять*, которые мы называем **мгновенными**, так как они обозначают ситуацию как точку на временной оси, как мгновенный переход от одной ситуации к другой.

Признак локализованности / нелокализованности действия во времени не столь релевантен для словообразовательных модификаций базовых глаголов, как другие рассматриваемые в данном разделе признаки. Он может быть учтен при более детальном описании отдельных аспектуальных классов, например деятельности. В целом же признак локализованности / нелокализованности действий во времени и, как одно из его проявлений, оппозиция однократных и повторяющихся действий играют существенную роль при рекатегоризации базовых глаголов в тексте и соответственно в общей системе аспектуальной

---

⁶ Об этом термине и других названиях данной семантической группы глаголов см. в [Мушиньска-Вольны 1996].

категоризации действий и учитываются нами при сопоставительном исследовании категории вида в славянских языках.

Итак, в данном исследовании базовые глаголы классифицируются с точки зрения их способности к видообразованию (то есть образованию видовых пар, подробнее см. раздел 2.3 главы II) и к фазисно-временным модификациям (см. главу IV). Выделенные классы глаголов различаются темпоральными моделями обозначаемых ситуаций.

2.2.3. Аспектуальные классы базовых глаголов. Проблема изучения зависимости словообразовательного потенциала глаголов от их семантики была поставлена в ряде отечественных исследований (см. [Головин 1966; Янценецкая 1991]), которые показали, что прямой и жесткой зависимости между значением производящих основ и приставочными словообразовательными типами нет, особенно трудно ее установить при рассмотрении конкретных компонентов значения мотивирующих глаголов. Такая постановка проблемы уместна и целесообразна, если принимать во внимание категориальные семантические признаки. Опыт категориального подхода к классификации мотивирующих глаголов с точки зрения их словообразовательного потенциала представлен в [Янценецкая 1991], где в качестве категориальных концептов называются «представление о длительных (*спать, резать*) и недлительных (*махнуть, стоять*) ситуациях» и предельность [Янценецкая 1991: 96, 99]. Лексико-семантические факторы, определяющие аспектуально-грамматические свойства глаголов – способность иметь видовую пару и СГД, анализируются в работах А.М.Шелякина [1983, 1987], однако в несколько ином ракурсе: не со стороны мотивирующего глагола, а на уровне СГД, как словообразовательно неохарактеризованных, так и охарактеризованных.

В сопоставляемых языках зависимость потенциала модификаций базового глагола, выражающих фазисные, результативные, кратные, оценочно-количественные и другие параметры действия, от его категориальной семантики в целом сходна.

Класс **статических** глаголов включает полнозначные глаголы, выражающие отношения, в том числе посессивные (*Все зависит от погоды; Дом принадлежит моему деду*), существования (*В наших лесах водятся кабаны; Эти микроорганизмы живут в кислой среде*), местонахождения стационарных предметов (*Дом стоит на самом берегу реки; Библиотека находится за университетом*). Статические ситуации, выраженные глаголами, хотя и обладают временной протяженностью, но не протекают во времени, их невозможно разбить на фазы. Эта семантическая черта, как мы уже отмечали, отражается на сочетаемостных и парадигматических свойствах соответствующих глаголов, которые в сопоставляемых языках почти не образуют фазисно-временных сло-

вообразовательных модификаций, проявляют ограниченную сочетаемость с фазисными глаголами, не имеют видовых корреляций. Например, модификаций не имеют глаголы отношений типа *стоить*, *весить*, *граничить*, *значить*, чеш. *stát, vážit, hraničit, znamenat*, словац. *stát, vážiť, hraničiť, znamenať*, пол. *kosztować, ważyć (mieć ciężar), graniczyć, znaczyć*, болг. *струвам, костувам, тежа, гранича, знача* и модальные, а также глаголы, обозначающие устойчивые состояния и навыки: *уметь* (но *суметь*), *боготворить* – чеш. *muset* ('быть должным что-либо сделать'), *umět, zbožňovat*, пол. *musieć, umieć, ubóstwiać*, болг. *умея, зная, боготворя*.

Глаголы, выражающие межличностные отношения, связанные с определенными эмоциональными, волевыми и интеллектуальными состояниями, имеют лишь начинательные модификации: *любить* – *полюбить*, *возлюбить* (ср. также *разлюбить*), *ненавидеть* – *возненавидеть*, *жалеть* – *пожалеть*, *знать об этом* – *узнать об этом*; чеш. *milovat – zamilovat si (zamilovat si četbu), nenávidět – kn. znenávidět si, litovat – politovat, vědět – dozvědět se*; словац. *milovať – zamilovať si (zamilovať si čítanie), nenávidieť – znenávidieť, ľutovať – poľutovať*; пол. *kochać – pokochać, nienawidzić – znienawidzić, żalować – pożałować, wiedzieć – dowiedzieć się, znać – poznać*; болг. *обичам – обикна, заобичам (заобичвам), ненавидя – възненавидя, жала – пожала, зажала (зажалвам), зная – узная*. К этой группе примыкают глаголы со значением зрительного и слухового восприятия, также в большинстве своем образующие лишь начинательные дериваты: *видеть* – *увидеть*, *чернеться* – *зачернеться*, *слышать* – *услышать*; чеш. *vidět – uvidět, slyšet – uslyšet, černat se – začernat se*; болг. *видя (СВ) – виждам (НСВ), чуя (СВ) – чувам (НСВ)* (видовые пары в болгарском языке на основе имперфективации охватывают и эту семантическую область), *чернея се – зачернея се*. Регулярные начинательные модификации данных глаголов, а также сочетаемость с показателями усиления (или ослабления) интенсивности типа *Ему все больше нравилось это предложение* свидетельствуют о возможности пофазного (а значит, динамического) представления данных статических ситуаций, то есть о совмещении признаков статичности и динамичности.

Класс статических ситуаций в нашей таксономии не совпадает полностью с классом состояний (states) по Вендлеру. Глагольные употребления типа *Она работает на заводе; Он курит сигареты* 3.Вендлер рассматривает в рамках класса состояний – как специфические состояния (specific states). В этот разряд попадает любой глагол – деятельности, исполнения или достижения – независимо от своей семантики, если он употреблен в неактуальном значении, обобщенно, например: *He writes novels, catches dogs*. Данный класс выделяется 3.Вендлером на основании неспособности глаголов в этом значении

иметь формы времени группы Continuous [Vendler 1967: 109]. В русском языке противопоставление актуального (локализованного во времени) и неактуального (не локализованного во времени) действий не связано с противопоставлением грамматических временных форм глаголов. Многие глагольные лексемы НСВ «отличаются как способностью к актуальному употреблению (соответствующее значение можно считать “органическим”, первичным, исходным), так и способностью “повышаться в ранге” при помощи морфологически невыраженного “дезактуализатора” (соответствующие значения можно считать “неорганическими”, вторичными, производными)» [Булыгина 1982: 56]. Поэтому случаи типа *Он курит* (вообще); *Он работает, пишет рассказы* (вообще) мы рассматриваем не как тип лексического глагольного значения, а как тип употребления глаголов НСВ, как своего рода **функциональную рекатегоризацию** базового глагола.

Сложнее решить вопрос о месте в классификации таких глаголов, как *руководить, питаться, учительствовать*. З.Вендлер значения глаголов такого типа рассматривает как обобщенное состояние (generic states) [Vendler 1967: 111–112]. В русском языке так же, как и в английском, подобные глаголы неспособны обозначать локализованное во времени действие, в частности употребляться в качестве ответа на вопрос «*Что он сейчас (в данный конкретный момент) делает?*», что сближает их со статическими глаголами. Т.В.Булыгина трактует предикаты *царствовать, править, руководить* как предикаты свойства [Булыгина 1982: 56], О.Н.Селиверстова – как предикаты класса [Селиверстова 1982: 102]. Мы относим подобные глаголы к классу **гомогенных динамических глаголов деятельности**, выделяя их в особый разряд обобщенной деятельности на основании анализа их парадигматических и синтагматических свойств: они, в отличие от статических глаголов, обладают определенным потенциалом фазисно-временных модификаций, хотя и в меньшем объеме, чем обычные глаголы деятельности (типа *работать, гулять*). Кроме того, данные глаголы отличаются от статических глаголов и другими характеристиками: они свободно образуют формы императива (ср. *Питайся хорошо! Руководи отделом самостоятельно!*), сочетаются с наречиями образа действия типа *осторожно, энергично, с энтузиазмом* (ср. *Он с энтузиазмом руководил всем проектом; Он правил страной мудро*), могут находиться в области действия предикатов типа *делать, заниматься, позволять, разрешать* (ср. *Чем он занимается? – Столярничает, учительствует в сельской школе*) и т.д., ср. [Апресян 1980б].

Итак, класс **статических** глаголов в данном исследовании не совпадает с классом состояний (states) вендлеровской классификации, в

большей степени он сходен с разрядом **стативных глаголов** Ю.Д.Апресяна [Апресян 1980б], но шире этого разряда, так как включает и глаголы отношения. Для нас же важен сам принцип выделения лингвистически релевантных семантических разрядов глагольной лексики: в их основе может лежать признак, который не является чисто денотативным. Так, Ю.Д.Апресян подчеркивает, что «семантический признак ‘стативность’ не эквивалентен смыслу ‘состояние’, так как приписывается некоторым глаголам... в толкование которых этот смысл явным образом не входит», например: 1) эмоциональным состояниям *любить, ненавидеть, уважать*; 2) интеллектуальным состояниям *знать, понимать, считать*; 3) волевым состояниям *жаждать, желать, хотеть*; 4) существованиям *быть, иметься, существовать*. «С другой стороны, признак ‘стативность’ приписывается далеко не всем глаголам, в толкование которых смысл ‘состояние’ должен быть включен, ср. *бодрствовать, отдыхать, спать*» [Апресян 1980б]⁷.

Глаголы типа *грустить, болеть, мечтать* и глаголы деятельности типа *веселиться, гулять* обладают сходным потенциалом фазисно-временных дериватов, характеризуются сходством в сочетаемости, что позволяет отнести их к одному большому классу **динамических (гомогенных) не-изменений**. Такие глаголы, как *сидеть, стоять* (сочетающиеся с активным субъектом), нередко включаемые в класс статических предикатов, также, по нашему мнению, относятся к динамическому классу, хотя и имеют некоторые особенности: начало конкретного положения в пространстве выражается не префиксом, не фазовым глаголом (ср. *?начать сидеть*), а другим глаголом: *сесть* = ‘начать сидеть’, но остальные дериваты (*посидеть, просидеть, отсидеть, засидеться* и др.), а также особенности сочетаемости базовых глаголов (ср. *сидеть с удовольствием, с трудом* и др. [Селиверстова 1982: 120]) позволяют рассматривать их как динамические, обозначающие гомогенные ситуации, имеющие пофазное протекание во времени. Пофазное существование может быть выражено в семантике глагола с разной степенью экспликации. В лексическом значении гла-

---

⁷ Если выделять разряд глаголов, включающих в свое толкование семантический признак ‘состояние’, то этот разряд, очевидно, во многом будет похож на статуальные глаголы, выделяемые в рамках класса неакциональных глаголов Г.А.Золотовой. В этот разряд входят глаголы со значением физического и душевного состояния лиц и живых существ (*страдать, тосковать, болеть, спать, бодрствовать*), социального состояния лиц (*вдовствовать, бедствовать*), физического состояния предметов (*сохнуть, цвести, таять*), состояния среды (*темнеет, морозит, дует*) [Золотова и др. 1998: 62]. Значимый в типологии моделей предложения, для исследования аспектуальной семантики глаголов, видообразования и модификационного словообразования данный разряд нерелевантен, так как включает и изменения (*выздоровливать, сохнуть, таять, темнеть*) и не-изменения (*тосковать, бодрствовать, бедствовать*), различающиеся аспектуальным деривационным потенциалом.

голов типа *шагать*, *хлопать* представлен повтор идентичных актов-фаз данного действия, каждая из которых может быть эксплицитно выражена (ср. *шагнуть*, *шаг*, *хлопнуть*, *хлопок*). Глаголы же типа *идти*, *катиться* имплицитно серию повторов некоторого денотативного «микроэлемента», не являющегося сигнификативно релевантным для данного глагольного значения, ср. [Сильницкий 1986б: 5–8]. В данном случае повтор актов-фаз на денотативном и сигнификативном уровнях представлен по-разному. Наибольшее несовпадение неоднородной денотативной семантической структуры и однородной сигнификативной отличает такие глаголы, как *работать*, *действовать*, *учиться*, так как в их лексической семантике нет экспликации конкретных операций, хотя денотативное значение их предполагает.

Ядро семантического класса **динамических гомогенных** глаголов составляют глаголы **деятельности**, выражающие разнообразную целенаправленную трудовую, профессиональную, социальную, образовательную, интеллектуальную деятельность человека – например, *работать*, *трудиться*, *торговать*, *упражняться*, *играть*, *гулять*, *охотиться*, *бастовать* и под. Особую группу обобщенной деятельности составляют глаголы типа *учительствовать*, *править*, *воспитывать*, не способные к актуальному употреблению.

Для гомогенных глаголов, не фиксирующих изменения субстанции, связанной с процессом или деятельностью, в славянских языках характерно эксплицитное выражение временных границ действия при помощи словообразовательных средств, причем славянские языки различаются представленностью на системном уровне отдельных фазисно-временных модификаций, их продуктивностью, а также семантикой (подробно последний вопрос анализируется в главе IV). Сопоставляемые славянские языки проявляют различную способность базовых глаголов деятельности к многократной модификации, которая неизвестна болгарскому языку [Маслов 1955: 29, 44], в реликтовом состоянии имеется в русском и широко развита в западнославянских, особенно чешском и словацком [Широкова 1996].

Гетерогенные ситуации в славянских языках с высокой степенью регулярности представляются глаголами несовершенного и совершенного вида. Поэтому противопоставление изменений и стабильных ситуаций (не-изменений) лежит в основе аспектуально релевантных семантических оппозиций глагольных классов, выделяемых на материале различных славянских языков во многих работах, ср.: *mutační / nemutační slovesa* [Daneš 1985: 12–28], *развојни глаголи / глаголи ста-на* (глаголы развития / глаголы состояния) [Грубор 1962], *lineárni / nelineárni děje* [Poldauf 1954a: 200–223], *czasowniki relacyjnozmienne / nierelacyjnozmienne* [Piernikarski 1975: 12], глаголы с внутренним пределом / беспредельные действия [Маслов 1948: 12], негомогенные /

гомогенные процессы [Булыгина 1982: 56; Падучева 1985а: 100–101; Мелиг 1995]. Широко известно, что от данных глаголов образована основная масса видовых пар. Это, очевидно, обусловлено их семантической структурой, которая в связи с семантикой СВ и НСВ анализируется в главе II (раздел 2.2). В чешском и словацком языках терминативные глаголы проявляют ограниченную способность к соединению с начинательными и ограничительными приставками, польский язык здесь ближе к русскому, в котором ряд терминативных глаголов имеет начинательные и ограничительные модификации (подробно данный вопрос анализируется в главе IV). Среди сопоставляемых языков выделяется болгарский, характеризующийся высокой продуктивностью начинательной приставки *за-*, свободно соединяющейся также с терминативными базовыми глаголами. З.М.Деянова зафиксировала около 300 таких глаголов [Деянова 1976], причем все начинательные глаголы СВ имеют парные глаголы НСВ.

Процессивные базовые глаголы типа *улучшаться*, *стареть* в русском и западнославянских языках имеют лишь результативные модификации, ср.: *улучшаться / улучшиться*, *стареть / постареть*; чеш. *zlepšovat se / zlepšit se*, *stárnout / zestárnout* и т.п. В то же время в болгарском языке отмечается довольно свободная сочетаемость базовых процессивных глаголов с приставкой *за-*, ср.: *тлъстѣя – затлъстѣя* ('начать становиться толстым'), *хубавѣя – захубавѣя* ('начать становиться красивым').

Аспектуально значимую семантическую классификацию знаменательных базовых глаголов трудно представить в виде четкой иерархически организованной схемы, так как многие классы пересекаются, например классы статических, динамических и гомогенных глаголов: статические ситуации всегда гомогенны, динамические могут быть как гомогенными, так и гетерогенными. Кроме того, выделяемые аспектуальные классы базовых глаголов строятся по прототипическому принципу, соответственно не обладают четкими границами, а входящие в них глаголы выражают данные признаки в разной степени. В ядро класса статических глаголов входят глаголы отношения (*стоять*, *весить*) и существования (*иметься*, *водиться*). В классе динамических глаголов различаются стабильные не-изменения (гомогенные процессы и деятельность – *грустить*, *веселиться*, *работать*, *гулять*) и изменения (гетерогенные действия и процессы: а) с абсолютным пределом – мгновенные типа *найти*, *взять* и немгновенные типа *строить*, *красить*, *таять*; б) с относительным пределом – *расти*, *хорошеть*). Глаголы типа *любить*, *нравиться*, *видеть* (а также некоторые другие, например, глаголы социального состояния типа *вдовствовать*, *бедствовать*), по нашему мнению, проявляют признаки не

только статичности, но и некоторые показатели динамического восприятия обозначаемых ими состояний-отношений.

Конечно же, акционально-деривационный потенциал базовых глаголов зависит и от других семантических признаков. В частности, временные пределы действия нередко задаются пространственными границами объекта, на преобразование которого направлено действие, поэтому семантический признак объектности / безобъектности также выступает как опосредованно релевантный для выделения аспектуальных классов глаголов. Для русского и западнославянских языков релевантен также признак направленности движения (ср. *идти – ходить*, чеш. *jíti – chodit*), а также уже упомянутые признаки активности / неактивности (в другой терминологии контролируемости / неконтролируемости), актуальности / неактуальности (или локализованности / нелокализованности на временной оси), многоактности / одноактности. В ходе дальнейшего анализа выделенные общие классы с учетом названных выше характеристик могут уточняться и делиться на более дробные. Например, сложный класс глаголов действительности при более подробном рассмотрении может быть представлен в виде нескольких подклассов, выделяемых на основе отношения к семантическим признакам активности [Алисова 1974: 57], актуальности (локализованности / нелокализованности во времени) [Булыгина 1982: 52–53], многоактности:

- 1) *работать, танцевать* (активность +, актуальность ±);
- 2) *руководить, править* (активность +, актуальность –);
- 3) *шуметь, кричать* (активность ±, актуальность ±);
- 4) *моргать, хлопать* (активность ±, актуальность ±, многоактность +).

Другие характеристики действия, в частности такие, как путь движения и способ преодоления пространственного предела, распределение действия между участниками ситуации, интенсивность действия, количественная оценка актантов и результата действия, качественная оценка результата действия и его последствий, обстоятельственные характеристики действия по отношению к другому действию (повторность, дополнительность) и др., выражают, как правило, производные глаголы. Некоторые из этих параметров затрагиваются в нашем исследовании в связи с изучением словообразовательных модификаций и мутаций, но специально не изучаются.

В славянских, как и в других, языках существует целая система средств **рекатегоризации** базовых глагольных действий, которая стала предметом анализа в ряде статей зарубежных лингвистов. На материале английского языка данная проблема, в частности, анализируется в [Talmy 1988; Vikner 1994], на материале русского – в [Мелиг 1995]. К этому вопросу мы вернемся в главе IV.

3. Краткие выводы

1. Разработка семантической классификации базовых (то есть производных во внутривлаговольной деривационной системе) глаголов, релевантной для видообразования и акционального словообразования в русском языке, позволила уточнить наиболее общие концепты, лежащие в основе аспектуальной категоризации глагольных лексем: статичности / динамичности, гомогенности / гетерогенности, терминативности / нетерминативности, мгновенности / немгновенности.

2. Названные параметры протекания действия во времени взяты из действительности, но переработаны языком, поэтому онтология обозначаемой ситуации и зафиксированное в глагольном значении ее восприятие, обуславливающее парадигматические и синтагматические свойства глагола, не всегда находятся в однозначном соответствии (ср., например, представленность в глагольной семантике статичных ситуаций сидения или лежания человека, а также его физических и психических состояний).

3. Аспектуальные классы базовых глаголов имеют полевою структуру, соответственно имеют центр и периферию, не обладают четкими границами, а входящие в них глаголы выражают категориальные признаки в разной степени.

4. Выделенные концепты позволяют изучать в сопоставляемых языках зависимость потенциала словообразовательных модификаций базового глагола от его категориальной семантики. Гомогенные динамические глаголы обладают наибольшим потенциалом словообразовательных модификаций, эксплицитно выражающих временные границы процесса или деятельности. Гетерогенные глаголы в славянских языках регулярно образуют видовые пары. Русский и сопоставляемые с ним языки проявляют здесь системное сходство, которое не исключает некоторых различий в соотношении семантики глагола и его фазисно-временных словообразовательных модификаций, а также в семантике и употреблении последних (детально этот вопрос анализируется в главе IV).

• ГЛАВА II •

КАТЕГОРИЯ ГЛАГОЛЬНОГО ВИДА В РУССКОМ, ЗАПАДНОСЛАВЯНСКИХ И БОЛГАРСКОМ ЯЗЫКАХ

1. Основные направления изучения глагольного вида в современной лингвистике

1.1. Темпоральные модели славянского вида и когнитивные исследования

В современной русистике и славистике сосуществуют разнообразные подходы к изучению категории вида. Различные, порой противоположные теории, стремящиеся постичь и объяснить сущность вида, во многих случаях реализованы в монографических исследованиях на обширнейшем языковом материале; на их основе получены интересные и достаточно убедительные результаты. Данный парадокс можно объяснить, во-первых, сложностью, многоплановостью категории вида, тесно связанной как с грамматической, так и с лексической подсистемой, а во-вторых, широким кругом языковых форм в разных языках, трактуемых как аспектуальные. Это определяет большой диапазон разнообразных значений, соотносимых с категорией вида, откуда вытекают противоречивость в трактовке одних и тех же явлений и отсутствие общепризнанного определения данной категории. Кроме того, в лингвистике не выработан однозначный метаязык описания аспектуальных систем различных языков, в связи с чем между отдельными теориями нередко наблюдаются расхождения не по существу, а в формулировках. Поэтому важной задачей славянской аспектологии мы считаем соотнесение аспектологических исследований с современными направлениями в лингвистике, а также более точное определение сферы применения соответствующих терминов.

Несмотря на существование в отечественной и зарубежной славистике десятков различных теорий глагольного вида, можно все же констатировать, что большинство лингвистов сходятся в понимании аспекта как категории, отражающей взгляд говорящего на характер протекания и распределения действия во времени, то есть представляющей темпоральную структуру ситуации [Бондарко 1987: 40; Обзор 1990: 22–84]. Славянский глагольный вид изучается в лингвистике преимущественно в рамках данного определения, допускающего

различные интерпретации сущности СВ, НСВ и видового противопоставления. Однако в последнее время появился ряд теорий, отрицающих «традиционный» подход к категории вида, основанный на темпоральных моделях действия. В работах, выполненных в русле когнитивной лингвистики, предлагается новое определение сущности славянского глагольного вида и аспекта вообще на базе противопоставления двух типов знания о мире, то есть двух типов картин мира: 1) непосредственно наблюдаемой, данной в ощущениях и 2) структурированной, концептуализированной картины, основанной на абстракции и умозаключении. В частности, в рамках данного подхода созданы «ментальная» [Durst-Andersen 1992, 1994] и «дейктическая» [Кравченко 1992, 1995] теории русского глагольного вида.

В «Ментальной грамматике» П.Дурст-Андерсена русский вид определяется как пропозиционально-семантическая категория, оперирующая базовыми пропозициональными структурами [Durst-Andersen 1994]. П.Дурст-Андерсен подчеркивает, что в разных языках глаголы типа *сидеть, работать, убить, sit, work, kill* связаны не только с определенной идеей, но и с образом (подобно именам типа *проигрыватель, дом, recorder, house*), который строится на соотношениях между фигурой и фоном (*figure – ground*). Образный фрейм, создаваемый глаголом, автор называет базовой ситуацией (*ground-situation*), понятийный фрейм – базовой пропозицией (*ground-proposition*) и на основе этих понятий строит аспектуально релевантную классификацию русских глаголов. Статальные глаголы типа *сидеть, стоять*, обозначая состояние, создают простые стабильные образы, а типа *стучать, идти, ходить*, являющиеся глаголами динамической деятельности, создают простые нестабильные образы. В целом те и другие обозначают гомогенные ситуации и являются глаголами не-действия (*non-action verbs*). Глаголы же действия типа *дать / давать, открыть / открывать* имеют две базовые ситуации и две базовые пропозиции: деятельность и состояние. П.Дурст-Андерсен считает, что глаголы действия – это конструкторы, не имеющие денотата в реальности. Глагол СВ представляет обозначаемую ситуацию как событие, то есть как статическую ситуацию, вызванную предшествующей деятельностью, а глагол НСВ ту же ситуацию представляет как деятельность – процесс, ведущий к данному событию. НСВ связан с наблюдаемыми событиями, так как только деятельность (*activity*) или состояния (*state*), выражаемые глаголами НСВ, могут быть даны в ощущениях, наблюдаемы (*can be perceived*), тогда как глаголы СВ выражают события, которые непосредственно наблюдаться не могут, это уже своего рода конструкторы (ср. *уложить*), в которых устанавливаются причинные связи между наблюдаемым состоянием (ср. *лежать*) и предшествующей деятельностью (ср. *укладывать*). Глаголы действия НСВ (типа

укладывать) также выражают концепт-конструкт, так как обозначают наблюдаемую деятельность, которая воспринимается как причина будущей ситуации состояния (*лежать*) [Durst-Andersen 1992: 58–62].

Таким образом, в основе аспектуально релевантной типологии глаголов русского языка лежит перцептивное понятие изображения, картинки (a perceptual notion of picture), которые могут быть двух типов – стабильные и нестабильные, соотносящиеся соответственно с состоянием и деятельностью [Durst-Andersen 1992: 53, 65]. Видовые различия объясняются в рамках пропозициональных структур, созданных глаголами действия: видовые пары типа *открыть / открывать* выражают две стороны, два восприятия одного и того же концепта – действия, причем СВ представляет ситуацию как событие, НСВ – как деятельность. Как событие может быть представлено и не–действие, а именно при помощи акциональной деривации – делимитативного, инхоативного, пердуративного способов действия [Durst-Andersen 1992: 65].

Мысль П.Дурст-Андерсена о том, что в русском языке (как и во всех славянских) глаголы НСВ типа *укладывать* и глаголы СВ типа *уложить* представляют две стороны одного и того же концепта – действия, мы считаем чрезвычайно плодотворной. Другие глаголы – деятельности и состояния – такой двойственностью не обладают [Durst-Andersen 1992: 62]. Эта теория объясняет лексическое тождество членов видовых пар, их способность к взаимозамене в определенных типах контекста. Но некоторые положения данной теории вызывают возражения⁸.

Трудно согласиться с утверждением П.Дурст-Андерсена, что глаголы действия не имеют референтов во внеязыковой действительности. Этот вопрос решается по-другому, если рассматривать языковую картину не только статического мира, предстающего перед говорящим на данном временном срезе, определяемом моментом наблюдения, но распространить ее и на концептуальную структуру изменяющегося динамического мира, в котором действие столь же реально, как и состояние или деятельность. Тогда взаимосвязанная деятельность и состояние, являющееся результатом данной деятельности, объединяются в единую темпоральную модель определенной динамической ситуации – действия. Темпоральные модели, по отношению к которым исследователи оперируют такими концептами, как ‘гомо-

---

⁸ Критический анализ «Ментальной грамматики», особенно ее практической части, где строится объяснительная модель употребления видов в русском языке, представлен в рецензии Х.Р.Мелига [Mehlig 1997].

генные / гетерогенные ситуации', 'изменение / стабильность', 'временная граница действия', 'предел в достижении действия' и т.п., с нашей точки зрения, обладают большой объяснительной силой и достаточно адекватно представляют восприятие говорящим ситуации, отраженное в семантике глагола.

Отметим, что когнитивный подход к интерпретации категории русского глагольного вида так же, как и традиционная аспектология, основанная на временных моделях действия, не исключает различных точек зрения на семантическую природу СВ и НСВ. Так, для П.Дурст-Андерсена именно НСВ, в отличие от СВ, связан с наблюдаемыми явлениями – деятельностью и состоянием, тогда как для А.В.Кравченко, выступившего против темпоральных моделей русского вида в отечественной лингвистике, определенным, то есть выражающим наблюдаемые события, является СВ, а большая часть глаголов НСВ (за исключением глаголов однонаправленного движения типа *вести*) представляет немаркированный неопределенный вид [Кравченко 1995: 63]. По мнению А.В.Кравченко, оппозиция СВ и НСВ отражает «контраст между двумя типами знаний и событий: феноменологическим, основанным на индивидуальном чувственном опыте, и структуральным знанием, основанным на абстракции... наблюдаемые события противопоставляются событиям, референция к которым не связана с указанием на наблюдателя» [Кравченко 1995: 59–60]. Как видим, данное определение прямо противоположно интерпретации когнитивной сущности видов в теории П.Дурст-Андерсена. Оно основывается на хорошо изученной в традиционной аспектологии связи СВ с единичными и локализованными на временной оси ситуациями и способности НСВ свободно употребляться по отношению как к локализованным, так и к нелокализованным действиям, и для анализа содержательной сущности видов в русском языке и правил их употребления не дает ничего нового.

Когнитивный подход к изучению видовой и, шире, аспектуальной семантики, опирающийся на противопоставление разных типов знания, теорию прототипов и некоторые другие положения когнитологии, несомненно, расширяет и углубляет лингвистические представления о категории вида. Но этот подход ни в коей мере не опровергает предшествующие исследования аспектуальной семантики, базирующиеся на таких важных онтологических характеристиках действия, как параметры его протекания во времени. Подчеркнем, что между так называемой традиционной аспектологией и когнитивно ориентированным подходом к изучению славянского вида не должно быть принципиальных противоречий: модели распределения действия во времени можно изучать и в терминах когнитивной лингвистики,

ср. [Talmy 1985: 132; Langacker 1987: 244–247; Кубрякова 1992: 87; Гжегорчикова 1997]. Например, Р.Лангакер считает, что, так как семантическое поле глагола формируют процессы, концептуализация последних во многом определяется концептуализацией темпорального развития ситуации – темпоральным профилем процесса [Langacker 1987: 244].

В настоящей работе, анализируя концепты, лежащие в основе формирования аспектуальных категорий, мы используем некоторые положения когнитивной теории категоризации, в частности понятие прототипов (прототипических глаголов СВ и НСВ, прототипической категории и т.п.). Применяются также некоторые методы когнитивной семантики, прежде всего метод профилирования языковых значений, то есть вычленения в семантической структуре глагола главных и фоновых элементов [Langacker 1987; Гжегорчикова 1997: 23– 25], при интерпретации видовой и акциональной семантики глаголов учитывается точка отсчета [Падучева 1986], а также восприятие фазисно-временных характеристик действия носителями того или иного славянского языка. Но при этом мы считаем важным подчеркнуть, что вид как одна из основных категорий славянского глагола тесно связан с глагольной категориальной семантикой, которая определяется как процессуальный признак, имеющий протяженность во времени, поэтому нет необходимости пересматривать общепринятую интерпретацию вида в рамках временных моделей действия.

Опыт построения новой теории русского вида представлен в монографии А.М.Ломова «Типология русского предложения» [Ломов 1994]. Вид определяется как «квалификатор бытия», указывающий «на то, как существует во времени семантический объект, представляющий либо субстанциональный компонент в целом (в односоставных предложениях), либо один из элементов этого компонента – сказуемое (в двусоставных предложениях)» [Ломов 1994: 57]. По сути дела, в этой теории также предлагается темпоральная модель, но не действия, а «бытия», что выводит вид за рамки глагола.

1.2. Анализ видовой семантики при помощи категориальных семантических признаков и метода толкований

С нашей точки зрения, задачам определения и анализа тех концептов, которые лежат в основе аспектуальной категоризации действий в лексике, словообразовании и грамматике, в наибольшей степени отвечает подход к изучению видовой семантики на основе семантических признаков, хотя именно «признаковые» определения вида под-

вергались наибольшей критике, особенно со стороны представителей так называемого «смыслового» направления, использующих при анализе видовой семантики метод лексикографических толкований [Bogusławski 1972, 1981; Гловинская 1982]. Рассмотрим соотношение названных двух направлений в современной аспектологии.

Как известно, для славянской аспектологии традиционным является определение категориального значения видов при помощи семантических признаков, прежде всего целостности и предельности. Первый признак часто используется для описания инославянских языков в чешской, словацкой, польской, болгарской лингвистике [Dostal 1954: 18; Havránek, Jedlička 1960: 193; Исаченко 1960; Barnetová 1968; Иванчев 1971; Morfológia 1984: 139; Gramatyka 1984: 130; Stunová 1993], а также в трудах Ю.С.Маслова, А.В.Бондарко и их последователей, признак же предельности – в работах В.В.Виноградова, П.С.Кузнецова, Р.Якобсона и др. [Кузнецов 1952: 309; Виноградов 1972: 394; Авилова 1976: 20–28; Шелякин 1983; Якобсон 1985: 213]. А.В.Бондарко в своих работах 80–90-х годов определяет категориальное значение СВ при помощи «двупризнакового бинорма», состоящего из взаимосвязанных и выступающих одновременно признаков целостности (Ц) и ограниченности действия пределом (ОГР), причем в последних публикациях автором признается приоритет признака ОГР [Бондарко 1996б: 102–105]. В целом ряде исследований представлен многопризнаковый подход к определению категориальной видовой семантики (см. [Обзор 1990: 22–29], а также [Барентсен 1995, 1997; Милославский 1987]). Не вдаваясь в дискуссионную проблему инвариантной / вариантной организации плана содержания категории вида, отметим лишь, что многопризнаковый подход не исключает постановки вопроса об инвариантном статусе одного из данных признаков.

В работах, содержащих критический анализ признакового подхода к изучению видовой семантики, не раз отмечалось, что «какой бы признак ни предлагался в качестве единого, характерного для всех глаголов данного вида, всегда находились опровергающие примеры» [Гловинская 1982: 6]. Данное положение, против которого трудно категорически возражать, обусловлено по крайней мере двумя факторами, которые учитывает и М.Я.Гловинская [Гловинская 1997; 1998]. Во-первых, как мы уже отмечали, категориальный признак, лежащий в основе выделения самой категории вида, реализуется в пределах глаголов одного вида по прототипическому принципу, то есть проявляется максимально четко в семантике глаголов, представляющих ядро данной категории, и в ослабленном виде – на ее периферии. Во-вторых, категориальный видовой признак, имея особый грамматиче-

ский статус, не является чисто семантическим, дублирующим элементы значения глаголов СВ. Примечательно, что Ю.Д.Апресян, последовательный сторонник смыслового подхода к интерпретации грамматических значений, в своей лексикографической практике активно пользуется признаковым методом, когда вводит в словарные статьи глаголов «нетривиальные семантические признаки» (например, ‘стативность’), которые отражают определенную семантическую особенность слова, но не дублируют ее целиком [Апресян 1995: 30]. Категориальные видовые признаки можно было бы считать нетривиальными семантическими, с той лишь разницей, что они относятся к области не «скрытой», а «открытой» грамматики, то есть опираются на грамматические формы и охватывают все глаголы, но, как и «нетривиальные», видовые категориальные признаки не дублируют полностью семантические особенности глаголов СВ и НСВ, что определяет известную асимметрию между категориальной семантикой и синтагматическими свойствами глаголов СВ и НСВ.

Метод толкований в аспектологии (и вообще в грамматике) способствует изучению взаимодействия грамматической видовой и лексической семантики глаголов и позволяет выявить семантическую неоднородность видовых оппозиций. Однако он имеет и нежелательные последствия, осознаваемые использующими этот метод лингвистами. «Изолированное толкование каждого отдельного значения, в том числе контекстно обусловленного, приводит к тому, что значение единицы, которое до начала анализа интуитивно воспринималось как “одно и то же”, превращается в список различных» [Падучева 1996: 6]. Е.В.Падучева в своих работах стремится «вернуть единство значения граммеме несовершенного вида» через выведение всех частных значений из первичного (основного) – актуально-длительного; при этом основное значение (по Куриловичу) и смысловой инвариант (по Якобсону) рассматриваются, по сути дела, как эквивалентные [Падучева 1996: 10]. Несмотря на сложную процедуру толкований и ряд сделанных оговорок, некоторые частные значения НСВ сложно вывести из актуально-длительного значения, ср. [Падучева 1996: 24–31].

Характерно, что и в рамках «смыслового» направления в аспектологии также ставится задача определения видовых инвариантов. Как известно, инвариант СВ здесь связывается со смысловым элементом ‘начаться’ [Wierzbicka 1967: 2231–2249; Bogusławski 1981: 27; Гловинская 1982: 107; 1998], причем М.Я.Гловинская подчеркивает, что это элемент метаязыка, по значению не совпадающий с соответствующим словом естественного языка, в частности «не привязанный» к начальной фазе действия [Гловинская 1997: 43]. Отметим, что определение видовой семантики на основе признака целостности многие

лингвисты, в том числе М.Я.Гловинская, упрекали как раз в несемантической, метафоричности, то есть известной условности⁹ [Гловинская 1982: 12–13].

Переход от развернутых и громоздких толкований к «простым семантическим инвариантам» [Падучева 1990, 1996: 24], «квазисемантическим названиям» [Апресян 1995: 34] сближает «лексикографическое» направление в аспектологии с признаковым, в рамках которого в свою очередь при изучении аспектуальной семантики в высказывании и тексте наметился переход от абстрактных признаков целостности (Ц) и ограниченности действия пределом (ОГР) к более конкретному и «психологически осязаемому» признаку – ‘возникновение новой ситуации’ (ВНС) [Бондарко 1993]. ВНС рассматривается как «проявление последствий предела» на уровне высказывания [Бондарко 1996б: 138]. В связи с отмеченным сближением двух аспектологических направлений интересно сравнить представление концепта ‘изменение’ в сокращенном толковании инварианта СВ в работах Е.В. Падучевой и определение признака ‘изменение’ у М. Гиро-Вебер (ссылающейся на статью Ф.Антинуччи и Л.Геберт): (1) «Форма СВ всегда описывает ситуацию изменения, то есть предполагает момент, когда некоторое положение вещей не имело места, и момент, когда имеет (или наоборот), форма НСВ описывает ситуацию в ее развитии во времени, то есть как проходящую через ряд последовательных временных фаз» [Падучева 1996: 24], (2) «Изменение – семантический признак глагольной ситуации. Оно обозначает некоторую модификацию, касающуюся субъекта или объекта действия, вызванную достижением предела действия и, следовательно, его завершением. Присутствие изменения связано с совершенным видом; его отсутствие – с несовершенным» [Гиро-Вебер 1990: 104], ср. также [Antinucci, Gebert 1977: 35].

Изучение обоих направлений в аспектологии приводит нас к выводу, что к выявлению концептов, передающих содержательную сущность видов, можно идти разными путями: анализируя, с одной стороны, толкования глагольных значений, а с другой – синтагматические свойства глаголов СВ и НСВ. Наибольшей адекватности язы-

---

⁹ Проблема «интуитивной осязаемости» категориального значения видовых форм обсуждалась в отечественной лингвистике [Гловинская 1997: 43]. По нашему мнению, тот смысл, который связывается с содержательной сущностью вида, как и любой другой номинативно-интерпретационной категории, должен отвечать требованию интуитивной осязаемости, по крайней мере в центральной ее области, на периферии его осознаваемость может ослабляться. С этой точки зрения признак целостности при выражении глаголами СВ отнюдь не периферийный для глагольной системы значений, в частности начала динамических гомогенных процессов или деятельности, не отвечает этому требованию: трудно все же целостно представить действие типа *заходить (по комнате)* или его начальный момент.

ковому материалу можно, очевидно, ожидать от такого подхода к исследованию видовой семантики, в котором сочетаются оба типа анализа. Такому требованию, на наш взгляд, отвечает определение категориальной семантики видов на основе концепта предела действия, так как оно предполагает изучение реализации данного признака в значении глаголов СВ и НСВ в зависимости не только от внешнего, но и внутреннего, лексического, контекста. Кратко проанализируем использование этого признака в аспектологии, определив свою собственную интерпретацию предела и предельности.

По нашему мнению, достаточно исчерпывающе сущность не только русского, но и вообще славянского вида отражает определение категориальной семантики видов, данное В.В.Виноградовым, которое строится с учетом восприятия действия говорящим [Виноградов 1972: 394]. Это многомерное определение, с одной стороны, выделяющее основной признак в понятии совершенного вида как «признак предела действия, достижения цели, признак ограничения или устранения представления о длительности действия», с другой же – подчеркивающее, что этим пределом может быть «один из моментов процесса» [Виноградов 1972: 394], то есть не обязательно правая граница (как это нередко представляется, ср. [Крекич 1985б: 47]). «...Основная функция совершенного вида – ограничение или устранение представления о длительности действия, сосредоточение внимания на одном из моментов процесса как его пределе... Результат – это частный случай предела действия». НСВ обладает семантической двойственностью: с одной стороны, обозначает действие в его течении, «не стесненным мыслью о пределе процесса в целом», а с другой – «является основой, нейтральной базой видового соотношения» [Виноградов 1972: 394].

Классическое определение В.В.Виноградова, как это часто бывает, стало объектом различных интерпретаций и толкований, ср. [Авилова 1976: 20–27]. Мы выделяем особо ту часть определения категориальной сущности СВ, где о пределе говорится как **об одном из моментов процесса** (не обязательно конечном!), сосредоточение внимания на котором устраняет или ограничивает представление о длительности. Из этого следует, что грамматический предел не исчерпывается понятием ‘внутреннего предела’ (ср. [Холодович 1963; Бондарко 1996б: 103–104]), выражаемого не всеми глаголами СВ, а лишь терминативными (подробнее см. раздел 2.4 данной главы).

По сути дела, предел действия как категориальный видовой смысл в большинстве случаев тождествен временной границе действия – конечной, достижение которой у терминативных глаголов СВ обуславливает значение результата как начала качественно нового состо-

яния актантов действия (см. раздел 2.4.2), или начальной (прежде всего у фазисно-временных дериватов, образованных от базовых глаголов гомогенных процессов и деятельности типа *засуетиться, зашуметь*). Такое определение предела, близкое его фазовой [Соколов 1988; 1991: 30] или количественно-временной [Шелякин 1983: 157–163] интерпретации, все же полностью не исчерпывает всех возможных случаев выражения предела, так как не отражает в полной мере роли интерпретационного компонента в семантике глаголов СВ, которую подчеркивал В.В.Виноградов. Интерпретационный механизм видовой семантики позволяет актуализировать границы не всего действия в целом, а отдельных его этапов, определяемых частью объекта (*Он прочитал 30 страниц [и продолжал читать дальше]*) или отрезком времени, заполненным действием (*Я проработал 10 лет на одном заводе [работаю там и сейчас]*), ср. [Кошелев 1998], а также фокусировать внимание на непограничном моменте действия, с позиции которого проводится ретроспективная оценка продолжительности или интенсивности действия в дериватах типа *засидеться, застояться*, ср.: *Она застоялась перед витриной, надо ее позвать, мы не можем больше ждать* (ср. с количественным пределом в работах Й.Крекича [Крекич 1985б: 53]). Характерно, что в подобных дериватах СВ категориальное значение предельности комбинируется с оценочными словообразовательными значениями. Таким образом, предел – это граница не только в течении, но и в представлении действия.

В зарубежной лингвистике в связи со славянским видом идея предела начинает активно использоваться значительно позже – с 70-х годов, причем для обозначения этого понятия применяются разные термины: *boundness, telicity, limit, terminativity* [Durst-Andersen 1992: 31]. Эти термины, так же как и русский термин “предельность”, отражают два уровня категоризации концепта предельности – лексический и грамматический, что порождает неоднозначность формулировок, которая анализируется в целом ряде работ [Шелякин 1983: 164–165; Павлов 1984: 50; Бондарко 1991; Мелиг 1995].

Мы уже упоминали о том, что считаем целесообразным «развести» терминологически предельность лексическую, отражающую денотативные свойства ситуации, и предельность грамматическую, представляющую особый, грамматический уровень категоризации действия с точки зрения его протекания во времени. О необходимости такого терминологического разграничения писали многие лингвисты. Х.Р.Мелиг по отношению «к семантике описания ситуации» предлагает термин «трансформативный / нетрансформативный», а для обозначения семантики вида – «предельный / непредельный» [Мелиг 1995: 154]; аналогичный подход представлен в [Павлов 1984]. Пре-

дельность на лексическом уровне в данной работе мы рассматриваем как терминативность / нетерминативность.

Таким образом, в практике конкретных исследований видовой семантики наблюдается сближение различных подходов к ее изучению, причем имеет место переход как от абстрактных признаков 'целостность', 'предельность' к более конкретным и информативным типа 'изменение', 'смена ситуаций', 'переход в новое состояние', 'предел как грань между смежными во времени ситуациями', 'возникновение новой ситуации', 'секвентная связь'¹⁰ [Antinucci, Gebert 1977; Барентсен 1978; Сильницкий 1985; Бондарко 1996б: 138], так и от развернутых толкований к квазисемантическим названиям (то есть признакам). По-видимому, в подобных случаях речь идет о разных сторонах одного и того же концепта: предел как временная граница действия (и его восприятия) может рассматриваться как «изнутри», со стороны самого действия (ср. «предел» в разных его интерпретациях), так и «снаружи», с точки зрения отношения данного действия с другими смежными во времени ситуациями.

По нашему мнению, в рамках категории глагольного вида в славянских языках выработан **механизм выделения, акцентации предельных / непредельных моментов протекания действия во времени**, рассматриваемый здесь в духе когнитивного механизма **профилирования значений** [Langacker 1987: 183–185; Bartmiński 1993: 11–15; Гжегорчикова 1997] как способа структурирования языковой семантики в зависимости от ракурса восприятия ситуации говорящим и выделения основных и фоновых элементов значения. Актуализируются прежде всего те семы, которые есть в лексическом значении глагола. Совершенный вид фокусирует внимание говорящего на одном из пределов (моментов, границ) действия, исключая тем самым возможность представления действия в процессе протекания, что предполагает ретроспективную (ср. *сделать, построить, посидеть*) или проспективную (ср. *за шуметь, задвигаться*) точку отсчета по отношению к самому действию. НСВ, не актуализируя предела или пределов действия, не препятствует представлению действия синхронно с точкой отсчета, то есть процессуально.

Признаковый подход к анализу видовой семантики, сочетающийся с использованием когнитивного механизма профилирования значений, позволяет объяснить существенные различия между отдельными славянскими языками в употреблении видов (см. ниже).

---

¹⁰ Последний термин, предложенный А.Барентсеном, определяется как выражение совершенным видом эксплицитной связи данного действия с другой ситуацией (известной по контексту или ситуации речи) [Барентсен 1995].

1.3. Статус категории вида в славянских языках

Существование самостоятельной категории глагольного вида с двумя членами, СВ и НСВ, категории, обладающей собственной семантикой и средствами ее выражения, признает подавляющее большинство лингвистов. Многие исследователи рассматривают вид как **грамматическую категорию**. Такой подход традиционен для отечественной аспектологии, преобладает в зарубежной лингвистике [Обзор 1990: 23] и базируется на обязательности выражения вида, регулярности видовых противопоставлений, тесной связи с другими грамматическими категориями глагола (последнее положение Ф.Копечный считает главным для чешского языка [Korešný 1962]).

Трактовка вида как **лексико-грамматической категории** характерна для ряда грамматик славянских языков. Заметим, что при этом определение такой категории отличается от отечественной традиции, в которой под лексико-грамматической категорией понимается оппозиция лексико-грамматических разрядов типа переходных / непереходных, предельных / непредельных, возвратных / невозвратных глаголов [Бондарко 1996б: 123]. В других славянских грамматических традициях данный термин подчеркивает связь грамматической категории с лексикой. Я.Петр, автор раздела о виде в «Грамматике чешского языка», определяя вид как лексико-грамматическую или грамматико-лексическую категорию, считает, что она находится на стыке между грамматической и лексической системами [Mlůvnické 1986: 179]. Для авторов «Морфологии словацкого языка» главным аргументом при интерпретации вида как лексико-грамматической категории выступает отсутствие единообразного морфологического способа выражения видовых различий [Morfológia 1984: 125]. В отечественной лингвистике поставлен вопрос о трактовке вида как словообразовательной категории [Милославский 1981: 176].

В славистике широко распространено отнесение имперфективации к словоизменению, а перфективации – к словообразованию, обоснованное Ю.С.Масловым [Маслов 1958; 1965б]. Сходная интерпретация видообразования представлена в «Грамматике польского языка» [Gramatyka 1984: 214–215]. В более поздних своих работах Ю.С.Маслов возвращается к точке зрения на видовую соотносительность, высказанной в статье 1948 г. [Маслов 1948/1984: 59–64]. «На деле чисто грамматическая видовая соотносительность между перфективом и имперфективом встречается в русском языке и других славянских языках не только там, где имперфектив является производным от перфектива, но довольно часто и в “видовых парах” различных других типов» [Маслов 1984: 66]. Вопрос о видовой соотносительности является принципиальным для определе-

ния типа грамматической категории вида. В этом вопросе также нет единства мнений.

Особенно большой разброс точек зрения существует при определении грамматического характера русского глагольного вида, который рассматривается либо как словоизменительная [Виноградов 1972: 395; Мучник 1956: 94; Исаченко 1960: 137–140; Тихонов 1998: 10–15; Гловинская 1982: 115; и др.], либо как классифицирующая категория [Авилова 1976: 41; РГ 1980: 584; Падучева 1996: 85; Леман 1997: 54; и др.], либо как категория смешанного словоизменительно-классифицирующего типа («непоследовательно коррелятивная») [Маслов 1959: 181–183; Бондарко 1976: 76–77; Ломов 1977а: 18–20; и др.] (подробнее см. раздел 2 данной главы).

Таким образом, парадокс категории вида в славянских языках заключается в том, что все сказанное о ее чертах как грамматической, лексико-грамматической, словообразовательной категории находит подтверждение в языковых фактах. Это приводит к следующему выводу. Многоплановая категория вида, пронизывающая глагольные системы славянских языков, тесно связанная с грамматической, словообразовательной, лексической глагольной подсистемами, не позволяет при ее определении использовать логическую категоризацию по необходимым и достаточным признакам для отнесения вида к тому или иному типу языковых категорий. Поэтому мы считаем, что исследование славянского вида может дать более удовлетворительный результат при опоре на понятия прототипических (грамматической, словообразовательной, лексико-грамматической) категорий и на анализ проявления их черт в категории вида в отдельных славянских языках. Такой подход позволил бы отчасти преодолеть давние разногласия в вопросе о статусе категории вида, которая в славянских языках обладает разной степенью грамматичности.

2. Русский глагольный вид (общая характеристика)

2.1. Вид как грамматическая категория особого типа

Сущность различий между грамматическими и словообразовательными категориями во флективно-синтетических языках в лингвистике в общем определена. Речь идет прежде всего об обязательности выражения грамматических и необязательности словообразовательных значений. «...Невозможно правильно говорить на некотором языке, не используя его граммы. Словообразование, напротив, не обязательно, и говорящий в принципе вполне может без него обойтись...» [Мельчук 1997: 284]. Кроме того, прототипические грамматические

категории и их члены (граммемы) имеют стандартные средства выражения, которые включают также и формы согласуемых слов; чисто грамматическое значение независимо от лексической семантики слова и имеет широкую сочетаемость с лексемами данной части речи; употребление граммем может определяться синтаксическими конструкциями, а также выражением другого грамматического значения; грамматическое значение характеризуется пониженным модусом осознаваемости (в сравнении с лексическим и словообразовательным значениями). Словообразовательные категории и значения, выражение которых не является обязательным, имеют менее стандартные формальные средства и менее широкую сочетаемость, употребление дериватов не обуславливается синтаксическими конструкциями или какой-либо грамматической формой [Зализняк 1967: 24–25; Кацнельсон 1972: 114–115; Виноградов 1975; Якобсон 1985: 231–237; Бондарко 1994; Мельчук 1997: 282; Леман 1997; Lehmann 1986: 150–151].

Критериям прототипической грамматической категории в русском языке отвечают словоизменяемые глагольные категории времени, наклонения, лица и числа. Глагольный вид в русском языке имеет лишь некоторые, но очень важные черты прототипической грамматической категории: обязателен для выражения (употребление даже двувидовых глаголов требует их осмысления либо как СВ, либо как НСВ [Мучник 1966]), охватывает все глагольные формы, употребление видов подчиняется правилам построения некоторых синтаксических конструкций и типов текста и в ряде случаев характеризуется пониженной интенциональностью. Вид отличается от прототипических грамматических категорий явной связью с лексическим значением глагола и отсутствием стандартных средств выражения, кроме того, словообразовательным характером видообразования и вообще тесным взаимодействием с деривационными процессами (см. раздел 2.3).

По нашему мнению, черты грамматической категории у вида преобладают; это позволяет рассматривать вид в составе морфологических категорий русского глагола, что в свою очередь ставит вопрос о типе видового формообразования. Мы согласны с теми лингвистами, которые считают, что в дихотомическую схему «классификационные категории – словоизменяемые категории» русский вид «не укладывается без остатка» прежде всего потому, что категория вида ориентируется на лексико-семантический вариант слова, а не на само слово, а лексико-семантические варианты значительно различаются по их способности совмещаться с разными видовыми значениями даже в пределах одного слова [Ломов 1977а: 19–20; Коробова 1989]. По

остаточному принципу вид следует отнести к классифицирующим категориям, делящим всю лексику на два класса глаголов СВ и НСВ, но от прототипической классифицирующей категории типа рода имен существительных вид отличает его коррелятивная организация. Видовые корреляции представляют собой формы¹¹ СВ и НСВ разных глаголов, находящихся в отношениях словообразовательной мотивации. Отличия морфологических категорий от лексико-грамматических разрядов, а также от лексико-грамматических категорий как оппозиций данных разрядов анализируются в [Бондарко 1976: 155–204]. Одно из основных отличий заключается в том, что лексико-грамматические категории, например оппозиция терминативных и нетерминативных глаголов, не опираются непосредственно на систему грамматических форм.

Таким образом, вид в русском языке мы рассматриваем как грамматическую категорию особого типа, тесно связанную «с лексико-семантическими своеобразиями словесного материала... со своей лексикологической базой» [Виноградов 1975: 192], а также с глагольной словообразовательной системой. Это не словоизменительная, а классифицирующая категория с относительно высокой степенью коррелятивности. В сопоставляемых славянских языках вид занимает различное положение на шкале «словоизменение – словообразование». Как будет показано в разделе 3 данной главы, степень грамматичности вида в русском языке выше, чем в западнославянских, и ниже, чем в болгарском.

2.2. Принципы определения категориальной семантики видов

В отечественной лингвистической литературе представлены три типа определения грамматических значений на основе: 1) общего, или инвариантного, значения, охватывающего все частные значения и типы употребления; 2) основного значения, выделяемого на фоне ряда периферийных значений; 3) комплекса отдельных значений [Бондарко 1996а: 10]. Первый соотносится с классическим принципом категоризации явлений, второй ближе прототипическому подходу к категоризации, в третьем можно искать аналогию с принципом «фамильного сходства» членов естественных категорий.

Известный компромисс между названными направлениями в грамматике представляет теория В.Г.Адмони, получившая дальнейшее развитие в работах А.В.Бондарко [Адмони 1988; Бондарко

---

¹¹ Формообразование рассматриваем широко, относя к нему не только словоизменение (ср. [ЛЭС 1990: 558]), но и «образование соотносительных форм, выходящих за рамки словоизменения, то есть представляющих собой формы разных слов» [РЯ 1979: 379].

1996а]. В.Г.Адмони применяет теорию поля не только по отношению к «исходносемантическим категориям», изучаемым в рамках функциональной грамматики, но и к «исходноформальным категориям», где также выделяются центр, полностью выражающий обобщенное значение категории, и периферия, представляющая его неполно, «иногда даже с добавлением черт, свойственных другим категориям» [Адмони 1988: 78–79]. При таком подходе «само понятие абсолютного инварианта становится в известной степени относительным» [Бондарко 1996а: 15].

Мы считаем, что **инвариантный** и **прототипический принципы**, представляющие соответственно принципы структурирования классических и естественных категорий, не противоречат друг другу и могут быть совмещены: инвариантный признак в семантике членов грамматической категории может проявляться с разной степенью отчетливости, на периферии системы он может ослабляться внутренним или внешним контекстом. «В семантическом анализе есть, конечно, место для прототипов, но есть место и для инвариантов – одно не исключает другое» [Вежбицкая 1996: 201]. Например, анализируемые ниже глаголы СВ и НСВ различаются набором семантических, сочетаемостных и функциональных признаков, которые в различных лексических группах глаголов проявляются либо в полном объеме (прототипические глаголы СВ или НСВ), либо частично. Понятие наиболее типичных представителей СВ или НСВ (прототипов) не снимает вопроса о поиске инварианта совершенного и несовершенного вида – того семантического признака, который наиболее последовательно реализуется у всех глаголов одного вида и лежит в основе выделения самой категории вида. При этом данный инвариантный признак СВ или НСВ в отдельных лексических группах глаголов проявляется с разной степенью отчетливости. Прототипическими являются терминативные и мгновенные глаголы СВ, не сочетающиеся с показателями неограниченной продолжительности действия типа *долго*, такие, как *закончить, сделать, дать, взять, прыгнуть*. Некоторые глаголы СВ могут употребляться с обстоятельствами *долго, два часа*, проявляя в данной сочетаемости сходство с глаголами НСВ. Это, во-первых, длительно-ограничительные дериваты с приставками *по-, про-* (ср. *сидеть / посидеть полчаса; сидеть / просидеть долго [в приемной]*), а также некоторые другие дериваты типа *засидеться*, а во-вторых, глаголы, выражающие идею временной длительности в самом корне (см. [Всеволодова 1990]). С учетом данной сочетаемости такие глаголы можно рассматривать как периферийные глаголы СВ. Конечно, все глаголы СВ в русском, а также в других славянских языках (кроме серболужицкого) объединяет жесткая несочетаемость с фазовыми

глаголами, а в восточно- и западнославянских языках – определенные закономерности образования форм времени. Непрототипическими можно считать глаголы НСВ, неспособные обозначать актуальный процесс, типа *съесть, прочитывать, вырастать, приходиться*, которые Св.Иванчев называл семантическими перфективами [Иванчев 1971] (их особенно много в болгарском языке, например: *направлям, написвам, посещавам*). Семантика подобных русских глаголов НСВ анализируется в разделе 3.5.

Отметим, что между категориальной семантикой и «вкладом» грамматической формы в общее содержание предложения не всегда имеется однозначное соответствие даже в том случае, если категориальное значение соотносится с вполне конкретным смыслом, как, например, у категории числа существительных [Булыгина 1980: 351]. Вид не относится к категориям с ясно выраженным номинативным значением. Вычленение собственно видового вклада в семантику высказывания осложняется тем, что в выражении протекания действия во времени помимо вида участвуют разнообразные языковые элементы: прежде всего лексическое значение глагола, отражающее характер ситуации в объективной действительности (например, ее мгновенность, статичность и под.), и его словообразовательная структура, а также наречия и предложно-падежные формы с обстоятельственным значением, синтаксические конструкции (например, сложноподчиненные предложения с союзами и союзными словами *пока, в то время как*) и др. Взаимодействуя с другими грамматическими категориями – времени, наклонения, числа имен существительных и т.д., глагольный вид участвует в выражении смыслов, в той или иной степени связанных с протеканием действия: временных, модальных, тема-рематических, таксисных и др., описанных в отечественной и зарубежной лингвистике (см., например, [Межкатегориальные связи 1996]). В аспектологических работах рассмотрена зависимость употребления видов от тема-рематического членения высказывания [Рассудова 1968; Бондарко 1971; Birkenmaier 1977: 209–220; Hopper 1979: 213–242; Падучева 1990; Обзор 1990]. Подробно проанализированы функции видов при выражении хронологических отношений между действиями [Barnetová 1968; Бондарко 1984а: 70–94; Гусман 1993], релевантность видов для построения разных типов текста [Золотова 1982, 1995; Fontaine 1983; Обзор 1990; Петрухина 1991].

Таким образом, противопоставление СВ и НСВ связано в русском языке с различными семантическими оппозициями. Между ними существуют иерархические отношения. Например, противопоставление последовательности – одновременности нескольких действий и основанные на нем различия коммуникативных типов речи (повествова-

ния и описания) непосредственно соотносятся с реализацией оппозиции глаголов СВ и НСВ по отношению к пределу действия [Петрухина 1991], тогда как другие смысловые оппозиции актуализируются, как правило, при нейтрализации основного аспектуального противопоставления. Например, у целого ряда глаголов СВ и НСВ оппозиция по отношению к пределу действия нейтрализована в самом лексическом значении глаголов, которые независимо от вида выражают в равной степени результативные действия. Таковы, например, глаголы мгновенного действия типа *найти – находить, встретить – встречать* (случайно). У подобных глаголов основная оппозиция СВ и НСВ строится лишь по отношению к признаку кратности. Ср.: *Я его случайно встретил* (однокр.) / *встречал* (многокр.) *в университете. Он нашел* (однокр.) / *находил* (многокр.) *решение первым*. При выражении побуждения не совершать действие, когда характер его протекания не столь важен, актуализируются модальные различия между глаголами СВ и НСВ. Ср.: *Не говори* (запрет) / *Не скажи* (предупреждение) *ему об этом!*

Предложенная выше трактовка категории глагольного вида, ее структуры и семантики в русском языке выработывалась нами с учетом данных по другим славянским языкам. Сопоставительное исследование семантики и употребления видов в ряде славянских языков, основные результаты которого представлены в разделе 3 данной главы, позволяют уточнить некоторые положения нашей концепции категории вида.

2.3. Видовая парность

Видообразование мы рассматриваем в рамках глагольного словообразования и семантико-словообразовательных модификаций, так как, говоря словами С.Карцевского, «игра видовых форм представляет собой лишь своего рода частный случай более широкой и более сложной игры форм, какой является глагольное словообразование в целом» [Карцевский 1962: 220].

Типологической особенностью русского и других славянских языков является возможность противопоставления СВ и НСВ при обозначении одного денотативного действия: 1) имеющего разные характеристики протекания во времени (в частности, с точки зрения кратности / многократности, завершенности / незавершенности), 2) с идентичными параметрами, но по-разному представляемого (например, в плане прошедшего времени или в настоящем историческом), 3) с идентичными параметрами, но выражаемого в высказываниях с разной модальной рамкой, например с отрицанием или без отрицания (*Надо открыть окно. Открой окно! // Не надо открывать окно. Не открывай окно!*). Соотносительные глаголы СВ и НСВ составляют

видовые пары. Как мы уже отмечали, видовая парность реализуется в рамках лексико-семантических вариантов глаголов.

Понятие видовой пары, являющееся центральным для славянской аспектологии, отражает тождество денотативной семантики и функциональную соотносительность парных глаголов. Поэтому при установлении видовых пар наиболее распространены функциональные критерии. Под видовыми парами в данном исследовании понимаются такие корреляции глаголов СВ и НСВ, члены которых способны к регулярной взаимозамене без потери каких-либо элементов смысла при определенных модификациях обозначения ситуации: при переводе повествования из плана прошедшего времени в план настоящего исторического или изменении некоторых параметров ситуации, например кратности, при введении отрицания в императивные конструкции и др. Впервые такой метод определения видовых пар, как известно, предложил Ю.С.Маслов. Существенным при всех подобных модификациях исходного предложения является то, что «замена остается здесь во всех случаях чисто грамматической, не связанной с каким-либо изменением лексического значения» [Маслов 1948/1984: 67]. Функциональными критериями при установлении видовых корреляций пользуются многие лингвисты [Veugens 1980: 145–159; Булыгина, Шмелев 1980: 31–32; Падучева 1996: 104–105]. При этом Е.В.Падучева в качестве функционального критерия избирает трансформацию по признакам ‘îáîîððàðîíîðîü – многократность’, считая именно это семантическое соотношение стандартным, или тривиальным, для видовой пары, другие же критерии, по ее мнению, менее универсальны [Падучева 1996: 90].

Как нам представляется, названные выше функциональные критерии при определении видовой парности могут быть использованы в комплексе. Среди видовых корреляций, по всей видимости, также существует определенная иерархия, позволяющая говорить об их полевой организации [Ясаи 1997; Ли Вон Бок 1998]. Существуют прототипические пары, отвечающие всем функциональным критериям (это прежде всего терминативные глаголы типа *встать – вставать, открыть – открывать, строить – построить*, а также нетерминативные суффиксальные пары глаголов СВ и НСВ типа *обижаться – обидеться, понимать – понять*¹²), и периферийные пары, члены которых

---

¹² Здесь мы имеем дело с влиянием на определение видовой парности языковой формы: статус видовых пар нетерминативных глаголов в аспектологии безоговорочно получили лишь суффиксальные пары НСВ и СВ (типа *возглавлять – возглавить, обижаться – обидеться*), тогда как вокруг префиксальных пар со сходными семантическими отношениями (типа *чувствовать – почувствовать, тосковать – затосковать, грустить – загрустить*) по-прежнему ведется дискуссия [Анкета 1997]. Такое положение отражает не только теоретические и терминологические разногласия в аспектологии, но и некоторые различия в функционировании данных пар глаголов СВ и НСВ, см. [Ли Вон Бок 1998].

соотносительны лишь в некоторых типах контекста (например, процессивные глаголы *хорошет* – *похорошет*, *толстеть* – *потолстеть*). В русском языке в отношении видовых коррелятов втягиваются пары базовых глаголов НСВ (со значением деятельности и гомогенных процессов) и их фазисно-временных словообразовательных модификаций (см. главу IV).

Функциональная соотносительность терминативных глаголов, составляющих основную массу видовых пар в русском языке, может быть объяснена с концептуальной точки зрения.

2.4. Семантика терминативных глаголов СВ и НСВ

2.4.1. Отражение терминативной модели протекания действия в значении глаголов СВ и НСВ. Вопрос о том, является ли признак терминативности / нетерминативности действительно присущим реальным ситуациям, выступает как большая дискуссионная лингвофилософская проблема. На этот счет существуют разные мнения. Ю.С.Степанов считает, что «никакое явление действительности, обозначенное в языке как действие, не несет в себе никаких объективных указаний на свою ограниченность или неограниченность пределом» [Степанов 1976]. Такого же мнения придерживаются П.Дурст-Андерсен и А.В.Кравченко [Durst-Andersen 1992, 1994; Кравченко 1995: 50].

Как мы уже отмечали в главе I, при изучении представления в языке динамического мира, имеющего временные параметры, терминативное действие надо признать в той же степени реальным, как и состояние или деятельность. Такое действие имеет начало, развивается во времени, вызывает изменения в связанной с ним субстанции и прекращается по достижении предела в своем развитии.

Большинство логических моделей времени не имеет «специальных средств для отображения внутренней динамики развития процессов, явлений, событий. В этих моделях можно представить статическое состояние дел (“Поездка из Новосибирска в Москву”), но невозможно развернуть его в динамический ряд сменяющих друг друга ситуаций» [Кандрашина и др. 1989: 316]. «Логический каркас для изменяющегося мира» – логику действия и логику изменения – обосновал Г.Х. фон Вригт. К фундаментальным понятиям его логических построений относятся понятия времени, изменения, действия, его результата и последствий. Действие (в простейшем случае) понимается как «переход (или превращение) из одного состояния в другое». «Действие состоит в том, чтобы вызывать или предотвращать изменения в природе» [Вригт 1986: 516].

Таким образом, восприятие ситуации как терминативной, отраженное в семантической структуре терминативных глаголов, имеет основание в объективной действительности. Оно может выражаться не только в предложении, но и в «минимальном окружении» глагола, ср.: *читать письмо, писать статью*. С другой стороны, одна и та же денотативная ситуация в некоторых случаях в высказывании может быть обозначена и как терминативная, и как нетерминативная. Так, ответом на вопрос *Чем он занимается?* при описании одной ситуации могут служить по крайней мере два предложения соответственно с нетерминативным и терминативным предикатами: *Все пишет; Пишет статью*, ср. [Мелиг 1985]. Такое употребление характерно для ряда базовых глаголов, рассматриваемых нами в классе терминативных глаголов на том основании, что они в принципе могут выполнять функцию терминативного предиката.

Аксиома тождественности лексического значения членов видовой пары, признаваемая многими лингвистами, думается, основана на том, что терминативная модель протекания действия во времени отражается в значении глаголов как совершенного, так и несовершенного вида. Однако ее реализация в семантической структуре глагола в зависимости от вида происходит по-разному. А.А.Холодович, анализируя «грамматические явления, связанные с предельными процессами», в семантической модели перехода к одновероятному состоянию выделяет следующие моменты: «сам процесс с одной степенью свободы (момент a) – естественное завершение процесса с одной степенью свободы и начало результирующего состояния (момент b) – результирующее состояние S и только S (момент c)», поясняя в примечании, что момент b теоретически разложим на b' (конец процесса) и b'' (начало состояния) [Холодович 1979: 139]. Различные трактовки категориальной семантики совершенного вида: на основе смысловых элементов «результирующего предела» или «начала» связаны с абсолютизацией одного из взаимосвязанных моментов b' и b''. Хотя в объективной действительности данные моменты практически неразделимы, при обозначении некоторых типов терминативных ситуаций в конкретных высказываниях один из них может актуализироваться. Например, в предложении *Ты можешь ему позвонить, он вчера приехал в Москву* глагол СВ *приехал* прежде всего выражает смысл 'начал находиться в ...' (b''). Между тем в предложении, содержащем указание на предшествующий этап действия, обозначенного глаголом СВ, например: *Путь был долгий и мучительный, приехали мы в город N. только в субботу вечером*, актуализируется смысловой элемент b' – 'конец процесса'.

Значительную роль в актуализации того или иного смысла играет лексическое значение глагола, отражающее характер обозначаемого действия в объективной действительности. Однозначно ответить на вопрос, какой из названных смысловых компонентов является эксплицитно выраженным (ассертивным), по отношению ко всей большой и разнородной группе терминативных глаголов СВ, по нашему мнению, невозможно. У большинства терминативных глаголов СВ типа *сделать, покрасить, написать*, в семантике которых отражены «и предшествующее, подготовительное течение процесса», и достижение предела [Маслов 1984: 61], основной элемент значения – завершение процесса, следствием которого выступает новое состояние субстанции. Глаголы типа *найти, лопнуть*, обозначающие «факт скачкообразного перехода субъекта или объекта действия в новое качественное состояние, факт достижения в длительности процесса решающей “критической точки”, которая одна и составляет собственно содержание данного глагольного понятия» [Маслов 1984: 60], эксплицитно выражают смысл ‘начало нового состояния’.

По мнению многих исследователей, в семантике терминативных глаголов НСВ представлен элемент смысла, называемый **импликацией** по образцу логической импликации – закона предугадываемости явлений [Wierzbicka 1967: 2243–2246] (см. также [Сильницкий 1983: 59–60; Падучева 1986: 420–421; Бондарко 1991]). М.Я.Гловинская данный элемент смысла выделяет у всех типов предельных глаголов НСВ в актуально-длительном употреблении, связывая его с сущностью предельности [Гловинская 1982: 83]. Анализ различных терминативных глаголов НСВ показывает, что данная семантическая формула допускает существенные вариации, непосредственно связанные с конкретной глагольной семантикой и смыслом предложения. У некоторых глаголов НСВ, например у тех, которые входят в глагольные тройки типа *садиться – сесть – сидеть, засыпать – заснуть – спать*, импликация является постоянным элементом их значения и проявляется в большинстве случаев их употребления, ср.: *Он засыпает (= вот-вот заснет)*. Данный смысл выражается также при противопоставлении глаголов НСВ соответствующим глаголам СВ по линии «тенденция – осуществление», когда в предложении выражается направленность процесса на результат [Бондарко 1986: 20]. Однако у целого ряда терминативных глаголов НСВ, обозначающих гетерогенные действия, направленные на преобразование объекта, срединная фаза которых связана с постепенным и иногда длительным накоплением результата, импликация становится менее явной, отходит на задний план и может вообще отсутствовать. Ср.: *Когда она переписывала упражнение, то допустила несколько ошибок. Из языкового образа действия, обозначенного глаголом НСВ переписывала,*

исключено представление о потенциальном его завершении. Представляется справедливым утверждение, что «между процессом, связанным с потенциальным пределом, и непределённым процессом в русском языке нет четких формальных различий. В связи с чем и семантическое различие может быть размытым» [Бондарко 1986: 16].

Итак, значение предела действия в семантической структуре глаголов НСВ – это переменный элемент, подвергающийся коммуникативной актуализации [Мелиг 1985; Падучева 1986: 421; Бондарко 1986]. Данный факт способствует функциональному сближению терминативных глаголов НСВ в некоторых случаях их употребления с соотносительными глаголами СВ, в других – с нетерминативными гомогенными глаголами НСВ.

У гомогенных ситуаций их временные границы могут быть выражены в рамках глагольной лексемы специальными словообразовательными средствами, которые в русском языке, за небольшим исключением, комбинируются лишь с СВ и определяют ракурс изображения ситуации: внимание говорящего облигаторно фокусируется на начальной (*за шуметь*) или конечной (*от шуметь*) временной границе. А выражение обеих границ возможно лишь с одновременной актуализацией самого процесса и его длительности (*по шуметь*). Русский язык в этом отношении сходен с западнославянскими и отличается от болгарского, в котором лексическая база видовой оппозиции значительно шире класса терминативных глаголов, так как любое гомогенное действие, ограниченное временным пределом (пределами), может быть представлено не только в форме СВ, но и НСВ.

2.4.2. Терминативность и результат действия. Семантика терминативности тесно связана с концептом результата: терминативные глаголы СВ выражают достижение результата действия. В теории Г.Х. фон Вригта результат понимается как «положение дел, достижение которых логически заведомо необходимо для выполнения этих действий» [Вригт 1986: 348]. Такое положение дел А.А.Холодович называет результирующим состоянием, к которому приводят предельные (в нашей терминологии терминативные) процессы, то есть процессы с одной степенью свободы, или **результантные** [Холодович 1979: 139]. С.Карцевский считал, что понятие результата «является одной из главных движущих сил русской глагольной системы» и что «семантика видов находит себе точку опоры в понятии результата» [Карцевский 1962: 220]. Некоторые лингвисты связывают с результатом категориальное значение СВ, ср. [Мучник 1971: 101–105; Милославский 1995]. При решении последнего вопроса нам ближе точка зрения В.В.Виноградова, считавшего, что результат – частный случай предела [Виноградов 1972: 394]. При этом необходимо учиты-

вать, что у большого класса терминативных глаголов СВ результат, как интуитивно «ощутимый» смысл, представляет конкретную реализацию достижения предела действия.

При анализе глагольной семантики мы считаем важным различать **результат** и **последствия действия**. Различия между ними логически обосновал Г.Х.фон Вригт, показав, что между действием и его результатом связь существенна, а между действием и его последствиями – несущественна. Так, действие ‘открыть дверь’ неразрывно связано с его результатом – ‘дверь открыта’, и то же самое действие может иметь разнообразные последствия: «открывание двери, скажем, создает скрип, и шум будит спящего ребенка». Это лишь «эффекты результата» [Вригт 1986: 255]. Результат связан с естественным завершением, самоисчерпанием действия, причем между концом процесса и началом результирующего состояния «имеет место отношение логического вывода, а не временной последовательности двух событий» [Типология 1983: 149]. У глаголов же типа *догуляться до насморка*, *проспать* (=‘не встать вовремя’) целесообразнее говорить не о результате, а о последствиях, наступающих не обязательно в связи с завершением действия. Последствия действия могут проявиться как до, так и значительно позже его окончания; например, глагольные действия *отлежать* (бок), *отсидеть* (ногу) вовсе не обуславливают обязательного прекращения лежания, сидения (ср. *Он отсидел ногу, но не мог изменить положения*). Глаголы со значением последствий действия назовем квазирезультативными. Характерно, что образуются они от нетерминативных гомогенных базовых глаголов.

Таким образом, собственно результат (в узком смысле) связан с достижением естественного предела действия, обуславливающим его завершение и наступление одновероятного результирующего состояния. Квазирезультативные глаголы называют последствия действия, то есть одно из возможных состояний, вызванное предшествующим действием (и не обязательно в связи с его завершением).

3. Сопоставительное исследование категории глагольного вида в русском, западнославянских и болгарском языках

3.1. Общая характеристика сходств и различий в организации категории вида и функционировании видов

Учитывая существующие описания вида в отдельных славянских языках и имеющиеся сопоставительные работы (см. библиографию), можно констатировать ряд важных показателей общности аспекту-

альных систем славянских языков, базирующейся на: 1) функциональных сходствах глаголов совершенного и несовершенного вида, 2) аналогии грамматических последствий словообразовательных процессов префиксации и суффиксации глаголов – их перфективации и имперфективации и 3) возможности словообразовательными средствами выразить разнообразнейшие параметры протекания глагольного действия во времени. Отмеченные сходства сопровождаются некоторыми функциональными и формальными различиями. Охарактеризуем вначале общее соотношение сходств и различий, чтобы затем сопоставить употребление и семантику видов, а также объем вторичной имперфективации в славянских языках подробнее.

Славянским языкам в целом свойственны однотипные функциональные различия между СВ и НСВ, проявляющиеся прежде всего в том, что при обозначении актуального длящегося процесса (в частности, совпадающего с моментом речи) и в сочетании с фазовыми глаголами не могут быть употреблены глаголы СВ, а только глаголы НСВ, которые при таком употреблении противостоят СВ, но в определенных контекстуальных условиях во всех славянских языках возможно и синонимическое употребление глаголов разного вида.

Однотипные ограничения на сочетаемость и употребление глаголов СВ, не использующихся в сочетании с фазовыми глаголами и для обозначения актуально длящегося процесса, объясняются, по нашему мнению, семантически – характером категориального значения СВ. Как мы уже отмечали, совершенный вид фокусирует внимание говорящего на одном из пределов (моментов, границ) действия, как правило, конечном или начальном, исключая тем самым возможность представления действия в процессе протекания. Такая фокусировка предполагает **ретроспективную** или **проспективную точку** отсчета по отношению к самому действию. НСВ, не актуализируя предела или пределов действия, не препятствует представлению действия синхронно с точкой отсчета, процессуально. Процессуальность предполагает выделение срединной фазы действия в динамике его протекания во времени – от прошлого к будущему [Кошмидер 1962: 145; Бондарко 1971: 118], актуализация срединной фазы и неопределенных моментов действия связана с представлением о его длительности и локализованности на временной оси.

Вне названных ограничений на употребление СВ между славянскими языками наблюдаются существенные расхождения в функционировании видов. Так, различна сочетаемость видов с показателями кратности действия; наблюдаются значительные различия в употреблении видов в отдельных временных (например, в настоящем историческом) и модальных (например, в императиве) планах, при отрицании, в некоторых синтаксических конструкциях.

В славянских языках сходен инвентарь средств видообразования, но различны границы вторичной имперфективации, а также семантика вторичных имперфективов. При общем сходстве внутриглагольных деривационных систем между отдельными славянскими языками имеются расхождения в инвентаре фазисно-временных модификаций, средствах их выражения и продуктивности, а также различия в представлениях временных параметров идентичных ситуаций, выражаемых словообразовательными средствами (см. главы III, IV).

Категория вида в славянских языках взаимодействует с другими глагольными категориями – временем, залогом, наклонением, но по-разному; в частности, различна степень взаимодействия категории вида и времени. По мнению Ю.С.Маслова и Св.Иванчева, наибольшей независимостью категории вида от категории времени отличается болгарский язык, где категория вида получила максимальное развитие при сохранении старой временной системы [Иванчев 1973: 151]. «Оппозиция аорист : имперфект, как и оппозиция перфект (в широком смысле) : неперфект, несколько не контаминируется здесь с оппозицией СВ : НСВ» [Маслов 1984: 91], независимость вида и времени проявляется также в одинаковом способе образования форм будущего времени от глаголов обоих видов (*ще правя / ще направя – буду делать / сделаю*).

При определении статуса категории вида в чешском языке большое значение взаимодействию вида и времени придавал Ф.Копечный: по его мнению, грамматичность вида определяется его связями со словоизменительной категорией времени [Кореšný 1962]. Изучив взаимодействие вида и времени в области презентных форм в чешском и русском языках, мы пришли к выводу, что в чешском оно выражено в меньшей степени, чем в русском [Петрухина 1983]. При этом мы учитывали прежде всего бóльшую равноправность значений будущего и неактуального настоящего у презентных форм СВ в чешском языке, чем в русском. Наш вывод подтверждает также широкое употребление презентных форм СВ в чешском языке со значением настоящего исторического.

В русском и западнославянских языках семантика вида тесно взаимодействует со значением фазисно-временных СГД, выражающих временные границы действия. Начало, конец, ограниченность действия двумя временными пределами в русском и польском языках выражаются преимущественно глаголами СВ, в чешском же и словацком связь этих смыслов с глаголами СВ еще более тесная, ср.: *запеть / запевать, зацветсти / зацветать, просидеть (час) / просиживать*; но: *зашуметь / –, прозаниматься (два часа) / –, почитать / –*; пол. *zachcieć się / zachciewać się (захотеться / –), zakwitnąć / zakwitać (зацветсти / зацветать), но: zadreptać / – (засеменить ногами), zaintonować / – (запеть), zamieszkać / – (поселиться); przechorować / przechorowywać (проболеть – ‘подолгу и неодно-*

кратно болеть'), но: *przeleżeć* / – (пролежать), *przetąpić* / – (протанцевать), *przeżartować (całe popołudnie)* / – (прошутить [всю вторую половину дня]); чеш. *zašumět* / – (зашуметь, прошуметь), *zakřičet* / – (прокричать), *prosedět* / – (просидеть).

В болгарском языке вид «полностью обособлен... от полулексических значений способов действия» [Маслов 1984: 93], то есть выражение временных границ действия совместимо в болгарском языке с обоими видами. Поэтому при определении категориальной семантики видов в болгарском языке возрастает роль интерпретации действия говорящим, значимость «фокусировки» внимания говорящего или на одном из пограничных пределов действия, обуславливающей ретроспективное и проспективное восприятие самого действия, или на срединных его моментах, связанных с синхронным восприятием действия относительно точки отсчета. Ср.: *Отшумя юбилейната година (Отшумел юбилейный год) / Отшумява юбилейната година* (возможен лишь приблизительный перевод на русский язык: *Кончается (или: затихает) юбилейный год*). *Отшумя* фиксирует внимание на конечном пределе действия, *отшумява* – на любом моменте нечетко выраженной конечной фазы действия.

Мы хотели бы обратить внимание на один комментарий Св.Иванчева по поводу семантики вторичного имперфектива *отшумява*, оставшийся, как нам кажется, незамеченным. Речь идет о влиянии системных видовых отношений на формирование глагольной семантики и категоризации действия. В русском языке глагол *шуметь* обозначает гомогенное неограниченное временными рамками действие, *отшуметь* – гомогенное действие, имеющее конечную границу и воспринимаемое ретроспективно. В болгарском языке глагол *шумя* по представлению протекания действия во времени не отличается от русского, а вот в семантике вторичного имперфектива *отшумява*, по мнению Св.Иванчева, соединяются два СГД: под финитивным СГД скрывается эволютивно-результативный [Иванчев 1971: 62], выражающий негомогенный процесс, направленный на достижение конечного предела в своем развитии (типа русского *затихать*), то есть, по нашей терминологии, обозначающий терминативное изменение. Глагол *отшумя*, коррелирующий с вторичным имперфективом, также начинает восприниматься как терминативный. К проблеме воздействия системных отношений на формирование семантики конкретных глаголов мы еще вернемся.

3.2. Сходства в употреблении видов

Славянские языки проявляют принципиальное сходство в выражении различных типов ситуаций глаголами СВ и НСВ. Употребление видов определяется либо объективным характером обозначаемых действий – тем, закончено действие или нет, мгновенно оно или длительно, результативно или нерезультативно, однократ-

но или многократно, – либо интерпретацией протекания действия во времени говорящим: во всех славянских языках имеется принципиальная возможность обозначения одной и той же денотативной ситуации глаголами разного вида.

Категориально обусловленный запрет на сочетаемость глаголов СВ с фазовыми глаголами и на употребление в контексте актуально-процессного значения в большинстве славянских языков соблюдается очень строго¹³. Исключением не являются и случаи употребления перформативов СВ типа *Я вас **попрошу** высказать свое мнение*, когда глагол СВ выражает действие, одновременное с моментом речи, так как последний момент произнесения перформатива совпадает с завершением обозначаемого им действия. «Перформативы всегда результативны», поэтому «не употребляются в процессном и актуально-длительном значениях настоящего несовершенного» [Апресян 1988б: 76]. Аналогично в предложении *Никак не найду нужную книгу* (которое может служить ответом на вопрос *Что ты сейчас делаешь?*) глагол СВ выражает отсутствие результата предшествующих моменту речи попыток совершить действие и, как обобщение, констатацию невозможности совершить его в момент речи.

Мы не считаем исключением и такой тип употребления глаголов СВ, образованных по модели *na- + se* в чешском языке, на который указывал Ф.Копечный. Предложение *Nadřu se tady už od rána s tou zahrádkou – Вожусь* (букв. *наработаюсь* или *навкальваюсь*) *с утра с этим огородом*, по мнению Ф.Копечного, также может быть ответом на вопрос *Co to tu děláš? – Что ты здесь делаешь?* [Кореšný 1962: 38]. Чешские информанты отмечают необычность такого употребления для современного чешского языка. Более вероятно его неактуальная интерпретация, ср.: *Já se tady nadřu jako vůl, a on se v jednom kuse*

¹³ Единственный зафиксированный пример сочетаемости СВ с фазовым глаголом в чешском языке комментируется особо в конце раздела 3.4.3; скорее всего речь идет о некорректном, небрежном, хотя и очень показательном для чешского языка употреблении. Шире подобная сочетаемость наблюдается в серболужицком языке, испытывавшем на протяжении всей своей истории сильное влияние немецкого языка. Сочетание фазового глагола с СВ отмечается даже в грамматических описаниях верхнелужицкого языка, но как некорректное. Ср.: *W létach 1896–99 je započal spisać a wudać traktaty w słowjanskej řeči – В 1896–99 годах он начал писать (букв. начал написать) и издавать (букв. начал издавать) трактаты на славянском языке* [Faßke 1981: 180–181]. С.С.Скорвид указал нам на целый ряд аналогичных примеров из художественной литературы XIX в., современной публицистики и разговорной речи (ср. *Wězo su hižo w tutym léće něštožkuli polěpšić započeli* – букв. *...исправиться начали*), свидетельствующих о высокой частоте подобной сочетаемости. Кроме того, глаголы СВ в верхнелужицком часто употребляются в контекстах, в которых совмещается план прошедшего и настоящего для обозначения действий, одновременных с моментом речи, причем такое употребление в грамматиках расценивается как нормативное. Речь идет о случаях типа *To je rjenje, zo was tu zetkam* – *Хорошо, что я вас здесь встречаю* (букв. *встречу*); *Zwotkel da přindžeš?* – *Откуда ты идешь* (букв. *придешь*)? [Faßke 1981: 255–256].

ulejvá (разг.) – *Я работаю как вол, а он бездельничает.* Глаголы СВ, образованные по модели *na- + se*, обобщают предшествующую деятельность, распространяя это обобщение и на момент речи.

Глаголы НСВ во всех славянских языках характеризуются широкой и разнообразной шкалой употребления, что хорошо изучено и описано на материале всех сопоставляемых славянских языков [Маслов 1959; Исаченко 1960; Рассудова 1968; Бондарко 1971; Šmiech 1971; РГ 1979; Петрухина 1983; и др.]. Для формирования значения глаголов НСВ контекстное окружение играет большую роль, чем для глаголов СВ. Глаголы НСВ, имплицитно выраженные контекстом и ситуацией аспектуальные характеристики (однократность, многократность, результативность и др.), могут обозначать разнообразные по характеру протекания действия. Тем не менее анализ употребления НСВ в русском и других славянских языках привел нас к выводу, что в целом ряде случаев НСВ обладает положительным аспектуальным значением, выражаемым именно глаголами НСВ, а не контекстом (ср. трактовку НСВ как «аспектуального нуля» во всех типах его употребления в [Forsyth 1970; Ломов 1975]).

При обозначении конкретного единичного действия динамические глаголы НСВ в славянских языках выражают значение процессуальности, то есть выражают действие в срединные моменты его протекания. Для актуализации этого значения необходимы определенные контекстуальные или ситуативные условия: прямое или косвенное указание на единичность и конкретность действия. В минимальном контексте, без каких-либо специальных контекстуальных распространителей, если внимание сосредоточивается на самом глагольном действии, формы НСВ также выражают актуально-процессное значение, например: *Я переодеваюсь. Брат разогревает суп. Он раскрывает зонтик*; чеш. *Převlékám se. Bratr si ohřívá polévku. Roztahuje si deštník.* Относительно подобных случаев, по нашему мнению, неправомерно считать, что НСВ лишь имплицитно выражает аспектуальное значение контекста. Контекстные элементы, выражающие длительность, протяженность, медленное течение действия, одновременность двух или нескольких действий, являются возможными и частыми, но не обязательными показателями, подчеркивающими значение процессуальности глаголов НСВ. Ср.: *Корабль (все еще, медленно, в течение часа) погружался* – чеш. *Lod' se (stále ještě, pomalu, celou hodinu) potápěla.*

Таким образом, выражение значения процессуальности, то есть обозначения действия, «представленного в фиксируемый период его существования как протекающий процесс, в динамике его течения во времени – от прошлого к будущему» [Бондарко 1982: 127], выступает как специфическая функция НСВ.

Во всех славянских языках глаголы НСВ могут замещать СВ, обозначая результативные действия, например: *Kto stroil / postroil тот дворец?*; чеш. *Kdo stavěl / postavil tento palác?*; словац. *Kto stavil / postavil tento palác?*; пол. *Kto budował / zbudował ten pałac?* (В.Смех считает, что в польском языке в вопросах подобного рода предпочтение отдается НСВ [Śmiech 1971: 43–44]). Ср. также: *Когда вы защищали / защитили диссертацию?*; чеш. *Kdy jste obhájoval / obhájil disertaci?*; словац. *Kedy ste obhajovali / obhájili dizertáciu?*; пол. *Kiedy pan obronił / bronił dysertację?*; *Реконструкцию этого здания проводила / провела известная фирма*; чеш. *Rekonstrukci této budovy prováděla / provedla známá firma*; словац. *Rekonštrukciu tejto budovy viedla / previedla (robila / urobila) známa firma*.

Сходная взаимозамена видов возможна и в болгарском языке, например аорист НСВ / аорист СВ встречаются в вопросе о действии в прошлом, причем глаголы НСВ выражают действия «в более общем смысле, как совершаемые вообще, без выделения их конкретности и единичности» [Андрейчин 1949: 166], тогда как аорист СВ указывает на конкретность и единичность действия, см. также [Иванчев 1971: 127–136]. Различия во временных системах болгарского, с одной стороны, и русского и западнославянских языков – с другой, порождают и расхождения в употреблении видов. Например, болгарские предложения с аористными формами НСВ типа *Той пи една чаша вода. Той му писа писмо* на русский и западнославянские языки переводятся обязательно при помощи СВ: *Он выпил чашку воды. Он написал ему письмо*; чеш. *Vypil sklenici vody. Napsal mu dopis*.

Именно употребление глаголов НСВ в контекстах, типичных для СВ (например, при обозначении единичных результативных действий), позволило сделать вывод, прозвучавший во многих работах, о немаркированном характере НСВ в видовой оппозиции. Подчеркнем вновь, что НСВ как немаркированный член привативной оппозиции, по Р.Якобсону [Якобсон 1985: 221], характеризуется семантической двойственностью и в определенных типах контекста, рассмотренных выше, способен иметь свое собственное положительное значение, противопоставленное категориальному значению СВ: значение процессуальности, при котором фокусируются не предельные, а срединные моменты протекания действия [Петрухина 1986].

Показательно, что в ряде случаев собственное аспектуальное значение НСВ препятствует замещению глаголами НСВ глаголов СВ в тех контекстах, где теоретически это возможно: при наличии контекстуальных показателей, указывающих на завершение и результативность единичного действия в прошлом. Ср.: *Вчера я переделала (*перedelывала) статью за два часа (к восьми часам и*

т.п.); *Завтра к восьми часам (за два часа) я переделаю (*буду переделывать) статью*. Аналогично в других сопоставляемых языках, например чешском: *Ten článek jsem předělala (*předělávala) včera za dvě hodiny. Ten článek předělám (*budu předělávat) zítra asi za dvě hodiny*¹⁴.

Для большинства глаголов СВ, за исключением ограничительных СГД (*полежать, пролежать два часа*) и некоторых отдельных глаголов типа *отдохнуть (неделю)*, характерна также несочетаемость с такими показателями длительности действия, как *долго, два часа, неделю*. Но и здесь между славянскими языками наблюдаются некоторые различия, свидетельствующие, в частности, о разной зависимости реализации категориального значения СВ от семантики контекста и лексического значения глагола. Проанализируем подробнее эти и другие различия в сочетаемости и употреблении видов в сопоставляемых языках.

3.3. Различия в употреблении и семантике видов

3.3.1. Различия в сочетаемости глаголов СВ. Контекст с отрицанием в западнославянских языках, указывая на отсутствие действия, а значит, на отсутствие актуализации его предела, снимает семантические ограничения на сочетаемость СВ с обстоятельственными показателями неограниченной длительности типа чеш. *dlouho, celý týden*. Ср.: *Promiň, že jsem ti tak dlouho nenapsala, neodpověděla – Извини, что я тебе так долго не писала (букв. не написала), не отвечала (букв. не ответила)*. Такая сочетаемость зафиксирована также в словацком и польском языках, ср.: пол. *Długo nic nie napisał, nie krzyknął, nie przyszedł – Он долго ничего не писал, не кричал, не приходил; Kilka dni nie pokazał się... – Он несколько дней не показывался...* [Широкова 1971; Śmiech 1971: 38; Ананьева 1993: 71].

¹⁴ Анализ подобной сочетаемости демонстрирует специфику семантической классификации глаголов в славянских языках по сравнению с соответствующей классификацией английских глаголов З.Вендлера, построенной на операционных критериях [Vendler 1967] (см. главу I). Терминативные глаголы СВ и НСВ не отвечают критериям выделения ни одного класса вендлеровской классификации. Е.В.Падучева считает, что «глаголы *построить (дом), нарисовать (кружочек)* – это вендлеровские accomplishments» [Падучева 1996: 106], но они, в отличие от английских глаголов класса accomplishments, не могут иметь актуально-процессного значения, соответствующего формам прогрессива на *-ing* в английском языке. С другой стороны, глаголы НСВ, имеющие актуально-процессное употребление, не отвечают другим операционным критериям ни accomplishments, ни activities. В частности, в русском языке терминативные глаголы НСВ не сочетаются с инклюзивными обстоятельствами типа *за час* при обозначении единичного действия (как activities), но свободно допускают такую сочетаемость (как accomplishments) в контексте повторяющегося действия, ср.: *За час она обычно перепечатывает 12 страниц текста*.

Отсутствие изменения и смены ситуации (что обуславливает невозможность актуализировать границу действия) может быть выражено в самом лексическом значении таких глаголов, как *остаться*, *задержаться*. В ряде славянских языков такие глаголы свободно сочетаются с показателями длительности, ср.: чеш. *Zůstal jsem tam dlouho*; *Zdržel jsem se dvě hodiny* – *Я оставался (букв. *остался*) там долго; Я задержался на два часа* (букв. *два часа*). Характерно, что болгарский язык примыкает в этой области к западнославянским. Ср.: болг. *Той удари челото си о студените плочи и дълго остана така* – *Он ударился лицом о холодные бетонные плиты и надолго остался лежать* (пример Ю.С.Маслова). Ю.С.Маслов приводит многочисленные примеры сочетания обстоятельств продолжительности действия с глаголами, выражающими значение временного отсутствия движения в прямом или переносном смысле, при наличии в предложении отрицания [Маслов 1959: 222–230].

Русский язык проявляет здесь большую, чем сравниваемые с ним языки, грамматикализованность вида, не допуская, несмотря на наличие семантических условий для этого, сочетаемости подобных глаголов СВ с временными обстоятельствами типа *долго*, то есть категориальное значение СВ и обусловленные им сочетаемостные свойства глаголов СВ в русском языке проявляют большую независимость от лексической семантики глаголов и контекста.

3.3.2. Различия в употреблении видов при обозначении повторяющихся действий. В этой функциональной области между сопоставляемыми славянскими языками наблюдаются существенные различия. Данной проблематике посвящена обширная лингвистическая литература: имеются русско-болгарские, русско-чешские, русско-польские, русско-словацкие сопоставительные исследования [Маслов 1959; Смирнов 1962; Иванчев 1965, 1971; Широкова 1966, 1971; Масленникова 1969; Петрухина 1983; Stunová 1993; Ананьева 1996]. В нашей книге этот вопрос анализируется с точки зрения реализации видовой оппозиции в контексте повторяющегося действия и отражения функциональных различий в категориальной семантике НСВ (на примере сопоставления русского и чешского языков).

Каково соотношение актуализации предела со значением кратности действия? Признак многократности, выражаемый в рамках глагольной лексемы при помощи специальных суффиксов, совместим в сопоставляемых языках лишь с НСВ. Особый лексико-грамматический класс многократных глаголов в чешском языке детально изучен в сопоставлении с другими славянскими языками А.Г.Широковой. В своих исследованиях она показывает семантическую специфику трех способов выражения повторяющихся действий: при помощи форм

НСВ, СВ и многократных глаголов НСВ. Последние выражают нерегулярную повторяемость, в форме прошедшего времени нередко указывают на отнесенность повторяющегося действия к отдаленному прошлому [Широкова 1963, 1996]. Мы рассматриваем многократные глаголы в чешском языке как словообразовательную модификацию базовых глаголов, выражаемую суффиксальным способом. По данным А.Г.Широковой, класс многократных глаголов в словацком языке сходен с чешским, в польском языке группа этих глаголов довольно ограничена, в русском они представляют реликтовую категорию, а болгарскому языку такие глаголы вообще несвойственны [Широкова 1996: 15].

Однако сосредоточение внимания на каком-либо пределе действия в принципе не исключает одновременного выражения повторяемости действия контекстуальными средствами. Так как однозначного семантического соответствия между предельностью глагола и признаком однократности / многократности нет, славянские языки существенно различаются в плане употребления видов при выражении кратных действий.

При употреблении НСВ действие «представлено в середине своего течения или многократного возобновления» [Князев 1997: 134]. Поэтому глаголы НСВ в минимальном контексте, при отсутствии прямых или косвенных показателей кратности действия, в отношении к признаку однократности / повторяемости неоднозначны, тогда как глаголы СВ более определенно выражают однократное действие. Ср.: чеш. *Pouští* (сейчас или всегда) *si teplomet // Pustí si teplomet* (скорее однажды в будущем, чем всегда) – *Он включает* (сейчас или вообще) *электрокамин // Он включит электрокамин* (однажды в будущем).

Обозначение кратных действий является важной функцией НСВ во всех сопоставляемых языках, особенно в русском и болгарском. В ряде исследований категориальная семантика видовой оппозиции определяется по отношению не только к признакам предельности или результативности, но и кратности: «...семантическим содержанием глаголов совершенного вида является обозначение таких дополнительных характеристик действия или состояния, как результативность и однократность», НСВ при этом определяется как аспектуальный нуль [Милославский 1995: 105]. Однако такое определение семантики видов, в известной степени значимое для русского языка, для некоторых славянских языков, например чешского и словацкого, нерелевантно, так как в этих языках СВ для обозначения кратных действий используется чаще, чем НСВ, который к тому же трудно назвать «аспектуальным нулем» (см. ниже). В решении данного вопроса нам ближе позиция Г.А.Золотовой, которая видит «в итеративности и по-

вторяемости не столько аспектологическую, сколько композиционно-текстовую категорию», поэтому повторяемость не связывает с имперфективной функцией НСВ [Золотова и др. 1998: 410].

В целом можно констатировать, что при обозначении повторяющихся действий особенно высока степень обязательности употребления НСВ в русском и болгарском языках. Употребление глаголов СВ при обозначении кратных действий здесь возможно лишь в определенных условиях контекста (в частности, в кратно-парной и кратно-цепной конструкциях) и в большей степени характерно для разговорной речи и художественной литературы, но не встречается в научных, официально-деловых текстах [Маслов 1959; Бондарко 1971; Петрухина 1978, 1983]. Нейтральным средством выражения повторяющихся действий выступают глаголы НСВ, причем болгарский язык отличается участием временных форм в выражении повторяемости действия, а именно форм имперфекта СВ [Маслов 1956: 237].

В чешском, словацком, польском языках связь глаголов СВ со значением однократности не столь обязательна, они свободно сочетаются с показателями кратности, поэтому функциональная нагрузка глаголов СВ при обозначении кратных действий в западнославянских языках значительно больше, чем в русском, причем во всех стилях речи. При выражении же повторения неожиданных, мгновенных действий СВ в чешском языке более употребителен, чем НСВ, например: *Jsou chvíle, kdy lidé náhle odhalí to, co po léta ukrývali* – *Бывают минуты, когда люди неожиданно открывают (букв. откроют) то, что годами скрывали.* А употребление глаголов НСВ для выражения повторяющихся нежелательных, случайных действий в чешском языке вообще невозможно. Ср.: *Každý týden nějaký ten hrnek rozbije* – *Каждую неделю он разбивает (букв. разобьет) что-нибудь из посуды* [Петрухина 1983: 165–166].

Польский язык с точки зрения употребления видов при обозначении кратных действий, как можно судить по данным специальных исследований [Масленникова 1969; Śmiech 1971: 45; Ананьева 1996], занимает промежуточное положение между чешским (а также словацким) и русским языками: СВ в контексте кратного действия используется чаще, чем в русском, но реже, чем в чешском. Н.Е.Ананьева обращает внимание на тенденцию к употреблению в польском языке глаголов СВ при обозначении кратных «окказиональных» действий: *dostrzec* – *заметить*, *pokazać się* – *показаться*, *znaleźć* – *найти* и под., ср.: *Zawsze dostrzegłem tam coś ciekawego...* – *Всегда я замечал (букв. заметил) там что-нибудь интересное; Nigdy mi się dotąd nic podobnego nie zdarzyło* – *Со мной никогда ничего подобного не случилось* (букв. не случилось) [Ананьева 1993: 71].

Однако простая констатация того, что в русском и болгарском языках повторяющиеся действия выражаются преимущественно глаголами НСВ, а в чешском и словацком наряду с НСВ в тех же самых условиях контекста активно используется СВ, не вскрывает всех расхождений в данной области между названными языками. За функциональными различиями в употреблении видов стоят семантико-структурные различия, касающиеся реализации видовой оппозиции и категориального значения НСВ в этом типе контекста. Проанализируем последний тезис на примере сопоставления русского и чешского языков.

При наличии лексических показателей узуальности действия и при употреблении единичной глагольной формы в русском языке, как правило, не актуализируется какой-либо предельный момент каждого из повторяющихся действий, например: (1) *Он всегда **уклоняется** от серьезных дискуссий*; (2) *Картофель с этого поля **убирают** каждый год в последнюю очередь*; (3) *Этот участок дороги автомобили **проезжают** обычно очень осторожно*. В приведенных предложениях формы НСВ *уклоняется*, *убирают*, *проезжают* могут допускать две противоположные трактовки взгляда говорящего на обозначаемое действие с точки зрения его предельности и результативности. Например, в предложении (1) форма НСВ *уклоняется* в равной степени может обозначать как повторение неудавшихся, незавершенных действий, так и повторение достижения определенного результата. Употребление форм СВ в подобных контекстах в русском языке встречается реже (как правило, лишь в разговорной речи или художественной литературе, об условиях такого употребления см. в [Бондарко 1971; Петрухина 1983]), а в примере (2), включающем показатель кратности «каждый год», невозможно. Если в данные предложения ввести контекстуальные показатели достижения определенного результата, завершенности действия или показатели процессуальности, незавершенности действия, отрицающие актуализацию предела, то формы НСВ в каждом случае имплицитно подразумевают данную аспектуальную характеристику действия. Например:

- а) контекст указывает на результативность каждого из повторяющихся действий: (4) *Он всегда **уклоняется** от серьезных дискуссий и **остаётся** в стороне*; (5) *Картофель с этого поля каждый год **убирают** в последнюю очередь, но всегда до первого мороза*; (6) *Этот участок дороги автомобили **проезжают** обычно очень осторожно, но при следующем повороте большинство из них **сходит с трассы***. Отметим, что вероятность употребления глаголов СВ в предложениях (4) и (6), которые представляют кратнопарный тип контекста, возрастает. Ср.: (4') *Он всегда **уклонится** от серьезных дискуссий и **останется** в стороне*;

- б) контекст указывает на нерезультативный, незавершенный характер отдельного действия, повторяющегося в рамках типичной ситуации, актуализируя процесс его осуществления: (7) *Он всегда **уклоняется** от серьезных дискуссий, но это ему, как правило, не удается;* (8) *Картофель с этого поля каждый год **убирают** в последнюю очередь и часто не успевают убрать вовремя;* (9) *Этот участок дороги автомобили **проезжают** обычно очень осторожно, однако многим все же не удается его преодолеть.*

Чешский язык при обозначении повторяющихся действий наряду с глаголами НСВ широко использует глаголы СВ, эксплицитно выражающие признак предельности. Ср. употребление видов в чешских предложениях, эквивалентных исходным русским: (1') *Utíká / uteče od každé vážnější debaty;* (2') *Z tohoto pole sklízějí / sklídí brambory každý rok až naposled;* (3') *Tímhle úsekem projíždějí / projedou obvykle vozy velmi opatrně.*

Необходимо отметить, что чешские предложения с НСВ типа *Utíká od každé vážnější debaty* также допускают два аналогичных толкования аспектуального значения формы НСВ. Однако тот факт, что повторение завершенных действий в чешском языке может быть выражено и формой СВ, приводит к тому, что на первый план у глагола НСВ *utíká* в данном предложении выступает значение попытки совершить действие.

Формы обоих видов в чешском языке могут быть употреблены и в том случае, когда при обозначении узуальных, повторяющихся действий контекст указывает на законченность, результативность каждого из них. Ср.: (4') *Utíká / uteče od každé vážnější debaty a zůstává stranou;* (5') *Z tohoto pole sklízějí / sklídí brambory každý rok až naposled, ale vždycky do prvního mrazu;* (6') *Tímhle úsekem projíždějí / projedou vozy velmi opatrně, ale pak většina v příští zatáčce skončí mimo silnici.* При этом носители чешского языка как более употребительные и естественные отмечают глаголы СВ. Противопоставление СВ и НСВ в чешском языке в подобных предложениях не связано с различиями денотативной семантики, поэтому в этом случае обычно говорят о факультативной нейтрализации видового противопоставления, когда выбор вида не влияет на смысл высказывания. Тем не менее видовую оппозицию в контексте повторяющегося действия в чешском языке нельзя считать полностью нейтрализованной, так как за разными видами стоят различия в восприятии действий. Поэтому, с нашей точки зрения, здесь уместнее говорить о конкуренции видов. Русские глаголы НСВ, более употребительные в подобных предложениях, выражают повторение результативных действий, не актуализи-

руя предел действия. Следовательно, есть все основания рассматривать их как нейтральные по отношению к пределу каждого действия.

Употребление форм СВ для обозначения узуальных действий в чешском языке невозможно лишь в том случае, когда контекст однозначно указывает на незавершенность, процессуальность повторяющихся действий. В таких предложениях могут быть использованы лишь формы НСВ, имплицитно указывающие на значение контекста. Ср.: (7') *Utíká od každé vážnější debaty, ale to se mu zpravidla nepodaří*; (8') *Z tohoto pole sklízají brambory každý rok až naposled a často je nestačí sklídit včas*; (9') *Tímhle úsekem projíždějí vozy velmi opatrně, ale většina to stejně nezvládne*.

Потенциальная возможность регулярного противопоставления форм СВ и НСВ в одном и том же контексте узуального действия в чешском языке иногда ведет к тому, что формы НСВ приобретают оттенок процессуальности даже в том случае, когда контекст однозначно указывает на результативность и завершенность каждого из повторяющихся действий. Это характерно для тех глаголов НСВ, которые способны развивать процессуальное значение. Такая интерпретация полностью соответствует восприятию значения глаголов НСВ в подобных условиях носителями чешского языка, зафиксированному в авторитетной «Грамматике чешского языка» Б.Гавранека и А.Едлички, где отмечается, что употребление форм НСВ для обозначения повторяющихся действий может подразумевать подчеркивание продолжительности повторяющегося действия [Havránek, Jedlička 1960: 226]. Поэтому в чешском языке во многих контекстах узуального действия более обычными, а значит, и более употребительными являются формы СВ. Проведенный нами среди студентов Карлова университета опрос по анкете, включающей несколько типов изучаемых контекстов, подтвердил этот тезис. В анкете приводится 30 разнородных пар предложений, отличающихся лишь видом глагола. В тех случаях, когда подразумевается повторение завершенных, результативных действий, опрошенные носители чешского языка отметили большую употребительность форм СВ. Так, анализ пары чешских предложений, отличающихся только видом глагола: (10) *To první, co vyrůstá* (НСВ) *v květináči, je vždycky plevel* / *To první, co vyroste* (СВ) *v květináči, je vždycky plevel* – (10') *Первое, что **вырастаем** (ср. *вырастает*) в цветочном горшке, бывает всегда сорняком*, показал, что более употребительной является форма СВ (из 120 информантов 90 отдали предпочтение форме СВ, 30 отметили одинаковую степень употребительности обеих видовых форм). В случае употребления формы НСВ большинство информантов указали на процессуальное значение этой формы – внимание говорящего направлено на процесс осуществления действия, то есть происходит своеобразное наложение

значений формы и контекста: имплицитно значение результативности, выражаемое контекстом, форма НСВ при этом акцентирует процесс его достижения. Заметим, что в русских переводных предложениях, представляющих кратко-соотносительный тип контекста, также возможно употребление глаголов обоих видов, СВ при этом выступает с наглядно-примерным значением [Бондарко 1971: 22], являющимся стилистически маркированным; процессуальное восприятие действия, обозначенного глаголом НСВ, исключено. Ср. сходные закономерности употребления видов в следующих предложениях: (11) *Naše mužstvo s nimi vždycky **prohraje (prohrává)*** – (11') *Наша команда им всегда **проигрывает*** (ср. *проигрывает*); (12) *Země **oběhne (obíhá)*** *Slunce za rok* – (12') *Земля делает полный оборот вокруг Солнца (букв. **обегает** Солнце) за год*; (13) *Vlak Červená střela **překoná (překonává)*** *vzdálenost Peterburg – Moskva za necelých pět hodin* – (13') *Поезд «Красная стрела» **преодолеет*** (ср. *преодолеет*) *расстояние Петербург – Москва менее чем за пять часов*.

В предложении (11) из 120 опрошенных 77 назвали более употребительной форму СВ, 39 отметили одинаковую степень употребительности обеих видовых форм и лишь 4 отдали предпочтение форме НСВ. В примере (12) соотношение ответов было таким: 90 – 25 – 5, причем из 90 информантов 32 назвали форму НСВ неприемлемой. В (13) 74 информанта отметили как более употребительную форму СВ, для 51 обе формы явились в одинаковой степени распространенными, пятеро в данном предложении употребили бы форму НСВ.

В русских эквивалентных предложениях более нейтральным и вероятным, а в примере (12') единственно возможным является употребление глаголов НСВ, аспектуальная семантика которых полностью определяется значением контекста. Глагол СВ *проигрывает* в (11') был бы возможен в разговорной речи; глагол СВ *преодолеет* в (13') вполне вероятен с потенциальным значением при введении в предложение однозначного показателя неактуальности, без которого действие, выраженное данным глаголом, воспринимается как единичное в будущем времени (ср. *Поезд «Красная стрела» самый скорый в России: он **преодолеет** расстояние Петербург – Москва менее чем за пять часов*).

Особенности конкуренции видов в чешском языке зависят от окружающего контекста и лексического значения употребляемого глагола. Распространены в чешском языке и такие случаи, когда форма НСВ при обозначении повторяющихся действий является в равной или большей степени употребительной, чем соответствующая возможная форма СВ, как, например, в следующем предложении: *Denně **dostávám (dostanu)** několik dopisů* – *Ежедневно я получаю несколько писем*. Здесь глагол *dostávám* (НСВ) для большинства информантов (для 81 из 120) является более обычным, чем глагол СВ *dostanu*. Для

рассмотренного случая существенно то, что глагол *dostávám* с трудом развивает процессуальное значение.

Показательным с точки зрения взаимосвязи характера нейтрализации видового противопоставления и употребления видовых форм в русском и чешском языках является обозначение непредвиденных, нежелательных действий. В обоих языках при обозначении единичного, случайного действия, как правило, употребляются формы СВ. Если в предложениях типа *Кто вам перешил / перешивал костюм? – Kdo vám přešil / přešival oblek?* возможно употребление обеих видовых форм, то в вопросе о производителе нежелательного или непредвиденного действия в этих языках может быть употреблена лишь форма СВ. Например: *Кто разбил чашку? – Kdo rozbil ten hrnek?; Кто разлил молоко? – Kdo rozlil to mléko?* Формы НСВ в данном случае означали бы преднамеренные действия, что для обозначаемой ситуации неестественно (ср. *?Кто разбивал чашку? – *Kdo rozbíjel ten hrnek?; ?Кто (нечаянно) разливал молоко? – *Kdo rozléval to mléko?*). При обозначении повторения случайных нежелательных действий данная тенденция в русском языке, как правило, подавляется обязательной нейтрализацией видового противопоставления. Повторяющиеся непредвиденные действия в русском языке в большинстве контекстов обозначаются формами НСВ, причем употребление форм НСВ не мешает восприятию этих действий именно как случайных, а не как целенаправленных. Например: *Она каждый раз пересаливает суп; Котлеты у меня часто подгорают; Когда она моет посуду, то часто что-нибудь разбивает; Я всегда опаздываю на этот автобус.*

В чешском языке названная выше тенденция к употреблению форм СВ при обозначении случайного действия одерживает верх над потенциальной факультативной нейтрализацией видовой оппозиции в контексте повторяющегося действия – повторение случайных действий в чешском языке обозначается обычно лишь формами СВ. Ср.: *Někdy polívku přesolí – Суп она иногда пересаливает* (букв. *пересолит*); *Ten autobus mi vždycky ujede – Я всегда опаздываю на этот автобус* (букв. *Этот автобус от меня всегда уедет*). Употребление форм НСВ в этих чешских предложениях вело бы к изменению смысла высказывания, к выражению преднамеренности действия.

С удовлетворением отметим, что данный вывод, к которому мы пришли еще в конце 70-х годов [Петрухина 1978], был подтвержден в сопоставительном исследовании функционирования видов в чешском и русском языках, проведенном А.Стуновой [Stunová 1993]. По ее данным, в чешском языке глаголы НСВ в узуальном контексте сохраняют некоторые особенности семантики, характерные для НСВ в актуально-длительном употреблении: выражают скорее направленность

на результат, чем его достижение, или процесс изменения, а не его завершение. Например: *Jeho synové byli lenoši, nehnuli ani prstem, ale z Fougera vždy vyždímali* (СВ) [ср. *vyždímávali* (НСВ)] *peníze – Сыновья выросли шалопаями, ничего не хотели делать и выклянчивали* (букв. *выклянчили*) *деньги у Фуже* [Stunová 1993: 52–53]. В данном примере речь идет о смысловых различиях между чешскими предложениями с СВ, выражающим достижение результата, и НСВ, выражающим направленность на результат.

Как уже говорилось выше, ни один из сопоставляемых славянских языков при обозначении единичного действия не допускает сочетаемости форм НСВ с так называемыми конклюдивными обстоятельствами типа *за два часа*, подчеркивающими временную ограниченность и результативность действия. Однако при обозначении кратной ситуации в отдельных славянских языках подобная сочетаемость зависит от характера нейтрализации видового противопоставления в контексте узуального действия – от преобладания обязательной или факультативной нейтрализации. В русском языке, где преобладает обязательная нейтрализация, а также в польском языке, проявляющем здесь сходство с русским, глаголы НСВ в контексте кратного действия могут сочетаться с обстоятельствами типа *за час*, ср.: *Обычно она переписывала (перепечатывала) такой текст за час – Taki tekst ona zazwyczaj przepisywała w godzinę*. В чешском же и словацком языках предложения **Takový text přepisovala obyčejně za hodinu; *Prepisovala taký text obyčajne za hodinu* при обозначении кратной ситуации невозможны. Более реальны следующие предложения: чеш. *Takový text přepisovala obvykle hodinu*; словац. *Prepisovala taký text obyčajne hodinu – Такой текст она обычно переписывала час*; чеш. *Takový text přepsala obvykle za hodinu; Prepísala taký text obyčajne za hodinu* – букв. **Такой текст она обычно переписала за час*.

Чешский и словацкий языки при обозначении повторяющихся действий проявляют принципиальное сходство, но при сопоставительном исследовании данных языков нами были выявлены и некоторые различия между ними, свидетельствующие о том, что словацкий язык в данной области все же несколько ближе русскому, чем чешский. В частности, словацкий язык не исключает, в отличие от чешского, употребление НСВ при обозначении повторения нежелательных случайных действий. Так, в словацком предложении *Je taká nešikovná, že často niečo rozbije / rozbíja*, эквивалентном русскому *Она такая неловкая, часто что-нибудь разбивает* (ср. *разобьет*), возможно употребление глаголов обоих видов, а в предложении *Často stráca / stratí peňaženku* форма НСВ отмечена информантами как более употребительная. Польский язык при обозначении повторения нежелательных действий проявляет наибольшее сходство со словац-

ким, допуская употребление глаголов обоих видов, например: *Každého tygodnia (on) rozbije (СВ) jakieś naczynie; Kotlety jej się często przypalają (НСВ); Zawsze się spóźniam (СВ) na ten autobus.*

3.3.3. Различия в употреблении видов при обозначении обобщенного факта в прошлом. Еще в 50-е годы М.Докулил показал, что в чешском языке даже в таком типе контекста, который обычно приводится как классический пример употребления форм НСВ вместо форм СВ (*Kdo vám maloval / vymaloval ten pokoj? – Kto это вам красил / покрасил стены в комнате?*), подобное замещение не всегда возможно. Например, нельзя в том же типе вопроса глагол СВ *přemaloval (перекрасил)* заменить глаголом *přemalovával (перекрашивал)*, глагол СВ *odpracoval (отработал)* глаголом НСВ *odpracovával (отрабатывал)* [Dokulil 1958] без подчеркивания длительности, процессуальности каждого действия в ряду повторяющихся действий, что в данном случае не совсем уместно. Правда, можно немного изменить контекст, и тогда вторичный имперфектив станет более вероятным, ср.: *Kdo (vám) to vlastně přemalovával, přešival, spravoval? – Kto (вам) это, собственно говоря, перекрашивал, перешивал, ремонтировал?* (имеется в виду вопрос о качестве результата).

М.Докулил высказал предположение, что основная асимметрическая оппозиция с маркированным совершенным видом и немаркированным несовершенным в чешском языке в отдельных случаях как бы перекрывается секундарным асимметрическим противопоставлением с признаковым несовершенным видом, обозначающим продолжительность или повторение действия, и беспризнаковым совершенным видом. Такое противопоставление, по его мнению, опирается на формальную «маркированность» форм НСВ, характеризующихся в приведенных примерах специальным суффиксом *-va-* [Dokulil 1958]. По нашему мнению, вопрос о маркированности / немаркированности НСВ в каждом из славянских языков должен рассматриваться в комплексе других вопросов структурной организации категории глагольного вида. Можно привести примеры, когда и первичные имперфективы в чешском, а также в других западнославянских языках не могут замещать глаголы СВ в таких типах контекста, в которых в русском языке преобладает НСВ с общефактическим значением. Например, в русском языке в вопросах с *когда-нибудь* НСВ является нормой употребления даже в том случае, когда речь идет о нежелательных непреднамеренных действиях типа *Ты когда-нибудь терял зонтик?* В сопоставляемых западнославянских языках здесь, как правило, употребляются глаголы СВ. Ср. эквивалентные чешское, словацкое и польское предложения: *Ztratil jsi někdy deštník? Stratil si niekedy dáždnik? Czy ty kiedyś zgubiłeś parasolkę?*

Если задается вопрос о запланированных действиях, то в западнославянских языках в принципе возможны глаголы обоих видов, однако при подчеркивании результата более вероятен СВ, тогда как в русском языке обязательно употребление НСВ. Ср.: *Ты когда-нибудь поднимался на Снежку?* – чеш. *Už jsi někdy lezl / vylezl na Sněžku?*; словац. *Už si niekedy vystúpil (?vystupoval) na tú horu?*; Ты (когда-нибудь) переплывал (НСВ) Днепр? – пол. *Czy ty (kiedyś) przepłynąłeś (СВ) (ср. *przepływałeś*) Dniepr?*

Расхождения в употреблении видов между русским и западнославянскими языками при обозначении единичных действий в прошлом наблюдаются и в других типах контекста, ср.: – *Доктор Орлов, если не ошибаюсь? – Да, это я, а вы?.. Простите, не узнаю. – Ян Сухи. Мы встречались с вами на симпозиуме генетиков в Варне;* чеш. *Jestli se nemýlím, jste doktor Orlov? – Ano, to jsem já. A vy?.. Promiňte, nepoznávám vás. – Jan Suchý. **Setkali** (СВ) jsme se s vámi ve Varně na sympoziu genetiků;* словац. *Ak sa nemýlím, ste doktor Orlov? – Áno, to som ja. A vy?.. –Prepáčte, nespomínam si vás. – Ján Suchý. **Stretli** (СВ) sme sa s vami vo Varne na sympóziu genetikov;* ср. также пол. *...Myśmy się spotkali (СВ) kiedyś na sympozjum.*

Сходные различия между русским, чешским и словацким языками наблюдаются при отрицании действия в прошедшем времени, причем действия как единичного, конкретного (*Я никому ничего не приказывал* – чеш. *Já jsem nikomu nic nenařídil // nenařizoval;* словац. *Nikomu som nič neprikázal // neprikazoval*), так и обобщенного, сочетающегося с отрицательным местоимением *nikdy* – *никогда* (*Nikdy nezapomněl // nezapomínal, že... – Он никогда не забывал, что...*, ср. словац. *nikdy sa tu ani neprisnilo / nesnívalo* и под.). В чешском и словацком языках здесь наблюдается конкуренция видов, причем более употребительным нередко выступает СВ, например: *Я эту книгу не брал* – чеш. *Já jsem tu knihu nevezal / nebral;* словац. *Ja som tú knihu nevezal / nebral;* *Я этого не делал* – чеш. *Já jsem to neudělal;* словац. *Ja som to neurobil;* *Я эту вазу не разбивал* – чеш. *Já jsem tu vázu nerozbil;* словац. *Ja som tú vázu nerozbil.* В русском языке СВ в подобных конструкциях возможен, как правило, лишь при усилении отрицания и при выделении отдельного акта повторяющихся действий (*ни разу*), ср.: *Он мне никогда слова не сказал, ни копейки не дал, ни разу не позвонил* (о различиях между *ни разу* и *никогда* см. [Барентсен 1992]).

В русском языке вид может выступать как показатель своего рода определенности / неопределенности действия, в частности в отрицательных предложениях: СВ выражает, что отрицается ожидаемое действие, тогда как глагол НСВ указывает лишь на то, что действия не было [Рассудова 1968: 20–21; Гуревич 1994: 17–33; Bivon, Petrukhina

1995: 18–26]. В чешском и словацком языках в обоих случаях используется СВ, употребление которого определяется выражением отрицания результата. Ср.: (а) *Алексей мне книгу не вернул, хотя я его об этом очень просил*; (б) *Никакой книги мне Алексей не возвращал, он обманывает*; чеш. (а) *Alexej mi nevrátil knihu, i když jsem ho o to moc prosil*; (б) *Žádnou knihu mi Alexej nevrátil, to lže*; словац. (а) *Alexej mi knihu nevrátil, aj keď som ho o to veľmi prosil*; (б) *Žiadnu knihu mi Alexej nevrátil, klame*.

Между славянскими языками имеются также и другие различия в употреблении видов, например в императиве и в повествовательных текстах. В русском и западнославянских языках наблюдается тенденция использовать при нейтральном побуждении к действию формы императива глаголов СВ, а при нейтральном запрете – формы глаголов НСВ, ср.: *Зажги свет! Не зажигай свет!* – чеш. *Rozsviť světlo! Nerozsvěcuj!*; *Скажи ему это! Не говори ему этого!* – чеш. *Řekni mu to! Neříkej mu to!* Формы императива глаголов СВ, употребленные в отрицательных предложениях, выражают предостережение, ср.: *Не разбей этот стакан!* – чеш. *Nerozbij tu sklenici!* В болгарском же языке и в этом случае возможен только НСВ, болгарский язык, как мы уже отмечали, отличается экспансией НСВ [Иванчев 1973: 146]. В чешско-русском сопоставительном аспекте употребление видов в императиве было изучено М.Докулилом [Dokulil 1948/1997]. Расхождения в этой функциональной области между двумя языками определяются более широким использованием НСВ в русском языке, чем в чешском: 1) при нейтральном побуждении в этикетных конструкциях приглашения, приветствия, прощания и др.; 2) при побуждении к немедленному совершению действия. Ср.: 1) *Проходите! Раздевайтесь! Садитесь!* – чеш. *Pojďte dál! Odložte si! Posad'te se!*; *Возвращайтесь скорее!* – чеш. *Vraťte se pokud možná brzy!*; *Приходите завтра!* – чеш. *Přijďte zítra!*; *Не обижайтесь!* – чеш. *Jen se neurazte!* (ср. *Nechtěl jsem se vás dotknout*); 2) *Платите штраф!* – чеш. *Zaplaťte pokutu!*; *Надевай это быстро!* – чеш. *Rychle si to natáhni!* [Dokulil 1948/1997]. Для чешских императивных форм, в отличие от русских, нехарактерно переносное употребление со значением ирреального условия (ср. *Приди он вовремя, все было бы хорошо*), внезапного непредвиденного действия в прошлом (ср. *Он ей об этом и скажи*), долженствования (ср. *Они гуляют, а я сижу дома*). Словацкий язык в употреблении видов в императиве проявляет сходство с чешским. Ср.: словац. *Pod'te ďalej! Vyzlečte sa! Sadnite si!*; *Zaplaťte pokutu!* – *Проходите! Раздевайтесь! Садитесь!*; *Платите штраф!* В польском языке аналитические конструкции со значением вежливого побуждения к действию допускают употребление обоих видов. Ср.: *Proszę, niech pani siada / usiądzie!* (*Proszę siadać!*) – *Садитесь, пожалуйста*; *Proszę wejść!* – *Войдите!*;

Proszę rozebrać się! – Раздевайтесь, пожалуйста! Синтетические императивные формы при образовании от глаголов НСВ, так же как и в русском языке, выражают, в сравнении с соответствующими формами СВ, более категоричное и нетерпеливое приказание [Śmiech 1971: 130], ср.: *Wyjdź! – Wychodź!; Wstań! – Wstawaj!; Wyjdu! – Wyjdu!; Wstań! – Wstawaj!*

Остановимся подробнее на функциональных видовых различиях между русским и сопоставляемыми славянскими языками в повествовательных текстах (нарративе¹⁵).

3.4. Употребление видов в повествовательных текстах

3.4.1. Изучение текстовых функций видов в современной лингвистике. В современной лингвистике накоплен огромный материал по изучению текстовых функций видов в русском и других славянских языках. В исследованиях отечественных и зарубежных лингвистов много общего: в работах В.В.Виноградова, Г.А.Золотовой, Ю.С.Маслова, А.В.Бондарко, Е.В.Падучевой, Ж.Фонтэн, Ж.Веренка, П.Хоппера и других текстовые функции видов анализируются в связи с коммуникативными типами речи. Различают повествовательную (нарративную, аористическую) функцию совершенного вида (СВ) и фоновую (описательную) функцию несовершенного вида (НСВ), причем Г.А.Золотова функции видов изучает в рамках коммуникативных регистров речи, выделяя, в частности, названные коммуникативные разновидности речи не только для изобразительного, или репродуктивного, но и для информативного коммуникативного регистра [Золотова 1982: 348–356; 1995: 85].

Различия между отдельными исследованиями вида как категории текста можно усмотреть в трактовке значимости текстовых функций видов для определения их содержательной сущности и категориальной семантики. Для отечественной аспектологии в большей степени характерна выводимость текстовых функций видов из их категориального значения. В.В.Виноградов объяснял динамизм претеритальных форм СВ в тексте их результативной, предельной семантикой: «...они обозначают перелом процесса в направлении к результату действия и наличие этого результата» [Виноградов 1980: 229]. Ю.С.Маслов строит типологию претеритальных систем в славянских языках на основе исследования не только категории времени, но и реализации категориальной семантики видов [Маслов 1984: 181–209]. Работам А.В.Бондарко 90-х годов также свойственно исследование

---

¹⁵ Нарратив мы рассматриваем как такой повествовательный текст, где «видо-временная форма интерпретируется не относительно момента речи, а относительно другой точки отсчета – текущего момента текстового времени» [Падучева 1996: 286].

текстовых функций видов как «проявления последствий предела» на уровне высказывания [Бондарко 1993, 1996б: 138–166]. Текстовые функции видов рассматриваются также в связи с особой функционально-семантической категорией таксиса [Маслов 1978: 5–10; Бондарко 1987: 234–243] и выражением хронологических отношений между действиями [Гусман 1993].

В целом ряде работ зарубежных исследователей, напротив, семантическая сущность видов выводится из их текстовых функций. Например, Ж.Фонтэн высказала мнение, что категориальное различие между СВ и НСВ состоит в их принадлежности к разным коммуникативным типам речи – повествованию (СВ) и комментарию (НСВ) [Fontaine 1983]. П.Хоппер на основе анализа нескольких языков установил, что для отделения основной (foreground) линии от фона повествования (background) используются разные средства, причем в русском языке это различие выражено морфологически, посредством видо-временной системы глагола, в глагольных окончаниях и основах [Horper 1979]. Об изучении вида в связи с коммуникативными типами речи и, шире, «сферами познания» см. также [Обзор 1990: 54–63; Дюрен 1995]. Этому направлению близки работы Г.А.Золотовой, посвященные проблематике вида, которая считает, что в композиционно-синтаксических функциях глаголов СВ и НСВ отражено их основное предназначение. У глаголов СВ различаются функции аориста и перфекта (или аористива и перфектива), у глаголов НСВ – имперфекта (или имперфектива) в двух разновидностях: процессуально-длительной и качественно-характеризующей. Например, выражение динамических действий, последовательно сменяющих друг друга на линии повествования, рассматривается как аористная функция, свойственная глаголам СВ [Золотова 1982, 1995, 1997б]. В «Коммуникативной грамматике» основные положения данной концепции были уточнены: речь идет об аористиве не только глаголов СВ и об имперфективе не только НСВ, но и об аористивной или перфективной функциях других языковых средств, которые участвуют в создании структуры текста и выражают композиционно-регистровую позицию говорящего. Поэтому глаголы СВ, по мнению Г.А.Золотовой, вполне могут выполнять «имперфективную процессуально-воспроизводящую функцию», например, в таком предложении, как *Пес как прыгнет, завизжит...* (ср. *Пес прыгает и визжит*) [Золотова и др. 1998: 403]. Такая трактовка функций видо-временных форм закономерно требует постановки вопроса о «композиционно-синтаксической иерархии» языковых средств [Золотова и др. 1998: 413–414], но тем не менее не раскрывает в полной мере специфику представления в тексте аналогичных денотативных ситуаций глаголами разных видов.

В данной работе функции видов в тексте анализируются на базе определения категориальной семантики СВ и НСВ, в основе которого лежит понятие предела действия. Во всех славянских языках предельность глаголов СВ создает предпосылки для их употребления в качестве «двигателя сюжета» в претеритальных повествовательных текстах, когда фокусировка временного предела действия предполагает переход от одной ситуации к другой. Но мы полностью согласны с Г.А.Золотовой в том, что аористивная функция не исчерпывает специфические текстовые функции глаголов СВ, для которых характерна также перфективная функция, включающая «в сюжетное время состояние (лица, предмета, пространства), являющееся результатом предшествующего действия либо предельного состояния, перешедшего в новое качество» [Золотова и др. 1998: 27]. Перфективная функция связана не с поступательным развертыванием ситуации, а с ее статическим описанием. Реализация аористивной или перфективной функций зависит от лексического значения глагола (например, к выполнению перфективной функции склонны глаголы с относительным предельным типом *похорошеть, возрасти*), а также от диалогического (дейктического) или нарративного режима речи [Виноградов 1972: 443, 446; Бенвенист 1974: 271; Падучева 1996: 286]. Аспектуально-семантические разряды глагольной лексики вообще играют большую роль при реализации текстовых функций видов (подробнее см. главу I, раздел 2.2.3). Наиболее значимо в этом отношении разграничение динамических / статических (ср. с акциональными / неакциональными глаголами в [Золотова 1995: 87]), а также (в рамках динамических) терминативных / нетерминативных глаголов. В нарративном режиме разграничение аористивной и перфективной функций глаголов СВ определяется сложным взаимодействием всех языковых средств, конституирующих данный текст. Например, в следующем предложении большую роль в выполнении перфективной функции играет неактивный, статичный характер субъектов: *Откосы **придвинулись** к трассе. Бетонка **врезалась** в склон. Красная, рассеченная дорогой гора **нависла** над машиной* (Проханов) [Петрухина 1991: 19]¹⁶.

Категориальная семантика НСВ, обозначающего действие либо без актуализации предельных (или каких-нибудь других) моментов его протекания, либо с акцентом на срединных (непредельных) моментах, предопределяет его способность в нарративном режиме вы-

¹⁶ В данной работе мы не рассматриваем различия между сопоставляемыми языками в выражении состояния как наличного результата совершившегося в прошлом действия, в частности соотношение русских предложений с формами прошедшего времени СВ в перфектном значении типа *Пиво выдохлось, Я устала, Поезд опоздал на 10 минут* и чешских описательных конструкций *Pivo je zvětralé, Jsem unavená, Vlak má 10 minut zpoždění* (см. об этом в [РГ 1979: 180–181]).

ражать фоновую информацию [Норрег 1979; Падучева 1996: 290] и выполнять имперфективную функцию (процессуально-длительную и качественно-характеризующую) [Золотова и др. 1998: 27]. «Прошедшее время несовершенного вида не двигает событий. Оно описательно и изобразительно» [Виноградов 1972: 440]. Выражение поступательного развертывания событий или описание фона, на котором происходят эти события, в претеритальных славянских текстах непосредственно связано с таксисными отношениями: с обозначением хронологических отношений между действиями – их последовательностью (СВ) или одновременностью (НСВ).

Реализация текстовых функций видов в сопоставляемых языках зависит от того, в каком временном плане ведется повествование: в прошедшем времени или в так называемом настоящем историческом (*praesens historicum*, настоящем нарративном). Как известно, в настоящем историческом в современных русском, болгарском и польском языках употребляются преимущественно презентные формы НСВ¹⁷. Видовая оппозиция в таких текстах может быть реализована лишь при смене временных планов. Ср., например: болг. *Сълза Младенова се усмихна на разсеяността си. Мъничкото ѝ птичо личице сияе блажено, мечтите я понасят към нейното щастие* – С. М. *улыбнулась своей рассеянности, ее маленькое птичье личико сияет блаженно, мечты уносят ее к счастью* (пример Ю.С.Маслова [Маслов 1956: 230]). Чешский и словацкий языки в настоящем историческом допускают свободное использование презентных форм обоих видов. Соотношение названных временных планов с точки зрения употребления видов в славянских языках можно считать хорошо изученным вопросом [Бондарко 1958, 1959, 1971; Маслов 1984; Петрухина 1983; Stupová 1993; Падучева 1996]. Поэтому остановимся лишь на тех моментах исследования названной проблемы, которые, с нашей точки зрения, заслуживают дополнительного анализа.

3.4.2. Некоторые наблюдения над функциями видов в русских повествовательных текстах. При исследовании видовых функций в тексте важен учет степени участия видов в выражении смысловых, в

---

¹⁷ Употребление презентных форм СВ при обозначении прошедших действий в русском языке ограничено особыми конструкциями типа *как вскочит, как закричит* со значением внезапного наступления быстротечных действий. В русском и болгарском языках оно возможно также при выражении настоящего исторического повторяющихся и узуальных действий [Маслов 1956: 232; Бондарко 1971: 163]. В польском языке использование отдельных презентных форм СВ отмечается при выражении повторяющихся действий в прошлом, наступления непродолжительных, мгновенных событий (характерно, что большинство приводимых в этом случае примеров почерпнуто из литературных произведений XIX в.), см. [Масленникова 1969; Śmiech 1971: 55; Тихомирова 1988: 187].

частности хронологических, отношений между обозначаемыми действиями, которые выражаются различными средствами: линейной последовательностью элементов текста, эксплицитными лексическими ориентирами, видо-временными формами. Существенное значение при этом имеет количество субъектов действий. Хронологические отношения между обозначаемыми действиями одного субъекта во многих случаях определяются их последовательностью в объективной действительности, тем, могут или не могут они быть одновременными. Например, в следующем предложении одновременность исключена – одно действие сменяет другое после завершения предшествующего: *Он подошел к двери, позвонил. Открыла ему старуха нянька...* В данном случае хронологические отношения между действиями задает сама ситуация, ограничивая в русском языке субъективный выбор видов (без других преобразований высказывания). Для русского языка, как мы уже отмечали, характерно выражение цепи последовательных прошедших действий преимущественно глаголами совершенного вида [Бондарко 1971: 180].

При повествовании о разносубъектных, хотя и взаимосвязанных, событиях, происходивших в определенный промежуток времени (в том случае, если хронологические отношения между ними несущественны), имеется возможность одни и те же действия обозначить претеритальными формами либо СВ, либо НСВ. Здесь проявляется интерпретационный характер категории глагольного вида, допускающей двойкий взгляд говорящего (пишущего) на характер протекания одного и того же действия, соответствующий ретроспективному или синхронному «моменту наблюдения». «Время восприятия часто не совпадает с моментом речи, говорящий может произвольно передвигать “наблюдательный пункт” вдоль оси событий» [Золотова 1995: 82]. Ср. две возможности выражения восприятия событий, происходящих в приморской гостинице после получения известия о приезде делегации из Америки, – синхронного, описательного (НСВ) или ретроспективного, повествовательного (СВ): *Из кадок вырывали (ср. вырвали) чахлые пальмы и втыкали (ср. воткнули) свежие... Желточерный жук-скрепер... срезал (ср. срезал) бугры старого цемента, засыпал (ср. засыпал) лужи... Стоматолога срочно выселяли (ср. выселили)... Администратор повышал (ср. повысил) голос на немецких студентов* (Огонек. 1987. № 5) [Петрухина 1991].

Следующий пример иллюстрирует наиболее типичное соотношение претеритальных форм СВ и НСВ в художественных текстах в русском языке: СВ организует линию развертывания сюжета, НСВ описывает ситуацию, «наличную к определенному моменту в течении событий» [Маслов 1984: 183]. Ср.: *Офицеры вышли из строя и*

сплошным кольцом **окуружили** корпусного командира. Он **сидел** на лошади, **сгорбившись**, **опустившись**, по-видимому, сильно утомленный, но его умные... глаза живо и насмешливо **глядели** сквозь золотые очки (Куприн).

Релевантность вида для выражения «момента восприятия» возрастает при смене плана повествования – переходе из прошедшего времени в настоящее нарративное (и в обратном направлении). Так, в предложении *Он подходит к двери, звонит. Открывает ему старуха нянька...* действия изображаются так, будто происходят на глазах у наблюдателя, ср. [Гловинская 1989: 106–107], причем повествователь ориентирует момент наблюдения на момент повествования, представляя их как бы синхронными.

Надо отметить, что в плане прошедшего времени, в котором широко используются глаголы обоих видов, хронологические отношения между действиями выражаются более четко, чем в плане настоящего исторического, исключая в русском языке противопоставление форм НСВ и СВ. Например, в следующем предложении *Вчера вечером я сделала окончательную правку рукописи, в половине восьмого раздался звонок редактора* замена претеритальных форм СВ презентными формами НСВ без изменения смысла высказывания маловероятна, так как при этом возникает неоднозначность интерпретации результативности первого действия и его завершения до наступления второго. Ср.: *Вчера вечером я делаю* (ср. *сделала* или *делала*) *окончательную правку рукописи, в половине восьмого раздается звонок редактора*.

В.В.Виноградов, а также Ю.С.Маслов обратили внимание на то, что претеритальные формы НСВ в русском языке могут передавать не только фон, но и этап повествования, когда в основную повествовательную линию включаются состояния и длительные процессы. «Решающим при выборе вида оказывается здесь характер самого действия, а не его место в структуре повествования» [Маслов 1984: 193]. Смена видовых форм в этом случае передает «разнообразные объективно-временные оттенки во взаимоотношении и последовательности действий» [Виноградов 1980: 233]. Ср.: *Когда гости ушли, Лара долго проветривала, подметала комнаты, мыла... на кухне посуду. Потом... быстро разделась, потушила лампу и легла* (Пастернак). Для того чтобы подобное употребление претеритальных форм НСВ было стилистически нейтральным, должны быть соблюдены определенные контекстуальные условия, например использованы лексические таксисные ориентиры типа *сначала, потом, после этого*, а также обстоятельства типа *долго, целый час*.

Претеритальные формы НСВ могут вторгаться в область употребления претеритальных форм СВ в повествовательной функции без какой-либо лексической поддержки, обозначая действия, сменяющие друг друга на линии повествования, что в русском языке стилистически маркировано. Ср.: *Тогда командарм **ходил** в спальню, принес большой блокнот, позвонил, сказал вестовому... Однажды **звонил** телефон, он **слушал** и **ответил*** (Пильняк). Подобное использование претеритальных форм НСВ приближает повествование к былинному стилю, подробно описанному А.А.Потебней. Ср.: *Натягивал скоренько свой тугой лук / Стрелял во Соловья Рахманова, / Стрелял он ему в правый глаз / Свалился он Соловей с сорока дубов.* А.А.Потебня такое употребление НСВ в былинах объясняет «медленностью течения» мысли певца [Потебня 1977: 34–44]. В приведенном отрывке из произведения Б.Пильняка «Повесть непогашенной луны» претеритальные формы НСВ вносят в повествование элемент описательности – изображается в подробностях последний день и состояние командарма перед ненужной для него хирургической операцией, к которой его принуждают. В другом отрывке из того же самого художественного текста противопоставление претеритальных форм НСВ, передающих действия нарочито замедленно, и СВ, подчеркивающих динамизм обозначаемых действий, выступает как художественный прием для выражения психологической характеристики действующих лиц – раболепствующего и зависимого врача и повелевающего и решительно диктатора. Ср.: *Перед тем как уйти из дому, профессор с торжественным лицом и с неким почтительным страхом **звонил** в телефон; ...Он **звонил** в кабинет дома номер первый, почтительно он **спрашивал**, не будет ли каких-либо новых распоряжений, твердый голос в телефонной трубке **предложил** приехать сейчас же после операции с докладом* (Пильняк).

Подчеркнем, что такое употребление НСВ в русском языке стилистически маркировано, характеризует индивидуальный стиль автора и оправдано художественными особенностями конкретного произведения, в отличие от чешского и словацкого языков, где сочетание претеритальных форм разных видов при обозначении цепи или двух последовательных действий более распространено, чем в русском, и стилистически нейтрально.

Важно отметить, что при таком употреблении видов, хотя контекст и указывает на завершенность и результативность действий, НСВ тем не менее актуализирует срединные моменты их протекания, что создает эффект подчеркнутой длительности – претеритальные формы НСВ со значением «сказового» действия, «в отличие от форм СВ концентрируют внимание не только на результате, но и на процессе» [Гловинская 1989: 111]. Если пользоваться терминологией

Г.А.Золотовой, то в данном случае можно было бы говорить о наложении двух функций претеритальных форм НСВ: аористивной и имперфективно-процессуальной. Первая обусловлена взаимодействием данных форм с общим содержанием высказывания и хронологическими отношениями последовательности между обозначаемыми действиями. Вторая определяется семантикой НСВ при обозначении конкретных неповторяющихся действий. О подобном наложении двух названных выше функций глаголов НСВ в русском языке, по нашему мнению, можно говорить и по отношению к настоящему историческому, что создает особый эффект изображения последовательных действий, сменяющих друг друга на линии повествования, как протекающих синхронно моменту наблюдения. Рассмотрим анализируемую проблему в сопоставительном ракурсе.

3.4.3. Особенности текстовых функций видов в западнославянских языках в сравнении с русским. В чешском и словацком языках в плане настоящего исторического однородные с точки зрения характера протекания во времени действия могут быть обозначены разными видами. В этом случае в стилистических целях одно действие выделяется в цепи других и представляется в виде длящегося процесса. В следующих двух чешских предложениях ряды сменяющих друг друга действий обозначаются презентными формами обоих видов. Формы НСВ (*sundává, otvírá, usedá, začíná, padá, utíkají*) имеют ярко выраженное процессуальное значение, которое подчеркивается сочетанием с формами СВ (*upne si, zahalí, přinese, zhasne, udeří*), причем процессуальное значение форм НСВ является такой же фикцией, как и значение настоящего времени этих форм. Ср.:

Anděla sundává prsten, jakoby tímhle gestem mohla získat svobodu, upne si pláštěnku, zahalí hlavu do tmavého šátku, otvírá svéhlavě dveře a běží přes padací most... (Řezáč).

Přesně v sobotu přinese listonoš psaní. Teta s klidnou jistotou... usedá s brýlemi na svůj trůn. S úsměvem začíná číst. Úsměv však rychle zhasne (Glazarová).

Dívka je rychlejší a udeří hráběte obuškem rovnou do prsou. Kristian padá a milenci utíkají

Андела снимает перстень, будто таким образом можно обрести свободу, застегивает (букв. застегнет) плащ, закутывает (букв. закутает) голову в темный платок, решительно открывает дверь и бежит через подъемный мост...

Точно в субботу почтальон принесит (букв. принесет) письмо. Тетя со спокойной уверенностью... усаживает-ся с очками на свой трон. С улыбкой начинает читать. Однако улыбка быстро гаснет (букв. погаснет).

Девушка оказывается более быстрой и ударяет (букв. ударит) графа дубинкой прямо в грудь. Кристиан падает, и

(Vančura).

влюбленные убегают.

Как мы видим, для чешского языка в настоящем историческом характерна высокая степень субъективности при выборе видов, тогда как в русском языке в аналогичных типах контекста подобная субъективность практически исключена, обязательным является употребление НСВ. Сходные различия в степени субъективности выбора видов характерны для сопоставляемых языков и в претеритальных повествовательных текстах. Рассмотрим данный вопрос подробнее.

Различия между болгарским, русским и западнославянскими языками в употреблении видов в претеритальных повествовательных текстах были фундаментально, на обширном материале, исследованы Св.Иванчевым, который установил близость в этом отношении русского и болгарского языков, использующих при повествовании в прошедшем времени преимущественно глаголы СВ (в болгарском – аорист СВ¹⁸), и, с другой стороны, чешского и словацкого, допускающих более свободное сочетание разных видов при повествовании в прошедшем времени. Польский язык, по данным Св.Иванчева, обладает чертами и той и другой группы [Иванчев 1961].

В следующих примерах Св.Иванчева словацким и чешским предложениям с глаголами НСВ, включенными в линию повествования, соответствуют русские предложения, где то же самое действие выражено с фиксацией его начального фазиса – приставочными глаголами СВ или конструкцией с фазисным глаголом *начать* (СВ): словац. *Chytil ma za ruku a t'ahal* – *Он схватил меня за руку и потянул*; чеш. *Když všecho nic platno nebylo, mlčela jsem a modlila se* – *Увидев, что все бесполезно, я замолчала и стала молиться.*

Польские эквивалентные предложения, по наблюдению Св.Иванчева, проявляют сходство как с русскими, так и с чешскими: чеш. *Lehl si na sofa... a maloval si...* – пол. *Położył się na otomanie... i wyobrażał sobie...* – *Он лег на диван... и начал представлять себе...* (букв. *представлял*); чеш. *Hanbou nemohla pozvednout oči... A když je přece pozvedla, hledala v houfci selských chasníků Václava...* – пол. *...zaczęła szukać...* (букв. *szukała*) – *От стыда она не могла поднять глаза... А когда подняла, стала искать...* (букв. *искала*) *Václava...* и т.п. (примеры Св.Иванчева) [Иванчев 1961]. Подобные примеры наглядно демонстрируют различия в употреблении видов между сопоставляемыми

---

¹⁸ Кратко охарактеризуем употребление других видо-временных форм в болгарских претеритальных повествовательных текстах: для описания прорисовки фона используется имперфект НСВ; «если длительное событие составляет этап в продвижении повествования», то используется аорист НСВ; «в случае многократных действий в условиях так называемых кратко-соотносительных типов контекста наряду с имперфектом НСВ нередко используется имперфект СВ» [Маслов 1984: 199–200].

ми языками, однако интерпретация этих различий может быть неоднозначной.

Св.Иванчев и вслед за ним Ю.С.Маслов такое употребление претеритальных форм НСВ в западнославянских языках связывают исключительно с имплицитным ингрессивным (начинательным) значением [Иванчев 1961; Маслов 1984: 195]. «Это употребление мы резко отграничиваем от конативного. В чешском языке ингрессивность в претеритальном плане одновременно с обыкновенными в славянских языках средствами ее выражения может передаваться контекстом и при этом одинаково успешно и, по-видимому, одинаково часто» [Иванчев 1961: 111].

А.Стунова, принимая в общем такую точку зрения на значение претеритальных глаголов НСВ в подобных чешских предложениях, считает, что претеритальные формы НСВ в повествовательных чешских текстах могут быть связаны, в зависимости от лексического значения глагола и типа контекста, с комплексом имплицитных смыслов: помимо ингрессивности с терминативностью (terminativity) и делимитативностью [Stunová 1993: 114]. В качестве доказательства приводятся чешские примеры и их литературные переводы на русский язык. В следующих предложениях, по мнению А.Стуновой, речь идет об имплицитном выражении терминативности: (...) *jste pro něj přijel* (...) *Jak bylo s Bendou smluveno, nešel jste nahoru, ale **troubil** jste dole. Za chvíli přišel Benda* (Čapek) – (...) *подъехав к дому, вы, как было условлено с Бендой, не поднялись в квартиру, а **дали сигнал**, через минуту вышел Бенда* [Stunová 1993: 117]. Но, с нашей точки зрения, последний пример допускает неоднозначную интерпретацию, и на русский язык конец этой фразы можно перевести и иначе: ... ***а начали сигналить***. *Через минуту вышел Бенда*. Аналогично при помощи начинательной конструкции могут быть переведены те примеры, где А.Стунова говорит о делимитативной интерпретации чешских претеритальных форм НСВ. Ср.: (...) *šlo jen o to, jak otevřít okno do krámu. Na tu práci jsem si koupil sklenářský diamant a **učil jsem se** na svých vlastních oknech, jak se vyřízne tabulka skla* (Čapek) – (...) *главное – проникнуть в лавку через окно. Для этой цели я купил алмаз и **начал практиковаться*** (ср. *попрактиковался*) *на собственных окнах, вырезая отверстия в стекле*.

Мы согласны с А.Стуновой в том, что не всегда в подобных случаях чешские претеритальные формы НСВ можно перевести на русский язык начинательными глаголами или конструкциями. Приведем свои собственные примеры, где в русском языке начинательное значение в принципе невозможно, но в чешском эквивалентном предложении тем не менее употребляется НСВ: *Vtom jako by ze země vyrostl kluk a **podával** mi několik rozkvetlých větvíček* (Mladý svět) – *В этот момент*

будто из-под земли вырос юноша и подал (букв. подавал) мне несколько расцветших веточек; *A všichni si sáhli do kádě a odnášeli si několik našich kapříků* (Klíma) – *Все залезли рукой в бочку и унесли* (букв. уносили) по несколько наших карпов. Интерпретация чешских претеритальных форм и соответственно их перевод зависят от семантики глагола и от контекста: исходные гомогенные глаголы чаще переводятся на русский язык начинательными глаголами или, реже, делимитативами, терминативные глаголы НСВ – соответствующими парными глаголами СВ. Но можно ли по переводу судить о семантике исходных чешских форм?

По нашему мнению, на русское или болгарское восприятие подобных чешских предложений влияет узус этих языков в употреблении видов в повествовательном тексте: так, при переводе на русский язык мы, в целях сохранения стилистической нейтральности переводного текста, вынуждены нередко привносить значение начинательности (именно **привносить**, а не просто эксплицировать). В этом вопросе мы согласны с Е.Беличовой-Кржижковой, которая считает, что там, где в русском и болгарском языках ингрессивность нельзя не выразить, в чешском языковом сознании этот смысл вообще не появляется («v jazykovém povědomí českém nevystupuje»), и только на основе логического анализа и сравнения с другими языками чех осознает, что речь идет о действии, которое в других славянских языках воспринимается как начинающееся [Křížková 1962: 287]. В подобных случаях мы сталкиваемся с опасностью переноса восприятия действия в русской (или болгарской) языковой картине мира на чешскую, в которой при обозначении цепочки сменяющих друг друга действий не только допускается, но и является нормой выделение одного из звеньев этой цепочки и представление его как процесса.

С нашей точки зрения, существенным различием построения претеритальных повествовательных текстов в русском и чешском языках выступает степень обязательности обозначения временных пределов действия, включенного в цепь повествования: в русском языке она значительно выше, чем в чешском. В зависимости от лексического значения глаголов и выраженных в нем категориальных признаков гомогенности / негомогенности (или нетерминативности / терминативности), а также характеристик конкретной ситуации в русском языке при повествовании в прошедшем времени обычна фиксация начального, в некоторых случаях начального и конечного пределов (у гомогенных действий), конечного предела (у терминативных действий). В чешском языке, по нашему мнению, речь идет не столько об имплицитном выражении глаголами НСВ границ действия, сколько о возможности выделить одно действие в цепи сменяющих друг друга ситуаций и представить его в процессе, как бы синхронно моменту

наблюдения. Поэтому на русский язык такие претеритальные формы НСВ могут переводиться по-разному. Характерно, что в несовершенном виде в чешском языке употребляется, как правило, последний из цепи глаголов, это способствует актуализации процессуальности и «подавлению» признака результативности действия. Такой эффект также ощущается при включении в цепь обозначаемых событий состояния или положения в пространстве, что отмечает и А.Стунова, выделившая тип значения 'in medias res', который она интерпретирует так: «...ситуация представлена таким образом, что у читателя создается впечатление, что он вдруг попадает в центр событий» [Stunová 1993: 126].

Итак, в рассмотренных выше чешских примерах речь идет о возможности при повествовании выделить одно или несколько действий из цепочки событий и представить его как длящийся, синхронно наблюдаемый процесс. Отметим, что в проанализированных чешских предложениях претеритальные формы терминативных глаголов НСВ свободно могут быть заменены на СВ, а у гомогенных действий в принципе возможно эксплицитное выражение начальной границы. Но конструкции с начинательными глаголами в чешском языке, в отличие от русского, в претеритальных повествовательных текстах встречаются довольно редко, лишь тогда, когда говорящий хочет подчеркнуть начальный фазис действия, например: *Zamhouřil oči a počal mysliti na motocykl, děti a ženu* (Poláček) – Он закрыл глаза и начал размышлять о мотоцикле, жене и детях.

Сходные с чешским языком закономерности употребления видов наблюдаются в словацком повествовательных текстах. Ср.: *Oblôčik sa zas otvoril a okáň volal: «Hej, mládenček, pomôž mi!»* (Rozprávky) – Окошко вновь открылось, и глазастик закричал (букв. кричал): «Эй, паренек, помоги мне!»; *V tom náhlení si zabudol kľúč od truhlice a zbadal to až na širom mori: vesloval hneď domov, ale už bolo neskoro* (Rozprávky) – В этой спешке он забыл ключ от сундука и заметил это уже в открытом море. Сразу повернул (букв. греб) домой, но было уже поздно.

По нашему мнению, в чешском и словацком языках бóльшая, чем в русском языке, свобода выбора видов при повествовании в прошедшем времени обусловлена потенциальной возможностью противопоставления глаголов СВ и НСВ в других временных планах и типах контекста (настоящем историческом, при обозначении кратных действий, в отрицательных конструкциях и др.), где в русском языке (а также болгарском) обязательна нейтрализация видовой оппозиции и господствует НСВ [Петрухина 1997а].

Польский язык, по нашим наблюдениям, в этой области (как и в некоторых других, например при выражении настоящего историче-

ского) ближе к русскому, чем к чешскому и словацкому. В польских переводах рассмотренных выше чешских предложений, по мнению всех опрошенных польских информантов, более вероятным, как и в русском языке, является последовательное употребление претеритальных форм СВ, например: *W tym momencie jakby spod ziemi wyrósł młody człowiek i **podał** mi kilka kwitnących gałązek; Widząc, że wszystko na nic, zamilkłam i **zaczęłam się modlić***. Ср. также: словац. *Zastala predо mnou, naklonila sa a **hmatala** po mne rukami* (инф.) – *Она остановилась передо мной, наклонилась и **стала ощупывать** меня руками*; пол. *Zatrzymała się przede mną, schyliła się i **zaczęła mnie obmacywać***.

Из всего сказанного можно сделать следующий вывод. В русском языке (а также отчасти в польском) в повествовательных текстах в большей степени, чем в чешском и словацком, распространены неинтенциональные [Бондарко 1994: 30] типы употребления видов, когда выбор определенного вида, включаясь в механизм порождения высказывания, в силу облигаторности языковых правил не связан с реализацией намерения говорящего выразить тот или иной параметр действия. К этому необходимо добавить, что употребление видов в претеритальных повествовательных текстах взаимосвязано с особенностями акционального словообразования в русском и сопоставляемыми с ним славянских языках, то есть имеется зависимость между степенью обязательности выражения начального фазиса гомогенных процессов при повествовании в прошедшем времени и степенью продуктивности начинательной модификации базовых действий, которая в русском языке значительно продуктивнее, чем в западнославянских языках [Петрухина 1997а].

Функционирование видов в чешском и словацком языках в целом характеризует большая свобода в выборе СВ или НСВ при обозначении одной и той же денотативной ситуации (вне категориального противопоставления конкретно-фактического и актуально-процессного значений видов), чем в русском языке, для которого характерна высокая нормированность употребления видов в зависимости от временного плана и типа контекста.

И в заключение анализа употребления видов в повествовательных текстах несколько слов об одном интересном, но стоящем особняком случае сочетаемости СВ в чешском языке с фазисным глаголом. В авторских ремарках к сценарию фильма «Коля»¹⁹ отмечено сочетание СВ с фазисным глаголом *nepřestávat*. Ср.: *Louka nepřestává se soustředit na písmeno, které právě postřibřuje odpoví... – Лука, **не переставая сосредоточиваться** (букв. *sosredotочиться*) на букве, ко-*

¹⁹ Данный пример нам любезно предоставлен С.С.Скорвидом, переводчиком сценария чешского фильма «Коля» (автор сценария З.Сверак).

тору ю он как раз покрывает серебряной краской, отвечает (букв. *ответит*)... Конечно, речь идет о периферии глагольной системы, на которой находятся в современном чешском языке используемые крайне редко деепричастия и, по всей видимости, о небрежном и даже некорректном употреблении (именно так оценили данное предложение опрошенные чешские лингвисты), но сам факт возможности такого сочетания говорит о многом. В общем-то, несмотря на кажущуюся невероятность, такая сочетаемость в чешском языке не случайна: возможность выбора видов при обозначении одной и той же денотативной ситуации, значительно бóльшая, чем в некоторых других славянских языках, на периферии глагольной системы вторгается и в ту область, где конкуренция видов не должно быть по определению. Но при этом необходимо подчеркнуть, что этот единственный обнаруженный пример в целом не влияет в чешском, как и в других сопоставляемых языках, на строгие ограничения сочетаемости глаголов СВ, определяемые категориальной семантикой совершенного вида.

3.5. Границы имперфективации и семантика вторичных имперфективов

3.5.1. Общая характеристика вторичной имперфективации. Наибольшее внимание данной проблеме уделялось при описании болгарского вида, что, конечно, не случайно, так как в болгарском языке глаголы НСВ могут быть образованы от приставочных глаголов СВ «при любом значении приставки: ...начинательном: *заплача* (*заплакать*) – *заплаквам*; результативном: *попреча* (*помешать*) – *попречвам*; *направля* (*сделать*) – *направлям*...; охвата длительности: *поседа* (*посидеть*) – *посеждавам* и при всех других типах значений» [Маслов 1981: 204]. Сопоставительное исследование границ вторичной имперфективации в болгарском, чешском и русском языках по двуязычным словарям было проведено Я.Бачваровым, показавшим, что 100% болгарских вторичных имперфективов на русский язык переводятся аналогичными глаголами НСВ в 24%, на чешский же – в 11%, а в остальных случаях им соответствуют либо просто бесприставочные глаголы НСВ, либо бесприставочные глаголы НСВ с лексикографическими разъяснениями (типа *направлям* – *делать что-либо до конца, с результатом*) [Вацваров 1980].

Св.Иванчев в своей монографии показал, что в болгарском языке глаголы НСВ семантически и функционально неоднородны – они делятся на два класса глаголов, способных и не способных иметь процессуальное значение, причем среди последних большинство составляют вторичные имперфективы типа *направлям*. Непроцессуальный характер глаголов НСВ, по мнению автора, имеет в славянских язы-

ках системное значение, позволяет говорить об омонимичности НСВ, который распадается на НСВ₁, с комплексной семантикой и неактуализированным употреблением со значением неограниченной кратности и в плане настоящего исторического, и НСВ₂, способного выражать также значение некомплексности, то есть процессности, реализующееся при актуальном употреблении [Иванчев 1971: 25–31].

Проанализируем в русском языке границы вторичной имперфективации и семантику вторичных имперфективов с точки зрения двух типов НСВ, выделенных Св.Иванчевым, а затем сравним полученные результаты с данными других славянских языков, прежде всего чешского.

В общем виде закономерности имперфективации как способа видообразования в сопоставляемых славянских языках можно сформулировать следующим образом: вторичные имперфективы с наибольшей регулярностью образуются от терминативных глаголов, имеющих приставку с конкретным значением (если только этому процессу не мешают чисто формальные причины). Расхождения между сопоставляемыми языками наблюдаются при имперфективации: а) глаголов СВ с результативной приставкой, то есть входящих в так называемые видовые тройки типа *есть – съестъ – съедать*, *сверлить – просверлить – просверливать*; б) нетерминативных глаголов СВ, представляющих фазисно-временные и оценочные модификации соответствующих базовых гомогенных глаголов. Основное внимание уделим образованию вторичных имперфективов последних типов.

3.5.2. Функциональный и семантический анализ видовых троек в русском языке. Видовые тройки глаголов не раз привлекали внимание лингвистов [Кореснў 1962: 90–93; Иванчев 1971: 15–17; Апресян 1974: 174–175; Маслов 1984: 69; Ясаи 1997]. Посвящались им и специальные статьи [Veugens 1980: 159–179; Апресян 1988а, 1997; Петрухина 1990; Ясаи 1993]. Тем не менее есть необходимость вновь обратиться к названной проблематике с целью уточнения границ имперфективации, выделения семантических типов вторичных имперфективов и выявления семантических различий между конкурирующими беспрефиксными и префиксальными глаголами НСВ в русском языке, с тем чтобы в дальнейшем сопоставить данную аспектуальную подсистему в русском и некоторых других славянских языках. Для выполнения поставленных задач было проанализировано более 700 русских базовых глаголов и их аспектуальных модификаций (по МАС).

Известно, что видовые пары на основе перфективации образуются как при помощи префиксов, выражающих абстрактное значение результативности и/или однократности (ср. *есть – съестъ*; *строить –*

построить; *лукавить* – *слукавить*), так и при помощи приставок, у которых результативная семантика сочетается с конкретным значением, совпадающим с одной из сем исходного глагола. Например, в парах глаголов *клеить* – *склеить* совместная сема приставки и глагольной основы – это пространственное значение соединения; *фильтровать* – *профильтровать* – сема направленности сквозь что-либо; *тратить* – *истратить* – значение полного расходования (ср. *исписать*) [РГ 1980: 586–587; Шелякин 1983: 133–134]. Анализ процесса имперфективации глаголов СВ с продуктивными перфективирующими приставками *с-*, *вы-*, *про-*, *на-*, *раз-* / *рас-*, *вз-* / *вс-* показал, что чем эксплицитнее выражено пространственное значение как в приставке, так и в исходном беспрефиксном глаголе, тем вероятнее дальнейшая имперфективация (при реализации морфонологических условий сочетания суффиксов *-ыва-* и *-ова-* / *-ировá-*, то есть при ударении на последнем слоге суффиксов *-ова́-* / *-ировá́-*, ср.: *фильтро́вать* – *профильтро́вать* – *профильтровыва́ть*, но *венти́лировать* – *провенти́лировать*). Наиболее регулярно с пространственными приставками соединяются глаголы, обозначающие действия, протекающие в пространственных плоскостях измерения, то есть глаголы движения или глаголы конкретного физического действия.

Префиксальный глагол НСВ с пространственной приставкой по сравнению с исходным беспрефиксным (первичным, базовым) глаголом НСВ не имеет каких-либо ограничений в употреблении. Пространственная семантика перфективирующих приставок (значение однократности, результата в различных его проявлениях, полноты проявления признака) и невыраженность локальной направленности действия в глагольной основе ограничивают образование от глаголов СВ вторичных имперфективов, а если они все же образуются, то, как правило, не употребляются для обозначения единичного действия в процессе его осуществления. Рассмотрим данные положения подробнее.

В русском языке представлен достаточно регулярный процесс образования видовых троек с префиксом *с-*, характеризующимся конкретными пространственными значениями, соответствующими одной из сем исходного глагола: а) **значением соединения, совместности**: *клеить* – *склеить* – *склеивать*; *мешать* (*различные краски*) – *смешать* – *смешивать*; *группировать* – *сгруппировать* – *сгруппировывать*; *брошиуровать* – *сброшиуровать* – *сброшиуровывать*; *щурить* – *сощурить* – *сощуривать*; *прессовать* – *спрессовать* – *спрессовывать* и др.; б) **движения вниз**: *рвать* (*фрукты*) – *сорвать* – *срывать*; *валить* (*дерево*) – *свалить* – *сваливать*; *клонить* – *склонить* – *склонять*; *гнуть* (*ветку*) – *согнуть* – *сгибать*; в) **удаления с поверхности**: *брить* (*бороду*) – *сбрить* – *сбривать*; *тянуть* (*одеяло со спящего*) –

стянуть – *стягивать* и т.п. Отсутствие общей пространственной семы приставки и глагола ограничивает образование вторичных имперфективов. Так, от следующих глаголов СВ, образованных с помощью результативной приставки *с-* и не имеющих в своем значении пространственной семы, вторичные имперфективы невозможны: *делать* – *сделать*, *шить* (*платье*) – *сшить*, *кроить* (*юбку*) – *скроить*, *варить* (*суп*) – *сварить*, *мастерить* – *смастерить*, *прясть* – *спрясть* и под. Однако в сочетании с глаголами разрушения, уничтожения чисто результативная семантика приставки *с-* не препятствует дальнейшей имперфективации, ср.: *гореть* – *сгореть* – *сгорать*, *жесть* – *сжесть* – *сжигать*, *крушить* – *сокрушить* – *сокрушать*, *гнить* – *сгнить* – *сгнивать* и др. К этой группе примыкают такие глаголы, как *молоть* (*зерно*) – *смолоть* – *смалывать*, *есть* – *съесть* – *съесть*. Имперфективация глаголов СВ с приставкой *с-* невозможна в том случае, если бесприставочный глагол НСВ и приставочный глагол СВ различаются лишь отношением к признаку однократности: СВ его выражает, НСВ оставляет невыраженным. Ср.: *ехидничать* – *съехидничать*, *лукавить* – *слукавить*, *лгать* – *солгать* и под.

Пространственный / непространственный характер значения приставки *с-* релевантен для определения отношения вторичных имперфективов к семантическим признакам процессуальности и однократности, от которых зависят синтагматические свойства глаголов. Если вторичные имперфективы, не имеющие в своем значении пространственной семы, все же образуются, то они не могут (кроме деструктивных глаголов) обозначать единичный длящийся процесс, не употребляются с фазисными глаголами, показателями длительности типа *долго*, *целый час* и под. Следующие предложения в русском языке в изолированном употреблении маловероятны: **Он сейчас съедает курицу, сплетает корзину*; **Я долго съедала обед, смалывала кофе* (но: *Она сейчас сжигает бумаги*). Такие вторичные имперфективы характеризуются прежде всего семантическими признаками непроцессуальности и результативности, обуславливающими их употребление в итеративном значении. Это утверждение основывается на ограниченной сочетаемости глаголов типа *съесть* с таким лексическим показателем, как *долго*, *два часа* и т.п., причем при обозначении не только единичного, но и кратного действия, а также в настоящем историческом, допускающем употребление подобных вторичных имперфективов для выражения единичных действий. Ср.: *Каждый день она так долго ?съедала / ела свой завтрак* (аналогично: *долго ?прочитывала / читала газеты*), *что мы опаздывали*; *Он молча* (невозможно: *долго*) *съедает свой обед и уходит, не попрощавшись*. Вторичный имперфектив типа *съесть* может обозначать единичное действие как запланированное в ближайшем будущем. Ср.: *Я съедаю обед и мы вы-*

ходим (в прошедшем времени нельзя сказать: *Однажды я уже *съедала* (ср. *ела*) – это блюдо). Для вторичных имперфективов, у которых приставка и глагольная основа имеют конкретное, как правило пространственное, значение, подобные ограничения не характерны. Например: *Мальчик долго склеивает коробочку, смешивает краски, сброшюровывает листки*.

Сходные закономерности образования и формирования семантики вторичных имперфективов наблюдаются в видовых тройках и с другими приставками. Если префикс *вы-* и глагольные основы имеют общую сему удаления, выделения из чего-либо, то вторичные имперфективы образуются достаточно регулярно и могут обозначать длящийся процесс. Ср.: *копать (картошку) – выкопать – выкапывать, полоть (сорняки) – выполоть – выпалывать, сморкаться – высморкаться – высмаркиваться, пороть (рукав) – выпороть – выпарывать, кроить (юбку) – выкроить – выкраивать, точить (что-либо из дерева) – выточить – вытачивать, клянчить – выклянчить – выклянчивать* и под. При отсутствии или слабой выраженности пространственной семантики у префикса и глагольной основы образование приставочных глаголов НСВ нерегулярно. В следующих примерах оно вообще невозможно: *гладить (брюки) – выгладить, купать (ребенка) – выкупать, мыть (руки) – вымыть, стирать – выстирать, пороть (ремнем) – выпороть, ругать – выругать* и др. В случае же образования вторичного имперфектива он не может обозначать единичный (вне плана настоящего исторического), длящийся процесс. Ср.: *Он начал строить (*выстраивать) дом; (на вопрос: Как дети?) – Дети растут (*вырастают); Он целый вечер пил (*выпивал) одну чашку чая*.

Аналогичную зависимость процесса вторичной имперфективации от семантики приставок *про-, на-, раз- / рас-, вз- / вс-* (в соотношении со значением исходного глагола) демонстрирует таблица 1. Показательно с точки зрения отмеченной зависимости отсутствие вторичных имперфективов от большинства глаголов с префиксом *по-* (за редким исключением типа *гибнуть – погибнуть – погибать, виснуть – повиснуть – повисать*). «Особенность данной приставки состоит в том, что она не сохранила в современном языке, в отличие от параллельного предлога, пространственных значений» [Шелякин 1983: 141–142]. У остальных перфективирующих приставок *за-, у-, от-, под-* и других, которые участвуют в образовании видовых пар, такая связь между процессом имперфективации, формированием семантики вторичного имперфектива и наличием / отсутствием пространственной семы в значении префикса и глагола выражена в меньшей степени. Как показывает обследование материала, большинство вторичных имперфективов с приставками *за-, о-, у-*, независимо от пространственного / непространственного значения последних, не маркировано по отношению к признакам результативности и кратности. Ср.:

штопать – заштопать – заштопывать, бинтовать – забинтовать – забинтовывать, кутать – закутать – закутывать и др.; путать – запутывать, квасить – заквасить – заквасивать и др.; чистить (кожуру) –

ВСТАВИТЬ ТАБЛИЦУ - 1

очистить – очищать, чинить (карандаш) – очинить – очинять, пухнуть – опухнуть – опухать и др.; красить – окрасить – окрашивать, винить – обвинить – обвинять и др.; паковать – упаковать – упаковывать, кутать – укутать – укутывать и др. Нами отмечены следующие непроцессуальные (итеративные) префиксальные глаголы НСВ: *затормаживать, одурачивать, увенчивать, уберегать*. С префиксом *из-* таких имперфективов больше: *избаловывать, искалечивать, истомлять, истрачивать* и др.

В целом же можно констатировать, что вторичные имперфективы, являющиеся членами видовых троек, делятся на две группы: 1) глаголы, эксплицитно выражающие результативность, непроцессуальность и, как следствие, итеративность (назовем их маркированными) типа *съесть, прочитывать, вылечивать*; 2) глаголы с невыраженным отношением к названным признакам (немаркированные) типа *склеивать, процеживать, выпарывать*.

Представляется справедливым вывод Ж.Веренка о непродуктивности вторичных имперфективов с итеративным значением в русском языке [Veurenc 1980: 178]. Их значительно меньше, чем немаркированных, даже в рамках видовых троек, по отношению же ко всем остальным вторичным имперфективам типа *переписывать, доделывать* их число вообще незначительно, к тому же некоторые из них малоупотребительны. Многие из тех префиксальных глаголов НСВ, которые Ю.Д.Апресян квалифицирует как носящие «печать искусственности», как скорее потенциальные, чем реально существующие формы [Апресян 1988а: 111], могут быть отнесены к первой из названных групп, то есть итеративно-результативным имперфективам, например: *скашивать (луг), смалывать (кофе), свивать (гнездо), слепливать (фигурку), созревать, сдерживать (слово), сметывать (стог), вырывать (канаву)*. Ср. также: *накоплять, затормаживать, запорашивать, истрачивать, искалечивать, избаловывать* и др. Данные глаголы более вероятны в кратной ситуации, хотя некоторую искусственность не утрачивают и при таком употреблении. Ср.: *Каждую весну мы скашивали на этом лугу всю траву; Когда Костю застигала пурга, он вырывал в снегу яму и прятался в ней с собаками* (Горбатов, БАС). Однако многие маркированные имперфективы при выражении повторяющихся действий вполне нейтральны и употребительны. Помимо «канонических» итеративно-результативных имперфективов типа *съесть, прочитывать, выучивать* к таким глаголам могут быть отнесены также *сбегать (с занятий), прослушивать (курс лекций), вырастить, сплести, сформировывать, опубликовать* и

некоторые другие. Ср.: *За год он опубликовывает / публикует несколько статей, прослушивает / слушает три-четыре курса лекций; За вечер она сплетает / плетет несколько венков; За год он берегает* (ср. ?*бережет*) *от истребления массу животных; За сутки удивительное растение вырастает* (ср. *растет*) *на несколько сантиметров.*

Среди немаркированных по многократности и непроцессуальности вторичных имперфективов искусственные, малоупотребительные глаголы встречаются значительно реже (ср. *растаивать, запотевают / о стеклах*). Образование немаркированных вторичных имперфективов – членов видовых троек – вписывается в общий продуктивный процесс имперфективации в русском языке.

Если между первичными и вторичными имперфективами типа *есть* и *съедать* семантическая разница по отношению к признаку кратности очевидна, то семантические отношения между глаголами *гнуть – сгибать, копать (картошку) – выкапывать* неоднозначны и не столь эксплицитно выражены. Ж.Веренк считает, что оппозиция первичных и вторичных неитеративных имперфективов определяется противопоставлением соответственно действия в развитии, безотносительного к его пределу, и действия, развивающегося к своему естественному пределу [Veugens 1980: 176]. Ю.Д.Апресян с противопоставлением по степени продвинутости к естественному пределу связывает многочисленную группу бесприставочных и приставочных глаголов НСВ [Апресян 1988а: 43]. Возникает вопрос: для всех ли немаркированных вторичных имперфективов и базовых глаголов НСВ характерны семантические различия по отношению к пределу действия и как эти различия эксплицитировать?

По нашему мнению, отмеченная семантическая оппозиция наблюдается не у всех рассматриваемых глаголов НСВ, а лишь в том случае, если базовый глагол в рамках единичной ситуации может быть и терминативным, и нетерминативным, а соответствующий вторичный имперфектив при обозначении единичного действия всегда является терминативным (то есть обозначает действие, характер которого предопределяет его самоисчерпание после достижения одновероятного результата). Ср. такие глаголы: *Вечером мы жгли костер* (нетерминат.); *Сегодня мы расчищали участок: жгли / сжигали старые пни* (терминат.); *Он пашет на соседнем поле* (нетерминат.); *Это поле он пашет / вспахивает с пяти часов утра* (терминат.). Характерно, что подобные вторичные имперфективы, в отличие от первичных, не употребляются без обозначения объекта, на который направлено действие. Например: *Я не умею кроить (выкраивать рукава); Маленькая девочка клеит аккуратно (аккуратно склеивает коробочку); После дождя хорошо полоть (выпалывать сорняки).* Когда предел дей-

ствия в высказывании никак не выражен, различное отношение к данному семантическому признаку может препятствовать полной синонимии таких базовых и вторичных имперфективов, например: *Соседка что-то жгла* (ср. *сжигала*) *в печи*; *Он жуёт* (ср. *прожевывает*) *сладкий плод*; *Здесь он лечился* (ср. *излечивался*) *после ранения*; *Дерево горит* (ср. *сгорает*). Если же отношение к пределу действия сигнализируется элементами контекста (1), либо одинаково выражено в обеих глагольных лексемах (2), либо предел действия является отнесенным (3), первичные и вторичные имперфективы выступают как полные синонимы (при условии отсутствия индивидуальных различий, не связанных с пределом действия). Ср.: *Она жжет / сжигает мусор, чтобы расчистить двор*; *Он гнет / сгибает проволоку пополам*; *Сегодня эта печь греет / обогревает весь дом* (1); *Лаборант фильтрует / профильтровывает раствор, сверлит / просверливает отверстие*; *Мы пакуем / упаковываем вещи* (2); *Обед стынет / остывает*; *Больной начинает слабеть / ослабевать* (3).

Рассмотренные семантические отношения между базовыми и немаркированными вторичными имперфективами характеризуют их употребление при обозначении единичной ситуации (напомним, что итеративно-результативные префиксальные глаголы НСВ в этом случае вообще не употребляются). В рамках кратной ситуации различная степень результативности вторичных имперфективов и базовых глаголов НСВ, способных иметь нетерминативное употребление, может быть эксплицирована сочетанием с обстоятельствами типа *к вечеру, полностью*, сигнализирующими конечный предел действия: в подобных условиях контекста такие базовые глаголы НСВ, как правило, не употребляются. Ср.: *Всю картошку мы выкапывали (*копали) к середине сентября*; *Собранные листья мы полностью сжигали (*жгли) к его приходу*. Ср. также: *К семи часам вечера она полностью съела (*ела) все, что ей оставляла мама*. Подобные ограничения на сочетаемость не имеют беспрефиксные глаголы НСВ с постоянным отношением к пределу действия (см. примеры 2 в предыдущем абзаце), например: *К концу рабочего дня лаборант полностью фильтровал / профильтровывал десять литров раствора, сверлит / просверливает десять отверстий*; *К вечеру цветы вянут / увядают*.

Итеративные имперфективы однозначно выражают кратное действие, а немаркированные вторичные и первичные глаголы НСВ в этом значении нуждаются в специальных контекстуальных средствах, указывающих на многократность действия. В следующих примерах замена итеративного вторичного имперфектива на первичный ведет к неоднозначности высказывания с точки зрения кратности обозначаемого действия: *Утром я выпивала* (ср. *пила*) *лишь чашку кофе*; *Све-*

жий номер газеты он прочитывал (ср. читал) с большим вниманием. При наличии контекстуальных показателей кратности базовые глаголы НСВ могут быть полностью синонимичны как итеративным, так и немаркированным префиксальным глаголам НСВ. Ср.: *Каждое утро она ела / съедала яблоко; Каждый вечер город кутался* (ср. *укутывался*) *в темное покрывало* (Крестьянка. 1984. № 10); *Всякий раз душа моя перед этой дверью каменела* (ср. *окаменевала*) (Смена. 1986. № 2).

При переводе повествования из прошедшего времени в план настоящего исторического маркированные вторичные имперфективы в сравнении с немаркированными, а также базовыми глаголами НСВ также являются более специфицированным средством обозначения завершенных действий, сменяющих друг друга на линии повествования. Ср.: *Я прочитала статью. В пять часов раздался звонок из редакции. – Я прочитываю статью. В пять часов раздается звонок из редакции.* Форма *читаю* в данном контексте воспринимается как аналог претеритальной формы НСВ *читала*. Ср.: *Я читаю (читала) статью. В пять часов раздается звонок из редакции.* Немаркированные вторичные имперфективы в таких случаях неоднозначны, например: *Я упаковываю (упаковывала или упаковала) вещи. В пять часов раздается (раздался) звонок из редакции.* Презентная форма первичного и немаркированного вторичного имперфектива может заменить при повествовании претеритальную форму глагола СВ, если из ситуации или контекста вытекают завершенность и сменяемость действия. Ср.: *Я читаю / прочитала статью* (или: *Я упаковываю / упаковала вещи*) *и сразу же звоню в редакцию.*

Таким образом, наибольшим функциональным диапазоном в русском языке обладают немаркированные вторичные имперфективы. Часть из них полностью синонимична соответствующим базовым глаголам НСВ, условием чего является постоянный терминативный характер последних. При их переменном отношении к пределу действия соответствующие немаркированные вторичные имперфективы отличаются от базовых постоянной терминативностью и сочетаемостью с обстоятельствами типа *к вечеру, полностью*. Маркированные вторичные имперфективы в сравнении с соответствующими базовыми глаголами НСВ характеризуются, во-первых, ограничениями в употреблении – неспособностью обозначать: а) процессуальные действия и, следовательно, сочетаться с показателями длительности, б) единичные действия во всех временах, кроме настоящего исторического и ближайшего будущего, а во-вторых, выражением признаков итеративности и результативности вне настоящего исторического и ближайшего будущего и результативности в последних двух временных планах.

В системе русского видообразования, по нашему мнению, феномен видовых троек не аномалия, их существование обусловлено грамматикализацией имперфективации. Следствием этого выступает образование вторичных имперфективов и там, где для этого нет семантических оснований, таких, как, например, в случае *писать* – *переписать* – *переписывать*, где приставка *пере-* создает новый глагол с самостоятельным лексическим значением ‘написать заново, скопировать’, которое, по законам видовой системы, должно быть представлено как в СВ, так и в НСВ. Нам близка точка зрения Л.Ясаи, который считает, что трехчленные соотношения следует трактовать как особую реализацию видовой парности, как аспектуальное единство [Ясаи 1997: 74]. Функционально-семантические различия между первичными и вторичными имперфективами укладываются в рамки системы основных значений НСВ, которые в рассмотренных случаях обслуживаются не одной, а двумя формами²⁰.

Помимо маркированных вторичных имперфективов, входящих в видовые тройки типа *есть* – *съесть* – *съедать*, процессуальное (актуально-процессное, актуально-длительное) значение не могут иметь многие глаголы НСВ, образуемые с различной степенью регулярности от целого ряда префиксальных глаголов СВ, выражающих: (а) достижение конечной локальной границы проявления действия, ср. *добежать* (*до сада*); (б) нежелательный результат, связанный, как правило, с продолжительностью и интенсивностью действия, ср. *отсидеть* (*ногу*), *заиграть* (*пластинку*); (в) оценку результата действия (например, при его соотнесении с определенной нормой), ср. *пережарить*, *недоварить* и др. Соответствующие глаголы НСВ (*добежать*, *отсидеть*, *недоварить* и др.) в русском языке не имеют актуально-процессного значения, употребляясь в основном в неограниченно-кратном значении и в настоящем историческом.

²⁰ Другая точка зрения представлена в работах Ю.Д.Апресяна и Е.В.Падучевой, которые исходят из того, что вид является словоизменительной категорией, а видовая корреляция – двучленной, поэтому глагол СВ не может иметь два коррелята НСВ, а лишь один. В противном случае это означало бы, что «видов не два, а три» [Падучева 1996: 95]. Ю.Д.Апресян подчеркивает, что видовые тройки по характеру соотносительности разнородны и делятся на разные типы, в которых парным к глаголу СВ выступает то первичный, то вторичный имперфектив, ср.: 1) *таять* – *растаять* (*растаивать* – impf. tantum); 2) *бежать* – impf. tantum) *убежать* – *убежать* (о молоке); 3) *гореть* – impf. tantum) *сгореть* – *сгорать*; 4) *читать* – *прочитать* (*прочитывать* – impf. tantum) [Апресян 1997: 14–15]. Различные точки зрения на данную проблему отражают и словари: БАС признает видовыми парами только те пары, которые образованы имперфективацией, типа *прочитать* – *прочитывать*, *растаять* – *растаивать*, *съесть* – *съедать*, соответствующие бесприставочные имперфективы трактуются как imperfectiva tantum; в МАС (второе издание) представлены видовые тройки, то есть по отношению к одному глаголу СВ приводятся два коррелята НСВ.

В заключение анализа русских вторичных имперфективов отметим, что в русской разговорной речи и языке художественной литературы (как современной, так и классической) имперфективация представлена как более регулярный процесс, чем в нормированном письменном языке [Русская разг. речь 1973; Виноградова 1987; Обнорский 1953; Глагол 1964]. Активное использование потенциальных глагольных дериватов является характерной чертой, например, литературного стиля А.И.Солженицына. В языке его произведений практически нет глаголов *perfectiva tantum*: вторичные имперфективы легко образуются от префиксальных глаголов СВ с результативными, фазисновременными и другими акциональными приставками, исключаящими в нормированном письменном языке дальнейшее видообразование. Подобные дериваты, являясь потенциальными словами, реализуют деривационные возможности русской словообразовательной системы [Земская 1992: 21]; они используются, как правило, для выражения повторяющихся, узуальных действий. Приведем несколько примеров из романов А.И.Солженицына «В круге первом» и «Архипелаг ГУЛАГ»: *Бабку знали, кажется, все московские народовольцы, потому что она **приючала** их у себя и помогала, чем умела; За посадкой изредка **протягивались** поезда, **прошумливали**, а будто беззвучно, только дымок в движении; Во время войны в лагерях **расстреливали** мало (если не говорить о тех республиках, откуда мы **поспешно отступали**: там **перестреливали** сотни и сотни в покидаемых тюрьмах); Уж, конечно, был у нас на двоих **деничик**... которого я так и **сяк озабочивал** и **понукал** следить за моею персоной...* Автор нередко предпочитает вторичные имперфективы и в том случае, когда обозначаются, например, в настоящем историческом единичные действия, которые могут быть выражены претеритальной формой СВ, ср.: *Бывший семинарист **возненавиживает** этих болтунов горше, чем губернаторов и полицейских; Сравнением двух зданий владимирского центра – царского и советского, Марченко вещественно объясняет нам, почему **не составляет** аналогия с царским периодом русской истории: царское здание сухое и теплое, советское – сырое и холодное...*

3.5.3. Сопоставление вторичных имперфективов в русском и чешском языках. Сопоставительное исследование вторичных имперфективов изучаемого типа в чешском и русском языках показало следующее. Русской видовой тройке в чешском языке соответствует тройная корреляция (бесприставочный глагол НСВ – приставочный глагол СВ – приставочный глагол НСВ) в том случае, если вторичный глагол НСВ в русском языке может выступать с конкретным процессуальным значением, то есть первичный и вторичный глаголы НСВ

синонимичны. Префикс в этом случае имеет, как правило, конкретное лексическое значение, совпадающее с одной из сем мотивирующего глагола. Данное явление рассматривается в чешской лингвистике как субсумпция (subsumpcce) [Poldauf 1954a: 49–65; Korečnů 1962: 91; Skoumalová 1963, 1968: 154–155; Šlosar 1981: 123; Komárek 1984]. Ср.: *сушить – просушить – просушивать*: *Весь груз наш промок, что вынудило нас раньше времени стать на бивак и **просушивать*** (ср. *сушить*) *на огне всю одежду* (Арсеньев, БАС); чеш. *sušit – vysušit – vysoušet, vysušovat*: *Vysoušeli* (ср. *vysušovali / sušili*) *vlhké obilí, Slunce vysušovalo rosu* (Они сушили влажные колосья. Солнце осушало росу); *клянчить – выклянчить – выклянчивать*: *Он клянчит / **выклянчивает*** *у него деньги*; чеш. *škemrat – vyškemrat – vyškemrávat*: *Škemrá / **vyškemrává** na něm peníze*; *делить – разделить – разделять*; чеш. *dělit – rozdělit – rozdělovat*. Образование вторичных имперфективов, способных иметь процессуальное значение, в обоих языках возможно и при неконкретном значении приставки, ср.: *зреть – созреть – созревать*; чеш. *zrát – uzrát – uzrávat*; *жечь – сжечь – сжигать*: *Она жгла / **сжигала** старые бумаги*; чеш. *pálit – spálit – spalovat*: *Pálila / **spalovala** starou korespondenci*.

Сопоставительное изучение вторичных имперфективов в русском и чешском языках свидетельствует о том, что в чешском языке не-процессуальных вторичных имперфективов практически нет, то есть глагол НСВ с результативной приставкой, лишенной конкретного лексического значения, или вообще не образуется, или может развивать процессуальное значение. Ср. видовые тройки в русском и отсутствие (или неупотребительность при теоретической возможности образования) вторичного имперфектива в чешском языке:

<i>учить (стихи) – выучить – выучивать</i>	<i>učit se – naučit se – ∅</i>
<i>есть – съестъ – съедать</i>	<i>jíst – sníst – ∅</i>
<i>гнить – сгнить – сгнивать</i>	<i>hnít – shnít – ∅</i>
<i>лечить – вылечить – вылечивать</i>	<i>lécit – vylécit – ∅</i>
<i>строить – выстроить – выстраивать</i>	<i>stavět – vystavět – ∅</i>
<i>читать – прочесть – прочитывать</i>	<i>číst – přečíst – *přečítat</i>

Приведенные и подобные им примеры подтверждают большую активность вторичных имперфективов в русском языке, чем в чешском. Однако соотношение процессов вторичной имперфективации в сопоставляемых языках неоднозначно. Имеются и такие примеры, когда вторичный имперфектив возможен в чешском языке, но не образуется в русском (в основном это касается глаголов с приставкой *по-*). Подчеркнем, что в этом случае вторичный имперфектив в чешском языке свободно развивает процессуальное значение и может конкурировать

с первичным глаголом НСВ при обозначении конкретного процесса: *стелить – постелить, stlát – ustlat – ustýlat: Ustýlá / stele si na podlaze* (Она стелет себе на полу); *мыть (машину) – помыть, mýt (auto) – umýt – umývat: Co teď dělá? – Umývá auto* (Что он делает? – Моет машину); *чувствовать – почувствовать, cítit – pocítit – pocítovat: Zimu jsem nepocít'oval / necítit* (Холод я не чувствовал); *мешать – помешать, rušit – vyrušit – vyrušovat: Sestra mě dnes stále ruší / vyrušuje* (Сестра мне сегодня все время мешает); *строить (микрорайон) – построить, budovat (sídlíště) – vybudovat – vybudovávat.*

Картина соотношения первичных и вторичных имперфективов в русском и чешском языках осложняется тем, что и в том и другом часто наблюдается утрата первичного бесприставочного глагола. Ср.: *готовить (что-то) – приготовить – приготавливать, připravit – připravovat; солить (рыбу) – засолить – засаливать, zasolovat (rybu) – zasolit; наполнить – наполнять, plnit – naplnit – naplňovat.*

Способность вторичных имперфективов к развитию процессуального значения в чешском языке распространяется и на глаголы со значением прибытия (с префиксом *při-*), которые в русском языке названы Ю.Д.Апресяном «каноническими классами моментальных глаголов» [Апресян 1988б]. Глаголы типа *приходить – přicházet* также являются вторичными имперфективами и входят в функциональные видовые тройки *идти (куда) – прийти – приходиться, jít (někam) – přijít – přicházet*. Ср. их процессуальное употребление в чешском языке: *Přicházím, abych se rozloučil – Я пришел* (букв. прихожу) *проститься; Štěně pomalu přilézalo na slunce – Щенок медленно выползал* (букв. приползал) *на солнце; Vlak právě přijížděl do stanice – Поезд как раз подъезжал* (букв. приезжал) *к станции; Když jim vysvětlil, že přichází pro křečka... vyjasnily se tváře manželů (Hašek) – Когда он объяснил им, что пришел* (букв. приходит) *за хомяком... лица супругов прояснились.* Такое употребление глаголов прибытия с приставкой *při-* в чешском языке поддерживается их использованием в значении «подъехать, подойти (близко к...)», например: *Závodníci přibíhají k cíli – Участники соревнования подбегают к цели; Protože přijížděla právě její tramvaj, rozloučila se s panem Habáskem slovy «na shledanou» (Poláček) – Потому что как раз подъезжал ее трамвай, она простилась с паном Габаском...* Аналогичны закономерности употребления в чешском языке глаголов НСВ с приставкой *do-*: глаголы движения типа *dobíhat do cíle* не имеют каких-либо ограничений в употреблении с актуально-процессным значением.

Таким образом, имеющиеся в чешском языке приставочные глаголы НСВ, входящие в видовые тройки, могут развивать процессуальное значение (если обозначаемое действие не случайное, а целена-

правленное). Это соответствует общей тенденции глаголов НСВ к сохранению значения процессуальности при факультативной нейтрализации видового противопоставления (при конкуренции видов). Поэтому в чешском языке удельный вес употреблений НСВ в процессном значении либо с актуализацией процессуального восприятия действия среди других типов употребления НСВ больше, чем в русском.

Как мы уже отмечали, фазисно-временные СГД в чешском языке представлены, как правило (за исключением комплетивного СГД с приставкой *do-*, *do-*), лишь в СВ. Подробно этот вопрос анализируется в главе IV.

Словацкий язык в данной области проявляет заметное сходство с чешским [Исаченко 1960; Morfológia 1984]. В словацком языке, так же как и в чешском, вторичные имперфективы не образуются от глаголов СВ с результативными приставками типа *zjest'*, *naučiť sa*, *vyliečiť* и под. Вторичные имперфективы от глаголов движения с приставками *pri-* и *do-* свободно развивают процессуальное значение, ср.: *Zástup prichádzal smerom k nim* – *Толпа приближалась* (букв. *приходила*); *Matka prinášala v lavóre zarezanú sliepku* (Rozprávky) – *Мать в тазу вносила* (букв. *приносила*) *зарезанную курицу*.

По мнению Ю.С.Маслова, в польском языке границы вторичной имперфективации шире, чем в русском, но значительно уже, чем в болгарском [Маслов 1959]. Этот вывод по отношению к русскому языку подтверждают следующие примеры польских видовых троек, а также СГД, представленных в СВ и НСВ, ср.: *radzić* – *doradzić* – *doradzać*, *советовать* – *посоветовать*; *mościć* – *wymościć* – *wymaszcząć*, *мостить* – *вымостить*; *morzyć* – *wymorzyć* – *wymarzać*; *морить* – *заморить*; *złocić* – *wyzłocić* – *wyzłacać*, *золотить* – *позолотить*; *planować* – *rozplanować* – *rozplanowywać*, *планировать* – *запланировать*; *redagować* – *przeredagować* – *przeredagowywać*, *редактировать* – *отредактировать*; *chcieć* – *odechcieć się* – *odechciewać się*, *хотеть* – *расхотеть*; *plakać* – *przeplakać* – *przeplakiwać*, *плакать* – *проплакать*, ср. также [Стрекалова 1979]. Что касается семантики вторичных имперфективов, то, по нашим наблюдениям, и в этой области польский язык занимает как бы промежуточное положение между русским и чешским (и словацким) языками, хотя, конечно, данный вопрос требует специального и более подробного исследования. Например, вторичные имперфективы с приставкой *do-*, образованные от глаголов движения, в отличие от русского языка, могут в польском языке развиваться, как и соответствующие глаголы в чешском языке, конкретно-процессное значение. В польском языке возможно предложение *Gdy dochodził do domu, krzyknął* (букв. **Когда он доходил до дома, крикнул*). Сходство с русским языком наблюдается при

анализе продуктивной группы глаголов достижения с приставкой *przyc-* со значением прибытия в конечную точку движения. В польском, как и в русском, такие глаголы не могут обозначать единичный процесс в срединной фазе его протекания. Предложение **Gdy przychodził do domu, krzyknął* (букв. **Когда он приходил в дом, то крикнул*) невозможно [Śmiech 1973].

Непроцессуальные вторичные имперфективы, входящие в видовые тройки в русском и болгарском языках, представляют интерес с точки зрения концептуализации объективной действительности грамматической категорией вида. Их непроцессуальность не является отражением в глагольной семантике объективных свойств обозначаемых действий (как во многих группах моментальных глаголов), а обуславливается видовыми системами данных языков. Группа непроцессуальных вторичных имперфективов не является славянской универсалией, что взаимосвязано с различиями в функционировании видов и видового противопоставления между отдельными славянскими языками.

4. Краткие выводы

Подведем некоторые итоги изучения вида в русском языке в сопоставлении с западнославянскими и болгарским языками.

1. Вид в славянских языках в данной работе определяется как преимущественно интерпретационная категория, в которой выработан механизм актуализации, акцентации предельных моментов протекания действия во времени. Сама же интерпретация рассматривается в духе когнитивного механизма профилирования значений как способа восприятия ситуации говорящим и выделения основных и фоновых элементов значения. При этом аспектуальная интерпретация действия может быть однозначно определена его объективными характеристиками: завершенностью / незавершенностью, локализованностью / не локализованностью на временной оси и др.

2. Всем славянским языкам свойственны однотипные функциональные различия между СВ и НСВ, проявляющиеся прежде всего в том, что при обозначении актуально длящегося процесса (в частности, совпадающего с моментом речи) и в сочетании с фазисными глаголами не могут быть употреблены глаголы СВ, а только глаголы НСВ. НСВ при таком употреблении противопоставит СВ, но в определенных контекстуальных условиях во всех славянских языках возможно и синонимическое употребление глаголов СВ и НСВ, что позволило сделать вывод, прозвучавший во многих славистических работах, о немаркированном характере НСВ в видовой оппозиции. При этом

НСВ как немаркированный член привативной оппозиции, по Р.Якобсону, характеризуется семантической двойственностью и в определенных типах контекста способен иметь свое собственное положительное значение, противопоставленное СВ, – значение процессуальности, при котором акцентируются не предельные, а срединные моменты протекания действия. Отмеченные сходства между русским и другими славянскими языками комбинируются с различиями в употреблении видов и видообразовании. Так, различна сочетаемость видов с показателями кратности действия, наблюдаются значительные расхождения в употреблении видов в повествовательных текстах, некоторых синтаксических конструкциях, при отрицании, в императиве, при обозначении неопределенного факта в прошлом и др.

3. Степень грамматичности вида в русском языке меньше, чем в болгарском (где данная категория обособлена от словообразовательных значений способов действия, а имперфективация достигла регулярности словоизменительного формообразования), и больше, чем в чешском и словацком языках (в которых более значительна зависимость видообразования от словообразовательной структуры глаголов и значения приставки). В польском языке регулярность вторичной имперфективации в целом выше, чем в русском. Как показатель грамматичности мы рассматриваем также обязательность употребления того или иного вида при обозначении кратных действий, в настоящем историческом, в претеритальных повествовательных текстах, в императиве, при отрицании (то есть вне категориальной оппозиции актуально-процессного значения НСВ и конкретно-фактического значения СВ), так как только для грамматических категорий характерны неинтенциональность или ослабление интенциональности употребления их членов, подчинение правилам построения текста. Степень обязательности употребления прежде всего НСВ (при выражении повторяющихся действий, в настоящем историческом, в императиве, в отрицательных конструкциях), а также СВ (при повествовании в прошедшем времени) в русском языке больше, чем в западнославянских. Это свидетельствует в целом о меньшей свободе выбора видов и о большей нормированности употребления видовых форм в русском языке, которое во многом регулируется узусом и синтагматическими правилами построения текста.

4. Функционирование видов взаимосвязано с закономерностями видообразования и внутривидового акционального словообразования: взаимосвязаны функциональная активность глаголов СВ и крайне ограниченный процесс вторичной имперфективации в чешском и словацком языках, с другой стороны, взаимосвязаны «экспансия» НСВ в болгарском и русском и большая регулярность образова-

ния вторичных имперфективов в этих языках, чем в чешском и словацком. В польском языке соотношение данных процессов выражено не столь четко (ср. большую, чем в русском языке, регулярность вторичной имперфективации, сочетающуюся тем не менее с более частотным употреблением глаголов СВ при обозначении кратных действий, и господство НСВ в настоящем историческом).

5. Потенциальная возможность противопоставления в чешском и словацком языках глаголов СВ и НСВ при обозначении кратных действий, в настоящем историческом и при повествовании в прошедшем времени способствует актуализации в значении глаголов НСВ (способных обозначать длящийся процесс при любом их употреблении) признака процессуальности, то есть актуализации неопредельных моментов его протекания и в связи с этим длительности. Характерно, что в чешском языке практически нет непроцессуальных вторичных имперфективов, не отмечаются они и в словацком языке. У глаголов НСВ при обозначении кратных действий в этих языках может быть актуализировано значение длительности, процессуальности каждого повторяющегося действия. Данный факт, хорошо ощущаемый носителями чешского языка, взаимосвязан с употребительностью видовых форм, например, при обозначении кратных действий: если нет оснований для выделения значения процессуальности, то из двух возможных видовых форм предпочтение отдается СВ. Приведенные языковые данные не позволяют рассматривать НСВ в чешском языке как немаркированный член видовой оппозиции в той же степени, что и в русском языке.

6. В целом правила употребления видов в чешском и словацком языках проще, чем в русском: с одной стороны, при обозначении факта в прошлом употребление видов в большей степени определяется категориальной семантикой СВ и НСВ, с другой – во многих типах контекста возможно употребление обоих видов.

• ГЛАВА III •

**КАТЕГОРИИ
ДЕРИВАЦИОННОЙ ОНОМАСИОЛОГИИ
И АКЦИОНАЛЬНОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ**

**1. Различные подходы к изучению
внутриглагольного словообразования
в славянских языках**

Как известно, общей чертой русского и других славянских языков является частотное выражение в рамках глагольной лексемы при помощи словообразовательных средств различных характеристик действия – фазисно-временных, результативных, пространственных, количественных, оценочных. Во всех славянских языках глагольные префиксация и суффиксация имеют аналогичные грамматические последствия: как правило, меняется вид исходного глагола. Поэтому внутриглагольная деривация в славистике традиционно изучается и описывается с двух точек зрения: грамматико-аспектуальной (в связи с видовой парностью и СГД) и словообразовательной.

По отдельным славянским языкам в области изучения СГД²¹ накоплен огромный материал; имеются также сопоставительные исследования [Piernikarski 1975; Стрекалова 1976; Sekaninová 1980; Смирнов 1983, 1990, 1992; и др.]. Тем не менее, по мнению многих лингвистов, углубленное изучение СГД по-прежнему остается одной из насущных задач синхронно-сопоставительной славянской аспектологии [Смирнов 1990: 50].

Параллельно с описанием видообразования (образования видовых пар) и способов глагольного действия на том же языковом материале анализируется префиксальное и суффиксальное глагольное словообразование (ср., например, два соответствующих раздела в [РГ 1980]). Особенно большое внимание в славянской лингвистике традиционно уделяется глагольной префиксации. Обзор различных подходов к изучению глагольных префиксов представлен в работах

---

²¹ Анализ различных подходов к выделению СГД представлен в целом ряде отечественных работ [Маслов 1959; Авилова 1976; Шелякин 1983; Обзор 1990], поэтому мы на этом вопросе не останавливаемся. В книге под СГД понимаются лексико-грамматические разряды глаголов с формально (словообразовательно) выраженными характеристиками глагольного действия, то есть принимается точка зрения, развиваемая в работах В.В.Виноградова, В.Н.Сидорова, П.С.Кузнецова и др. Подробнее об этой точке зрения см. [Авилова 1976].

М.А.Кронгауза [Кронгауз 1997а, 1998]. В последующих разделах данной главы мы остановимся более подробно лишь на тех исследованиях, которые не упомянуты в названных обзорах, но которые тем не менее важны для изучения внутриглагольного словообразования в русском и других славянских языках.

В настоящей работе используются некоторые положения деривационной ономазиологии, необходимые для изучения словообразовательной категоризации параметров протекания действия во времени, что способствует интеграции аспектуального и словообразовательного подходов к описанию глагольной деривации. Мы исходим из того, что при номинации динамических ситуаций глагольная приставка может играть роль либо определителя действия, названного мотивирующим глаголом, либо основного элемента номинации, когда в роли спецификатора выступает глагольная основа, поэтому при изучении глагольной префиксации большое внимание уделяется семантическим отношениям между глагольной основой и приставкой и соответственно между производящим и производным глаголами.

Обзор различных точек зрения на функции глагольных префиксов см. в [Skoumalová 1968: 155, 1983: 224]. Наиболее распространена трехчленная функциональная классификация приставок, в рамках которой выделяются: 1) видовые приставки, служащие для образования видовых пар; 2) акциональные (в другой терминологии – аспектуальные, модификационные), образующие СГД; 3) лексические (мутационные), создающие номинацию качественно новых действий [Peciar 1968; Šmilauer 1971; Авилова 1976; Шелякин 1983; Wróbel 1978; Gramatyka 1984: 472]. Двучленные классификации обусловлены либо отказом признать за приставками видообразующую функцию, ср. [Исаченко 1960], либо включением видовых пар в модификационное словообразование, ср. [Skoumalová 1979: 243–246]. Последняя классификация глагольных префиксов представляется нам наиболее приемлемой для анализа глагольного словообразования в славянских языках.

Глагольные суффиксы обычно подразделяются на две группы: 1) участвующие в регулярной грамматической имперфективации и соответственно видообразовании; 2) образующие словообразовательные модификации (типа *мигнуть*, *суживать*), ср. [Шелякин 1983: 124–133; Korešný 1962: 101–106; Gramatyka 1984; Morfológia 1984]. Первая группа трактуется либо как формообразующие суффиксы, либо как словообразовательные, но без определения их словообразовательного значения. Мы рассматриваем такие суффиксы в системе глагольного модификационного словообразования, подчеркивая при этом их особый статус как регулярного средства образования форм НСВ. Семантическая функция имперфективации заключается прежде

всего в «снятии» актуализации категориального семантического признака предела действия, выражаемого СВ.

Как известно, префиксация и суффиксация во всех славянских языках имеют грамматические последствия: перфективацию и имперфективацию глаголов, но каждый славянский язык в плане соотношения словообразовательных и грамматических процессов обладает своими особенностями. Так, в западнославянских и русском языках перфективация глагола НСВ при его префиксации может быть как бы побочным эффектом выражения фазисно-временных параметров действия: начала, ограничения действия во времени (ср. *зашуметь, пошуметь*). При необходимости выразить процесс начала или повторение начального фазиса действий в русском языке (так же как и в западнославянских) используются аналитические конструкции (ср. *начинает шуметь, ходить*), так как выражение начальной границы данных действий словообразовательными средствами в русском языке несовместимо с несовершенным видом. Принципиально иные отношения между перфективами и имперфективами характерны для болгарского языка, в котором, как мы уже отмечали, наблюдается «значительно более широкая, чем в русском и других славянских языках, способность реального образования производных основ несовершенного вида» [Маслов 1955: 29]. Одним из последствий регулярной вторичной имперфективации выступает тот факт, что все семантические модификации глаголов в болгарском языке могут быть выражены как в совершенном, так и в несовершенном виде.

Проанализируем внутриглагольное словообразование в рассматриваемых славянских языках на основе системы понятий деривационной ономазиологии М.Докулила [Dokulil 1962].

2. Категории деривационной ономазиологии: модификация и мутация

2.1. Понятия словообразовательной модификации и мутации в лингвистике

Комплекс научных понятий деривационной ономазиологии и производной номинации в основном ориентирован на именное словообразование, которое детально описано во многих славянских языках, тогда как глагольная производная номинация, в частности, основанная на внутриглагольном словообразовании, изучена в значительно меньшей степени. Это во многом объясняется различиями номинативных функций имен и глаголов и особенностями глагольной семантики, рассмотренными в главе I (раздел 1.1).

Для русского и других славянских языков, обладающих разветвленной системой внутриглагольного словообразования, принципиально важно исследование ономаσιологической структуры производного глагола и различных типов вторичной глагольной номинации, прежде всего модификации и мутации. Именно эти понятия могут быть положены в основу сопоставительного изучения внутриглагольного словообразования и словообразовательной категоризации действий в славянских языках.

По определению чешского лингвиста М.Докулила, разработавшего основные положения деривационной ономаσιологии, под модификацией понимается производная номинация, при которой к содержанию исходного понятия добавляется дополнительный признак, обогащающий это понятие, в результате чего создается более специфицированное название того же предмета или явления действительности [Dokulil 1962: 46; 1982]. Мутация же – это не уточнение старого понятия, а создание нового на базе первоначального, это номинация нового явления на основе его отношения к исходному [Dokulil 1962: 46].

М.Докулил подчеркивал обязательную двучленность ономаσιологической структуры производного слова, которая складывается из ономаσιологического базиса и ономаσιологического признака. В качестве ономаσιологического базиса наименования всегда выступают определенные понятийные разряды, например понятие действия и его разновидностей, а в качестве ономаσιологического признака – любые атрибуты предметов или разнообразные параметры действия [Dokulil 1962: 46].

Отсутствие четких границ между смежными во времени ситуациями, плавный переход одной ситуации динамического мира в другую обуславливает сложность различения уточненного (модифицированного) глагольного значения и созданной на базе исходного понятия номинации нового действия (словообразовательного мутационного значения). В связи с этим в лингвистической литературе проблема разграничения глагольных производных модификационного и мутационного типов решается по-разному.

М.Докулил рассматривает внутриглагольную деривацию практически полностью в рамках модификационной ономаσιологической категории [Dokulil 1982], отмечая, что для категории действия особенно важны различные его модификации – пространственные, временные, фазисные и др. [Dokulil 1962: 49]. В модификации глагольного значения, по мнению М.Докулила, участвует и грамматическая категория вида [Dokulil 1982: 3–4; 1994]. Сходную точку зрения на внутриглагольное словообразование как модификационное высказывает целый ряд исследователей, например Э.Секанинова, З.Кле-

меневич, Е.С.Кубрякова; при этом они подчеркивают две функции глагольных префиксов: модификационную и перфективирующую [Sekaninová 1980; Klemensiewicz 1951; Кубрякова 1981: 125, 157].

На понятии словообразовательной модификации основывается теория СГД в работах многих российских и зарубежных лингвистов [Авилова 1976: 263–265]. Для аспектологических исследований в принципе характерно отграничение комплекса словообразовательных модификаций, имеющих аспектуальную значимость и детально описываемых в рамках СГД, от производных глаголов, называющих качественно новые глагольные действия, причем без определения каких-либо критериев такого различия [Исаченко 1960: 223–224; Шелякин 1983: 168]. Понятие модификации при изучении словообразовательно охарактеризованных СГД в отечественной лингвистике последовательно используется в работах А.М.Ломова [Ломов 1977б, 1983]. «Акциональные модификаторы представляют собой те разнообразные деривационные средства (в основном приставки и суффиксы), используя которые... говорящий целенаправленно преобразует акциональную структуру производящего глагола, иными словами, задает последнему значения определенного круга... способов глагольного действия» [Ломов 1983: 111].

Попытки выработать объективные критерии разграничения производной номинации модификационного и мутационного типов были предприняты польскими и чешскими лингвистами, использовавшими для этого толкование производных глаголов и сопоставление валентностной структуры мотивирующего и мотивированного глаголов. На основе логико-синтаксической теории В.Дорошевского [Doroszewski 1962] польские лингвисты интерпретируют семантику производного слова при помощи парафразы-синтагмы, устанавливая соответствия между частями производного слова и синтаксическими функциями членов синтагмы. По мнению Г.Врубеля, одного из авторов «Граматики польского языка» [Gramatyka 1984], при модификации глагола приставка выступает как своего рода определение по отношению к мотивирующей основе, характеризуя параметры исходного действия – его фазисы, интенсивность, кратность и т.п., например: *zakwitnąć* (зацвести) – ‘*zacząć kwitnąć*’ (‘начать цвести’); *pobiegać* (побегать) – ‘*biegać jakiś odcinek czasu*’ (‘бегать какой-то период времени’). При мутации именно префиксальный формант выражает действие, тогда как мотивирующая основа выполняет при нем роль определений. Ср.: *przegrać coś* (проиграть что-либо) – ‘*utracić coś grając*’ (‘утратить что-либо, играя’); *wypłakać coś* (выплакать что-либо) – ‘*uzyskać coś płacząc*’ (‘получить что-либо, плача’) [Wróbel 1978; Gramatyka 1984: 480–482]. Отметим, что аналогичный подход к описанию отглаголь-

ной деривации (при другой терминологии) реализуется также во многих отечественных исследованиях, например в [Черепанов 1974].

З.Скоумалова, автор соответствующих разделов в «Русской грамматике», изданной в Праге в 1979 г. [РГ 1979], также использует формулы-толкования для разграничения модификации и мутации во внутриглагольной системе русского и чешского языков, но как вспомогательный прием; основным же критерием разграничения двух типов производной номинации является в названной работе соотношение лексико-синтаксической сочетаемости (интенции [Pauliny 1943]) исходного и производного глаголов: в случае модификации она не меняется «при одновременном сохранении лексико-семантического содержания». Изменение интенциональной структуры (если только речь не идет о разных вариантах одной интенциональной модели типа *испечь пироги – напечь пирогов*) является показателем мутации, ср.: *рыть землю – зарыть клад в землю* [Skoumalová 1979: 243]. В соответствии с этим как мутация трактуются также следующие случаи: *бежать (через улицу) – перебежать улицу; звонить друзьям – обзвонить (всех) друзей*; показателем мутации здесь выступает транзитивация глаголов [Skoumalová 1979: 560–561]. Однако, по нашему мнению, рассмотренные критерии не позволяют непротиворечиво описать производную глагольную номинацию в славянских языках. Так, толкование некоторых производных глаголов, например глаголов перемещения, допускает неоднозначную интерпретацию, ср.: *долететь (до леса)* – (1) ‘летя, достичь определенного предела’; (2) ‘лететь до определенного предела и достичь его’ [Кубрякова 1981: 125]. Первое толкование отвечает сущности мутации (именно так подобные производные рассматриваются в [Gramatyka 1984]); второе, по [РГ 1979], модификации – ‘завершить / завершать действие в соответствии с его внутренней направленностью (интенцией)’. На принципиальную возможность двойного толкования результативных глаголов указывал Л.Талми, например: *melt away* (ср. *таять – растаять*) – ‘disappear [= away] by melting’ / ‘melt with the result of disappearing’ [Talmy 1985: 128]. Если же основываться на формально-семантическом критерии лексико-синтаксической сочетаемости, как он понимается в [РГ 1979], то содержательно близкие дериваты типа *перейти через улицу / перейти улицу, проехать сквозь туннель / проехать туннель, наклеветать на кого-либо / оклеветать кого-либо* попадут в разные типы производной номинации.

В связи с вышеизложенным возникает вопрос: возможна ли вообще выработка объективных критериев для разграничения разных типов производной отглагольной номинации – уточненного названия той же, исходной ситуации и номинации новой ситуации? Отвечая на

этот вопрос в принципе положительно, мы считаем, что решить поставленную задачу можно лишь на основе сопоставления семантической структуры производящих и производных глаголов в соотношении с денотативными ситуациями. Рассмотрим данный тезис подробнее.

2.2. Разграничение производной глагольной номинации модификационного и мутационного типов

В номинации действия, как мы уже отмечали, участвуют и предметные имена (актанты), сочетаемость с которыми заложена в лексическом значении глагола. Потенциал лексико-синтаксической сочетаемости глагола – семантические валентности – играет большую роль в формировании его семантической структуры, которую мы рассматриваем как двухуровневую семантическую модель, «определяемую соотношением двух последовательных ступеней обработки информации в процессе обобщающего отражения языковыми единицами объективных явлений» [Сильницкий 1983: 4]. Первому, денотативному, уровню соответствуют логические валентности [Ферм 1990: 32], второму, сигнификативному, – семантические валентности, соотносящиеся в формальной структуре предложения с синтаксическими валентностями. Параметры той или иной денотативной ситуации и соответствующие им отдельные семантические признаки универсальны, но их пучки, составляющие определенные лексические значения, варьируются от языка к языку.

Логические валентности, как правило, совпадают с семантическими, но возможно и их несоответствие. При отглагольной деривации расхождение семантических и логических валентностей наблюдается в случаях типа *воровать деньги / вещи у пассажиров – обворовать пассажиров; стирать белье / одежду для брата / брату – обстирать брата*. Адресат исходной ситуации занимает позицию прямого объекта, непосредственно подвергающегося воздействию, прямой же объект исходной ситуации не получает эксплицитного выражения, становится «включенным» в лексическое значение деривата (о глаголах с включенным объектом см. [Янценецкая 1991: 120–125]). Ю.Д.Апресян в аналогичных случаях говорит о регулярной невыразимости семантической валентности [Апресян 1974: 148]. Как представляется, исходный и производный глаголы различаются семантическими валентностями (у них разное количество открываемых позиций для актантов) при совпадении логических валентностей.

При номинации действия большую роль играет также интерпретация его цели. «Действие может быть идентифицировано с помощью то одного, то другого существенного свойства, можно, например, идентифицировать его как щелканье выключателем, или как освеще-

ние комнаты, или как предупредительный сигнал рыщущему в поисках наживы» [Вригт 1986: 266–267]. В качестве того существенного свойства, по которому происходят идентификация и номинация действия, здесь выступает интерпретация его цели. Ср. разные названия одной и той же денотативной ситуации в зависимости от цели представляющего эту ситуацию действия в следующих примерах: *встать со своего места / уступить свое место кому-либо; переместиться за дерево / спрятаться за дерево*. Данные глаголы относятся к двум классам: к дескриптивным глаголам (*встать, переместиться*), описывающим ситуацию, и к интерпретационным глаголам (*уступить место, спрятаться*) [Кустова 1992: 147], называющим ее по исходной цели или конечному результату.

Соотношение таких близких параметров действия, как цель и результат, неоднозначно. У целенаправленных терминативных действий типа *строить дом, чистить ботинки* цель определяет одновероятный результат, совпадая с ним. Но результат имеют и нецеленаправленные неконтролируемые действия – *сохнуть / высохнуть, расти / вырасти*. С другой стороны, цель, отраженная в лексическом значении и словарных толкованиях таких, например, глаголов, как *охотиться* (= ‘искать и преследовать зверя или птицу с целью добычи или истребления’), *гулять* (= ‘ходить, не торопясь, для отдыха, удовольствия’), не обязательно предопределяет естественный результат и предел действия, ср. [Падучева 1993: 6]. У названий деятельности, соответствующей социально принятым нормам жизни, типа *работать, служить (в армии)*, «цель не отрывается от самого действия» [Арутюнова 1992: 21] не выступает как самостоятельный элемент семантической структуры глагола. Она подразумевается, но конкретно не определяется. Русский, как и другие славянские языки, обладает разнообразными словообразовательными средствами для экспликации цели / результата таких действий, например: *заработать деньги, отработать долг, выслужить звание майора*. При деривации подобного типа происходит преобразование не только логических и семантических валентностей, но и результативно-целевой структуры (перспективы) мотивирующего глагола.

В самом общем виде можно сформулировать следующее утверждение: если внутриглагольная деривация затрагивает и меняет результативно-целевую перспективу исходного глагола и его логические и соответственно семантические валентности, то в результате словообразовательного процесса возникает номинация нового действия, а сама деривация является мутацией, например: *перекричать (кого-либо), отсидеть (ногу), прогулять (лекцию)*. Если же меняются временные, пространственные, количественные, оценочные характеристики (ср. *кричать – закричать, покричать, откричать, прокри-*

чать, накричатся, докричатся до кого-либо и т.п.), то в основе деривации лежит модификация. Мутационные дериваты называют последствия базового действия, тогда как выражение достижения собственно результата – чистого результата либо результата в комбинации с пространственными, количественными, обстоятельственными и некоторыми другими значениями – связано со словообразовательными модификациями базовых глаголов.

Как модификацию, по нашему мнению, следует рассматривать отношения между парными терминативными глаголами НСВ и СВ типа *варить – сварить (суп), клеить – склеить (коробочку)*. Префиксация, сопровождаемая перфективацией исходного глагола, в данном случае связана с эксплицитным выражением достижения результата, совпадающего с пределом действия, и однократности действия [Милославский 1989], что позволяет префиксальное видообразование анализировать в системе модификационного словообразования [Карцевский 1962; Dokulil 1994; Петрухина 1993а, 1996б]. Имперфективация, являясь более грамматикализованным, чем префиксация, процессом, тем не менее с содержательной точки зрения также не выходит за рамки модификации глагольного действия.

К модификации следует отнести, по нашему мнению, и такую деривацию, при которой производный и исходный глаголы различаются количеством и ролевой функцией семантических валентностей при совпадении логических. В качестве примера приведем уже проанализированные пары глаголов *красть что-либо у пассажиров – обокрасть пассажиров, стирать что-либо для брата – обстирать брата*. Неизменность логических валентностей и сходство целевой перспективы дают основание отнести приведенные производные к модификационному результативно-количественному типу: приставочный глагол СВ выражает достижение результата действия, названного мотивирующим глаголом, во всей его полноте. Нет основания рассматривать как мутацию также деривацию типа *звонить кому-либо – обзвонить (всех или многих); стучать(ся) кому-либо в дверь – достучаться до кого-либо в дверь; клеветать на кого-либо – оклеветать кого-либо*, при которой производный и производный глаголы различаются синтаксической валентностью при сходстве семантических и логических валентностей и целевой перспективы действия. В первом случае перед нами результативно-дистрибутивная, во втором – результативно-интенсивная, а в последнем – результативная модификация.

В заключение мы хотели бы отметить, что отношения словообразовательной мотивации связывают не только глаголы *делать → переделать, делать → доделать*, но и *делать → переделывать, делать → доделывать*. Как и многие лингвисты, мы считаем, что мотивация

может быть непосредственной или опосредованной [Черепанов 1974: 16; Улуханов 1971: 34]. Для того чтобы считать, что два слова находятся в отношениях словообразовательной мотивации, необходим и достаточен хотя бы один общий компонент в семантике двух родственных слов, причем мотивационные отношения не всегда совпадают с отношениями непосредственной словообразовательной производности [Тихонов 1985: 40–50]. В случае *делать – доделать* модификация идет по двум параметрам – комплетивности (см. главу IV, раздел 4) и результативности, а при опосредованной мотивации *делать – доделывать* по одному – комплетивности.

2.3. Производные глаголы с пространственными приставками с точки зрения модификации и мутации

Глагольные дериваты с пространственными приставками традиционно описываются вне СГД; исключение составляют работы П.А.Соболевой, в которых локативные характеристики действия возводятся в ранг локативных способов глагольного действия [Соболева 1980: 222–228; 1982]. З.Скоумалова такие дериваты рассматривает как пространственную модификацию исходных глаголов (*въехать в село, всыпать зерно в мешок, наехать на камень* и т.п.) [Skoumalová 1979: 251]. И.Г.Милославский также считает значение направления действия в пространстве модификационным [Лопатин, Милославский, Шелякин 1989: 37]. Г.Врубель большую часть пространственных значений относит к мутации. По его мнению, пространственные префиксы выражают информацию о перемещении предметов или их частей по отношению к другим предметам, являющимся конечным или начальным пунктом движения, сообщают любую другую информацию о пространственном перемещении предмета; способ же передвижения выражается мотивирующей основой [Gramatyka 1984: 480; Wróbel 1978]. В то же время он выделяет небольшую группу глаголов с пространственными приставками, не выходящую за рамки модификаций. Префиксы таких глаголов локализируют физический процесс, выражая его направленность на конкретную часть предмета, например: *облизывать* = ‘лизать со всех сторон’, *надламывать* = ‘ломать сверху’, *подгнивать* = ‘гнить снизу’ и т.п. Как модификационные Г.Врубель рассматривает пространственные дериваты от глаголов движения, выражающие лишь направление движения безотносительно к какой-либо точке в пространстве или другому предмету, например *подскокнуть, взлететь* [Gramatyka 1984: 480–482].

Мы согласны с Л.Ферм, считающей, что после префиксации состав валентностей глаголов движения не меняется количественно: глаголы остаются носителями всех трех валентностей направления (начальной точки, пути и конечной точки), «но одна из валентностей, значение

которой совпадает со значением приставки, становится сильной, доминирующей при глаголе» [Ферм 1990: 172]. Действительно, беспрефиксные глаголы движения, в отличие от глаголов физического действия типа *резать*, *пилить*, могут выразить любое направление перемещения при помощи заполнения соответствующих валентностей, например: *бежать с горы, от дома, в комнату, из комнаты* и т.д. От соответствующих префиксальных дериватов они отличаются не только имплицитным выражением направительной семантики, но и по другим параметрам.

Базовые и приставочные глаголы движения различаются отношением к признаку предела действия. У беспрефиксного глагола предел задается предметом-ориентиром (ср. *прыгать со ступеньки, толкать с лестницы*), у префиксального – эксплицитно выражается в самом глаголе, дублируясь в реализованной валентности, в данном случае валентности начальной точки (ср. *спрыгнуть со ступеньки, столкнуть с лестницы*). Поэтому базовые и приставочные глаголы движения по-разному реализуют семантический признак терминативности. Ср.: *Он последним бежит с горы* и *Он последним сбегает с горы*. В первом предложении актуализируется либо начальный, либо срединный момент движения, во втором – один из последних, близкий к конечной границе. Различное отношение базового и приставочного глаголов к признаку предела действия демонстрируют следующие релевантные для этого признака контексты: *Он первым идет через мост – Он первым переходит через мост; Мы (первые) едем сквозь тоннель – Мы (первые) проезжаем сквозь тоннель; Он (первым) бежит вокруг дома – Он (первым) обегает вокруг дома*. Глаголы с приставками *вы-* и *в-*, выражающими пересечение границ исходного (*вы-*) и конечного (*в-*) пунктов, отличаются эксплицитным выражением данного признака от соответствующих простых глаголов с заполненными валентностями начальной или конечной точек, которые его не выражают. Ср.: *Он идет из комнаты / Он выходит из комнаты; Он идет в комнату / Он входит в комнату*.

Рассмотренные семантические различия между простыми глаголами движения НСВ и соответствующими приставочными глаголами НСВ, по нашему мнению, не выходят за рамки модификации. Пространственная направленность – неотъемлемая сущность перемещения. Это значение может выражаться разнообразными средствами, оно легко имплицитно выражается простыми глаголами движения из контекста. Данный факт отличает беспрефиксные глаголы перемещения от глаголов, обозначающих внешнее физическое воздействие на объекты типа *бить, резать*, большинство из которых не способны имплицитно выражать семантические признаки пространственной направленности и терминативности из контекста (**бьет гвоздь в стену, *бьет пыль из ковра, ?режет фотографию из журнала*). Пространственная префик-

сация подобных глаголов относится к области мутации (см. следующий раздел).

До сих пор мы рассматривали и толковали значение приставочных глаголов перемещения в рамках несовершенного вида. Перечень различительных семантических признаков, приведенный выше, справедлив также для сравнения простых глаголов НСВ и приставочных глаголов СВ. Различия касаются актуализации признака предела. Представляется, что при синтагматической мотивации [Черепанов 1974], когда мотивирующей базой является простой глагол с заполненными обязательными валентностями (ср. *идти вокруг дома – обойти вокруг дома / обойти дом*), речь идет о результативной модификации исходного глагольного действия: бесприставочный глагол НСВ выражает движение, направленное на определенную цель (результат), приставочный же глагол СВ – достижение этой цели (результата). Если отглагольная деривация рассматривается на уровне лексем (*идти – перейти, войти, выйти* и т.д.), то результативная модификация сопровождается направительной. Модификация по нескольким параметрам вообще характерна для образования приставочных глаголов СВ.

Образование приставочных глаголов движения, по нашему мнению, может быть связано и с мутацией. Речь идет о тех случаях, когда для выражения движения в пространстве способ перемещения уже не столь важен. Глаголы движения с приставками *у-* и *при-* могут обозначать результат перемещения, индифферентного к способу передвижения, так же, как глаголы *убыть / прибыть*. Последние глаголы, аналогичные английским *leave / come, arrive* или испанским *salir, partir / venir*, в русском языке относительно малоупотребительны. Их функции в некоторых случаях выполняют *уехать / приехать* или *уйти / прийти*. Так, в русском языке глаголы *уехать, приехать* могут быть употреблены не только для обозначения передвижения наземным транспортом, но и самолетом или паромом. Ср.: *Он приехал в Москву, когда на улицах еще лежал снег, а уезжает жарким летом. Всего несколько часов лёта, и закончится интересный и странный период в его жизни* (Юность. 1989. № 4). Ср. аналогично: *Когда ты приехал? В понедельник? – В воскресенье. – А разве в воскресенье есть самолет из Мадрида?* (из разговора). Но так как рассмотренные глаголы СВ часто выражают и достижение цели исходного действия *ехать, идти* (ср. *Мы едем уже сутки, в город N. приедем рано утром*), приставочные глаголы *уйти, прийти, уехать, приехать* можно рассматривать как мутационно-модификационный тип деривации.

2.4. Структура мутационных дериватов

В результате мутации создается сложная номинация, не только называющая новую ситуацию, но и выражающая связь между ней и

исходным действием, которое в большинстве случаев выступает либо ее причиной (*проспать остановку, выслужить повышение*), либо способом достижения (*врезать замок в дверь, выкопать растение из земли*). В толкованиях производных глаголов причинно-следственные отношения между двумя ситуациями обычно представлены имплицитно, например ‘спя, пропустить остановку’, но могут быть и эксплицитованы: ‘спать и из-за этого пропустить остановку’. Так или иначе, но эти отношения должны обязательно учитываться при анализе производного глагола мутационного типа. Е.С.Кубрякова в данном случае говорит об «ономасиологической связке, или реляторе», конкретизирующей тип отношений между базисом и признаком [Кубрякова 1984: 64].

Приведем примеры мутационных дериватов в русском языке.

1) Расширение и конкретизация ситуации за счет включения в ее номинацию указания на помещаемый или извлекаемый объект (*копать землю – вкопать столб в землю; резать газету – вырезать фотографии из газеты*) преобразуют глаголы физического воздействия в глаголы со сложной ономасиологической структурой, базисом которой является концепт перемещения, ономасиологическим признаком – воздействие, а ономасиологической связкой – указание на отношение воздействия к перемещению как на способ последнего.

2) Производная номинация приобретения чего-либо (базис) в результате (связка) предшествующей деятельности (признак) обуславливает преобразование безобъектного нетерминативного глагола в объектный терминативный глагол, ср.: *служить – выслужить (офицерский чин); работать – заработать (двадцать тысяч)*.

3) Номинация новой ситуации может создаваться на базе двух ситуаций, имеющих одного активного субъекта [Янценецкая 1991: 131], например (когда субъект ждет поезд и при этом спит): *проспал поезд* = ‘пропустил (базис) поезд из-за того (связка), что спал (признак)’. О мутационных значениях, выражаемых при помощи глагольной префиксации, см. [Лесани 1994].

3. Расхождения между сопоставляемыми языками при производной глагольной номинации (общая характеристика)

Русский, западнославянские и болгарский языки обладают сходными мутационными и модификационными глагольными моделями, лишь некоторые из них имеются не во всех языках: например, продуктивная русская модель *добежаться (до простуды), дошутиться (до неприятностей)* отсутствует в болгарском, чешском, словацком, а

в польском представлена лишь единичными дериватами. В этом случае можно говорить о том, что между русским и сопоставляемыми с ним языками при выражении данного значения, которое стоит между модификацией и мутацией, нет системной соотносительности. На чешский, словацкий, польский языки подобные русские дериваты точно можно перевести лишь описательно, по сути дела, метаязыковыми конструкциями, например: *дошутиться* – чеш. *žertováním si něco způsobit*; пол. *doprowadzić żartami do czego*. В польском языке имеются лишь единичные дериваты, эквивалентные русскому метафорическому *доиграться*: *doigrać się, doskakać się* [Rutkowska 1981; Ананьева 1996]. В чешском же языке ближе всего к русскому *Он доигрался!* конструкция *Ten to dopracoval!* В болгарском языке с приблизительно таким значением могут употребляться дериваты *на- + се*. Ср.: *Той се шегуваше, шегуваше с шефа и накрая се нашегува* – *уволниха го* (инф.) – *Он шутил, шутил с шефом и дошутился* (букв. *нашутился*) – *его уволили*.

Определенную словообразовательную модель мы считаем представленной на системном уровне, если она реализуется хотя бы у части глаголов данного семантического типа, причем среди дериватов есть и употребительные глаголы. Показателем продуктивности той или иной модели являются окказионализмы, образующиеся по этой модели в речи. Если же та или иная семантическая модификация исходного глагола не имеет словообразовательных средств выражения или если словообразовательная модель представлена единичными либо устаревшими, неупотребительными дериватами, мы будем считать ее не реализующейся на системном уровне. Например, модификация со значением достижения желаемого результата типа рус. *достучаться* отсутствует в болгарском, ср. переводы русских производных глаголов на болгарский язык: *дослужиться (до полковника) – достигна със служене; дозвониться – успея да извикам (някого) по телефона; достучаться – чукам докато (ми) отворят*. В то же время западнославянские языки демонстрируют системную соотносительность с русским при выражении результативно-интенсивной модификации неопредельной деятельности указанного типа, ср.: чеш. *doklepat se, dořukat se*; словац. *doklopať sa, dořľcť sa*; пол. *dopukać się*. Системная же соотносительность той или иной модификации в сопоставляемых языках предполагает хотя бы частичную лексемную соотносительность. Ср. русские, чешские и польские соответствия, тождественные во всех отношениях – формальном, семантическом, функционально-стилистическом: *докричаться (до кого-либо) – dokřičet se – dokrzyzczyć się; дозвониться (до кого-либо) – dovolat se – dozwonić się; дождаться (кого-либо) – dočkat se – doczekać się; дослужиться (до какого-то звания) – dosloužit se – dosłużyć się*. Однако сопоставление данной

словообразовательной модели даже на уровне словаря показывает несколько большую продуктивность этой модификации в чешском и польском языках, чем в русском, ср.: *dopracovat se k slá-vě* – *добиться* (упорной работой) *славы*; *dopracować się mieszkania* – *заработать* (в результате продолжительной работы) *квартиру*.

В целом же между сопоставляемыми славянскими языками при наличии системной соотносительности имеющих модификационных и мутационных моделей наблюдаются различия двух типов, устанавливаемые на уровне словаря и уровне текста.

Область расхождений первого типа в основном определяют:

- приставки, репрезентирующие ту или иную модель, например мутационную: *prospat' поезд* – словац. *zaspal' odchod vlaku*; *исписать карандаш* – пол. *wypisać ołówek*; *отсидеть ногу* – чеш. *přese-dět si nohu*;
- мотивирующая база словообразовательных моделей; в частности, она различна у начинательной модификации в славянских языках. Так, продуктивность этой модификации в болгарском языке очень высока: начинательные глаголы с приставкой *за-* могут быть образованы от подавляющего большинства бесприставочных глаголов НСВ, причем даже от переходных и терминативных; кроме того, в начинательном значении используются другие приставки, например приставка *про-*, выражающая особый тип начинательности: ‘начать делать что-либо в первый раз’ (ср. *Малкият проговори – Малыш уже заговорил*), а также суффикс *-н-* (ср. *рева / ревна – реветь / взреветь*) [Маслов 1956: 176–179]. В русском языке круг глаголов, которые могут иметь начинательную модификацию, уже, а в западнославянских языках их совсем мало (см. главу IV);
- репрезентация данной модели конкретными глаголами при ее избирательном характере. При этом отсутствие конкретной лексемной реализации определенной словообразовательной модели в каком-либо из сопоставляемых языков может увеличить степень неадекватности перевода на этот язык с другого славянского языка, так как не все словообразовательные значения можно передать аналитически, что отражает семантические расхождения между славянскими языками в области производной номинации, например, в плане возможности выразить непосредственные причинно-следственные отношения между двумя ситуациями, ср. пол. мутацию *Wypaśli trawę na łące* (*wypaśli łąkę*) – букв. *Они выпасли траву на лугу*. На русский язык смысл этого предложения вне общего контекста можно передать неточно при помощи либо аналогичного, но образованного от другой основы деривата (ср. *Скот вытоптал на лугу всю траву*), либо развернутого предложения-

толкования, но тем не менее не полностью адекватного исходному польскому, ср.: *На лугу пасли скот, в результате чего там была уничтожена вся трава* (в польском предложении речь не идет о полном уничтожении травы, а скорее о ее израсходовании с точки зрения действия ‘пастись’). Передача естественными аналитическими конструкциями смыслов, выражаемых синтетически, затруднена при выражении результативных значений, осложненных разнообразными дополнительными смыслами типа *пережарить / недожарить, достучаться до кого-либо, нагуляться, высидеть (идею), добежаться до насморка* и т.п. Ср.: *нагуляться в весеннем лесу* (в предложении *Мы сегодня вдоволь нагулялись в весеннем лесу!*) = ‘гулять в весеннем лесу до полного удовлетворения’; *дозвониться до кого-либо* = ‘позвонить кому-либо и установить контакт с ним’; чеш. *přispat si, přiležet si* ‘поспать, полежать немного дольше, чем обычно’. Можно предположить, что именно такие значения с трудом будут переводиться на другие языки, в которых нет соответствующих словообразовательных моделей;

- продуктивность модели и степень ее открытости для новых производных. Например, в русском и западнославянских языках представлена мутационная модель со значением ‘утратить, упустить что-либо в результате деятельности, названной мотивирующим глаголом’: *пропить голос* – пол. *przepić głos*; *проездить все деньги* – чеш. *projezdít všechny peníze*, но в русском языке она охватывает большее количество лексем (производные типа *прожить все состояние* на западнославянские языки будут переводиться при помощи аналитических конструкций). По данной модели в русском языке активно образуются новые (потенциальные) производные, для которых трудно подобрать точные переводные эквиваленты в других сопоставляемых с ним языках, ср.: *С Россией кончено... На последях / Ее мы прогалдели, проболтали, пролузгали, пропили, проплевали / Замызгали на грязных площадях* (М.Волошин).

Второй тип семантических и функциональных различий производных глаголов в славянских языках (изученный в славистике в значительно меньшей степени, чем первый) можно выявить лишь на уровне текста. Они касаются в основном глагольных словообразовательных модификаций, допускающих различные семантические представления универсальных параметров действия, что является предметом исследования в главе IV.

Важно отметить, что на уровне текста характер производной глагольной номинации модификационного типа в русском языке может существенно меняться. На уровне словаря модификация – это уточнение мотивирующего значения, например характеристика действия с

точки зрения его фаз, интенсивности, результата и других параметров, ср.: *кричать – закричать, откричать, раскричатся, докричатся до кого-либо* и т.д. Однако в тексте именно модифицирующая приставка может стать основным средством номинации динамической ситуации, когда то действие, которое она должна конкретизировать, уходит как бы на второй план и становится вообще неважным. В следующем примере из романа А.Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ» словообразовательная модификационная модель ‘глагол с приставкой до- + отрицание’ выражает концепт «не докончить»: *Сколько моих предшественников не дописало, не дохранило, не доползло, не докарабкалось – а мне это счастье выпало* (Солженицын). Аналогично в стихах В.Шаламова концепт ‘закончить, завершить’, выражаемый приставкой до- и подчеркнутый обстоятельством *до конца*, приобретает особый смысл, становится символом жизненной позиции, ср.: *Ведь только длинный ряд могил / Мое воспоминанье, / Куда и я бы лег нагим, / Когда б не обещанье / Допеть, доплакать до конца / Во что бы то ни стало, / Как будто в жизни мертвеца / Бывало и начало*. Более того, в тексте приставка может вообще оторваться от глагольного корня, получая еще большую самостоятельность в выражении действия. Современная русская публицистика дает много таких примеров, ср.: *Только не будем безропотно глотать успокоительные словесные пилюли типа «недоагитировали» и «недопропагандировали»*. *Нечестны попытки иных политиков свалить вину за фактическое поражение демократов на СМИ, которые, дескать, чего-то «недо-», а что-то «пере-»* (Московские новости 19.12.93). Приставка в тексте может и предшествовать ряду лексем, реализующих данную словообразовательную модель: «префикс... может актуализироваться в сознании носителей языка раньше, чем слово» [Норман 1994: 56]. Ср.: *Но мы не столько эти ресурсы используем, сколько совершаем над ними самые разные и самые невероятные «пере-»: перебрасываем их, перераспределяем, перекапываем, пересматриваем, передумываем*. *А в результате теряем* (Залыгин, пример Б.Ю.Нормана [Норман 1994: 56]), о текстовых функциях приставок в русском языке подробнее см. [Катанадзе, Красильникова 1975; Китайгородская 1981; Виноградова 1987; Земская 1990, 1992; Норман 1994].

В художественном и публицистическом текстах особое значение может приобретать базовое глагольное действие в совокупности с фазисно-временными, результативными, пространственными, количественно-оценочными и другими его модификациями. Например, в романе А.Белого «Петербург» такая комплексная модель действия ‘танцевать’ передает характеристики не просто конкретного действия, а целой жизни персонажа, создавая лаконичный и выразительный художественный образ. Ср.: *Николай Петрович Цукатов протанцевал*

свою жизнь; теперь уже Николай Петрович эту жизнь **дотанцовывал**; **дотанцовывал** легко, безобидно, не пошло... Все ему **вытанцовывалось**. **Затанцевал** он маленьким мальчиком; **танцевал** лучше всех; и его приглашали в дома, как опытного танцора; к окончанию курса гимназии **натанцевались** знакомства; к окончанию юридического факультета из громадного круга знакомств **вытанцевался** сам собою круг влиятельных покровителей; и Николай Петрович Цукатов пустился **отплясывать** службу. К тому времени **протанцевал** он имение; **протанцевавши** имение, с легкомысленной простотой он пустился в балы; а с балов привел к себе в дом с замечательной легкостью свою спутницу жизни Любовь Алексеевну; совершенно случайно спутница эта оказалась с громадным приданым; и Николай Петрович с той самой поры **танцевал** у себя; **вытанцовывались** дети; **танцевалось**, далее, детское воспитание, – **танцевалось** все это легко, незатейливо, радостно. Он теперь **дотанцовывал** сам себя.

4. Языковые модели глагольных действий ‘стоять’ и ‘петь’ в сопоставляемых языках

4.1. ‘Стоять’

Общность внутриглагольных словообразовательных деривационных систем и категории глагольного вида в славянских языках позволяет говорить об общих типовых моделях глагольного действия, не исключая, впрочем, различий в семантических представлениях отдельных параметров действий. Например, А.В.Исаченко обратил внимание на то, что при обозначении движения там, где русский язык берет за исходную точку временной момент (*зашагать*, *полететь*, *поплыть*), словацкий фиксирует точку в пространстве (*vukročiť*, *vyletet*, *vuplavat*) [Исаченко 1960: 319]. Подробно проблема различных представлений отдельных параметров действий в сопоставляемых языках изучается в главе IV.

Основой сопоставления внутриглагольных словообразовательных систем славянских языков может служить модель глагольного действия, понимаемая как базовое действие в системе всех его возможных характеристик, выражаемых в данном языке словообразовательными средствами. Типовые модели фиксируют комплексы смыслов, характерные и типичные для конкретного языка или нескольких языков. В качестве примера такого сопоставления сравним языковые модели глагольного действия *стоять* в русском и польском, словацком, чешском, болгарском языках.

При определении, к какому типу глагольного действия относится глагол *стоять* и подобные ему глаголы, обозначающие положение в пространстве (*лежать, сидеть*), высказывались разные мнения, связанные с проблемой разграничения статических и динамических глагольных действий (подробнее см. главу I, раздел 2.2). Неоднозначная интерпретация подобных глагольных лексем свидетельствует о том, что граница между динамическими и статическими глагольными действиями не является четкой и в разных языках может смещаться в ту или иную сторону. Отметим также, что для многозначной лексики типа *стоять* решить вопрос о ее принадлежности к тому или иному типу глагольного действия в целом вряд ли возможно. Речь может идти об интерпретации с этой точки зрения только отдельных ЛСВ. Здесь релевантным оказывается признак абсолютной / относительной статичности, связанный с характером субъекта – подвижного (живого / неживого) или неподвижного (неживого), занимающего определенное стабильное место в пространстве. Мы рассматриваем модификации глагола *стоять* в значении ‘быть на ногах в вертикальном положении, не двигаясь с места; занимать место где-либо, находясь в таком положении’. Но даже в этом значении у глагола типа *стоять* отмечаются семантические черты как динамических, так и статических глаголов, ср. [Булыгина 1982: 20; Селиверстова 1982: 120].

Как мы уже отмечали, с точки зрения семантико-словообразовательного моделирования глагольное действие *стоять* в славянских языках проявляет больше сходств с динамической деятельностью, чем со статическими ситуациями существования и положения в пространстве [Петрухина 1996а]. Поэтому, сопоставляя систему модификаций данного глагольного действия в славянских языках, мы пользуемся в качестве основы сопоставления типовой моделью глаголов деятельности, отмечая при этом некоторые особенности семантического моделирования данного глагола.

Таблица 2 демонстрирует результат однонаправленного (от русского языка к другим славянским) сопоставления модели глагольного действия *стоять* (в названном выше его лексико-семантическом варианте) в русском, польском, словацком, чешском и болгарском языках на основе анализа приводимых ниже примеров.

Примеры:

(1) рус.	<i>Мы свое отстояли, теперь вы постоите.</i>
пол.	<i>Swoje wystaliśmy, teraz wy postójcie.</i>
сло- вац.	<i>My sme si svoje odstáli, teraz stojte vy.</i>
чеш.	<i>My jsme si svoje odstáli, teď zase stůjte vy.</i>
болг.	<i>Ние достатъчно сме стояли, сега вие постоите.</i>
(2) рус.	<i>Студенты достояли до конца митинга.</i>

ВСТАВКА
ТАБЛИЦ-2

- пол. *Studenci przestali do końca wiecu (spotkania).*
 словац. *Študenti dostáli do konca mítingu.*
 чеш. *Študenti zůstali stát (stáli) až do konce manifestace.*
 болг. *Студентите стояха до края на митинга.*
- (3) рус. *Они постояли, помолчали и разошлись.*
 пол. *Postali, pomilczeli i rozeszli się.*
 словац. *Postáli, pomlčali a rozišli sa.*
 чеш. *Chvíli mlčky postáli a pak se rozešli.*
 болг. *Те постояха, помълчаха и се разотидоха.*
 рус. *Дети там постояли (всего) десять минут.*
 пол. *Dzieciostały tam (zaledwie) dziesięć minut.*
 словац. *Deti tam postáli iba desať minút.*
 чеш. *Děti tam zůstaly stát (všehovšudy) deset minut.*
 болг. *Децата постояха там (само) десет минути.*
- (4) рус. *Они простояли здесь (целый) день.*
 пол. *Oni przestali tu (cały) dzień.*
 словац. *Prestáli tu (celý) deň.*
 чеш. *Prostáli tu (celý) den.*
 болг. *Те стояха тук (цял) ден.*
 рус. *Мы два часа выстояли (простояли, отстояли), ожидая его.*
 пол. *Dwie godziny wystaliśmy (przestaliśmy), czekając na niego.*
 словац. *Prestáli sme dve hodiny, kým sme na neho čakali.*
 чеш. *Stáli jsme tam a čekali na něho celé dvě hodiny.*
 болг. *Стояхме два часа като го чакахме (разг. да го чакахме.)*
- (5) рус. *Нужно ее позвать, она застоялась перед витриной.*
 пол. *Trzeba ją zawołać, bo zbyt długo stoi przed wystawą.*
 словац. *Treba ju zavolať, príliš dlho stojí (sa zdržala) pred výkladom.*
 чеш. *Musíme ji zavolat, stojí (je) u té výlohy už moc dlouho.*
 болг. *Трябва да я повикаме, тя се застоя пред витрината.*
- (6) рус. *Мы стоимся здесь до того, что не попадем ни в кафе, ни в ресторан.*
 пол. *Nasze stanie tu doprowadzi do tego, że nie dostaniemy się ani do kawiarni, ani do restauracji.*
 словац. *Nastojíme sa tu tak dlho (naše statie sa skončí tým), že nestihneme ani do kaviarne, ani do reštaurácie.*
 чеш. *Budeme tu stát tak dlouho, že se nakonec nedostaneme ani do kavárny, ani do restaurace.*
 болг. *Ако продължаваме да стоим (стоим по-нататък) тук, няма да намерим места нито в кафене, нито в ресторант.*
- (7) рус. *Мы вчера настоялись (в очередях)!*
 пол. *Nastaliśmy się wczoraj (w kolejkach)!*
 словац. *Včera sme sa (ale) nastáli (vo frontách)!*

чеш. *Včera jsme se (ale) nastáli (ve frontách)!*

болг. *Вчера се начакахме (настояхме) на опашки.*

Остальные префиксальные дериваты от глагола *стоять* являются мутационными образованиями. При этом мутационные дериваты от глагола *стоять* характерны в большей степени для русского языка, а в других языках их значение передается, как правило, описательными конструкциями. Ср., например, русско-чешско-польские параллели: *Когда же это закончится, я уже (все) ноги отстояла* – *Kdy to skončí, já už ani necítím nohu* (букв. ‘я уже ног не чувствую’) – *Kiedy się to wreszcie skończy, ja już zmęczyłam staniem nogi* (букв. ‘я утомила стоянием ноги’).

4.2. ‘Петь’

С точки зрения изучения модификаций глагольного действия интересен глагол *петь*, который во всех славянских языках может употребляться и как нетерминативный безобъектный глагол, и как терминативный глагол, требующий выражения прямого объекта. Объектом при этом выступают строго определенные имена, обозначающие песенные произведения (*песня, романс, ария* и т.д.), действие же при этом направлено на конкретный результат – исполнение данного произведения. Поэтому глагол *петь* имеет модификации, характерные как для нетерминативных гомогенных глаголов деятельности, так и для объектных терминативных (результативных) глаголов действия.

Сопоставим модификации глагола *петь* (*песни*), в его безобъектном и объектном вариантах, в русском языке и (попарно с ним) в польском, чешском, словацком и болгарском, остановившись более подробно на фазисно-временных параметрах, имеющих аспектуальную значимость. Основное внимание при сопоставлении фазисно-временных модификаций глагольного действия *петь* (*песню*) уделяется различиям между русским и другими славянскими языками, которые комментируются. Сходства иллюстрируются лишь переводными предложениями, нумерация которых во всех сравниваемых примерах совпадает (при несовпадении по формальным причинам отсылаем к русской нумерации при помощи знака =).

п е т ь

- (1) **запеть – запевать**
  - а) *Он запел высоким чистым голосом.*
  - б) *Хор тихо и дружно запел / запекает (народную песню).*
- (2) **отпеть**
  - а) *Девушки уж песни отпели, все уже спать легли.*

- б) *Птички отпели, цветы полегли* (здесь речь идет, по сути дела, о другом значении глагола *петь* – ‘издавать свист, щелканье и другие характерные звуки (о певчих птицах)’), но мы приводим этот пример, так как в данном случае есть различия между сопоставляемыми языками).
- (2') *Я петь уже не могу, я (свое) отпел.*
- (3) **допеть – допевать**
- а) *Девочка допела песню и замолчала.*
 б) *Она допевала песню со слезами на глазах.*
- (3') *Допел до этих слов и засмеялся.*
- (4) **допеться (до хрипоты)**
Мы сегодня допелись до хрипоты.
- (5) **попеть**
- а) *Сегодня мы немного попели и рано разошлись.*
 б) *Мне тоже захотелось попеть вместе с ними.*
- (6) **пропеть**
- а) *Они пропели до утра.*
 б) *Он пропел всю ночь.*
- (7) **пропеть**
Он пропел одну песню, подхватил другую.
- (8) **спеть**
Она спела новую песню.

Наиболее последовательно, по сравнению с другими славянскими языками, фазисно-временные словообразовательные модификации глагола *петь*, характерные для обобщенной модели нетерминативных глаголов деятельности, выражаются в русском языке.

Начало действия (1) в данном конкретном случае может быть представлено и как процесс глаголом НСВ (1б), что для русского языка является скорее исключением. Окончание данного глагольного действия может быть выражено в трех вариантах: как конец конкретного действия в конкретной ситуации (2а), обобщенный, дефинитивный конец (2'), конец с выделением последней фазы (3а), который может быть представлен как процесс (3б). Все три модификации реализуются как при безобъектном, так и при объектном варианте глагола *петь*, но дериват с префиксом *до-* больше склонен к объектному употреблению. Модификация *допеться до (хрипоты)*, выражающая нежелательные последствия действия, имеется только в русском языке. Ограничительные модификации (5) и (6) свободнее и частотнее образуются от безобъектного варианта глагола (но не исключено их образование и от объектного), пердуратив обозначает действие, либо длящееся до какого-либо временного ориентира (6а), либо заполняющее весь временной отрезок (6б). Объектный вариант глагола имеет две результативные модификации (7, 8). Глагол *пропеть* может вы-

ражать квантовую модификацию (см. главу IV, раздел 2.4), которая в большей степени характерна для других его ЛСВ: ‘мелодично звучать, издавать певучие звуки (о музыкальных инструментах)’; ‘издавать свист, щелканье и другие характерные звуки (о певчих птицах)’, ср.: *Za oknem przepel petyx. Truba przepela otбой* (9).

В плане выражения фазисно-временных модификаций данного глагольного действия к русскому языку ближе всего польский. В рассматриваемом случае уменьшаются даже различия в выражении начального и конечного фазиса, характерные для многих других глагольных действий (подробнее см. [Петрухина 1995]). Ср.:

ś p i e w a ć (польский язык)

- (1) **zaśpiewać**
  - a) *Zaśpiewał wysokim czystym głosem.*
  - б) *Chór cicho i zgodnie zaśpiewał.*
- (2) **odśpiewać**
  - a) *Dziewczęta już odśpiewały pieśni (przystały śpiewać) i położyły się spać.*
  - б) *Ptaszki przestały śpiewać, kwiaty przekwitły.*
- (2') *Nie mogę już śpiewać, swoje już odśpiewałem.*
- (3) **dośpiewać – dośpiewywać**
  - a) *Dziewczynka dośpiewała piosenkę i zamilkła.*
  - б) *Dośpiewywała piosenkę ze łzami w oczach.*
- (3') *Dośpiewał do tych słów i zaśmiał się.*
- (4) *Naśpiewaliśmy się dzisiaj do ochrypięcia.*
- (5) **pośpiewać**
  - a) *Dzisiaj tylko trochę pośpiewaliśmy, wcześniej się rozeszliśmy.*
  - б) *Mnie też zachciało się pośpiewać razem z nimi.*
- (6) **prześpiewać**
  - a) *Śpiewali do rana.*
  - б) *Prześpiewał całą noc.*
- (7) **odśpiewać** (разг.)
Odśpiewał jedną pieśń, podchwycił inną.
- (8) **zaśpiewać**
Zaśpiewała nową piosenkę.

Дериват с приставкой *za-* может иметь в зависимости от контекста как начальное (1), так и результативное (8) значение. Конец действия, как конкретный, так и обобщенный, выражается дериватом с префиксом *od-* (2), с которым при обозначении конкретной ситуации конкурирует аналитическая конструкция с глаголом *prześcić* (2a); при обозначении обобщенного и дефинитивного конца (то есть невозможности *петь* в дальнейшем) употребляется, как правило, конструкция *od-*

swoje (2'). Финитивная модификация *odśpiewać* не образуется от глагола *śpiewać* при обозначении пения птиц, так как дериваты с префиксом *od-* имеют элемент значения *odbyć* (*выполнить*) и могут быть образованы только от активных глаголов деятельности. Пердуратив *prześpiewać* (*пропеть*) не употребляется для выражения действия, длящегося до «правой» временной границы (типа *пропеть до утра*) (6а). Результативную модификацию, помимо деривата с префиксом *za-* (8), выражает также глагол с префиксом *od-* (7), для которого характерен, как мы уже отмечали, добавочный элемент смысла 'odbyć'. Другие фазисно-временные модификации глагольного действия *śpiewać* в польском языке сходны с русским.

Фазисно-временные модификации словацкого и чешского глаголов *spievať*' и *zpívat* отличаются от русских прежде всего способом выражения начальной модификации: в чешском и словацком языках начало деятельности (инхоативная начинательность) выражается аналитически (1). В данном случае речь идет лишь о формальных различиях, но с начинательной модификацией между названными языками связаны и семантические расхождения (подробнее см. главу IV, раздел 3.4).

В словацком и чешском языках, в отличие от русского и так же, как в польском, нельзя употребить пердуратив с обозначением «правой» границы действия (6а). Русский и польский делимитативы в приведенных предложениях соответствуют ограничительно-прагматической модификации в словацком и квантово-прагматической модификации в чешском (5). По-разному распределяются функции между дериватами с приставками *om-* и *do-* в русском и *od-* и *do-* в чешском и словацком (2, 2'). Ср.:

***s p i e v a t'* (словацкий язык)**

- (1) ***začať*** *spievať*' (*púšťať sa do spevu*)
  - а) *Začal spievať vysokým čistým hlasom.*
  - б) *Zbor ticho a zohrane začal / začína spievať.*
- (2) ***dospievať***
  - а) *Dievčatá už piesne dospievali, všetky si spať polihali.*
  - б) *Vtáčky dospievali, kvety dokvitli.*
- (2') *Už nemôžem spievať, ja som si svoje odspieval.*
- (3) ***dospievať*** / ***dospevovať***
  - а) *Dievčatko dospievalo pieseň a zmlklo.*
  - б) *Dospevovala pieseň so slzami v očiach (končila pieseň so slzami v očiach).*
- (3') *Dospieval po tieto slová a zasmial sa.*
- (4) *Dnes sme sa naspievali až do zachrípnutia.*

- (5) **pospievať si / zaspievať si**
 a) *Dnes sme si len trochu pospievali, skoro sme sa rozišli.*
 б) *Tiež sa mi chcelo zaspievať si (pospievať si) s nimi.*
- (6) **prespievať**
 a) *Spieval až do rána.*
 б) *Prespievali celú noc.*
- (7) = (8) **zaspievať**
Zaspieval jednu pieseň, hneď začal inú.
Zaspievala novú pieseň.

z p í v a t (чешский язык)

- (1) **začít zpívat**
 a) *Začal zpívat vysokým čistým hlasem.*
 б) *Sbor tiše začal / začíná zpívat.*
- (2) **dozpívat**
 a) *Děvčata už písneň dozpívala, všechna už šla spát.*
 б) *Ptáci dozpívali, květy odkvetly.*
- (2') *Už nemůžu zpívat, já jsem si svoje už odzpíval (už jsem dozpíval).*
- (3) **dozpívat / dozpívávat**
 a) *Děvčátko dozpívalo písničku a umlklo (a odmlčelo se).*
 б) *Dozpívávala písneň se slzami v očích.*
- (3') *Dozpíval to až k těmto slovům (zpíval to až k těmto slovům) a pak se zasmál.*
- (4) *Dnes jsme zpívali až do ochraptění.*
- (5) **zazpívat si**
 a) *Dnes jsme si jenom trochu zazpívali a brzo jsme se rozešli.*
 б) *Taky jsem si dostal chut' zazpívat s nimi.*
- (6) **prozpívat**
 a) *Zpíval až do rána.*
 б) *Prozpívali celou noc.*
- (7) = (8) **zazpívat**
Zazpíval jednu písničku a hned začal druhou.
Zazpívala novou písničku.

п е я (болгарский язык)

- (1) **запея / запявам**
 а) *Той запея с висок, чист глас.*
 б) *Хорът тихо и дружно запеява.*
- (2) Нет финитивного деривата, финитивная модификация выражается описательно.
 а) *Момичета престанаха да пеят (свършиха с пеенето) и си легнаха да спят.*
 б) *Птичките вече не пеят (престанаха да пеят), цветята прецъфтяха.*

- (2') *Аз не мога вече да пея, аз своята песен съм си я изпял.*
- (3) **допея / допявам**
- а) *Момичето допя песента и замълча.*
- б) *Тя допяваше песента със сълзи в очите.*
- (3') *Стигна до тези думи и се засмя.*
- (4) *Пяхме до прегръкване.*
- (5) **попея**
- а) *Днес малко пояхме, рано се разотидохме.*
- б) *На мене също ми се прииска да попея заедно с тях.*
- (6) Нет приставочного аналога пердуративной модификации, используется базовый глагол в сочетании с контекстными показателями.
- а) *Той пя до сутринта.*
- б) *Той пя през цялата нощ.*
- (7) = (8) **изпея**
- Той изпя една песен, подхвана друга.*
- Тя изпя нова песен.*

Русско-болгарское сопоставление модификаций действия *пея – петь* выявило существенные различия: при выражении конца безобъектного действия русская финитивная модификация может быть передана лишь описательно, конструкциями типа *перестать петь, не могу петь* (2а, 2б, 2'); продолжительность действия до определенной временной границы в болгарском языке выражается не дериватом с приставкой *до-*, а описательно (3'); заполнение пением временного отрезка, часто оцениваемого как продолжительный, в болгарском языке выражается имплицитно (в русском языке пердуративная модификация) (6а, 6б); с результативным значением используется лишь одна приставка *из-* (7).

Так как в главе IV болгарский материал не анализируется, прокомментируем различия между болгарским и русским языками в фазисно-временных модификациях немного подробнее. Пердуративная и финитивная акциональные модификации представлены в болгарском языке на системном уровне, причем как в СВ, так и в НСВ: *пролежса / пролежавам – пролежатъ, преседя / преседявам – просидеть, отишумя / отишумявам – отишуметь* [Маслов 1959: 184]. Но по продуктивности данные болгарские модификации значительно уступают русским. К.Иванова приводит небольшие закрытые списки соответствующих парных глаголов, представленных коррелятами НСВ: *пробивам, презимувам, прележавам, прелетувам, преседявам, преспивам, престоивам* (всего 12 пар); *отгърмявам, отживявам, отзвучавам, отзвънявам, отработвам, отслужвам, отишумявам* (всего 17 пар) [Иванова 1974: 51, 107]. Данное положение отражает сопоставление моделей глагольных действий *петь – пея* и *стоять – стоя* в русском

и болгарском языке, но при этом вне поля зрения остается еще одна важная черта модификационного словообразования в болгарском языке, имеющая системную значимость – продуктивность и регулярность образования начинательных модификаций.

Если в русском языке многие глаголы деятельности не имеют стилистически нейтральных дериватов с приставкой *за-*, а от трансформативных глаголов возможно лишь образование отдельных начинательных дериватов в разговорной речи, то в болгарском языке таких ограничений нет и свободно образующиеся дериваты по преимуществу стилистически нейтральны. Ср.: *зачакам – начать ждать; заудрям – начать бить; той заяде – он стал есть; те се заговиха за сватба – они стали готовиться к свадьбе; записал беше писмо, но не можа да го допише – он начал писать письмо, но не смог его дописать; режа – зарежа / зарязвам – резать – начать / начинать резать; служба – заслужа / заслужвам – служить – начать / начинать служить; отварям – заотварям – открыть / начать открывать: ...взе писмото Хаджи Иванчо и го заотваря – Хаджи Иванчо взял письмо и начал его открывать (примеры из [Маслов 1956: 178–179]), ср. также: Преди две години застроих къщата и ето още не съм я покрил (инф.) – Два года назад я начал строить дом и еще его не покрыл (крышей); Като зарежа лук, очите ми изтичат (инф.) – Когда я начинаю резать лук, глаза у меня слезятся; Още от зимата сме закупували пресни зеленчуци – Еще с зимы мы начали покупать свежие овощи (РБЕ).*

В болгарском языке образование инхоативных глаголов возможно и от глаголов целенаправленного слухового восприятия: *слушам – заслушам / заслушвам; гледам – загледам / заглеждам*. Ср.: *Всяка вечер той сядаше в двора и заслушваше (инф.) – Каждый вечер он садился во дворе и начинал слушать; Тая песен те слушаха за първи път... Христо и той остави работата, и заслуша (Петканов, РБЕ) – Эту песню они слушали первый раз... Христо и тот оставил работу и начал слушать; Изведнъж Матаке се изправи на целия си ръст и всички млъкнаха и го загледаха – Вдруг Матаке встал во весь рост, все замолчали и начали смотреть на него (РБЕ).*

Инхоатив может быть образован и от глагола со значением положения в пространстве *стоя*, но он выражает начало не определенного физического положения в пространстве (что в болгарском, как и в русском, выражается другим глаголом *стана – встать*), а начало социального действия ‘стоять в очереди’, ср.: *Заставам (редк. заставам) на опашка в 6 часа и стоя по 3–4 часа) – Я встаю (букв. начинаю стоять) в очередь в 6 часов и стою по 3–4 часа*. Префикс *за-* может присоединяться в болгарском языке и к приставочным глаголам. Ср.: *Заизлизала съм от преди два часа, но още съм си къщи (инф.) – Я собралась уходить (букв. начала уходить) два часа тому*

назад, но я все еще дома. Конечно, при сопоставлении нескольких конкретных моделей глагольных действий вне поля зрения остались и многие другие особенности болгарского глагольного модификационного словообразования, например другие способы выражения начала действия типа *ревна – взреветь, проходи – начать ходить* (о ребенке) и др.

Кратко рассмотрим другие модификации глагольного действия *петь (песни)* в сопоставляемых языках: а) результативные, осложненные дистрибутивным, кумулятивным или обстоятельственными смыслами; б) оценочные.

- 1) Дистрибутивная модификация *спеть по очереди все песни – перепеть все песни* имеется в русском и западнославянских языках. *Все хорошее, что знали, они перепели* – пол. *Prześpiewali (wyśpiewali) wszystko, co najlepsze* – словац. *Všetko dobré, čo poznali, prespievali (už zaspievali)* – чеш. *Všechno hezké, co znali, už přezpívali (Všechny pěkné písničky, které znali, už přezpívali)*. В болгарском языке нет специальных словообразовательных средств для выражения дистрибутивной модификации глагола *петь*, в болгарском эквивалентном предложении выражается полный охват (*все песни*) результативным действием (*изпяхмe*) всех объектов; не выражен смысл «по очереди», который подразумевается самой ситуацией: *Изпяхмe всички хубави песни, които знаемe*.
- 2) Кумулятивное значение «спеть много песен» – *напеть (много) песен* выражается в русском и западнославянских языках. *Сколько песен напела мне бабушка!* – пол. *Ile piosenek naśpiewała mi babcia!* – словац. *Koľko piesní sa mi len naspievala stará mama!* – чеш. (возвратный глагол *nazpívat se*) *Co se mi jen ta babička nazpívala (těch) písniček!* В болгарском языке кумулятивный смысл почти без потерь передается самой конструкцией, начинающейся с количественного слова *колко*, что сопровождается соответствующей интонацией, ср.: *Колко песни ми e изпяла баба ми!*
- 3) Обстоятельственное значение «спеть заново». Во всех рассматриваемых языках, кроме русского, данный смысл может быть выражен только специальными лексическими средствами в аналитических конструкциях. Например: *Вам придется песню перепеть* – пол. *Będziecie musieli zaśpiewać jeszcze raz* – словац. *Budete musiet' pieseň zaspievať ešte raz* – чеш. *Budete muset tu písničku zazpívat ještě jednou* – болг. *Ще се наложи да изпеете песента още веднъж (още един път)*.
- 4) Обстоятельная модификация «спеть / петь, сопровождая пение кого-то другого» – *подпеть / подпевать*. Данная модификация находится на границе мутации и модификации, в западносла-

вянских языках ее значение передается другими лексемами, ср.: *Я буду петь (спою), если ты мне подпоешь. По радио передавали популярную песню, я тихонько подпевал* – пол. *Zaśpiewam, jeśli mi zanucisz (podasz ton). W radiu była nadawana popularna piosenka, cichutko wtórowałem* – словац. *Zaspievam, keď ma budeš sprevádzať svojím spevom / keď sa ku mne pridáš i ty. V rádiu znela populárna pieseň, ja som si ticho pospevoval* – чеш. *Zazpívám to, když mě doprovodíš / když mi pomůžеш. V rozhlasе vysílali známou píseň, potichu jsem přizvukoval* – болг. *Ще нея (изнея), ако ти ми припяваш (НСВ). По радиото предаваха една популярна песен и аз тихичко припявах.*

Завершают сопоставление модификаций параметров глагольного действия *петь*, выражаемых словообразовательными средствами в русском и других славянских языках, оценочные модификации, в которых говорящий оценивает отношение субъекта к действию и его последствиям (его увлеченность, удовлетворенность, пресыщенность), а также характеризует сами последствия с точки зрения таких оценочных категорий, как ‘хорошо / плохо’. Субъективная оценка может сопровождать выражение фазисно-временных смыслов: начала действия, его завершения, повторения.

Модификация ‘начав петь, увлечься пением’ – *распеться*: *Дети распелись и не хотели расходиться* – пол. *Dzieci rozśpiewały się i nie chciały się rozchodzić* – словац. *Deti sa tak rozospievali, že sa nechceli rozísť* – чеш. *Děti se tak rozezpívaly, že se jim nechtělo se rozejít.*

Модификация ‘пропев некоторое время, начать петь хорошо’ – *распеться* сходными словообразовательными средствами выражается во всех сравниваемых языках, ср.: *Дело было утром, артист не успел распеться* – пол. *Rzecz się działa rankiem, artysta nie zdążył się rozśpiewać* – словац. *Bolo to ráno, spevák sa nestihol rozospievať* – чеш. *Zpěvák se nestačil rozezpívat* – болг. *Това беше сутринта, артистът не беше успял да се разпее.* Во всех языках, кроме польского, данная модификация представлена и в НСВ: *Я могу сразу начать, распеваться мне не надо* – пол. *Mogę od razu zacząć, nie muszę ćwiczyć głosu* (букв. *Мне не надо упражнять голос*) – словац. *Môžem hneď začať, rozospievať sa nemusím* – чеш. *Můžu hned začít, nemusím se rozezpívat* – болг. *Мога веднага да започна, няма нужда да се разпявам.*

Сативный дериват ‘пением достичь удовлетворения или пресыщения’ – *напеться*, который находится на границе модификационной и мутационной областей отглагольного словообразования, имеется во всех сопоставляемых языках: *Ну, сегодня я (вдоволь) напелась!* – пол. *Dziś się naśpiewałam (do woli)!* – словац. *Dnes som sa (do chuti) naspievala!* – чеш. *Dneska jsem se nazpívala ažaž!* – болг. *Е, днес се напях до насита!* О других модификационных и мутационных произ-

водных от глагола ‘*петь*’ и его чешских, словацких, польских и болгарских эквивалентах см. в [Петрухина 1997д].

Необходимо отметить, что однонаправленное сопоставление глагольных модификаций на уровне лексем не дает полного представления об отношениях сопоставляемых языков в данной области, так как не отражает словообразовательных моделей, имеющих в западнославянских или болгарском языках и отсутствующих в русском. Например, в нашем сопоставительном анализе двух моделей глагольного действия не отражены регулярно образующиеся болгарские вторичные имперфективы, в зависимости от семантики исходного глагола фиксирующие тот или иной параметр действия либо как процесс, либо как повторение.

Если чешско-русское сопоставление моделей глагольных действий *stát* и *стоять* не выявило каких-то существенных отличий от результатов русско-чешского сопоставления, то сравнение модификаций глагольного действия *zpívat* – *петь* от чешского языка к русскому показало, что вне поля зрения проведенного анализа остался ряд употребительных чешских дериватов, например:

- модификация *odzpívat / odzpívávat* ‘*zpíváním odbýt*’ – ‘пением исполнить, часто формально, без радости’, ср.: *Své role odzpívá / odzpívává přesně, ale bez jakéhokoliv prožitku* – *Свои роли он поет точно, но не переживая*. Ср. также: *Byl schopen odzpívat dvě představení za den* – *Он был способен спеть в двух спектаклях за день* (букв. *Отпеть два спектакля за день*);
- *předzpívat, předzpěvovat* ‘*zazpívat před někým jako vzor, nejč. aby to ořakovali*’ – ‘спеть для кого-либо как образец, часто для того, чтобы повторили’. Данная модификация близка русскому деривату *запевать* (не в начинательном значении), но в конкретных предложениях часто переводится при помощи других глаголов. Ср.: *Co tu kdo předzpíval, to zahrál* – *Что ему кто спел, то он и играл*; *Otec jí předzpíval a ona to hned ořakovala po něm* – *Отец ей пел, а она сразу же повторяла за ним*;
- *vyzpívat* ‘*hlasem zvládnout při zpěvu*’ – ‘голосом вытянуть при пении, справиться’. *Vyzpíval bezvážně obtížnou koloraturu* – *Он великоленно справился со сложной колоратурой*;
- *vyzpívat si* ‘*zpěvem si vydělat*’ – ‘заработать пением’ ?*напеть* (разг.) *что-либо*. *Напеть (что-либо)* в значении ‘заработать пением’ является в русском языке скорее потенциальным глаголом, образованным по образцу разговорных дериватов типа *наездить домишко*, *наесть (себе) живот* (МАС). В чешских словарях дериват *vyzpívat si* дается без каких-либо помет;
- *vyzpívat se*: а) ‘*zpěvem si ulevit*’ – ‘облегчить свое состояние пением’

(по мнению информантов, этот дериват достаточно редкий), ср.: *Vyzpíval se ze svého žalu* (инф.) – *Пением он облегчил свою печаль*; б) ‘znícit si hlas’ – ‘испортить себе голос’, например плохой вокальной техникой. Как мы видим, в трех последних случаях речь идет о мутационных значениях, которые на русский язык передаются обычно совершенно другими глагольными лексемами, не родственными базовому глаголу *петь*.

В главе IV при исследовании фазисно-временных акциональных дериватов мы используем как однонаправленное (русско-чешское, русско-словацкое, русско-польское) сопоставление, так и двунаправленное попарное сравнение русского языка с каждым западнославянским, а также попарное сопоставление западнославянских языков, что позволяет создать полную картину выражения словообразовательными средствами временных параметров деятельности и гомогенных процессов в этих языках и выявить не описанные ранее тонкие семантические различия между сопоставляемыми языками.

5. Краткие выводы

1. Для русского и других славянских языков, обладающих разветвленной системой внутриглагольной деривации, принципиально важно исследование ономаσιологической структуры производного глагола и различных типов вторичной глагольной номинации, прежде всего модификации и мутации.

2. На основе изучения внутриглагольного словообразования и ономаσιологической структуры производного глагола в русском языке можно сформулировать критерии разграничения различных типов вторичной глагольной номинации: модификации и мутации²². Если деривация затрагивает и меняет ядро семантической структуры исходного глагола, то есть результативно-целевую перспективу глагольного действия и его валентности на логическом уровне (что влечет за собой изменение валентностей также на семантическом и синтаксическом уровнях), то в результате словообразовательного процесса возникает номинация нового действия, а сама деривация является мутацией. Если же меняются лишь фазисно-временная, пространственная, количественная, оценочная рамки, актуализация предела действия, то в основе деривации лежит модификация.

---

²² Мутационное образование глаголов от других частей речи в нашей книге не рассматривается.

3. Русский, западнославянские и болгарский языки обладают сходными мутационными и модификационными глагольными моделями, хотя некоторые из них имеются не во всех языках: например, продуктивная русская модель *добежаться (до простуды), дошутиться (до неприятностей)* отсутствует в болгарском, чешском, словацком, а в польском представлена лишь единичными дериватами. В целом же между славянскими языками при производной глагольной номинации наблюдаются различия, устанавливаемые на уровне словаря и на уровне текста. Расхождения первого типа в основном касаются: приставок, репрезентирующих ту или иную категорию; лексической базы словообразовательных категорий (например, она различна у начинательной модификации в славянских языках); репрезентации данной категории конкретными глаголами; продуктивности словообразовательной модели и степени ее открытости для новых производных. Семантические и функциональные различия второго типа между однотипными производными глаголами в русском и других славянских языках можно выявить лишь на уровне конкретных употреблений.

4. Анализ базовых глаголов *стоять* и *петь* (в их основных ЛСВ) в системе модификаций в русском языке в сопоставлении с западнославянскими и болгарским языками показал, во-первых, богатство внутриглагольных деривационных систем в славянских языках, позволяющих словообразовательными средствами выразить тончайшие характеристики протекания действия во времени, его оценку и обстоятельственные отношения с другими действиями; во-вторых, системное сходство славянских языков, в которых большая часть глагольных модификаций совпадает; в-третьих, существование при системной близости некоторых различий, которые могут быть выявлены и на лексемном уровне сопоставления. Отмеченные несовпадения в составе модификаций, как правило, семантически компенсированы, то есть значение русского деривата с относительной точностью в инославянских языках может быть передано описательными средствами либо другой глагольной лексемой. О более тонких семантических различиях на этом уровне сопоставления судить сложно, так как для семантического исследования словообразовательных модификаций необходим предварительный анализ положения данного деривата во внутриглагольной словообразовательной системе каждого языка в комплексе сходных модификаций (временных, оценочных или пространственных), а также сопоставление на уровне текста с изучением функциональных, сочетаемостных особенностей данного деривата.

5. Общий же вывод, который можно сделать на основе проведенного сопоставления модификационных производных глаголов от

стоять и *петь*, подтверждает наблюдения некоторых лингвистов о более активном использовании словообразовательных средств во внутриглагольной системе в русском языке, чем, например, в польском ср. [Bogusławski 1978: 383], а также в чешском и словацком [Исаченко 1960]. По отношению к болгарскому языку можно констатировать бóльшую активность в русском языке префиксации (за исключением начинательного префикса *за-*) и меньшую – суффиксации, что отмечалось Ю.С.Масловым [Маслов 1955: 35].

• ГЛАВА IV •

ФАЗИСНО-ВРЕМЕННЫЕ МОДИФИКАЦИИ БАЗОВЫХ ГЛАГОЛОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ В СОПОСТАВЛЕНИИ С ЧЕШСКИМ, СЛОВАЦКИМ И ПОЛЬСКИМ

1. Задачи исследования

В главе IV проводится системно-функциональное и семантическое сопоставление ограничительных, начинательных и финитивных СГД, рассматриваемых в рамках словообразовательных модификационных категорий. Такой подход позволяет изучать СГД в единой внутриглагольной словообразовательной системе и не противоречит особому положению в ней фазисно-временных способов действия, тесно взаимодействующих с категорией вида. Задача анализа «функциональной гетерогенности» СГД в славянских языках давно назрела [Бондарко 1984б; Ломов 1994: 59]. По нашему мнению, на современном этапе развития славистики есть необходимость вновь вернуться, следуя в русле традиций русских грамматистов начала XX в., к изучению наиболее грамматикализованных, то есть в наибольшей степени сближающихся с грамматической категорией вида, способов действия.

Сопоставление акциональных дериватов показало, что в рамках синтетического способа выражения (при помощи приставок и суффиксов) различных параметров протекания действия во времени между славянскими языками наблюдаются тонкие смысловые различия. Данная проблема и находится в центре комплексного сопоставительного анализа акциональных модификаций, проводимого в настоящей главе.

2. Акциональные ограничительные модификации

2.1. Общая характеристика фазисно-временных дериватов

Возможность выразить ограничение во времени гомогенного и нетерминативного по своей природе процесса (типа *спать*) или деятельности (типа *работать*), в сущности, универсальна; в частности, она реализуется в предложении при помощи различного рода обстоя-

тельств (ср. *спать один час*). К типологическим особенностям славянских языков относится выражение параметров протекания действия во времени словообразовательными средствами в рамках глагольной основы.

В отношении ограничительных СГД в аспектологии используется разнообразная терминология, обзор которой представлен в [Маслов 1959: 184; Авилова 1976; Крекич 1989]. В нашем исследовании для обозначения данного класса СГД употребляются следующие термины: ограничительные модификации, детерминативы, детерминативные модификации. Дериваты с приставкой *po-* (типа *posидеть*) называются делимитативами, с приставкой *pro-* (типа *просидеть два часа*) – пердуративами; другие их названия, а также термины для обозначения остальных ограничительных модификаций в русском и сопоставляемых с ним славянских языках специально оговариваются в соответствующих разделах. Детерминативные модификации реализуют один из способов представления и локализации во времени гомогенных динамических процессов и деятельности при помощи ограничения последних временными рамками с двух сторон, то есть с фиксацией начального и конечного моментов (как правило, без особого выделения какого-нибудь из них).

Мотивирующая база детерминативных модификаций в славянских языках в целом определяется так же, как у всего класса фазисно-временных модификаций вообще (см. главу I, раздел 2.2.3). Следует лишь добавить, что ограничительные модификации несвойственны глаголам со значением интеллектуального состояния-отношения (*знать, уважать, любить*; чеш. *vědět, znát, vážit si*; словац. *vedieť, znať (poznať), vážiť si*; пол. *wiedzieć, znać, szanować*), а также глаголам нецеленаправленного восприятия (*слышать, видеть, чувствовать*; чеш. *slyšet, vidět, cítit*; словац. *počut', vidieť, cítiť*; пол. *słyszeć, widzieć, czuć*), которые, однако, способны иметь начинательные модификации (ср. *узнать, полюбить, уважать, почувствовать, услышать, увидеть*). Кроме того, мотивирующая база каждой из разновидностей ограничительных модификаций в отдельных языках обладает своими особенностями, поэтому в разделах, посвященных той или иной модификации, данный вопрос рассматривается специально.

В состав ограничительных модификаций входят: 1) собственно делимитативы (рус. *po-*, чеш., словац., пол. *po-*); 2) делимитативно-прагматическая модификация (чеш., словац. *po- + si*, пол. *po- + sobie*); 3) ограничительно-квантовая модификация (чеш., словац., пол. *za-*); 4) квантово-прагматическая модификация (чеш., словац. *za- + si*, пол. в единичных дериватах *za- + sobie*, рус., в единичных дериватах *pro-* - *ся*: *пробежаться, прогуляться, -ну-*: *всплакнуть*); 5) длительно-ограничительная (пердуративная) модификация (рус. *pro-*, чеш. *pro-*,

словац. *pre-*, пол. *prze-*). Дериваты типа русского *мигнуть*, как особая одноактная модификация исходных многоактных глаголов (*мигать*), в системе детерминативных модификаций не рассматриваются.

Ограничительные дериваты занимают особое место в семантической классификации глаголов: они не отвечают критериям выделения ни одного класса вендлеровской классификации [Мелиг 1985; Куцера 1983: 174; Flier 1985: 52; Падучева 1996: 106]. В связи с этим Г.Кучера предложил рассматривать не два типа **событий**, как в классификации З.Вендлера («исполнения» – accomplishments; «достижения» – achievements), а три, добавив к двум названным непредельные, в нашей терминологии – нетерминативные события (atelic events); к последним он отнес фазисно-временные, в том числе ограничительные, дериваты [Куцера 1983: 177]. М.Флайер также объединяет делимитативы вместе с исполнениями (accomplishments) и достижениями (achievements) в один большой класс **завершений** (consummations) [Flier 1985: 57]. Е.В.Падучева включает делимитативы наряду с Действиями (завершенными), Действиями (с акцентом на результате) и Происшествиями в одну обобщенную категорию Событий [Падучева 1996 : 110], что нам представляется вполне правомерным.

Ограничительные модификации в славянских языках представляют одну из самых сложных проблем аспектуальной деривации. Об этом свидетельствует обширная литература, посвященная ограничительным СГД в отдельных славянских языках, а также расхождения в их интерпретации. Поэтому, прежде чем проводить сопоставление, рассмотрим детерминативы в каждом из сопоставляемых языков, различающихся набором ограничительных модификаций и их прагматическими характеристиками. Наиболее дифференцированы ограничительные модификации в западнославянских языках.

2.2. Делимитативы в русском языке

2.2.1. Категориальное значение делимитативов (обзор литературы). Ограничительные дериваты с приставкой *по-*, *ро-* (делимитативы) есть во всех славянских языках. При этом между отдельными славянскими языками наблюдаются существенные различия, касающиеся мотивирующей базы данной словообразовательной модификации, употребления, продуктивности, частотности и семантики соответствующих дериватов.

Делимитативам в русском языке посвящена обширная литература. Обзор многочисленных статей и диссертаций о делимитативах, изучаемых либо в системе фазисно-временных СГД, либо в системе деривационных моделей с приставкой *по-*, см. в [Волохина, Попова 1993]. В российской лингвистике широко распространена трактовка

дериватов с приставкой *по-* типа *посидеть* как ограничительно-уменьшительных [Виноградов 1972: 420; Авилова 1976: 284; РГ 1980: 598; Волохина, Попова 1993: 127]. П.А.Соболева определяет детерминативные глаголы с приставкой *по-* как глаголы, выражающие «двупредельное действие с относительно небольшим расстоянием между однородными пределами» [Соболева 1980: 234]. А.М.Ломов рассматривает делимитативы в связи с объемными акциональными модификаторами, представляющими действие как «нечто целое, реализованное в промежутке от своего естественного начала до правой (конечной) границы, выраженной модификаторами, причем делимитатив квалифицирует этот промежуток как небольшой» [Ломов 1977б: 111].

Й.Крекич основным значением делимитативов считает деминутивность, которая может «распространяться либо на время (*поработать часок*), либо на действие (*не очень сильно пошуметь*), а кроме того, на аспектуальный актант (*поколоть дровишек*)». Но так как уменьшительная (деминутивная) функция приставки распространяется чаще всего на время проявления действия, главным значением делимитативов Й.Крекич считает уменьшительно-временное значение, определяемое субъективным восприятием продолжительности действия [Крекич 1989: 127].

В этой связи в рамках ограничительных СГД делимитативы иногда противопоставляются пердуративам как ограничительно-продолжительным модификациям или длительно-ограничительному СГД [Бондарко, Буланин 1967: 16; Крекич 1989; Щеболева 1980: 146; Шелякин 1983: 154]. Например: делимитативный (ограничительный) СГД выражает «проявление действия в сравнительно недлительные и неопределенные отрезки времени», пердуративный же (длительно-ограничительный) СГД выражает «проявление действия в сравнительно длительные и определенные отрезки времени» [Шелякин 1987: 77–78]; ср. также [Авилова 1976: 284].

Особую позицию занимают М.В.Всеволодова и ее ученики, считающие, что делимитативы и пердуративы имеют идентичный семный состав, отличаясь лишь тем, что в семантике пердуративов сема 'протяженность' актуализирована [Всеволодова 1984; Караванов 1991]. Многие лингвисты подчеркивают, что уменьшительно-ограничительное значение дериватов с приставкой *по-* в русском языке обусловливается контекстом [Авилова 1976: 284; Караванов 1991: 15]. Ввиду этого «количественный инвариант» делимитативов определить невозможно, так как он «зависит от характера конкретной деятельности и, более того, меняется от говорящего к говорящему» [Флайер 1997: 39]. Заметим сразу, что с такой неопределенностью в трактовке

семантики делимитативов все же трудно согласиться. Обзор других точек зрения на русские делимитативы см. в [Крекич 1989: 125–127].

Наше понимание семантики делимитативов в русском языке сводится к следующему. Ключом к анализу «диффузной» семантики делимитативов может служить разграничение нескольких ее пластов:

- 1) аспектуального, или фазисно-временного;
- 2) рациональной количественной оценки действия, причем по нескольким параметрам (длительности и интенсивности действия);
- 3) прагматического: положительного / отрицательного эмоционального отношения говорящего или производителя к обозначаемому действию.

Проанализируем все элементы значения делимитативов в русском языке и условия их реализации.

2.2.2. Фазисно-временная семантика делимитативов. М.Флайер и Е.В.Падучева считают, что делимитативы обозначают ограниченную во времени деятельность с выраженными началом и концом [Flier 1985: 43; Падучева 1996: 108]. При этом М.Флайер термином «делимитативы» обозначает все ограничительные производные [Flier 1985; Флайер 1997]. Отметим, однако, что между отдельными разновидностями ограничительных модификаций, а именно между делимитативами и пердуративами, имеются существенные различия в фазисно-временной семантике (ср. раздел 2.3). По мнению Е.В.Падучевой, делимитатив представляет протекание действия во времени следующим образом: *X погулял* = ‘до *t* *X* не гулял <презумпция>; после *t* *X* гулял на протяжении некоторого интервала *T*; после окончания *T* *X* не гуляет’ [Падучева 1996: 108]. Менее определенно высказывается по данному вопросу Т.В.Булыгина. С одной стороны, считает она, глаголы типа *поплакать*, *поиграть*, *погулять*, *позаниматься* обозначают «деятельность, ограниченную временными рамками, деятельность, рассматриваемую как целостный процесс, скорее всего “прекращенный” или “прекратившийся”, причем о прекращении деятельности говорят не только в ретроспективе (*С собакой я уже погулял; Они поиграли в мяч, потом пошли купаться...*), но и “перспективно”, как о предусматриваемом (пусть в неопределенном будущем) прекращении деятельности или процесса, прекращении, в определенном смысле естественном...» [Булыгина 1982: 57]. С другой стороны, Т.В.Булыгина отмечает, что глаголы СВ предельных (в нашей терминологии терминативных) действий и неопредельной деятельности отличаются имплицативными смыслами. «Форма совершенного вида прошедшего времени предельного глагола подразумевает, что процесс, обозначаемый соответствующим глаголом несовершенного вида

(настоящего времени), не имеет места, тогда как глагол совершенного вида, принадлежащий к классу “бесперспективных процессов”, не связан с подобной импликацией (хотя и не исключает соответствующего положения дел): *X написал диссертацию → X не пишет диссертацию*, но: *X погулял полчаса ≠ X больше не гуляет*» [Булыгина 1982: 61].

Заметим, что интерпретационный механизм вида позволяет и у терминативных действий актуализировать конечный предел не всего действия в целом, а отдельного его этапа, определяемого объектом (подробнее см. главу II, раздел 2.4). Аналогично и делимитативы в сочетании с показателями продолжительности действия типа *полчаса* выражают завершение определяемого данными показателями этапа деятельности, причем делимитатив может выражать промежуточный конец лишь в связи с изменением обстоятельств, при которых совершается деятельность, в частности места ее протекания. Например: *Юра полчаса погулял в парке, а сейчас гуляет во дворе; Сначала он погулял со своим другом, а теперь гуляет один*. Если нет указания на изменение обстоятельств деятельности, то ее завершение в данной конкретной ситуации воспринимается как окончательное. Речь, конечно, не идет о дефинитивном конце, как у терминативных глаголов, особенно обозначающих действия, направленные на создание или разрушение конкретных объектов, типа *написать диссертацию, построить дом, сжечь мусор*. Возобновление подобных действий возможно лишь по отношению к другому объекту, тогда как возобновление деятельности, выраженной делимитативом, все же не исключено и при тех же обстоятельствах. Здесь наблюдается некоторое сходство глаголов деятельности с конклюдивными глаголами [Леман 1997: 120], обозначающими действие с ненаблюдаемым результатом, типа *читать письмо, смотреть фильм*: действие может завершаться и возобновляться при тех же или измененных обстоятельствах теоретически неограниченное количество раз. Говоря о смысле окончания деятельности или процесса, мы имеем в виду его окончание в данной конкретной ситуации. Расширение исходного предложения за счет указания на деятельность, продолжающуюся при неизменных обстоятельствах, маловероятно. Ср.: *?Мальчик погулял полчаса и все еще гуляет; ?Мы посидели в приемной полчаса и все еще сидим; ?Мы поработали час и продолжаем работать*. Как справедливо писал еще Н.П.Некрасов, «предлог *по-*, определяя действие по объему относительно пределов последнего, скорее указывает на конец продолжительности действия, чем на начало» (цит. по: [Виноградов 1972: 420]).

Возникает вопрос: чем отличается семантика делимитативов от значения простых глаголов НСВ в контексте, содержащем указания на временные границы действия? С нашей точки зрения, даже тогда, когда обстоятельства однозначно указывают на ограниченность дей-

ствия определенным временным интервалом, в русском языке между делимитативами и глаголами НСВ имеются различия в представлении протекания действий во времени: глаголы НСВ допускают и синхронную, и ретроспективную точки отсчета (ТО), а делимитативы – только ретроспективную. Ср.: *Он гулял (вчера) целый час* (ретроспективная ТО) / *Он гулял целый час (и я не мог его больше ждать)* (синхронная ТО) и *Он погулял час* (ретроспективная ТО). Кроме того, делимитатив, как правило (вне специальных условий контекста), выражает единичную ситуацию, а бесприставочный глагол НСВ с равной степенью вероятности может обозначать как однократное, так и многократное действие, ср.: *Он спал до восьми часов / Он поспал до восьми часов*.

Семантический элемент окончания действия способствует функциональному сближению ограничительной приставки *по-* с результативными приставками, участвующими в образовании видовых пар. Приставка *по-* у большой группы глаголов целенаправленной деятельности способна развивать результативное значение достижения цели деятельности: *Я уже поел (покурил, попил), можем идти; Мы сегодня хорошо поработали (потрудились), надо и отдохнуть; Ну, что ж, повеселились (погуляли, посидели), пора и за работу*. Подробно данный вопрос рассматривается в сопоставительном разделе 2.8 данной главы.

Делимитативы, образованные от предельных основ, выполняют особую функцию – обозначают исходную терминативную ситуацию в ограниченных временных рамках безотносительно к результату либо с частичным достижением результата, что в особых условиях контекста создает возможность выразить при помощи делимитатива недостижимость результата при попытке его достичь. Ср.: *Она сразу вскочила с места и побудила Лизу... Она раскатила дверь, выпрыгнула из вагона и побежала к станции; Лизу ей ожидать уже некогда, пусть она спит одна на заре и не раскрывает на себе одеяло...* (Платонов). Сочетание смыслов окончания действия и недостижимости результата создает стилистический эффект особой наглядности, конкретности ситуации, а также намеренности действий субъекта: действие прекращено по его воле, а не в результате естественного развития ситуации и достижения цели. В данном случае речь идет, как справедливо отметил Х.Р.Мелиг, об особой языковой концептуализации гетерогенных ситуаций (изменений) как гомогенных [Мелиг 1995].

2.2.3. Соотношение количественной и прагматической оценок действия в семантике делимитативов. Количественная и прагматическая оценки тесно взаимосвязаны: эмоциональное отношение говорящего к действию влияет на восприятие времени. «Положительные эмоции в нашем сознании недооценивают время, то есть сокращают

его, создавая впечатление быстрого течения времени; отрицательные чувства, наоборот, переоценивают время, то есть растягивают его» [Крекич 1989: 143, 164]. По мнению Й.Крекича, при положительных эмоциях в русском языке выбирается делимитатив, а «в условиях отрицательной инвольвированности следует употребить пердуратив» [Крекич 1989: 175]. Думается, что механизм выбора делимитативов в русском языке несколько сложнее и во многом зависит от взаимодействия рациональной и эмоциональной оценок действия говорящим. Рассмотрим это взаимодействие.

Наиболее типичным случаем при выборе делимитативов является совпадение оценки действия как непродолжительного при положительном к нему отношении. Ср.: *Поношу еще с недельку гимнастерку и шинельку* (Михалков, МАС). Типично также использование делимитативов при положительном отношении говорящего или производителя к ограниченному действию при невыраженной оценке его продолжительности, например: *Я бы на вашем месте послал туда поосторожить... Ну, хоть Колю пошлите. Он с удовольствием пошпониет* (Достоевский, БАС); *При хороших цифрах можно было и побездельничать, и похалтурить, и ночь погулять* (Солженицын); *А вы повоевали? – Я был тогда курсантом на военно-морских кораблях Северного флота...* (МК. 25.05.96). В последнем примере более нейтральным было бы употребление глагола НСВ *воевали*, но делимитатив здесь выразительнее – через него передается и эмоциональное отношение корреспондента к действию, о котором он спрашивает, и к его производителю, и, возможно, имплицитно выражается смысл ‘А вы успели повоевать?’.

Делимитатив может употребляться для обозначения непродолжительного, с позиции субъекта, действия при невыраженном к нему эмоциональном отношении. Ср.: *[Он] секунду поколебался, куда бежать...* (Булгаков).

Достаточно частотны случаи, когда при употреблении делимитативов рациональная и эмоциональная оценки действия вообще не выражены – делимитативы по своим функциям приближаются к видovým коррелятам. Подобное употребление связано с обязательной детерминацией действия в определенных типах контекста, где при наличии парных по виду глаголов обязателен или предпочтителен СВ. Речь идет об императивных и некоторых инфинитивных конструкциях, а также о повествовании в формах прошедшего времени, когда употребление делимитативов подчиняется законам синтаксиса и является нейтральным средством обозначения данной ситуации. Ср. выражение нейтральной просьбы: *Почитай мне, пожалуйста! Покачай меня на велосипеде! Посиди с нами! Попей воды!* и т.п. Выражение побуждения глаголом НСВ было бы здесь более категоричным и

даже невежливым (ср. *Сиди с нами! Катай меня на велосипеде!* и т.п.). Делимитативы часто употребляются в русском языке в инфинитивно-модальных конструкциях типа *Мне надо / Мне предложили еще поработать над диссертацией; Пришлось повозиться с машиной; Они не успели погулять, покататься на велосипеде, поиграть в футбол.* О.П.Рассудова отмечала, что в форме инфинитива делимитативы «выступают как эквивалент СВ соответствующих бесприставочных глаголов, оттенок ограниченной длительности ослаблен» [Рассудова 1968: 97]. Действительное ослабление значения ограниченной длительности и максимальное сближение с чистовидовой семантикой, по нашему мнению, наблюдаются в конструкциях, включающих употребление НСВ, типа *Он (не) успел... погулять, покататься на карусели, поплавать в бассейне* и т.п. В принципе же в инфинитиве семантика ограниченной длительности может быть выражена достаточно явно, ср.: *Ничему не удивляйся: истинное назначение людей знают только Органы, остальным просто дают поиграть...* (Солженицын); *Поруководить вам с Польшцевым придется* (Гладков, БАС).

В славистике ставилась проблема статуса оппозиции глаголов типа *работать – поработать, кататься – покататься*, по своим функциям в определенных контекстах приближающихся к видовым парам. Еще в 50-е годы И.Немец предлагал корреляцию *sedět :: posedět* в славянских языках считать видовой парой, так как она, по его мнению, существенно не отличается от таких видовых пар, признаваемых большинством лингвистов, как *chválit :: pochválit, vidět :: uvidět, hledět :: pohledět*, особенно если учитывать, что значение малой меры действия глаголов с приставкой *po-* в основном определяется контекстом [Němec 1958: 16].

Полноценными видовыми парами данные корреляции мешают признать развиваемые делимитативами оценочные значения, но, несомненно, в рассмотренных выше типах контекста их функции сближаются с функциями парных глаголов СВ, поэтому мы считаем целесообразным говорить о видовом партнерстве базовых глаголов НСВ и соответствующих делимитативов (с указанием контекстов, типичных для его проявления).

При несовпадении рациональной и эмоциональной оценок действия (как **непродолжительного** и **приятного**) возможны разнообразные комбинации оценочных значений делимитативов:

- 1) **положительно** воспринимаемое действие, вызывающее удовлетворение у говорящего и производителя действия, является достаточно **продолжительным**;
- 2) делимитатив может выражать **длительное** действие и при **отри-**

- цательном** отношении говорящего к большей мере его длительности, но, как правило, лишь если достигнут результат действия или выражается удовлетворение в связи с завершением действия;
- 3) **непродолжительное** действие вызывает **отрицательное** отношение субъекта, причем неодобрение, недовольство действием может быть обусловлено именно его непродолжительностью и связанной с этим неосновательностью;
  - 4) эмоциональные оценки действия говорящим и производителем также могут расходиться.

Рассмотрим соотношение количественной и эмоциональной оценок при употреблении делимитативов на конкретных примерах.

(1) Положительно воспринимаемое говорящим / производителем действие является продолжительным, а потому основательным (продолжительность до удовлетворения выражается специальными контекстуальными средствами): *Думалось легко, спокойно, и, как всегда, вырываясь из дому, Никитин надеялся **пописать, поработать, побродить вволю** с этюдником, насмотреться, надышаться* (Кириченко) (делимитативы употреблены в одном ряду с сативными модификациями); *Я **посмеялась вдосталь*** (Крупская).

Й.Крекич объясняет переход уменьшительно-ограничительного значения делимитативов «в свою увеличительно-количественную противоположность» следующим образом. «Здесь мы имеем дело с так называемым “заражением значения”... Сирконстанты, оценивающие действие положительно, “заразили” приставку *по-*, лишая ее первоначального уменьшительного значения, они придают ей увеличительное (аугментативное) значение» [Крекич 1989: 139]. Добавим, что явно выраженными положительными эмоциями по отношению к продолжительному действию может быть окрашена вся конструкция в целом. Ср.: *Ну, и поспали (погуляли, повеселились) же мы!* или *Ну, мы и поспали!*

(2) Эти конструкции употребляются и в том случае, когда продолжительность действия или само действие с точки зрения производителя нежелательны, но говорящий испытывает удовлетворение от его завершения и, по всей видимости, положительного результата. Например предложение *Ну, и повозились же мы вчера с машиной!* уместно в том случае, если деятельность принесла положительный результат. То же предложение с расширением, свидетельствующим об отсутствии положительного результата, маловероятно: *?Ну, и повозились же мы вчера с машиной и ничего не сделали.* Аналогично в следующих предложениях констатация продолжительного и неприятного, нежелательного действия при помощи делимитатива предполагает, что в момент речи это действие не имеет места и ситуация в це-

лом улучшилась. Ср.: *Я немало **помыкался** по белу свету и могу сказать, что хорошо знаю жизнь* (Куприн, МАС); *Ей пришлось немало **помучиться*** (Чаковский).

(3) Делимитатив употребляется при обозначении непродолжительного неприятного действия. Ср.: *Мы **постояли** в очереди всего десять минут, но я чуть в обморок не упала от страшной духоты* (разг.). Решающим при выборе глагола здесь является количественная, а не эмоциональная оценка ситуации: в приведенном предложении употребление делимитатива определяется оценкой времени действия как краткого, что не противоречит отрицательному отношению говорящего к ситуации в целом. Кстати, в подобных предложениях возможно синонимическое употребление делимитативов и пердуративов. Ср.: *Мы **простояли** в очереди всего десять минут, но я чуть в обморок не упала от страшной духоты* (см. раздел 2.3).

Делимитатив при поддержке контекста (а иногда и без нее) может выражать незначительность обозначаемого действия (с точки зрения говорящего или производителя действия), ср.: *Он даже и не думал, что имеет дело с криминалом. Его просто попросили **поохранять** человека в квартире, пообещав хорошо заплатить* (МК. 18.02.95). При несоответствии ожидаемого (или уместного) продолжительного и основательного действия и выражаемого делимитативом непродолжительного и поверхностного действия создается особый иронический эффект, часто используемый в современной публицистике. Например: *Мы ведь знаем, как мало нужно народу, по мнению Х. [Хасбулатова]. Немного хлеба, чуть-чуть масла, ну и обещание **побороться** с коррупцией* (МК. 12.06.93).

(4) Экспрессивным приемом повествования выступает также выражение различающегося эмоционального отношения к действию со стороны его производителя и говорящего, причем оценка продолжительности действия, как правило, не выражена. Делимитативы достаточно частотны при обозначении деятельности, вызывающей у говорящего отрицательное отношение, а у ее производителя, по мнению говорящего, – удовлетворение, ср.: *Судья отважился вернуть дело на исследование с целью получения «полноценного антисоветского материала» – то есть, чтобы заключенного этого **попытали** и **побили*** (Солженицын); *Американцы и после первой, четырнадцатого года, войны Европе будь здоров **пограбили*** (Назаров).

2.2.4. Мотивирующая база делимитативов. Делимитативы в русском языке представляют высокопродуктивный тип словообразовательной модификации с широкой мотивирующей базой, ядро которой составляют гомогенные динамические непереходные глаголы со значением конкретной, локализуемой во времени деятельности, а

также физического и психического состояния, концептуализированного в языке как динамический процесс (см. главу I, раздел 2), ср. прототипические делимитативы: *поработать, поторговать, посторожить, поохотиться, понычнить, позаниматься, побегать, пошуметь, повеселиться, поспать, погрустить, погоревать*.

Е.В.Падучева считает возможность образования делимитатива показательным тестом для разграничения глаголов деятельности и других неопредельных глаголов НСВ, выражающих свойства, состояния, поведение, занятия: так же, как и М.Флайер [Flier 1985], она связывает образование делимитативов исключительно с контролируемой и конкретной деятельностью [Падучева 1996: 146]. Если же единичные делимитативы образуются от глаголов со значением неконтролируемых процессов, то при этом постулируется восприятие ситуации как поддающейся контролю [Flier 1985: 55, 57; Падучева 1996: 145]. Отмечается также, что от глаголов, обозначающих неконкретные ситуации – занятия, поведение или обобщенную деятельность, – делимитативы, как правило, не образуются (ср. трактуемые как невозможные дериваты: *Я *поболел, *помок, *поприсутствовал, а также *попьянствовать, *поруководить, *поцарствовать, *поспекулировать* [Падучева 1996: 146–149]).

Действительно, ограничительные модификации глаголов со значением обобщенной профессиональной деятельности и инактивных природных процессов, с трудом поддающихся локализации во времени, таких, как *учительствовать, секретарствовать, ремесленничать, пиришествовать, кустарничать, морозить, печь (о солнце), светить (о солнце), парить* (безл.), встречаются крайне редко, хотя использование делимитативных модификаций и этих глаголов не исключено в разговорной речи, художественной литературе и современной публицистике (см. соответствующие примеры в сопоставительном разделе 2.8). Целый же ряд глаголов со значением занятий, поведения, природных процессов образуют делимитативы почти столь же свободно, как и глаголы деятельности, что отмечено в соответствующей литературе [Булыгина 1982: 37; Калашник 1985]. Многие из этих дериватов зафиксированы и в толковых словарях русского языка (чаще в парно- или кратнo-соотносительном [Маслов 1959] типе контекста), ср.: *Дождь покапал и прошел* (Маяковский, МАС); *Ветка ... покачалась несколько времени и замерла* (Толстой, МАС); *Дождик стал срываться. Пошуршал, покапал немного – и перестал* (Ляшко, МАС); *Обойдя вокруг загона, они [волки] пощелкали голодными зубами и побежали дальше* (Кожевников, МАС) и т.д. Достаточно часто встречаются делимитативы, обозначающие инактивный процесс, и в изолированном употреблении (ср. противоположное мнение в [Падучева 1996: 146]), например: *Мы аккуратно собрали*

пшеницу в большой тугой сноп и поставили его посреди полосы коло-
сьями кверху: пусть **посохнет** (Шуртаков, МАС); Мясо **потушилось**
час (БАС); **Погремело** вдали (Шукшин); Такие светлые денечки **по-**
стоят недолго, не за горами осень (Задорнов, МАС). Для делимитативов характерно (но не обязательно) употребление в предложениях, расширенных за счет обстоятельств, например: *Сегодня я поприсутствовал на заседании комиссии* (МК); *Я поболел всего неделю; Нам сегодня пришлось помокнуть под дождем* (разг.); но: *В три часа у меня летучка... – Тогда и я поприсутствую* (Грачевский, МАС).

Мотивирующая база русских делимитативов обычно ограничивается также по семантическим признакам переходности [Исаченко 1960: 234–238], предельности [Сигалов 1977; Флайер 1997: 32]²³. Тем не менее мы согласны с Ц.Перникарским, утверждавшим, что делимитативная модель в русском и польском языках, особенно в разговорной речи, может быть, в отличие от чешского и словацкого, реализована не только у гомогенных, но и у гетерогенных (в его терминологии – *relacyjnyzmiennych*) основ [Piernikarski 1975: 20–21]. Достаточно свободно делимитативы в русском языке образуются от тех терминативных глаголов, в качестве объекта которых употребляются имена предметов, претерпевающих какие-то качественные или количественные изменения, но не уничтожение и не перемещение; ср.: *покопать огород, помять глину, помести улицу, попахать землю, попеть частушки, покрасить полстраницы (и бросить), пожарить пять минут (и бросить)*. Приведенные примеры взяты из пособия «Русские приставочные глаголы и их значения» [Волохина, Попова 1994: 139–140], где данные дериваты без каких-либо оговорок рассматриваются для иллюстрации значения приставки *по-* ‘недолго, некоторое время, короткий срок’ среди таких производных, как *понаблюдать за полетом орла, постоять, полежать*, ср. также [Волохина, Попова 1993: 130–131]. Можно привести и другие подобные глаголы, в том числе образованные от приставочных вторичных имперфективов со значением конкретных, как правило, физических действий: *посверлить, подолбить стену, пошлифовать камень, пополировать поверхность, повышивать, поразгружать вагон* и т.п.

Делимитативная модификация, как справедливо отмечает Х.Р.Мелиг, служит в этих случаях рекатегоризации базовых действий не только с точки зрения ограниченности / неограниченности во времени, но и гетерогенности / гомогенности: делимитатив выражает концептуализацию терминативных действий в качестве гомогенной дея-

²³ Отметим, на наш взгляд, не совсем удачный перевод термина *atelic* в русском варианте статьи М.Флайера [Flier 1985; Флайер 1997] как ‘нецеленаправленный’. Точнее здесь было бы перевести как ‘непредельный’ (или нетерминативный), ср., например, формулировки в [Флайер 1997: 32, 33].

тельности, как бы не имеющей предела в своем развитии. Х.Р.Мелиг считает, что внутренняя граница действия при таком обозначении ситуации как бы «затемняется» [Мелиг 1995: 146].

Возможность образования делимитативов от терминативных основ ограничивает (но не исключает) многозначность дериватов с приставкой *по-*, ср. :

делимитативы	видовые корреляты с результативным значением
<i>погладить (часок) белье</i>	<i>погладить (все) белье</i>
<i>пожарить рыбу несколько минут</i>	<i>пожарить рыбу к ужину</i>
<i>потушить мясо час</i>	<i>потушить мясо в новой кастрюле</i>
<i>помочить грибы некоторое время</i>	<i>помочить платок в холодной воде</i>
<i>помять документ какое-то время в руках</i>	<i>помять платье</i>

Характерно, что свободнее делимитативную модификацию образуют терминативные глаголы НСВ, способные к безобъектному употреблению в качестве глаголов деятельности, типа *почитать, порисовать, попеть, пошутить*. Ср. использование таких глаголов в художественной литературе: *Он... долго вспоминал чудные места, жалея, что не **пописал** вволю...* (Кириченко); ***Помалюет, помалюет** и в перчатку дышит* (Солженицын). Конечно, образование ограничительных модификаций от терминативных основ находится на периферии класса делимитативов, и продуктивность этого процесса не стоит преувеличивать. Многие глаголы НСВ, имеющие видовые корреляты с приставкой *по-*, делимитативов не образуют. Делимитативную модификацию не развивают те базовые глаголы действия, которые исключают достижение частичного результата, например деструктивные глаголы *губить – погубить, хоронить – похоронить, тонуть – потонуть* и т.п., глаголы перемещения и передачи *вешать – повесить, ставить – поставить, садить – посадить, дарить – подарить*. Как правило, не имеют делимитативов глаголы чувственного и интеллектуального восприятия, речевой деятельности, так как ограничение длительности соответствующих действий сводится к единичности акта восприятия, говорения или проявления воли. «Одноактность действия объективно означает и его завершение» [Волохина, Попова 1993: 134], поэтому базовые и производные глаголы с приставкой *по-* обычно рассматриваются как видовые пары, ср.: *благодарить – поблагодарить, верить – поверить, звать – позвать, здороваться – поздороваться, прощаться – попрощаться, чувствовать – почувствовать* и др. При этом некоторые глаголы с приставкой *по-* названных семантических классов в соответствующих условиях контекста могут иметь ограничительное значение, ср.: *Мы **поссорились** часок, а потом все равно помирились; Он **пожаловался** немного, а потом успо-*

коился. Таким образом, делимитативы соотносятся только с такими терминативными ситуациями, которые можно прервать, совершить в несколько этапов с частичным достижением результата.

Наше исследование выявило непоследовательность фиксации представленности ограничительных модификаций с приставкой *по-* в толковых словарях современного русского языка. Во всех словарях, включая БАС, не зафиксирован ряд ограничительных модификаций, которые не производят впечатления окказионализмов. Это глаголы со значением как конкретной, так и обобщенной деятельности: *позасесть*, *потерзать*, *порегулировать*, *побастовать*, *посопротивляться*, *поконкурировать*, *поколлекционировать*, *пожонглировать*, *поаккомпанировать* и др. Ср.: *Ольга Давыдовна мечтает именно хорошенько позасесть* (Ходасевич); *Я попал в офицеры не прямо студентом... но перед тем прошел полгода угнетенной солдатской службы... А потом еще полгода **потерзали** в училище* (Солженицын); *Пошумели, покричали, **побастовали** – ничего не добились и разошлись по домам* (радио). С другой стороны, БАС включает такие необычные образования от глаголов поведения, как *покощунствовать*, *поблагодарить*, *поюродствовать*, *поумствовать*.

Как считает А.Богуславский, неотмеченность того или иного деривата в классических толковых словарях (типа «Словаря польского языка» под редакцией В.Дорошевского), основанных на обширных карточках, фиксирующих употребление лексем в текстах, не всегда может служить показателем его отсутствия в языке, так как актуальное употребление деривата, образованного по продуктивной модели, в конкретном тексте носит случайный характер и часто зависит от неязыковых факторов [Bogusławski 1988: 67]. Некоторая непоследовательность словарей при фиксации делимитативов все же не случайна, в большинстве случаев она отражает потенциальную вероятность их образования, имеющую вполне определенные семантические основания. Но общий вывод А.Богуславского мы полностью поддерживаем: возможность образования деривата и зафиксированность его в текстах, на которые опирается словарь, – это разные вещи.

Продуктивные и регулярные производные, по мнению ряда лингвистов, должны быть отражены в словарях не в виде отдельных словарных статей, а в общем виде либо во вступительных теоретических разделах, либо в обобщающих статьях словаря, посвященных, например, префиксам [Bogusławski 1988: 67; Мельчук 1990]. Согласно точке зрения И.А.Мельчука, дериваты, образующиеся по типовой модели, являются единицами не инвентарными, принадлежащими словарю, а конструктивными: «последние создаются по мере надобности

в процессе речевой деятельности на базе инвентарных, словарных по правилам, существующим в грамматике, и с использованием единиц, закрепленных в грамматике же» [Мельчук 1990: 50].

2.3. Длительно-ограничительные модификации (пердуративы) в русском языке

При описании семантики русских пердуративов расхождения в их интерпретации в основном касаются наличия или отсутствия в их семантической структуре элемента рациональной оценки 'длительное время'. Длительность действия наряду с ограниченностью во времени отмечается в целом ряде исследований [Соболева 1980: 233–234; Янценецкая 1991: 102]. Без оценочного элемента семантика пердуративов формулируется так: 'охват действием определенного промежутка времени' [Бондарко, Буланин 1967: 16]; 'провести определенное время за обозначенной деятельностью' [Sekaninová 1980: 89].

Как представляется, количественная оценка временного отрезка, который занимает действие, как продолжительного входит в семантическую структуру русских пердуративов, но является непостоянным признаком, который может не выражаться, как, например, в следующем предложении: *И сколько времени Прохор **промечтал**, не знает – может минуту, может час* (Шишков).

Семантическую структуру длительно-ограничительной модификации можно представить следующим образом: <начало>, (длительный) процесс, заполняющий весь временной интервал, ([конец]), где использованные условные обозначения имеют следующее содержание:

- < > – пресуппозиция;
- [ ] – следствие;
- ([ ]) – возможное следствие;
- _____ – ассертивная часть;
- ( ) – неустойчивый элемент ассертивной части.

Семантические элементы 'начало', 'конец' в данном случае выступают как имплицитные смыслы. Признак 'начало' в семантике глаголов типа *проторговать*, входя в пресуппозитивную часть, не подвергается отрицанию. Ср.: *Они не проторговали и часа*. Возможным следствием действия, обозначенного пердуративом, может быть его завершение, выражение которого полностью зависит от контекста и ситуации. Поэтому семантическая структура анализируемых глаголов деятельности с приставкой *про-* не противоречит таким употреблением, как *Мы прозаседали два часа и в пять еще продолжали заседать* (ср. невозможность предложения **Мы позаседали два часа и в пять еще продолжали заседать*).

Минимальный контекст, необходимый для употребления пердуративов, как правило, включает указание на временной отрезок, в рам-

ках которого протекает деятельность. Количественная оценка действия как продолжительного полностью зависит от ситуации и эмоционального (положительного / отрицательного) отношения к ней говорящего, например: *Никто не понимал, почему, **просидев** у себя два года, он пришел теперь, когда война проиграна* (Эренбург); *Я **пролежал** в беспмятстве ровно девять дней* (Достоевский); *Письмо Энгельса 36 лет **пролежало** под сукном* (VRCS). В приведенных примерах сама обозначаемая ситуация задает негативное отношение говорящего к обозначаемому действию и к тому, что оно длительно. Обычно пердуратив взаимодействует с другими элементами контекста, усиливающими негативную оценку действия. Ср.: *Придется здесь **просидеть** еще неделю*. Однако ограничительно-длительные дериваты в русском языке способны сами, без специальной поддержки контекста, выразить и количественную, и прагматическую оценку, негативный характер которой особенно ясно ощущается при сопоставлении с делимитативами, например: *Мы **просидели** / **посидели** в приемной полчаса*.

Мотивирующую базу пердуративов в русском языке составляют глаголы речи (ср.: *проговорить всю ночь, прошептать всю лекцию*), ненаправленного движения (*проблуждать час, проходить целый вечер*), положения в пространстве (*просидеть несколько часов, пролежать несколько веков*), физического, психического состояния (*проболеть зиму, протосковать весь год*), социальной и профессиональной деятельности (*прослужить два года, проработать всю жизнь, проторговать весь день*) и, реже, конкретных физических действий, которые могут быть выражены и терминативными глаголами (*пропахать, пропилить, прогрузить, прогладить целый день*).

2.4. Ограничительно-квантовые модификации в русском языке

В русском языке, как и в западнославянских, имеются такие терминативные модификации, которые одновременно с выражением ограниченности действия во времени устраняют всякое представление о длительности, выражая действие как единый неделимый квант, как бы не имеющий интервала между начальной и конечной границами. По своей фазисно-временной семантике этот тип дериватов приближается к результативным видовым модификациям. Тем не менее мы считаем целесообразным рассматривать дериваты типа *прогрохотать, прозвенеть, всплакнуть* в системе ограничительных модификаций, хотя и относя их к периферии данной системы.

Отдельные модификации в рамках данного типа различаются продуктивностью и прагматическими значениями. Регулярна квантовая модификация, образующаяся от глаголов звучания при помощи при-

ставки *про-*: *прогреметь*, *пробрюзжать*, *прокричать* и т.п. Данные дериваты выступают как переходные между ограничительными (*прогрохотать*, *пропеть весь вечер*) и результативными модификациями от предельных глаголов (*пропеть*, *спеть песню*). Результативное значение последних создается за счет объекта – полный его охват исчерпывает действие и обуславливает его прекращение. Квантовую модификацию в русском языке могут иметь также глаголы некоторых других семантических групп, например: *просверкать*, *проморосить*. Ср.: *Там женщина прошла, просверкав на солнце одежками* (Панова); *А дождик все же проморосил под вечер*.

Дериваты с приставкой *про-*, выражающие акустическое и зрительное восприятие различных явлений, активно используются в русской художественной литературе, подчеркивая динамизм окружающего мира. Например, квантовые дериваты с приставкой *про-* частотны в романе А.Белого «Петербург», они играют важную роль в создании особой поэтики и философской концепции романа, в выражении «дуализма между мельканием предметов и запредельной тому мельканию бездной; и фиктивно воображаемая граница между тем и другим есть “Я”» (А.Белый «О мистике», цит. по: [Долгополов 1980: 605]). В следующих отрывках из романа А.Белого «Петербург» представлено восприятие такого «мелькания» как реализации моментального наблюдения, фрагменты которого как бы монтируются в цепь сменяющих друг друга картин: *Какое-то фосфорическое пятно и туманно, и мертвенно проносило по небу; фосфорическим блеском протуманилась высь; и от этого проблестали железные крыши и трубы. ...Пролетел сноп огня; придворная, черная пролетела карета: пронесла мимо впадин оконных кровавые фонари; на струе черной майской они проиграли и проблестали; призрачный абрис треуголки лакея и абрис шинельных крыльев пролетели с огнем из тумана в туман*. Такое описание создает впечатление движения, хотя на самом деле это движение часто мнимое, в частности в начале отрывка, и связано с попаданием в поле зрения говорящего фиксируемого объекта. Ср. также: *Холодно просверкало со стен строгое ледяное стекло...; ...Фосфорическим блеском протуманилась нельская даль и от этого зелено замерцали беззвучно летящие плоскости, отдавая то там, то здесь искрою золотой...; Тут произошло нечто поистине странное; все предметы вокруг вдруг как будто принизились, просыпали так явственно и казались ближе, чем следует...; Николай Аполлонович прищурил глаза, и из темных длиннейших ресниц глаза его просинели и дикой, и терпкой решимостью не просить о пощаде, в*

то время как пальцы **пробарабанили** по столу; *Адмиралтейство продвинуло восьмиколонный свой бок: **пророзовело** и скрылось...*²⁴

Заметим, что в западнославянских языках такое «кадровое», «квантовое» зрительное и слуховое восприятие определенного рода ситуаций является вполне обычным, а его выражение – стилистически нейтральным (подробнее данный вопрос рассматривается в разделах 2.5.4, 2.6.2, 3.4).

Как разновидность квантовой модификации можно трактовать небольшую группу глаголов типа *переночевать*, у которых имена временных пределов (*день, ночь, зима*) становятся мотивирующей базой соответствующих глаголов, одновременно выражая внутренний временной детерминант этих глагольных действий: *переночевать, перезимовать, прозимовать, передневать*. Так как временной интервал выражен корнем, данные глаголы не сочетаются с временными обстоятельствами.

Непродуктивная прагматическая квантовая модификация базовых глаголов со значением однонаправленного движения типа *пройтись, пробежаться, прокатиться* помимо ограничительной семантики выражает также то, что действие желательно для субъекта и совершается с удовольствием. Уменьшительно-квантовая модификация, выражаемая при помощи суффикса *-ну-*, часто в сочетании с приставками *вс-(вз-), с-*, в русском языке также непродуктивна, ср.: *вздремнуть, всхрапнуть, всплакнуть, соснуть, курнуть*.

2.5. Ограничительные модификации глагольных действий в чешском языке

2.5.1. Общая характеристика. Ограничительные модификации в чешском языке представляют глаголы со следующими формантами: *po-, po- + si, za-, za- + si, pro-, z- / s- -nou-*. Между данными дериватами имеются тонкие и разнообразные семантические и функциональные различия, которые в славистике не описаны в полной мере.

В чешской лингвистике представлены различные взгляды на семантику глаголов, образованных по моделям *po-* и *po- + si*. Так, Ф.Травничек последовательно различал нереклексивы и реклексивы с приставкой *po-*. Первые характеризуются, по его мнению, выражением малой меры действия, поэтому они объединяются с глаголами

---

²⁴ В создании этой сменяющей друг друга череды картин играет большую роль не только квантовая семантика дериватов с приставкой *pro-*, но, очевидно, и их звуковой облик: звонкий сонорный [р], неоднократное повторение которого усиливает впечатление динамики.

типа *pousmáti se, pozměniti*²⁵, которые образованы от глаголов СВ *usmáti se, změniti* и выражают оценочно-количественное значение малой интенсивности действия: ‘усмехнуться’, ‘(слегка) измениться’. Рефлексивы же – глаголы типа *pohráti si, pohovořiti si, poležeti si, pospati si* и т.п. – выражают значение полноты действия и употребляются в том случае, если «мы хотим сказать, что мы делали что-то долго и с чувством удовольствия, удовлетворения» [Trávníček 1923: 190–191]. Далее Ф.Травничек уточняет свою трактовку количественной семантики данных глаголов: сам по себе глагол *poseděti si* не выражает ни малой, ни большой меры действия, количественная оценка может быть передана лишь средствами контекста (лексическими средствами типа *málo, trochu* либо синтаксической конструкцией *To jsem si poseděl!*) [Trávníček 1923: 193].

В.Шмилауэр высказывает точку зрения, близкую первоначальному суждению Ф.Травничка: *po-* без форманта *si* выражает «малую меру» действия, с формантом *si* – «большую меру» [Šmilauer 1940: 77].

И.Польдауф отказывается от понятия количественной меры действия при описании данных префиксальных глаголов, а исходит при анализе временных приставок из их пространственных значений. Так, глаголы типа *pobloudit, pobýt, posedět* выражают, по Польдауфу, значение «поверхностности, неглубины» действия²⁶, а отсюда вытекает и осознание действия как приятного, причем эта непространственная семантика выводится из основного пространственного значения приставки *po-*, выражающей действие, направленное на поверхность предмета [Poldauf 1954a: 221–223; 1954b: 61].

Ф.Копечный при оценке рассматриваемых дериватов также говорит прежде всего о прагматическом значении приятного либо неприятного действия (производимого с чувством удовольствия / неудовольствия, удовлетворения / неудовлетворения), связывая с прагматической оценкой количественную семантику малой или большой меры действия. «Тому, что ощущается или стилизуется как неприятное (*nelibé*), мы приписываем обычно большую меру, а приятное (*libé*) оцениваем по обстоятельствам, но главное, что в этом случае речь уже не идет об указании на меру действия» [Korešný 1962: 24].

Таким образом, ограничительная семантика как самостоятельное модификационное значение или, по крайней мере, как важный семан-

²⁵ Чешские инфинитивы здесь, вслед за оригиналом, приводятся в словарной форме на *-ti*, которая в современном чешском языке воспринимается как архаичная, поэтому, анализируя собственный материал и лингвистическую литературу, мы употребляем современную форму на *-t* (*pospat si, postát*).

²⁶ Ср. сходную точку зрения на русские делимитативы с приставкой *po-* у М.Флайера [Флайер 1997].

тический элемент значения глаголов с префиксом *po-* в рассмотренных работах не выделялась. Более того, рефлексивы и нерефлексивы с префиксом *po-* нередко распределялись по разным семантическим группам.

Впервые вопрос об объединении разных словообразовательных моделей, выражающих ограниченное во времени нетерминативное действие, поставил применительно к словацкому и чешскому языкам А.В.Исаченко, считавший, что классы ограничительных дериватов в чешском и словацком идентичны. К области ограничительной совершаемости в чешском и словацком языках он относил глаголы с приставками *za-* (*zapálit si, zafajčiť si, zamávat*), *po-* (*posedět, posediet', pospat' si*) и единичные дериваты с приставкой *z-* / *s-* и суффиксами *-nou-*, *-nu-* (*zdřímnout, zdriemnut' si*) [Исаченко 1960: 234–237]. Тем не менее в современной чешской лингвистике, пожалуй, преобладает традиционный подход к описанию рассматриваемых дериватов. На первый план при описании семантики рефлексивов обычно выдвигаются прагматические значения, собственно же ограничительная семантика данных дериватов либо вообще не упоминается, либо о ней говорится вскользь. Так, по отношению к чешским глаголам *poplakat si, zatančit si* В.Стракова пишет о сатисфактивном значении, которое заключается в выражении оптимального количества и интенсивности действия, тогда как в соответствующих русских дериватах подчеркивается «выразительное значение временного ограничения приставки *po-*» [Straková 1978: 174, 177].

Глаголы с приставкой *po-* в чешском языке в сопоставлении с польским были предметом исследования в монографии польского лингвиста Ц.Перникарского. Рефлексивы и нерефлексивы он рассматривает в составе разных СГД: нерефлексивы – как детерминативный СГД, выражающий (малую) меру продолжительности, и как количественный СГД, выражающий (малую) меру интенсивности действия, рефлексивы же – в рамках СГД, выражающего эмоциональное (*afektywne*) состояние субъекта. Правда, Ц.Перникарский отмечает, что две последние группы глаголов также не исключают сочетаемость с лексическими показателями ограниченности действия. Деление глаголов с приставкой *po-* на названные семантические группы, по мнению Ц.Перникарского, можно провести и на словарном уровне: по лексическому значению глагола можно судить, в каком из акциональных значений он будет чаще всего употребляться [Piernikarski 1975: 31].

В чешской лингвистической литературе последнего тридцатилетия система производных глаголов с ограничительным значением специально не изучалась. Отдельные сведения о данных глаголах можно почерпнуть из грамматик чешского языка, а также немногочисленных

статей, посвященных внутриглагольной деривации. Менее всего изучен класс дериватов *za-* + *si*.

Рассмотрим каждую из деривационных моделей, которые относятся к области ограничительных модификаций.

2.5.2. Делимитативы (нерефлексивные глаголы с префиксом *po-*). Среди чешских делимитативов, большинство из которых свободно сочетается с медиальным формантом *si*, выделяются следующие семантические группы, определяемые семантикой мотивирующих глаголов. При их перечислении отметим также возможность образования от соответствующих базовых глаголов ограничительных дериватов по модели *za-* + *si* или *za-*.

- 1) Глаголы со значением положения в пространстве: *poležet* – *полежаться*; *postát* – *постоять*; *posedět* – *посидеть*; *podržet* – *подержать* и др. (от данных базовых глаголов ограничительные модификации с приставкой *za-* не образуются).
- 2) Глаголы говорения: *robessedovat* – *побеседовать*; *pohovořit* – *поговорить*; *pošuškat* – *пошущукаться*; *podiskutovat* – *подискутировать* и др., многие базовые глаголы имеют ограничительные модификации, образующиеся по модели *za-* (*si*).
- 3) Другие глаголы со значением звука: *robroukat* – *поагукать*; *robričet* – *погудеть* (*о имеле*); *rořňukat* – *похныкать*; *poštěkat* – *полаять*; *poštěbetat* – *пощебетать* и т.п. (все они имеют корреляты с приставкой *za-*).
- 4) Глаголы деятельности, обозначающие приятные занятия (в скобках укажем возможные от тех же мотивирующих глаголов дериваты с префиксом *za-*): *pobavit se* – *повеселиться*; *povtipkovat* – *побалагурить*; *požertovat* (*zažertovat si*) – *пошутить*; *potancovat* (*zatancovat si*); *potančit* (*zatančit si*) – *потанцевать*; *poveselit se* – *повеселиться*.
- 5) Глаголы со значением физического, психического состояния и его проявления: *pohořekovat* (*zahořekovat si*) – *погоревать*; *povztekát se* – *позлиться*; *potrápit se* – *помучиться* и др.
- 6) Многоактные глаголы, имеющие корреляты с суффиксом *-nou-*; последние подчеркивают ослабление или кратковременность действия: *poštěkat* / *poštěknout* (*zaštěkat*) – *полаять* / *полаять немного* (*тявкнуть*); *pošeptat* / *pošeptnout* (*zašeptat*, *zašeptnout*) – *пошептать* (*прошептать*) / (*еле слышно*) *прошептать*; *pošvihát* / *pošvihnout* – *похлестать* / *слегка хлестнуть*; *pokývat* / *pokývnout* (*zakývat*) – *покивать* / *слегка кивнуть* и др.
- 7) Глаголы перемещения: *poklouzat se* (*zaklouzat si*) – *поскользнуть* (*какое-то время*); *potoulat se* – *побродить*; *pokroužit* – *покру-*

жечь; *pochodit* – *походить*; *pojezdit (zajezdit si)* – *поездить*; *ponosit* – *поносить*; *provozit* – *повозить*; *provodit* – *поводить* и т.п.

- 8) Группа переходных глаголов: *posucát (bonbón)* – *пососать* (конфету); *podusít (maso)* – *потушить* (мясо); *podržet (co)* – *подержать* (что-либо); *pohlídat (co)* – *посторожить* (что-либо); *rohovat (koho)* – *покачать* (кого-либо); *polistovat (v čem) (zalistovat)* – *полистать* (что-либо); *povařit (maso)* – *поварить* (мясо); *požvýkat (co) (zažvýkat si)* – *пожевать* (что-либо).

Делимитативы с приставкой *po-* не образуются от многих глаголов деятельности, от которых словообразовательными средствами может быть выражена лишь квантово-прагматическая модификация по модели *za-* (*si*) (см. ниже). Ср.: **pobruslit si / zabruslit si* – *покататься на коньках*; **pofandit / zafandit si* – *поболеть* (на спортивных состязаниях); **poplavat / zaplavat si* – *поплавать*; **poexperimentovat si / zaexperimentovat si* – *поэкспериментировать*.

Менее употребительны в чешском языке, чем в русском, ограничительные дериваты с приставкой *po-* от ряда глаголов, обозначающих неприятное психическое и эмоциональное состояние человека. От следующих глаголов ограничительные дериваты с приставкой *po-* не образуются, очевидно, из-за омонимии (существующие глаголы с приставкой *po-* имеют другие значения): *покапризничать* – *chvíli zlobit, trochu si zavrtošit*; *пострадать какое-то время* – *strádat, trpět nějakou dobu*; *посердиться* – *zlobit se (chvíli), hněvat se*. Аналогично в чешском языке маловероятен дериват с ограничительным значением (причем как с приставкой *po-*, так и с приставкой *za-*) от глагола *žít*. Существующие производные глаголы с данными приставками имеют другие значения, в основном не связанные с семантикой глагола *žít*: *požít* – *съесть, выпить*; *zažít* – 1) *переварить* (съеденную пищу), 2) *испытать, пережить* (SSJČ приводит глагол **požít si* как устаревший). Поэтому русский делимитатив *пожить* переводится на чешский язык сочетанием бесприставочного глагола с временным обстоятельством, ср.: *Без мужа хочешь пожить и повольничать* – *Bez muže si chceš nějaký čas žít a trochu užívat* (VRČS).

При наличии двух невозвратных глаголов с приставками *po-* и *za-* информанты как более реальный и употребительный во многих случаях отмечают дериват с *za-*, ср.: *ponaříkat* и *zanaříkat* – *постонать* (ноохать), *potesknit* и *zatesknit (si)* – *потосковать*; *pohořekovat* и *zahořekovat* – *поплакать(ся)*, хотя дериваты с приставкой *po-* и встречаются в художественной литературе и публицистике, например: *Vždycky se mně zdávalo, že zde [v Anně Karenině] jako nikde Tolstoj pomiloval ryzí krásu, potesknil a pohořekoval nad ní* (Šalda) – *Мне все-*

гда казалось, что в «Анне Карениной», как нигде, Толстой **поласкал** чистую красоту, **погрустил** и **поплакал** над ней.

Таким образом, мотивирующие базы ограничительных модификаций с приставками *po-* и *za-* (о дериватах с приставкой *za-* речь пойдет ниже) не совпадают, хотя могут и пересекаться.

Теперь обратимся к значению чешских дериватов с приставкой *po-*. Фазисно-временная семантика делимитативов анализируется в сопоставительном разделе, здесь же рассмотрим оценочный компонент значения данных глаголов. Чешские глаголы типа *posedět* выражают ограниченную длительность без явно выраженной прагматической оценки. О рациональной оценке времени протекания действия как непродолжительного можно говорить лишь в том случае, если не указан временной интервал, в течение которого продолжается действие, а также если данное действие не включено в цепь других действий, ср.: *Všecko je třeba (chvíli) povařit* – Все нужно (немного) поварить; *Popovídali si o denních starostech* – Они (немного) поговорили о повседневных делах; *Porozprávěl nám o svých problémech* – Он нам (немного) рассказал о своих проблемах; *Přijďte chvíli posedět a popovídat si* – Приходите: посидим, поговорим.

В чешском языке, как и в русском, кратковременность действия может обуславливать его восприятие как незначительного. Ср. приведенное ранее русское предложение с его чешским переводом: *Он даже и не думал, что имеет дело с криминалом. Его просто попросили поохранять человека в квартире, пообещав хорошо заплатить* (МК. 18.02.95) – ...*Prostě ho požádali, aby jim (trochu) pohlídal nějakého člověka v bytě...* (инф.).

Если обозначенное делимитативом действие включено в цепь других сменяющих друг друга событий или глагол употреблен с временным показателем продолжительности действия, то дериват с приставкой *po-* выражает лишь ограниченность действия без оценки его продолжительности, например: *Den se pobaví, týden pak ztratí* (VRČS) – День погуляешь, да неделю потеряешь. В следующих предложениях делимитатив *posedět* обозначает приятное действие, ограниченное во времени, без количественной оценки его продолжительности: *Poseděl jsem s ním asi tak třikrát* (Jul. Sem.) – Так я с ним сидел раза три; *Poseděli jsme u našich známých tři hodiny* – Мы просидели (букв. посидели) у наших знакомых три часа; *Poseděli jsme na festivalu asi dvě hodiny* – Мы посидели на фестивале часа два; *Poseděli jsme a popili vínka* – Мы посидели, выпили вина; *Navštívil jsem je, poseděli jsme, pokouřili, popovídali* (PSJČ) – Я их навещал, мы посидели, покурили, поговорили.

Таким образом, чешские собственно делимитативы, в отличие от русских, могут обозначать продолжительное действие без каких-либо

его оценок, соответствуя русским пердуративам. Ср. также: *Celý večer poseděli, až zvonili na půlnoční* (PSJČ) – Они просидели (букв. посидели) целый вечер, пока не зазвонил колокол, оповещающая о полуночной мессе; *Lékař tam pobyl několik hodin* – Врач пробыл (букв. там побыл) несколько часов; *Jurka pobyl u Kučerů přes léto* – Юрка пробыл (букв. побыл) у Кучеров все лето.

2.5.3. Делимитативно-прагматическая модификация (po- + si). Как мы уже отмечали, все собственно делимитативы (нерефлективные глаголы с приставкой po-) в чешском языке свободно соединяются с формантом *si*, который в «Грамматике чешского языка» (1986) трактуется как свободная морфема (*volný morfém*) [Mluvnice 1986: 398]. Относительная независимость форманта *si* и дериватов с приставкой po- (большая, чем у других префиксальных глаголов с этим формантом) отражена в словарях, в которых в случае существования глагола без форманта *si* последний приводится в скобках: *posedět (si)*, *pobédovat (si)*, *pohubovat (si)*, *povtipkovat (si)*. Такая запись отражает интерпретацию словообразовательного механизма данной модели как рефлексивации префиксального глагола, ср.: *podiskutovat si* < *podiskutovat* < *diskutovat* – *подискутировать* (с удовольствием), *poležet si* < *poležet* < *ležet* – *полежать* (с удовольствием); *pokecat si* < *pokecat* < *kecat* – *поболтать* (с удовольствием).

«Грамматика чешского языка» в качестве сложного форманта рассматривает лишь глагольные образования *při- + si* (*příspat si*, *příležet si* ‘поспать, полежать подольше’) и *za- + si* (*zalyžovat si* ‘покататься на лыжах’) [Mluvnice 1986: 429], хотя образование делимитативно-прагматической модификации при помощи сложного форманта po- + si довольно частотно, ср.: *pokřepčit si* / *zakřepčit si* (< *křepčit*, expr.) – *поплясать*; *polenošit si* / *zalenošit si* (< *lenošit*) – *поленятничать*; *potarodit si* (< *tarodit*) – *поболеть*. У некоторых глаголов возможна двойная и даже тройная мотивация, ср.: *poležet si* < *poležet*, *ležet si*, *ležet*.

В данном исследовании в целях упрощения описания и в соответствии с чешской лингвистической традицией мы рассматриваем глаголы po- + si, независимо от деривационного механизма их образования, как одну делимитативно-прагматическую модификацию.

С формантом *si*, как мы уже неоднократно отмечали, связано прагматическое значение удовлетворения, удовольствия, которое выражает говорящий или агенс в связи с действием. Значение деривата po- + si рассматривается как выражение «продолжительного или непродолжительного протекания действия с оттенком удовлетворения, удовольствия (*do vůle*, *do sytosti*, *do libosti*)» [Mluvnice 1986: 398]. Ср. также: «действие выполняется с чувством удовольствия, удобства, наслаждения» [Исаченко 1960: 237].

Количественная оценка действия зависит от контекста: действие может определяться и как продолжительное, и как непродолжительное, главное, что конкретная его мера в большинстве случаев воспринимается как **оптимальная**. То, что глаголы *po-* + *si* не выражают постоянную количественную характеристику действия, подтверждается свободной сочетаемостью этих дериватов с адverbiallyными показателями небольшой / большой продолжительности действия. Ср.: *Dnes jsme si trochu / pořádně pobesedovali* – Сегодня мы **немного / основательно побеседовали**; *Když se na plátně sejdou zvíře, dítě a zakázaná láska, bylo by hříchem si pořádně nepoplakat* (MFD. 27.07.98) – Когда на экране сходятся вместе животное, ребенок и запретная любовь, было бы грех **как следует не поплакать**. При этом обычно выражается положительное отношение говорящего к обозначаемому действию и к тому, что оно является длительным или интенсивным. Ср.: *To jsme si pohráli (pospalí)!* – Ну, мы сегодня **и поиграли (поспали)!**; *Posedí si v kriminále!* – Ну, теперь он **посидит (в тюрьме)!**

Однако с количественной оценкой деятельности или процесса может быть связана не только положительная, но и отрицательная реакция говорящего на это действие. При особой интонации или особом порядке слов прагматическое значение деривата может измениться на противоположное. Например: *Že jsme si tam ale poseděli!* – Ну **и просидели мы там, скажи!** Ср. также: *Poseděli jsme si tam pěkně dlouho* – Мы **просидели** (букв. *посидели*) там страшно долго; *S tou chřipkou si poležíš aspoň tři týdny* – С этим гриппом ты **пролежишь** (букв. *полежишь*) по крайней мере три недели. В этих предложениях наиболее точно значение чешских дериватов *po-* + *si* передают русские пердуративы.

Итак, значение ограниченности действия определяется приставкой *po-* и является общим как для возвратных, так и для невозвратных глаголов. Формант *si* привносит значение положительного или, значительно реже, при особой интонации и в определенном контексте, отрицательного отношения говорящего к обозначаемому действию. Явно выраженное прагматическое значение расширяет временные границы ограничительной модификации и позволяет обозначать также продолжительное действие.

Таким образом, во многих случаях семантика рефлексива *po-* + *si* складывается по аддитивному принципу: ‘ограничительное значение глагола с приставкой *po-* + прагматическое значение “медиального” форманта *si*’. Однако образование новой языковой единицы влечет за собой и некоторое изменение аспектуально-временной семантики: рефлексив способен обозначать и продолжительное действие, вызывающее как положительные, так и отрицательные эмоции.

2.5.4. Квантово-прагматическая модификация (*za-* + *si*). Кроме рассмотренной ограничительно-прагматической модификации, выражаемой моделью *po-* + *si*, в чешском языке имеется квантово-прагматическая модификация с формантом *za-* + *si*.

Семантические различия между глаголами *po-* + *si* и *za-* + *si*, касающиеся характера протекания действия во времени, во многом объясняет их связь с соответствующими невозвратными глаголами: формант *si* вносит в значение дериватов медиальное, сатисфактивное значение удовлетворения, удовольствия, а все другие нюансы семантики данных глаголов определяются приставками. Ввиду этого кратко охарактеризуем семантику соответствующих невозвратных дериватов с приставкой *za-*, которые более подробно анализируются в следующем разделе, посвященном начинательным модификациям, в связи с тем, что, во-первых, в их значении может быть актуализирован начальный момент действия, а во-вторых, функционально они соотносятся с русскими начинательными дериватами.

В рассматриваемых западнославянских языках глаголы типа *zakřičet*, *zakřičať*, *zakrzyczeć* (*закричать*, *прокричать*) обозначают цельный квант действия, ограниченный начальным и конечным пределами и неделимый на фазы. З.Скоумалова по отношению к значению чешских глаголов с приставкой *za-* использует термин «манифестация действия», под которым понимается значение проявления действия в течение некоторого непродолжительного времени [Skoumalová 1968: 213; 1979: 249]. Семантику соответствующих дериватов, по нашему мнению, достаточно адекватно передает понятие временного «промежутка сознательного внимания» [Chafe 1973], в который укладывается то или иное наблюдаемое действие независимо от его реальной продолжительности. По-русски достаточно точно значение таких дериватов можно передать при помощи глаголов с префиксом *про-*, образующихся от базовых глаголов звучания: *прокричать*, *прошуметь*, *пропеть*. Дериваты *za-* + *si* также выражают действие как нечленимый на фазы квант. Семантически рефлексивы и нерефлексивы с приставкой *za-* могут быть очень близки; различия между ними связаны лишь с прагматическим значением. Ср.: *Petr zazpíval jednu moravskou písničku* // *Petr si zazpíval jednu moravskou písničku* – *Петр спел* // *спел* (*в свое удовольствие, для себя*) *моравскую песенку*.

В общем же рассматриваемые возвратные и невозвратные глаголы с приставкой *za-* различаются: 1) прагматическим значением (характерным для рефлексивов и отсутствующим у нерефлексивов); 2) мотивирующей базой (о мотивирующей базе глаголов *zakřičet* см. раздел 3.4.1; мотивирующей базой глаголов *za-* + *si* являются глаголы дея-

тельности); 3) способностью актуализировать начальный момент действия (см. ниже).

Таким образом, чешские глаголы, образованные по модели *za- + si*, обозначают деятельность или процесс как единый квант, не фиксируя его продолжительность. Этим они отличаются от дериватов *po- + si*, которые, выражая «ограниченность во времени» действия [Исаченко 1960: 237], дают также информацию о его продолжительности и легко сочетаются с обстоятельственными показателями, которые ее характеризуют. Семантические различия между глаголами *za- + si* и *po- + si* лаконично определены в «Грамматике чешского языка», изданной в Брно в 1995 г. [Příruční mluvnice češtiny 1995: 213, 216, 430]: дериваты *za- + si* выражают удовлетворение действием, а дериваты *po- + si* – удовлетворение действием или его мерой. Но эти различия довольно сложно эксплицировать при переводе, ср.: *pohrát si / zahrát si: Pohraj si // zahraj si s kamarády – Поиграй с друзьями*.

Сочетание с обстоятельствами длительности типа *hodinu, dlouho* (час, долго) для глаголов, образованных по модели *za- + si*, менее характерно, чем для делимитативов. Такая сочетаемость у квантово-прагматических модификаций более вероятна при (1) наличии в предложении отрицания или (2) явно выраженной последовательности действий, например: (1) *Ten si moc dlouho nezaúřadoval, nezaučil, nezařediteloval...* – Долго он здесь **не проработал** (букв. не проработал чиновником, преподавателем, директором); *Tak hezky jsem si už dlouho nezalyžovala* – Так хорошо на лыжах я давно **не каталась**, ср. также подразумеваемое отрицание в примере из PSJČ: *V celém roce sotvakdy vybude chvilinka, aby si mohl čtvrt hodinku zalenošit* – В течение целого года у него и пятнадцати минут не найдется, чтобы **полентяйничать**; (2) *Měsíc si tu zašéfoval a pak odešel* – Он **поруководил** здесь месяц, а потом ушел.

Модель *za- + si* в чешском языке является продуктивной, открытой для новых образований. Практически от любого глагола со значением деятельности возможно образование подобных дериватов, причем в этот процесс включаются и новообразования с иноязычной основой: *zabotanizovat si, zaimprovizovat si, zakritizovat si, zamanifestovat si* и др.

Дериваты, образованные по модели *za- + si*, можно разделить на две большие группы. В первую входят глаголы, обозначающие однократное действие, совершенное в конкретное время, причем формант *si* выражает определенную меру удовольствия говорящего или производителя от действия. Речь идет о квантовом восприятии актов говорения, каких-либо поступков или движения. Глаголы первой группы во многих случаях коррелируют с соответствующими невозвратными глаголами. Функциональными эквивалентами подобных чешских дериватов в русском языке выступают и парные глаголы СВ с результа-

тивными приставками, и начинательные дериваты с приставкой *za-*, и делимитативы, ср.: *zalhat si* – солгать (с удовольствием); *zaagitovat si* – поагитировать; *zahřešit si* – согрешить (с охотой, удовольствием); *zabalancovat si* – забалансировать.

Вторая группа включает глаголы, обозначающие неконкретную, но ограниченную во времени деятельность, совершаемую с интересом и удовольствием: *zarežít si* – порежиссировать; *zaiřadovat si* – позаниматься (какое-то время с удовольствием) администрированием; *zakonkurovat si (s kým)* – поконкурировать (с кем-либо). Подобные глаголы на русский язык довольно точно переводятся делимитативами.

Таким образом, основное различие в аспектуальной семантике между глаголами с формантами *po- + si* и *za- + si* в чешском языке касается представлений обозначаемых действий: как ограниченной длительности (*po- + si*) и как единого кванта деятельности (*za- + si*).

Между сравниваемыми дериватами имеется некоторое различие и в прагматической семантике: глаголы *za- + si* всегда выражают положительное отношение говорящего или производителя к обозначаемому действию, глаголы же *po- + si* могут в определенных условиях контекста выражать и негативное отношение. Различна также мотивирующая база рассматриваемых дериватов.

2.5.5. Длительно-ограничительные модификации. Значение чешских пердуративов обычно представляется следующим образом: 'провести определенное время за той или иной деятельностью', что не исключает выражение оценки действия как (чрезмерно) длительного, ср.:
Proseděli jsme v ordinaci celé odpoledne. Мы просидели в приемной всю вторую половину дня.
Proplakala celé hodiny. Она проплакала многие часы.

Если следовать методике словообразовательного анализа, примененной в [РГ 1979] (подробнее см. главу III), то толкование чешских пердуративов позволяет рассматривать их в рамках мутации. Именно такой трактовке дериватов с приставкой *pro-* соответствует и оценка роли обязательных при пердуративах временных обстоятельств, данная Е.Кржижковой, которая рассматривает их как объект, то есть «как комплемент глагола, вызванный его управлением» [Кржижкова 1966: 89]. В обосновании данного тезиса Е.Кржижкова приводит достаточно весомые доводы: чешские пердуративы, как правило, не сочетаются с временными обстоятельствами типа *dlouho* (долго); в качестве определений временной продолжительности действия могут выступать только именные группы в винительном падеже, например: *celou noc, dva měsíce* (целую ночь, два месяца) и т.п. Данные дериваты редко образуются от возвратных глаголов, а если образуются, то сочетаются с временным актантом в форме винительного падежа. Ср. типичные пердуративы в чешском языке, образованные от глаголов движения,

речи, звучания, положения в пространстве, состояния субъекта и его проявления и некоторых глаголов деятельности:

<i>probloudit celou dobu</i>	– проблуждать все это время,
<i>projezdit týden</i>	– проездить неделю,
<i>propovídat celý den</i>	– проговорить целый день,
<i>problouznit celou noc</i>	– пробредить всю ночь,
<i>prostonat měsíc</i>	– проболеть месяц,
<i>protesknit celé léto</i>	– прогрустить все лето,
<i>proschůzovat celý večer</i>	– прозасесть весь вечер,
<i>proflámovat celou noc</i>	– прокутить всю ночь.

2.6. Ограничительные модификации глагольных действий в словацком языке

2.6.1. Общая характеристика. Исследователи чешского и словацкого языков отмечают их большое сходство в организации аспектуальных систем и внутриглагольного словообразования, см. [Исаченко 1960: 234, 237; Pečiár 1963].

Ш.Пециар посвятил ограничительной приставке *po-* в серии журнальных публикаций о словацких глагольных префиксах отдельную статью. Он исходит из трактовки глаголов с данным префиксом, изложенной в работах А.В.Исаченко, уточняя некоторые ее положения. Ограничительный (делимитативный) СГД «сосредоточивает внимание на ограниченном интервале (фазе) действия, понимаемом как целостное, сомкнутое событие» [Исаченко 1960: 234; Pečiár 1963].

Система средств и семантика ограничительных СГД в словацком и чешском языках, по мнению А.В.Исаченко и Ш.Пециара, в целом совпадают. Ограничительные СГД охватывают глаголы с приставками *po-*, *za-* (с формантом *si* или без него), *z-* / *s-* и суффиксом *-ni-* / *-n-*. Ш.Пециар, вслед за А.В.Исаченко, среди названных производных глаголов выделяет глаголы с приставкой *po-* как маркированные с точки зрения ограничительной семантики, дериваты же с префиксом *za-*, по мнению словацкого лингвиста, «ограниченность действия во времени выражают не так явно» [Pečiár 1963: 65].

Э.Секанинова рассматривает делимитативный СГД в словацком и русском языках в рамках модально-интенсивных СГД, определяя его семантику как «совершение действия в течение непродолжительного времени с выраженной интенсивностью». Основное внимание в словацком языке она уделяет производным с префиксом *po-*, глаголы с *za-* лишь упомянуты [Sekaninová 1980: 114–116].

В словацком языке, как и в чешском, нерелексивные глаголы с приставкой *po-* либо выражают небольшую продолжительность действия, либо ее вообще не определяют. Длительное, ограниченное во

времени действие могут выражать глаголы с приставкой *po-* лишь совместно с формантом *si*. Поэтому значения *počkat'* с формантом *si* и без него в VSRS рассматриваются как самостоятельные глагольные значения:

- počkat'* – 1. подождать кого-либо: *počkáte vás* – мы вас подождем;
2. помедлить, подождать: *počkat' s odprived'ou* – подождать с ответом.
- počkat' si* – подождать: *na to si počkáte* – Вам придется подождать / долго ждать.

А.В.Исаченко считает, что «в переводе на русский язык разницу между *poplakat' (si)* и *zaplakat' (si)* можно было бы передать глаголами *поплакать* и *всплакнуть*» [Исаченко 1960: 237].

2.6.2. Дериваты с формантами *po-*, *po-* + *si* и *za-* + *si*. Делимитативы с приставкой *po-* в словацком, как и в других славянских языках, образуются от гомогенных глаголов (не-изменений), причем, по мнению Ш.Пециара, прежде всего от непереходных [Peciar 1963: 72]. Так, от глагола *písať* ограничительный дериват может быть образован только в том случае, если он употребляется как глагол деятельности, то есть как нетерминативный безобъектный глагол, ср.: *Popísal si hodinku* – Он часок написал. При наличии объекта такой дериват невозможен, ср.: **popísal si úlohu* – Он написал (некоторое время) упражнение. По нашим наблюдениям, однако, в словацком языке делимитативы образуются и от переходных (но не терминативных) глаголов чаще, чем в чешском, причем этому не мешает омонимия с результативными и дистрибутивными глаголами. Словацкий язык проявляет здесь больше сходств с русским языком, чем чешский. Так, словацкий глагол *poučiť* может иметь как результативное (*научить*), так и делимитативное (*поучить какое-то время*) значение, тогда как в чешском языке делимитатив от глагола *učit* не образуется, ограничительная семантика может быть выражена только контекстуальными средствами – *učit nějakou dobu*. Ср. извлеченные в основном из VSRS и KSSJ словацкие делимитативы, образованные от переходных глаголов: *roztúľat' (cukrik)* – пососать (конфету); *podrmať (niekoho za plece)* – потормошить (кого-либо за плечо); *polízať chvíľu (med)* – полизать некоторое время (мед); *rohľadať (koľo)* – поискать (кого-либо); *robrúsiť (nôž)* – 1) поточить какое-то время (нож), 2) поточить, наточить; *romasírovať* – 1) помассировать (какое-то время массировать); 2) помассировать (сделать массаж).

Особенностью словацкого языка, отличающей его от других сравниваемых славянских языков, является образование делимитативов от

однаправленных глаголов движения, например: *pobežať si* – бежать какое-то время; *poplávať si* – плыть какое-то время; *poliezt' si* – лезть какое-то время. Презентные формы данных глаголов омонимичны формам будущего НСВ от глаголов типа *bežať* [Peciar 1963: 69].

В целом мотивирующая база собственно делимитативов (невозвратных глаголов с приставкой *po-*) в словацком и чешском языках сходна: такие глаголы в словацком языке, как и в чешском, образуются от глаголов звука (в том числе речи), зрительного восприятия, а также обозначающих многоактные действия, положения в пространстве, причем от многих базовых глаголов названных семантических групп в словацком языке также могут быть образованы ограничительные модификации с приставкой *za-* (кроме глаголов положения в пространстве), ср.: *roblyškať* – посверкать, поблустать, *zablyškať* – засверкать, сверкнуть; *rodipotať* – потопать: *rodipotať prezlabnutými nohami* – потопать озябшими ногами, *zadipotať* – постучать, застучать, затопать: *zadipotať opätkami po chodníku* – застучать каблучками по тротуару; *pohrmieť* – погреметь: *podvečer pohrmelo a spustil sa dážď* – к вечеру загремело и пошел дождь, *zahrmieť* – загреметь, грянуть (о громе): *zrazu sa zablyškalo a zahrmelo* – вдруг сверкнула молния и загремел (грянул) гром; *rokašľať* – покашливать, *zakašľať* – закашливать, кашлянуть; *rokliptať* – поморгать, *zakliptať* – заморгать, поморгать; *polistovať si (v časopise)* – полистать (журнал), *zalistovať si (v časopise)* – полистать журнал.

Глаголы говорения, психического и эмоционального состояния с приставками *za-* и *po-* легко соединяются с медиальным формантом *si*: *poafektovať (si)* – пожеманиться; *pobesedovať (si o knihách, si s priateľmi)* – побеседовать (о книгах, с друзьями); *podiskutovať (si)* – поговорить, побеседовать (*podiskutovať si o najnovších udalostiach* – поговорить о последних событиях); *zadiskutovať (si)* – поговорить, побеседовать; *posmútiť* – погрустить, потосковать: *Nejaký čas (si) posmútiť a zabudne* – Какое-то время она потоскует и забудет.

В словацком языке делимитативы с приставкой *po-* чаще, чем в чешском, образуются от глаголов поведения, профессиональной, спортивной, социальной и другой деятельности, причем нередко однокоренные глаголы с приставкой *za-* + *si* отсутствуют. Ср. примеры, извлеченные из VSRS: *pobehať si* – побегать: *Deti si musia trochu robehať rovonku* – Детям надо немного побегать на воздухе; *zabehať si* – побегать, пробежаться: *Zabehaj si na dvore!* – Побегай во дворе!, *Zabehám si na ihrisku* – Я пробежусь по стадиону; *pobeťárčiť' si* – покапризничать, поозорничать, пошалить; *pochodiť (si)* – походить, погулять: *trochu si pochodiť po záhrade, po parku* – немного погулять в саду, в парке; *pojazdiť / zajazdiť si na aute* – покататься на машине; *po-*

filozofovať si, zafilozofovať si – пофилософствовать; *pokorčul'ovať sa* – покататься на коньках: *Deti sa po obede trochu pokorčul'ovali* – После обеда дети немного покатались на коньках; *pokritizovať si* – покритиковать: *Rád si pokritizuje* – Он любит покритиковать; *poflirtovať si, zaflirtovať si* – пофлиртовать: *Rád si poflirtoval / zaflirtoval s dievčatmi* – Он любил пофлиртовать с девушками; *potancovať / zatancovať si* – потанцевать: *Rada si potancuje / zatancuje* – Она любит потанцевать; *povojenčiť' (si)* (экспр.) – послужить (некоторое время в армии).

Проанализированный материал показывает высокую продуктивность словообразовательных моделей *po-* + *si* и *za-* + *si* в словацком языке, причем первая модель (*po-* + *si*) не уступает по продуктивности второй (*za-* + *si*). Характерно, что в словацкой лингвистической литературе продуктивность отмечается лишь для модели *po-* + *si* [Исаченко 1960; Peciar 1963: 76; Sekaninová 1980: 114], тогда как информанты-филологи подчеркивали высокую продуктивность модели *za-* + *si*, выделив такие случаи, когда из двух существующих дериватов от одного базового глагола более употребительным оказывается глагол *za-* + *si*, например *zafilozofovať si* (ср. *po-filozofovať si*).

В некоторых словарных толкованиях глаголов *za-* + *si* используется элемент *istý čas* ‘определенное время’ – так же, как и в толкованиях глаголов *po-* + *si*. Ср.: *zaplávať si* – ‘s chuťou, s rôžitkom istý čas plávať’ (с удовольствием какое-то время плавать), *poplávať si* – ‘chvíľu, istý čas plávať’ (недолго, какое-то время плавать) (SSJ). Производные глаголы деятельности *za-* + *si* в словацком языке могут сочетаться с наречием *dlho* (долго) и другими показателями длительности, ср.: *Iba týždeň si zariaditeľoval* (разг.) – Он пробыл директором всего неделю; *Tak čo? Dlho si zariaditeľoval?* (разг.) – Ну, что? Долго он пробыл директором?

2.6.3. Длительно-ограничительные модификации. Значение и употребление пердуративов в словацком и чешском языках в целом сходны. Пердуративы в словацком языке образуются от:

– глаголов ненаправленного движения:

<i>prebehať celý deň</i>	<i>пробежать весь день,</i>
<i>preblúdiť noc</i>	<i>проблуждать ночь,</i>
<i>precestovať celý deň</i>	<i>проездить весь день;</i>

– глаголов состояния субъекта:

<i>preplakať celú noc</i>	<i>проплакать всю ночь,</i>
<i>presmútiť rok</i>	<i>прогоревать год,</i>
<i>prespať schôdzku</i>	<i>проспать (все) собрание;</i>

– глаголов положения в пространстве:

<i>preležať týždeň</i>	<i>пролежать неделю,</i>
<i>presedieť celé popoludnie</i>	<i>просидеть всю вторую половину дня;</i>

– глаголов речи и звучания:

<i>prerozprávať celú hodinu</i>	<i>проговорить целый час,</i>
<i>predebatovať celú noc</i>	<i>проговорить всю ночь,</i>
<i>prespievať celý čas</i>	<i>пропеть все (это) время.</i>

В словацком языке, так же как и в чешском, не отмечена сочетаемость пердуративов с обстоятельством *dlho*. Однако, в отличие от чешского языка, в словацком довольно частотны длительно-ограничительные дериваты от возвратных глаголов, сочетающиеся с временными детерминантами: *premodliť sa (celé hodiny)* – *промолиться (многое часы)*; *premetať sa (na posteli nejednu noc)* – *прометаться в кровати (не одну ночь)*; *pretúlať sa (celú noc)* – *пробродить целую ночь*; *pretrápiť sa (dva roky)* – *промучиться (два года)* и др.

2.7. Ограничительные модификации глагольных действий в польском языке

2.7.1. Делимитативы. Делимитативному СГД в польской лингвистике уделяется большое внимание. Характерно, что еще Агрелль отметил особое положение делимитативов в системе СГД польского глагола, вообще исключив эти глаголы из состава перфективных глаголов и определив их вид как несовершенный. По его мнению, делимитативы, в отличие от пердуративов, не фиксируют начальную и конечную границы действия, указывая лишь на их краткую или неопределенную длительность [Agrell 1918]. К этому мнению присоединились многие современные исследователи польского глагола, которые не усматривают семантической разницы между делимитативами и соответствующими глаголами НСВ, употребленными в контексте, содержащем лексические показатели ограниченности действия. Ср.: *posiedzieć do piątej, pospał do ósmej, pośpiewali do północy* (*посидеть до пяти, поспал до восьми, они попели до полуночи*) // *siedzieć do piątej, spał do ósmej, śpiewali do północy* (*сидеть до пяти, спал до восьми, они пели до полуночи*). В этом вопросе в польской лингвистике наблюдается удивительное единодушие. По мнению В.Смеха, в приведенных выше предложениях префиксация глаголов отвечает лишь потребностям синтаксиса [Śmiech 1986: 250]. Ф.Антинуччи и Л.Геберт считают, что с семантической точки зрения глаголы с префиксом *po-* не имеют ничего общего с совершенным видом, являясь «совершенными» лишь по форме [Antinucci, Gebert 1977: 40]. Несоответствие глаголов с приставкой *po-* семантике СВ, по мнению авторов, доказывает также их несочетаемость с инклюзивными обстоятельствами типа *za dwie godziny, w godzinę* ‘за два часа, за час’.

Отметим, что в одном ряду с делимитативами рассматриваются другие фазисно-временные модификации (кроме инхоативной и финитивной). Ф.Антинуччи и Л.Геберт не находят семантической разницы между глаголами СВ и НСВ в следующих парах предложений: *Jan przesiedział noc / Jan siedział przez noc* – Ян просидел (всю) ночь / Ян сидел (всю) ночь; *Jan doleżał do rana / Jan leżał do rana* – Ян долежал до утра / Ян лежал до утра, так как и в том и в другом случае выражается длительность состояния или процесса, занимающих определенный отрезок времени. При этом дериваты не указывают на изменение, которое авторы связывают с категориальной семантикой СВ [Antinucci, Gebert 1977]²⁷.

По мнению Ц.Перникарского, делимитативные глаголы с приставкой *po-* в польском языке выражают неопределенную меру действия, начальные и конечные границы которой выражаются не так явно, как у других детерминативных глаголов: с приставками *prze-* (ср. *posiedzieć / przesiedzieć*), *za-* (ср. *poszumieć / zaszumieć*), с суффиксом *-ną-* (ср. *pokrzyzczyć / krzyknąć*) и др. [Piernikarski 1969: 119].

Несколько иная точка зрения на ограничительную семантику рассматриваемых глаголов у А.Холвута. Он считает, что в их значении присутствует явно выраженный элемент 'начать' (*zacząć*), поэтому он предлагает рассматривать такие глаголы в рамках ингрессивной (!) аспектуальности. А.Холвут противопоставляет глаголы типа *posiedzieć* пердуративам (*przesiedzieć*) как **ингрессивные** (начинательные) **згрессивным**, выражающим конечную временную границу действия [Holvoet 1989: 55].

Таким образом, рассмотренные исследования польских лингвистов свидетельствуют об определенной специфике фазисно-временной семантики делимитативов в польском языке в сравнении с русским (см. разделы 2.2.2 и 2.8 данной главы)²⁸. К особенностям фазисно-временной семантики делимитативов мы вернемся в сопоставительном разделе.

Количественная семантика делимитативов у польских лингвистов не вызывает разногласий. Продолжительность действий, обозначен-

²⁷ Если Ф.Антинуччи и Л.Геберт трактуют синонимию глаголов СВ с приставкой *po-* и соответствующих бесприставочных глаголов НСВ с позиций несовершенного вида, как проявление у «формально совершенных» делимитативных глаголов глубинной сущности несовершенного вида, то для С.Кароляка в основе данной синонимии лежит семантика совершенного вида: содержание СВ можно передать не только посредством морфемы (в данном случае префикса *po-*), но и при помощи обстоятельств, выражающих временной интервал [Karolak 1992: 96].

²⁸ Заметим, однако, что А.Богуславский не усматривает существенной разницы между польскими и русскими делимитативами: в обоих языках, по его мнению, «детерминативный формант означает прекращение деятельности или ситуации после определенного времени» [Bogusławski 1978: 382].

ных глаголами типа *pochorować, popolować, potrenować* (ноболеть, поохотиться, потренировать), определяется как меньшая, чем норма для обозначаемой ситуации [Śmiech 1986: 24]. Подчеркивается оценочная семантика данных глаголов, выражающих количественную оценку продолжительности действия как небольшой [Karolak 1992: 96; Antinucci, Gebert 1977: 38].

Ц.Перникарский и Г.Врубель отмечают, что глаголы с префиксом *po-* в сочетании с обстоятельственными показателями меры времени (*godzinę, chwilę*) имеют характер просто констатации, что действие заполняет этот отрезок [Gramatyka 1984: 474; Piernikarski 1975: 32]. Количественно-оценочная семантика ослабляется и практически сводится к нулю при обозначении временного интервала действия. Ср.: *posiedzieć do piątej – посидеть до пяти; pospać do ósmej – поспать до восьми*. Непродолжительное действие такие глаголы выражают при отсутствии определения временного интервала, заполняемого действием [Gramatyka 1984: 474].

Что касается прагматической оценки действия, то, по мнению А.Холвута, собственно делимитативы вряд ли выражают позитивную оценку действия. Точно ответить на данный вопрос довольно сложно, так как в польском языке существует особый словообразовательный тип, однозначно выражающий эту оценку – *posiedzieć sobie, przeczytać sobie*, что не позволяет провести четкую грань между собственно делимитативами и дериватами с возвратным местоимением *sobie* [Holvoet 1989: 113]. Дериваты типа *posiedzieć sobie, pościć sobie* выражают некоторое позитивное состояние субъекта (удовольствие, удовлетворение, которое вызывает действие у его производителя), а детерминативная и количественная семантика как бы уходит на второй план. Поэтому такие глаголы, как и соответствующие им в чешском и словацком языках дериваты, могут выражать как большую, так и малую меру действия, вызывающего состояние удовлетворения у субъекта, ср.: *Alem sobie pojadł! – Ну я и поел!* (подразумевается: 'много'). Ср. также пример Ц.Перникарского *Jak długo siedziałeś wczoraj? – Oj, posiedziałem (sobie) całą noc* [Piernikarski 1975: 32] (*Как долго ты вчера сидел? – О, я просидел (букв. посидел) всю ночь*). Автор заключает возвратное местоимение в скобки, отмечая тем самым его факультативность, но информанты, носители польского языка, отмечают его большую употребительность в подобных предложениях.

Глаголы с возвратным местоимением *sobie* в толковых и переводных словарях польского языка не составляют отдельных статей и не всегда указываются в перечне значений соответствующего глагола с префиксом *po-*. Ц.Перникарский объясняет этот факт нечеткой границей между значениями глаголов с возвратным местоимением и без него [Piernikarski 1975: 36]. Употребление данного местоимения осо-

бенно характерно для разговорного языка. Образование глаголов по модели *po-* + *sobie* теоретически возможно от всех бесприставочных глаголов НСВ и ряда вторичных имперфективов (ограничения на их образование такие же, как у собственно делимитативов). В польском языке имеются также отдельные прагматические дериваты, образованные по модели *za-* + *sobie*, например *zatańczyć sobie*, но, в отличие от чешского и словацкого языков, данная модель непродуктивна.

По данным Ц.Перникарского, в польском и русском языках, в отличие от чешского, а также словацкого, делимитативную модификацию могут иметь не только гомогенные, но и негомогенные глаголы (за исключением процессивных глаголов типа *стара́ть*) [Piernikarski 1975: 20–21]. Ср. два значения глагола *malować – pomalować*: *Ja pomaluję ścianę, a ty sufit* и *Teraz ty pomaluj, a ja skoczę na piwo* [Piernikarski 1975: 43]. Аналогично в русском языке: *Я покрашу стену, а ты потолок / Теперь покрась немного ты, а я пойду выпью пива* (см. 2.2.4).

2.7.2. Квантово-ограничительные модификации и пердуративы. Польские глаголы с *za-* (так же как чешские и словацкие), обозначающие кратковременные действия с актуализированным начальным моментом, который в зависимости от контекста и семантики базового глагола может акцентироваться в большей или меньшей степени, мы, в силу их специфики и положения в системе других акциональных модификаций, рассматриваем в двух разделах, посвященных ограничительным и начинательным модификациям.

Начинательная семантика выражена менее явно у глаголов со значением слухового, зрительного, осязательного восприятия, неупорядоченного, многоактного движения и ряда глаголов других семантических групп. Здесь польский язык проявляет значительное сходство с чешским и словацким. Однако, в отличие от этих языков, в польском элемент начала действия может актуализироваться при поддержке контекста и в названных семантических группах [Piernikarski 1969: 124; Śmiech 1986: 41]. Другие глаголы с приставкой *za-* начинательность выражают более четко, ср.: *zastrajkować – забастовать*; *zaopiekować się – позаботиться*; *zapalić się – загореться*; *zaswędzić – зачесаться*. Поэтому более подробно дериваты с префиксом *za-* анализируем в разделе, посвященном начинательной семантике. Здесь же приведем лишь некоторые глаголы, способные обозначать деятельность, процесс или состояние как единый квант, неделимую порцию действия без подчеркивания его длительности, начальной или конечной границы: *zabeczeć – промычать (замычать)*; *zadzwońić – прозвонить (завзвонить)*; *zaciemnieć – затемнеться*; *zarachnąć – запахнуть*; *zatachać – помахать (замахать)*; *zadąć – задуть*; *zahand-*

lować – *поторговать, заключить сделку*; *zaiskrzyć się* – *засверкать, заискриться*; *zaklekotać* – *затапахтеть, протапахтеть*. Именно указание на кратковременность действия, содержащееся в значении соответствующих дериватов, по мнению Ц.Перникарского, выступает причиной их несочетаемости с определениями продолжительности действия [Piernikarski 1969: 124]. Как представляется, такая несочетаемость связана прежде всего с квантовым восприятием действия, отраженным в семантике данных производных, устраняющим любые представления о длительности. Поэтому с подобными глаголами могут сочетаться обстоятельства также квантового характера, с выраженными границами временного интервала, типа *na moment, na chwilę*. Ср.: *Zachciało mi się na moment wrócić do domu* – *Ему на мгновение захотелось вернуться домой*.

Ограничительная модификация с приставкой *prze-* в польском языке менее продуктивна и менее употребительна, чем рассмотренные выше модификации с приставками *po-*, *za-*. Пердуративы, как правило, не образуются от терминативных основ, хотя деривационная система польского языка, как указывает Ц.Перникарский, не препятствует образованию в речи окказионализмов, не зафиксированных в словаре, ср.: *przeskrobać cały dzień ziemniaki* ‘целый день прочистить картошку’ [Piernikarski 1969: 120]. Дериваты с префиксом *prze-* в польском, как и в других славянских языках, требуют временного распространителя в винительном падеже: *cały dzień (целый день)*, *godzinę (час)* и т.п.

Мотивирующей базой пердуративов в польском языке, как и в русском, выступают глаголы:

– речи и звука:

przedyskutować trzy godziny

проспорить три часа;

przegawędzić, przegadać cały dzień

*пробеседовать, проболтать
весь день;*

– положения в пространстве:

przeleżeć cały dzień

пролежать весь день;

– состояния (физического и психического):

przechorować miesiąc

проболеть месяц;

przespać cały dzień

проспать весь день;

przecierpieć całą godzinę

промучиться целый час;

– деятельности:

przepracować trzy lata

проработать три года;

prześnić noc

промечтать ночь;

przetanącować, przetańczyć cały

протанцевать весь вечер.

wieczór

Почерпнутые из словаря примеры свидетельствуют, что пердуративы в польском языке могут выражать количественную оценку действия как продолжительного. Польские лингвисты отмечают в значении дериватов с префиксом *prze-* ярко выраженный элемент окончания действия [Piernikarski 1969: 119]. Как мы уже указывали, А.Холвут называет данную модификацию даже эгрессивной, сопоставляя ее с ингрессивной, по его мнению, модификацией с приставкой *po-* [Holvoet 1989: 55]. Однако проведенный нами во всех сопоставляемых языках лингвистический эксперимент ставит под сомнение столь категоричное утверждение по поводу фазисно-временной семантики польских дериватов с приставкой *prze-*. В польском языке, как и в других сопоставляемых славянских языках, не исключены предложения типа *Przepracowaliśmy cały dzień i wieczorem jeszcze pracowaliśmy* – *Мы проработали целый день и вечером все еще продолжали работать*. В польском языке длительно-ограничительные дериваты выражают заполнение действием указанного временного интервала, причем конечная граница данного интервала, как правило, совпадает, но может и не совпадать с окончанием действия. К данному вопросу мы еще вернемся в сопоставительном разделе, посвященном пердуративам.

2.8. Ограничительные модификации глагольных действий в русском языке в сопоставлении с западнославянскими

2.8.1. Общая характеристика. Сопоставление русского языка с группой близкородственных западнославянских языков выявило между ними некоторые расхождения в выражении детерминативности гомогенных процессов и деятельности. В целом можно констатировать, что наибольшие различия в области ограничительных модификаций наблюдаются между русским и чешским языками, ближе всего к русскому польский, словацкий же находится как бы между польским и чешским.

Ограничительные модификации дифференцированы в западнославянских языках в большей степени, чем в русском, так как в этих языках наряду с делимитативами и пердуративами существуют продуктивные делимитативно-прагматические, квантовые и квантово-прагматические модификации, имеющие регулярные средства выражения. В русском языке квантово-прагматическую модификацию могут иметь лишь отдельные глаголы, ср.: *взгрустнуть, пролистнуть, пробежаться*. Чисто квантовая модификация образуется от глаголов звучания, средством ее выражения выступает префикс *про-* (*прошептать, прогреметь*).

Как известно, русские глаголы лишены эксплицитно выраженного «медиального» значения, свойственного чешским и словацким дерив-

ватам с формантом *si* и польским с формантом *sobie*, регулярно выражающим, что «действие выполняется с чувством удовольствия, удобства, наслаждения» [Исаченко 1960: 237]. Тем не менее материал проводимого ниже сопоставления свидетельствует о большом потенциале оценочных значений русских делимитативов, для перевода которых на западнославянские языки используются разнообразные словообразовательные и лексические средства, поэтому можно согласиться с А.В.Исаченко, определившим русские делимитативы как формы «субъективной оценки» действия [Исаченко 1960: 237].

2.8.2. Русские делимитативы и их функционально-семантические эквиваленты в западнославянских языках

2.8.2.1. Различия в мотивирующей базе и продуктивности.

Утверждение, что делимитативы образуются лишь от активных глаголов деятельности, прозвучавшее в отечественной лингвистике [Падучева 1996: 146], в большей степени, чем для русского, справедливо для чешского и других западнославянских языков, где от глаголов, обозначающих физические процессы и состояния с неактивным субъектом, делимитативы с приставкой *po-* образуются значительно реже, чем в русском языке. Квантово-прагматическая же модификация *za-* + *si* в чешском и словацком языках возможна исключительно от активных глаголов деятельности. Ср. русские предложения с делимитативами, образованными от неактивных базовых глаголов, и их переводы на чешский язык: *С утра немного покапало и перестало* – *Zrána trochu sprchlo a pak děšť přestal* (VRČS) (глагол *sprchnout* имеет квантовое значение – выражается небольшая порция интенсивного действия); *Свеча немного погорела и погасла* – *Svíčka chvíli hořela a pak zhasla* (инф.); *Солнце немного пожарило и скрылось за тучи* – *Slunko chvíli pářilo a pak se skrylo za mraky* (инф.); словац. *Sviečka chvíľu hořela a potom zhasla, Slnko chvíľu pářilo a potom sa skrylo za mraky* (инф.).

Показательно, что в зависимости от значения делимитатив *поболеть* на чешский язык переводится глаголами с разной деривационной структурой: если речь идет о состоянии одушевленного субъекта, то в переводе возможен делимитатив. Ср.: *nějaký čas (si) postonal*: *Он поболел неделю* – *Postonal si týden*. Но если *поболеть* выражает болезненное состояние какого-либо органа, то в этом случае этот глагол не может быть переведен на чешский язык делимитативом (особенно если речь идет о прошедшем времени), ср.: *Hlava ho nějaký čas bolela a pak přestala*. Если же *поболеть* имеет переносное значение – ‘болеть (на футболе)’, ‘fandit (na fotbale)’, то в чешском переводном предложении возможен лишь дериват *za-* + *si*: *Hu, сегодня мы поболеем!* – *Dneska si teda zafandíme!*

Подобная тенденция, но выраженная не столь последовательно, наблюдается и в других западнославянских языках. Ср.:

погореть – словац. *horieť (nejaký čas)*; чеш. *hořet (nějakou dobu)*; пол. *palić (chwilę)*: Печка **погорела** и **погасла** – чеш. *V peci chvíli hořelo, pak v ní zhaslo*; словац. *V piecke chvíľu horelo a pak zhaslo*; пол. *V piecu trochę palilo się i potem zgasło* (инф.);

погноиться: Рана **немного погноилась** – словац. *Rana trocha hnísala* (VRSS) // *Rana trocha pohnísala (a potom sa zahojila)*; чеш. *Rána trochu (nějaký čas) hnísala* (инф.); пол. *Rana trochę ropiała* (инф.).

Словацкий язык, по имеющимся у нас данным, здесь проявляет больше сходств с русским, чем чешский и польский. Ср.:

повариться – *rovariť sa*: Надо, чтобы мясо **поварилось** еще **немного** – *Treba, aby sa mäso ešte trochu povarilo* (VSRS);

поболеть – *roboľieť*: **Зуб** **немного поболит** и **перестанет** – *Zub chvíľu pobolí a prestane*; **Ничего, ничего, поболит** и **пройдет** – *To nič, trocha pobolí a prejde*; **Голова поболела** и **перестала** – *Hlava ma nejaký čas poboľela a potom prestala* (VSRS);

повертеться (о колесе) – *pokrútiť sa*: Колесо **повертелось** и **остановилось** – *Koleso sa pokrútilo a zastalo* (VSRS);

Гром погремел и *перестал* – *Chvíľu pohrmelo a prestalo* (VSRS);

Ветер побушевал и *стух* – *Vietor si ešte pozúrnil a stíchol* (VRSS);

пожарить (о солнце) – *páliť, pražiť, pripekať*: Солнце **пожарило, пожарило** и **скрылось за тучи** – *Slnko chvíľu pripekalo (pálilo – инф.), potom sa skrylo za mraky* (VRSS);

Ср. также употребление делимитативов в русских и словацких предложениях для обозначения ограниченного во времени неосознанного состояния человека: *Ничего, побеситесь* и *успокоитесь* – *To nič, pozúri si a urokojí sa*; *Ребенок немного покапризничал* и *успокоился* – *Dieťa chvíľu pozlostilo a prestalo*.

В некоторых случаях VRČS (очевидно, под влиянием русского языка) приводит в качестве эквивалентов русских делимитативов чешские дериваты с приставкой *po-*, которые чешские информанты оценивают как маловероятные, причем многие из этих дериватов не зафиксированы в чешских толковых словарях (PSJČ и SSJČ): например, глагол *pohľadovět (ноголодать)* отмечен лишь в «Большом русско-чешском словаре» (VRČS), глаголы звучания *popišťět, povřešťět, pokvikat*, приведенные в VRČS, в толковых словарях (SSJČ и PSJČ) даны как неупотребительные, редкие, более употребительны их эквиваленты с *za-* – *zapišťět, zavřešťět, zakvičet (пропищать, проверещать, провизжать)*.

Особых комментариев заслуживает зафиксированный в толковых и переводных словарях чешского языка (PSJČ, SSJČ, VRČS) глагол

pracovat, который в современном чешском языке неупотребителен. Приведенные в PSJČ примеры его употребления почерпнуты из произведений XIX в. и информантами определяются как устаревшие. Некоторые информанты указали в качестве возможного образования рефлексивный глагол *pracovat si*, но ни один из словарей чешского языка его не приводит. В следующих предложениях русский делимитатив *поработать* переводится беспрефиксными глаголами и контекстными показателями ограниченности действия: **Поработаешь до конца месяца** – **Budeš pracovat do konce měsíce** (VRČS); ...**Пусть еще поработает Костя агитатором** (Бабель) – ...**At' pracuje Kost'a ještě nějakou dobu jako agitátor** (VRČS); **Не судьба, видно, вместе поработать** – **Jak je vidět, není nám souzeno pracovat spolu** (VRČS). В словацком языке такой дериват вполне употребителен: **Popracuješ tu trochu (jeden mesiac); Popracuj tu do konca mesiaca a potom uvidím.**

2.8.2.2. Функциональные эквиваленты русских делимитативов в западнославянских языках. Как следует из вышеизложенного, русские делимитативы могут находиться в отношениях функциональной эквивалентности по крайней мере с четырьмя чешскими и словацкими моделями: *po-*, *po- + si*, *za-*, *za- + si* и с тремя польскими: *po-*, *po- + sobie*, *za-*, так как модель *za- + sobie* представлена в польском языке лишь отдельными нерегулярными дериватами. Используются и другие средства для перевода русских делимитативов: бесприставочные глаголы, дериваты типа чеш. *na-* + *se*. Рассмотрим данный вопрос подробнее.

Если делимитативы образованы от многократных глаголов или глаголов, обозначающих звук, то более точными функционально-семантическими эквивалентами русских глаголов с приставкой *по-* выступают чешские квантовые нереклексивные модификации с приставкой *za-* (как правило, в сочетании с показателями кратности действия), например: **Оборотился лицом к образу, воздел руки, *попременал* губами и тихим шагом побрел в кабинет** – **Obrátil se tváří k ikoně, nábožně rozvedl ruce, zaševlil rty a potalým krokem se šinul do pracovny** (VRČS, Салтыков-Щедрин); **Лукьяныч вышел из дому... обошел бревно, *пощелкал*...** – **Lukjanůč vyšel z domu, obešel kládu a párkrát na ni zat'ukal** (VRČS, Панова); **Поерзав в кресле, он закурил, продолжал...** – **Zavrtěl sebou několikrát v křesle, zapálil si a pokračoval** (VRČS, Шолохов).

Русским глаголам с приставкой *по-*, выражающим малую интенсивность действия либо небольшой охват объекта (у объектных глаголов), в чешском языке часто соответствуют видовые приставочные корреляты в сочетании с показателями малой меры действия, ср.: **На брусничнике кое-кто попробовал присесть, *пощипать* ягоды, но**

Inam svupeno zatřas кулаком – Na místech, kde rostly brusinky, pokusili se někteří na chvíli dřepnout a natrhat si jich trochu, ale Ipat zuřivě zamával pěstí (VRČS, Фадеев).

Русские делимитативы, образованные от глаголов деятельности, часто переводятся на чешский язык квантово-прагматическими дериватами *za- + si*, ср.: *Впрочем, постреляли, пошумели, повешали, оглянулись – где же та революция? Нет ее!* (Солженицын) – *Trochu si zastříleli a zarátusili, sem tam někoho pověsili a kdepak je ta naše revoluce? Nikde!* (инф.); *Они немного пофилософствовали об этом сложном случае – Trochu si o tom složitém případě zafilozovali.* Соответственно чешские дериваты *za- + si* на русский язык чаще всего переводятся делимитативами, например: *Trošku jsme si zanádalvali na městskou policii a podali několik návrhů na efektivnější využití jejího času* (MFD. 24.07.98) – *Мы немного поругались на городскую полицию и сделали несколько предложений по поводу более эффективного использования ее времени.*

Словацкий язык здесь проявляет большое сходство с чешским, но все же употребление словацких делимитативов зафиксировано нами чаще, чем в аналогичных чешских примерах. Ср. функционально-семантические эквиваленты русских делимитативов в следующих чешских и словацких предложениях (показывающих в целом большую активность собственно-делимитативной модификации в русском языке): *Он немного поревновал и простил – чеш. Trochu si zažártil, ale nakonec odpustil // Trochu žártil, ale pak odpustil; словац. Chvíľu žiarlil a potom odpustil* (возможно и *chvíľu (si) požiarlil*); *Я его поагитировала, и он согласился – чеш. Chvíľi jsem ho přemlouvala, až si dal říct; словац. Trochu som ho agitovala (poagitovala) a súhlasil* (или *Poprehovárala som ho, až kým nesúhlasil*); *Хватим, побездельничали, пора и за дело – чеш. Tak dost, zalenošili jsme si, a teď zase do práce; словац. Dost, polenošili sme si, teraz treba pracovať; Я хочу поголодать, чтобы похудеть – чеш. Chtěla bych nějaký čas držet hladovku (hladovět) // Teď nebudu pár dní jíst, abych zhubla; словац. Chcem trochu hladovať, aby som schudla / Trochu si pohladujem* (разг.), *aby som schudla; Он недолго поцарствовал – чеш. Ten si moc nezaranoval; словац. Ten si dlho nezaranoval.*

Приведем немногочисленные в нашей картотеке примеры, когда русским делимитативам соответствуют чешские и словацкие дериваты с приставкой *po-*: 1) собственно делимитативы; 2) делимитативно-прагматические модификации:

а) *Он покатал меня на велосипеде – чеш. Povožil mě na kole; Он покатал детей на машине – словац. Povožil deti na aute; Они постоя-*

ли, **помолчали** и разошлись – чеш. *Chvilí mlčky postáli a pak se rozešli*; словац. **Postáli, pomlčali a rozišli sa**.

б) С ней сегодня никто не шутил, потому что перед вечером у ней помер ребенок. Она уже отплакала над ним и хотелось еще **поплакать** (Шмелев) – чеш. *Nikdo s ní dnes nežertoval, protože jí odpoledne zemřelo dítě. Už ho oplakala, ale potřebovala si ještě poplakat*.

Как мы уже отмечали, при поддержке контекста или интонации делимитативы в русском языке способны выражать и длительное действие, которое может вызывать как положительное, так и отрицательное отношение говорящего. В подобных контекстах в западнославянских языках используются другие средства, чаще всего сативная модификация чеш. *na- + se*, словац. *na- + sa*, пол. *na- + się*, модификация *vy- + se* (в чешском и словацком языках), из ограничительных дериватов – модель *za- + si*. Ср. русско-чешские и русско-словацкие соответствия, извлеченные из двуязычных словарей (VRČS, VSRS) и проверенные информантами: **Попили** нашей кровушки! – чеш. *Dost se nám napili krve!*; Я **посмеялась** вволю – чеш. *Nasmála jsem se ažaž*; Ну и **поблуждал-таки** я по лесу, прежде чем нашел дорогу – словац. *Ale som sa nablúdil po lese, kým som našiel cestu*; **Повоевали** и хватум – давай мириться – словац. *Dost' sme sa nabojovali – poterme sa*; У детей хороший аппетит, потому что они **порезвились** на воздухе – чеш. *Děti mají / dostaly pořádnou chuť na jídlo, protože si venku dost vyhrály (protože se venku dost vyřádily)*; словац. *Deti majú veľkú chuť do jedla, pretože si vonku zašantili / pošantili*.

В последнем чешском примере используется дериват *vyhrát si*, делимитативно-прагматическая модификация *pohrát si* вполне употребительна, но в данном случае не передает предполагаемую высокую степень интенсивности действия, приведшего к желаемому результату. Ср. также использование чешской и словацкой интенсивно-результативной модификации с префиксом *vy-* для передачи русского эмоционально окрашенного предложения с делимитативом, который в русском языке позволяет передать различное отношение говорящего и деятеля к действию (что нам не удалось выразить в чешском и словацком переводных предложениях): **Американцы** и после первой, четырнадцатого года, войны Европы **будь здоров пограбили** (Назаров) – чеш. *Američané i po první světové válce Evropu pořádně vykradli*; словац. *Američania aj po prvej svetovej vojne Európu poriadne vykradli* (инф.).

С высокой степенью эквивалентности всю гамму рационально-количественных и прагматических оценок русских делимитативов в чешском и словацком языках передает квантово-прагматическая модификация *za- + si*, например интенсивность действия при положительном к нему отношении: **Сегодня мы поохотимся** вволю – чеш.

Dnes si pořádně zalovíme; словац. *Dnes si dosýta / do vôle zalovíme* (разг.); В этом году мы **походили** за грибами! – чеш. *Letos jsme si ale zahoubařili!*, ср. словац. *Tohto roku sme mnoho hubárčili!*

Интересно сопоставить разные коннотации русских делимитативов *повоевать* и *побороться* в двух следующих примерах, в первом из которых представлено уважительное отношение говорящего к обозначаемому действию, а во втором – ироничное, когда делимитатив подчеркивает непродолжительность и несерьезность действия в ситуации, требующей основательности и больших усилий. В чешских эквивалентных переводах используются в основном бесприставочные глаголы в сочетании с лексическими средствами контекста. Ср.: *Кто же они, эти социально незащищенные? А это те, кто по 40 лет отработал за нашу страну за гроши, да повоевал за нее, да порастряс на ее дорогах силы и нервы* (Независимая газета. 16.09.92) – *Kdo jsou všichni ti sociálně nezajištění? Jsou to ti, co pro tuto zemi dřeli 40 let za babku a bojovali za ni a poztráceli na jejích cestách sílu a nervy*; Мы ведь знаем, как мало нужно народу, по мнению X. [Хасбулатова]. Немного хлеба, чуть-чуть масла, ну и обещание **побороться** с коррупцией (МК. 10.06.93) – *Dobře víme, jak málo podle Ch. lid potřebuje: trochu chleba, špetku másla, no a taky slib, že vláda zatočí s korupcí.*

Польские собственно делимитативы намного частотнее чешских и словацких, поэтому при сопоставлении русско-польских эквивалентов польские информанты во многих случаях выбирали производный глагол с приставкой *po-*. Ср.: *Я могу здесь посидеть, подождать директора?* – *Czy mogę tu posiedzieć i zaczekać na dyrektora?*; Мне удалось поработать в этой библиотеке – *Udało mi się popracować w tej bibliotece*; Еду туда покататься на лыжах – *Jadę tam pojeździć na nartach*; Он любит пофилософствовать, потеоретизировать, поспорить – *Lubi pofilozofować, poteoretyzować, podyskutować*; Мне надо похудеть, хочу несколько дней поголодать – *Muszę schudnąć, chcę kilka dni pogłodować*; Мы немного подышали свежим воздухом – *Pooddychaliśmy świeżym powietrzem.*

В следующих примерах эквивалентом русских делимитативов выступают польские делимитативно-прагматические модификации, эксплицитно выражающие положительное отношение к обозначаемому действию: **Поплачь, легче станет** – *Popłacz sobie, będzie ci lżej*; Я сегодня **побродила по лесу!** – *Ale sobie połąziłam po lesie!*

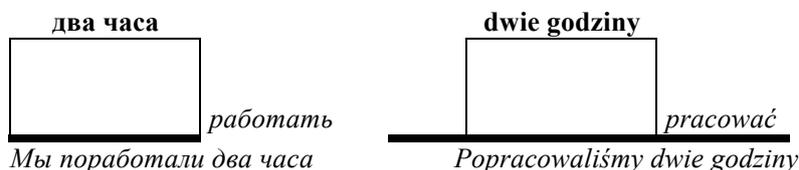
Как и в русском языке, в польском собственно делимитативы могут употребляться для обозначения длительных и неприятных действий (при поддержке контекста, акцентирующего их окончание), например: **Повоевали и хватум!** – *Powalczyliśmy i wystarczy!*; **Хватум! Покомандовала!** – *Wystarczy! Porządziła!*

В приводимых ниже примерах, в которых речь идет о неприятных и длительных действиях, русским делимитативам в польских переводах могут соответствовать либо беспрефиксные глаголы, либо сативные модификации *na-+ się*, ср.: *Нам пришлось вчера **повозиться** с машиной – Musieliśmy wczoraj **męczyć się** przy samochodzie; Я поблуждала по лесу, прежде чем нашла дорогу – **Nabłądziłam się** po lesie, zanim znalazłam drogę.*

2.8.2.3. Различия в фазисно-временной семантике делимитативов. Во всех славянских языках дериваты с приставкой *po-* (*po-*) выражают действие, ограниченное временными рамками, но не доведенное до конца, до результата (причем продолжительность действия часто оценивается как незначительная). Отсюда невозможность предложений типа **Я почитал книгу до конца; *Попил молоко до дна; *Poczytał książkę do końca; *Popił mleko (mleka) do dna; ?Сколько ты уже почитал? *Ile już poczytałeś, popiłeś?* [Śmiech 1986: 24].

В русском языке делимитатив, как правило, не может быть употреблен в контексте, содержащем указание на продолжение выражаемого им действия. Ср.: **Мы посидели в приемной час и в пять часов еще продолжали здесь сидеть; ?Мы поработали два часа и продолжаем работать.* Данные предложения воспринимаются как аномальные либо маловероятные, тогда как в польском языке аналогичные предложения, по мнению всех опрошенных информантов, не являются невозможными или странными. Ср.: *Posiedzieliśmy dwie godziny i o piątej jeszcze tutaj siedzieliśmy; Popracowaliśmy dwie godziny i pracujemy dalej.* Ср. также: **Я почитал час и продолжаю читать – Poczytałem godzinę i czytam dalej; *Я почитал эту книгу часок и продолжал ее читать – Poczytałem tę książkę godzinę i czytałem dalej.* Эти сконструированные предложения свидетельствуют о том, что расхождения в фазисно-временной семантике русских и польских делимитативов определяются различным представлением конечной границы действия: в русском языке конечный предел выражает, как правило, прекращение действия, в польском же он указывает лишь на границу интервала, заполненного действием.

Схематично семантические различия между русскими и польскими делимитативами можно продемонстрировать следующим образом:

Чешский и словацкий языки в этом отношении проявляют значительное сходство с польским. В обоих языках более вероятны, чем в русском, предложения с делимитативом, содержащие указание на продолжение обозначенного им действия, ср.: чеш. *Pavel pobyl u příbuzných celé léto a zůstal tam pak i přes podzim*; словац. *Pavel pobudol u príbuzných celé leto a zostal tam ešte aj na jeseň* – Павел пробыл (букв. побыл) у родственников все лето и остался там потом еще и на осень; чеш. *Pár hodin jsme nad tím sice už poseděli, ale přece jen v tom pokračujeme dál*; словац. *Už sme si pár hodín nad tým posedeli, ale predsa len v tom pokračujeme ďalej* – Хотя мы просидели (букв. посидели) над этим уже несколько часов, тем не менее все еще продолжаем сидеть; чеш. *Pár týdnů si už v nemocnici poležel a ještě si tam nějaký ten den poležít*; словац. *Pár týždňov si už v nemocnici poležal a ešte si tam nejaký ten deň poleží* – Несколько недель он уже в больнице пролежал (букв. полежал) и еще день-другой полежит (пролежит). Как мы видим, в русских переводах предпочтение отдается пердуративам. В чешском языке в подобных предложениях семантические различия между делимитативами и пердуративами типа *pobýt / probýt, posedět / prosedět, poležet / proležet* минимальны, например: *Proseděli (ср. poseděli) jsme v ordinaci celé odpoledne a v šest jsme pořád ještě nebyli na řadě* – Мы просидели в поликлинике всю вторую половину дня, и в шесть вечера наша очередь еще не подошла.

Из всего вышеизложенного вытекает вывод, что делимитативы в русском языке выражают не только ограниченное временными пределами гомогенное действие, но и действие, завершённое при данных обстоятельствах, тогда как в западнославянских языках глаголы с приставкой *po-* выражают действие, заполняющее данный временной отрезок и им ограниченное, но способное продолжаться и за его пределами, причем если указаний на продолжение нет, то оно воспринимается как законченное.

2.8.2.4. Делимитативы и видовая парность в славянских языках. Очевидно, с фазисно-временной семантикой связаны и другие различия между русским и рассматриваемыми западнославянскими языками в употреблении делимитативов. В русском языке отмечена функциональная активность приставки *po-* с ограничительным значением, которая по своим функциям сближается с результативными приставками. Глаголы деятельности с приставкой *po-* в русском языке могут выражать достижение частичного результата, вызывающего окончание действия в данной конкретной ситуации. Поэтому отличительной особенностью русского языка мы считаем приближение делимитативов, образованных от глаголов целенаправленной деятельности, к видовым коррелятам. На первый план значения такого глаго-

ла выступает не представление об ограниченной длительности, а семантический элемент окончания действия, которое может оцениваться с точки зрения его результата (*хорошо, плохо*).

В чешском, словацком и польском языках делимитативы, не обладающие ярко выраженной семантикой окончания действия, в подобных случаях употребляются значительно реже, чем в русском. Ср.: *Сегодня мы хорошо поработали, надо и отдохнуть* – чеш. *Za dnešek jsme toho dost udělali* // *Dnes nám práce šla od ruky*; словац. *Dnes sme toho dost' urobili* // *Dnes sme si dobre popracovali* (разг.); пол. *Napracowaliśmy się, trzeba odpocząć* // *Już popracowaliśmy*; *Мы уже попренировались, идем домой* – чеш. *Dneska jsme se už dost pocvičili jdeme domů*; словац. *Už sme si zatrénovali, ideme domov*; пол. *Już natrenowaliśmy się* // *Już dość potrenowaliśmy idziemy do domu*. «*Андрей, тебе надо заниматься*». – «*Я уже позанимался, теперь хочу посмотреть телевизор*» – словац. «*Andrej, musíš sa viac učiť*» – «*Už som sa učil* // *poučil* (разг.), *teraz chcem pozerať televíziu*»; *Мы сегодня хорошо покатались на коньках* – словац. *Dnes sme si dobre zakorčuľovali* // *Dnes sme sa dobre pokorčuľovali*; *Сегодня я уже поупражнялась, пойду погуляю* – пол. *Dzisiaj już ćwiczyłam* (реже *poćwiczyłam*), *rójdę na spacer*; *Мы уже погуляли, идем домой* – пол. *Nachodziliśmy się, już idziemy do domu*; *Мы хорошо погуляли* – пол. *Dobrze nam się spacerowało*; *Мы сегодня вместе хорошо позанимались английским* – пол. *Dobrze nam się dziś pracowało nad angielskim*.

В русском языке вопрос о факте совершения той или иной деятельности в прошлом может иметь два варианта – без акцента и с акцентом на завершении действия, и в последнем случае употребляется делимитатив, ср.: *Ты уже читал?* // *Ты уже почитал?*; *Вы уже играли* // *поиграли?* *Больше не хотите?* В польском языке, по мнению всех опрошенных информантов, вопрос **Poczytałeś już?* маловероятен, здесь уместнее употребление беспрефиксного глагола (*Już czytałeś?*) либо делимитатива с формантом *sobie*, ср.: *Poczytałeś już sobie (i chciałbyś zwrócić książkę?)*. Из двух возможных вариантов *Pograliście?* / *Nagraliście się?* как более употребительный отмечен последний. Ср. аналогичные польским словацкие эквиваленты: *Už si čítal?* / *Už ste sa pohrali?*

Глаголы деятельности с приставкой *po-* в качестве видового коррелята в русском языке употребляются в императиве при выражении вежливого или нейтрального побуждения к действию. Соответствующие беспрефиксные глаголы выражали бы категоричность побуждения, ср.: *Почитай* / *Читай мне сказку!* *Покатай* / *Катай меня на велосипеде!* Такое употребление делимитативов характерно и для западнославянских языков. Но если сопоставить использование в императиве русских и чешских делимитативов, то в чешском языке оно окажется менее частотным, чем в русском. В этом отношении ближе к

русскому стоит польский язык. Ср.: *Посиди здесь, помолчи* – чеш. *Sed' chvíli a mlč*; словац. *Posed' si tu a mlč* (разг.); пол. *Posiedź tu i milcz*; *Почитай мне сказку* – чеш. *Přečti mi tu pohádku // Tak mi už čti tu pohádku*; словац. *Čítaj // Prečítaj mi rozprávku*; пол. *Przeczytaj / Poczytaj mi bajkę*; *Поплачь, легче станет* – чеш. *Poplač si, uleví se ti*; словац. *Poplač si, bude ti ľahšie*; пол. *Popłacz sobie, będzie ci lżej*; *Понаблюдай за ним!* – пол. *Popilnuj go!*; словац. *Popozeraj sa po ňom!*; *Покамай меня на велосипеде!* – пол. *Przewieź / powoź mnie na rowerze!*

Й.Крекич объясняет распространённость в русском языке императивов с приставкой *по-* типа *Поспи часок! Поиграй, поиграй! Давай поболтаем немного...; Давайте помечтаем!* «положительной заряженностью» делимитативов, которые побуждают адресата к приятному индивидуальному или совместному действию [Крекич 1989: 152]. Отметим, что значение удовлетворения или удовольствия от действия в императивных конструкциях выражается далеко не всегда, ср.: *Поищите в шкафу!*; *Посиди и подожди меня здесь!*; *Понеси ребенка на руках, чтобы он успокоился!*; *Покричи, будет не так больно!* Однако во всех случаях делимитатив в форме императива смягчает побуждение. В большей степени выражена «положительная заряженность» русских делимитативов в формах простого будущего в предложениях типа *Посплю малость; Теперь почаевничаем, да поговорим; У Турбопева поиграем, попоем* (Горький). «Делимитативными формами простого будущего говорящий выражает свою установку на совершение действия... в выполнении которого он находит удовольствие» [Крекич 1989: 150].

Такое употребление делимитативов в русском языке способствует развитию у них функций парных глаголов. Для западнославянских языков формирование видовых корреляций за счет делимитативов не характерно. Так, в чешском языке использование форм с приставкой *po-* в императиве и для выражения будущего не влияет на продуктивность делимитативных модификаций и существует как бы помимо них. Формы императива с приставкой *po-* могут использоваться и при отсутствии соответствующих инфинитивов СВ с приставкой *po-*, ср. *poslyš* (*poslyšet), аналогично: *pojď, pojed', polez ven, pocestuj, poběžte, pones*. Известно, что при помощи префикса *po-* в чешском языке от глаголов движения образуется особая синтетическая форма будущего несовершенного вида – *poběžím, pojedu, poletím, půjdu, ponesu*, не соотносящаяся с соответствующими формами инфинитива и прошедшего времени (**poběžet, *poběžel, *pojet, *pojel* и т.д.), причем форма аналитического будущего от большинства названных глаголов не образуется. Однако в чешском языке существует группа глаголов перемещения, имеющих две формы будущего времени – простую и анали-

тическую: *pocestuji / budu cestovat* (поеду в путешествие – буду путешествовать); *polezu – budu lézt* (полезу – буду лезть); *poteče – bude téci* (потечет – будет течь); *pomaširuje – bude maširovat* (замарширует – будет маршировать); *pokulhá – bude kulhat* (захромает – будет хромать) [Кореџný 1962; Piernikarski 1975: 43–44]. Подсистема глаголов движения словацкого языка очень близка чешской [Исаченко 1960], за исключением небольшого отличия, отмеченного нами в разделе 2.6.2 данной главы, а также того факта, что в словацком языке существует ряд инфинитивов глаголов движения с приставкой *po-*: *poletieť, pobežať, poniesť*. Однонаправленные глаголы типа *poexať – pojechať* в польском языке, по наблюдениям польских лингвистов, обладают рядом особенностей, отличающих их от типичных глаголов СВ. Так, В.Смех сравнивает таксисную семантику глаголов направленного и ненаправленного движения, имеющих префикс *po-*. Ср.: (1) *Gdy pochodzi do szkoły, to może zmądrzeje* – Когда он походит в школу, может, поумнеет; (2) *Gdy popływa, odpocznie* – Когда он плывет, отдохнет; (3) *Gdy popłynie, odpocznie* – Когда он поплывет, то отдохнет; (4) *Gdy pojedziemy do Warszawy, to o tym porozmawiamy* – Когда мы поедим в Варшаву, то об этом поговорим. В первых двух польских предложениях (так же как и в их русских переводах) выражается последовательность действий главного и придаточного предложений, а в предложениях (3) и (4) – одновременные действия, что позволяет В.Смеху соответствующие польские глаголы однонаправленного движения рассматривать как бы на границе глаголов СВ и НСВ [Śmiech 1986: 23; Piernikarski 1975: 44]. В русской лингвистике глаголы типа *поехать, побежать*, несмотря на то что они обладают теми же особенностями, что и польские дериваты, трактуются как обычные глаголы СВ. В чешском языке, как мы уже отмечали, формы *pojedu, poletím*, по мнению большинства лингвистов, представляют собой глаголы НСВ, а именно особую форму будущего простого от глаголов НСВ *jet, letět* (ехать, лететь).

Итак, русский язык идет по пути расширения видовой парности, но не столько за счет вторичной имперфективации, сколько за счет сближения делимитативов с видовыми коррелятами. Это сближение связано с функционированием видов в повествовательных текстах, при обозначении кратных действий, в императиве. В западнославянских языках, где закономерности употребления видов иные, нет внутренних причин для развития у глаголов с приставками *po-* и *za-* функций видовых коррелятов.

2.8.3. Длительно-ограничительные и ограничительно-квантовые модификации в русском языке в сопоставлении с западно-

славянскими. Пердуративные модификации в русском и западнославянских языках обнаруживают большие сходства. Анализ контекстов с пердуративами и проведенный лингвистический эксперимент показали полное соответствие их фазисно-временной семантики в русском и других сопоставляемых языках: данные дериваты выражают охват деятельностью или процессом временного интервала от начальной границы до конечной. Заполнение действием определенного промежутка времени не означает, что по истечении этого промежутка действие должно прекратиться – при поддержке контекста пердуративы во всех сопоставляемых языках могут сочетаться в рамках одного предложения с указанием на продолжение действия за пределами отмеченного временного интервала. Ср.: Он **прослужил** на этой заставе целый год и осенью 1987 года продолжал еще там служить – пол. On **przesłużył** na tej placówce cały czas i jesienią 1987 roku dalej kontynuował tam służbę. Я **просидел** у него в приемной целый час и продолжал сидеть, хотя у меня было большое желание уйти – пол. **Przesiedziałem** u niego całą godzinę i dalej siedziałem, chociaż miałem chęć wyjść; Мы **просидели** над этим несколько часов и продолжаем сидеть – чеш. **Proseděli** jsme nad tím pár hodin a pokračujeme dál.

Отметим различия в мотивирующей базе и сочетаемости данных дериватов в сопоставляемых языках.

В чешском языке результативное и длительно-ограничительное значения, как правило, выражаются разными префиксами, например: *протанцевать всю ночь* – *protancovat / protančit celou noc*, *протанцевать вальс* – *přetancovat / přetančit valčík*. В словацком оба этих значения связаны с префиксом *pre-*, но при наличии результативного деривата пердуратив, как правило, не образуется. Омонимия препятствует образованию пердуративов в западнославянских языках в большей степени, чем в русском.

Мотивирующая база длительно-ограничительных производных в русском языке в целом шире, чем в западнославянских: данные дериваты, особенно в разговорном языке, более регулярно образуются от нетерминативных глаголов деятельности, поведения, а кроме того, данную модификацию в русском имеют и некоторые терминативные глаголы, выражающие физические действия. Ср. перевод на чешский и словацкий языки ряда русских длительно-ограничительных дериватов: *пронянчиться с ним все это время* – чеш. *párat se, pīplat se s ním celou tu dobu*; *пропахать весь день* – чеш. *strávit oráním celý den, orat celý den*; словац. *orať celý deň*; *продрожать от страха всю ночь* – чеш. *třást se strachem celou noc*; словац. *triasť / pretriasť sa strachom celú noc*; *пробушевать весь вечер* – чеш. *zuřit, řádit celý večer*; словац. *zúrit' celý večer*; *пролечить кого-либо (разг.) два месяца* – чеш. *léčit dva měsíce*; словац. *liečiť dva mesiace*; *промыть (разг.) два часа посуду* –

чеш. *mýt nádobí dvě hodiny*; словац. *umývať dve hodiny riad*; проварить (разг.) целый день – чеш. *provařit celý den, strávit vařením, u plotny celý den*; словац. *celý deň stráviť varením*; провозить несколько часов – чеш. *vozit několik hodin*; прогладить (разг.) целый день – чеш. *zabývat se žehlením celý den* (но разг. чеш.: *Celý den jsem prožehlila*; словац. *Prežehlila som celý deň* – Я целый день прогладила).

Как представляется, польский и словацкий языки здесь ближе русскому, чем чешский, ср.: прожить два года – пол. *przeżyć, przemieszkać dwa lata*; словац. *prežiť tam dva roky*; чеш. *žít, prožít tam dva roky*; проиграть целый день – пол. *przegrać cały dzień*; но: словац. *hrat' sa celý deň*; чеш. *hrát si celý den*; проскакать целый вечер – пол. *przeskakać cały wieczór*; словац. *preskakať celý večer*. Кроме того, нами было установлено, что пердуративы в чешском языке, как правило, не употребляются от неактивных глаголов, выражающих положение в пространстве неживых предметов, физические процессы и состояния. Ср.: Инструменты **провалялись** во дворе все лето – *Nástroje se povalovaly venku celé léto* (VRČS); Трактора **простояли** без дела целое лето – чеш. *Traktory stály nečinně po celé léto* (VRČS); словац. *Traktory stáli nečinne celé leto*; Письмо Энгельса 36 лет **пролежало** под сукном – чеш. *Engelsův dopis ležel 36 let v zásuvce* (VRČS).

Отмеченная закономерность, на наш взгляд, подтверждает обоснованность толкования чешских и словацких пердуративов как ‘провести определенное время за обозначенной деятельностью’, что свидетельствует о переходном модификационно-мутационном характере чешских ограничительных дериватов с приставкой *pro-*.

Русский язык отличает от западнославянских свободная сочетаемость пердуративов с временными показателями конечной границы действия: в западнославянских языках сочетаемость рассматриваемых дериватов с именной группой, включающей предлог *do*, как правило, невозможна. При необходимости указать на эту границу используется либо беспрефиксный глагол, либо делимитатив. Например: Соловей **пропел** до утра – пол. *Ślowik śpiewał do rana*; чеш. *Slavík zpíval až do rána*; словац. *Slávik spieval až do rána*; Мы **просидели** до утра – чеш. *Seděli jsme až do rána*.

В чешском и словацком языках вторичные имперфективы от пердуративов не образуются. По данным З.Н.Стрекаловой, они регулярнее, чем в русском, образуются в польском языке [Стрекалова 1979: 214]. В русском языке длительно-ограничительные модификации отдельных базовых глаголов могут быть выражены при помощи других приставок: *вы-*, *от-*. В чешском и словацком языках в этих случаях используются, как правило, дериваты с приставками *pro-*, *pre-*, в польском – кроме пердуративов дериваты с префиксом *nu-*. Ср.: Мы

отстояли там целый день – пол. *Przestaliśmy tam cały dzień*; чеш. *Prostáli jsme tam celý den*; словац. *Prestáli sme tam celý deň*; Он выстоял под ее окном чуть ли не всю ночь – пол. *Przestał / wystał* (ср. *wystawał*) *pod jej oknemomalże całą noc*; чеш. *Prostál pod jejím oknem skoro celou noc*; словац. *Prestál pod jej oknom skoro celú noc*.

А.А.Караванов отметил в русском языке ряд контекстов, в которых пердуратив может употребляться без временного детерминанта [Караванов 1991]. В нашей картотеке также есть примеры типа *Ну, мы там и просидели! Ну, мы там и прождали!* В подобных предложениях речь идет об имплицитном выражении продолжительного периода, занятого действием, то есть подразумевается *долго просидели, прождали* и т.д. В чешском и словацком языках при обозначении длительного и нежелательного ограниченного действия, как мы уже отмечали, может быть употреблена делимитативно-прагматическая модификация *po- + si*, например: *Он пролежал в больнице целый месяц – Poležel si v nemocnici celý měsíc*.

Ограничительно-квантовые модификации, представленные дериватами с приставкой *pro-* типа *прогреметь*, в русском языке менее продуктивны, чем в западнославянских; они позволяют наиболее точно перевести с западнославянских языков, в частности с чешского, на русский квантовую модификацию с префиксом *za-*. Ср.: *Zahřmělo – Прогремел гром*; *Kola zadrnčela na styku kolejnic – Колеса продребезжали на стыках рельсов*; *Zacinkal zvonek – Прозвенел звонок*; *Zabzučela včela – Прожужжала пчела*; *Zadrmolil své jméno – Он пробормотал свое имя*.

3. Акциональные начинательные модификации

3.1. Общая характеристика

Семантика начинательности и система средств ее выражения в сопоставляемых языках менее сложны, чем у рассмотренных выше ограничительных модификаций, что позволяет нам проводить сопоставительный анализ без подробного описания выражения начала действия в каждом языке, уделяя особое внимание русскому языку, в котором эта семантическая область наиболее дифференцирована.

Начало действия в сопоставляемых языках выражается как аналитически при помощи фазисных глаголов (*начать работать* – чеш. *začít pracovat*, *начать смеяться* – словац. *začať sa smiať*), так и в рамках глагольного слова при помощи формантов *za-*, *po-*, *voz-* (*voz-*, *vos-*), *roz-* (*pac-*) *-cya*, *za-*, *po-*, *roz-* + *se*, *roz-* + *sa*, *roz-* + *sič*.

В данной работе анализируются наиболее употребительные дериваты с приставками *za-*, *po-*, *raz-* *-ся* и их западнославянские функциональные эквиваленты. Между сопоставляемыми языками имеются системные различия в выражении начального фазиса действия. В частности, семантика префикса *za-* в западнославянских языках существенно отличается от значения соответствующей приставки *za-* в русском языке. Дериваты с приставкой *za-* выражают ограничительно-квантовую модификацию, допускающую (в отдельных западнославянских языках в разной степени) в определенных условиях контекста актуализацию начального момента действия. Поэтому, как мы уже отмечали, западнославянские дериваты с приставкой *za-* анализируются в двух разделах, посвященных соответственно ограничительным и начинательным модификациям.

Прежде чем перейти к рассмотрению семантических и функциональных сходств и различий при выражении начального фазиса действия в русском, чешском, словацком и польском языках, необходимо проанализировать семантику глагольной начинательности.

3.2. Трактовка семантики начинательности в славистике

Начинательная модификация в лингвистической литературе рассматривается как в системе глагольных словообразовательных значений, так и в рамках СГД. Наиболее подробно глагольная начинательность описана в русском языке: начинательным префиксам посвящена обширная литература (ее обзор см. в [Волохина, Попова 1993]). В некоторых работах речь идет о едином, неразграниченном значении начинательности [Шелякин 1983; Храковский 1987: 155–162]. По нашему мнению, модификационное значение начала действия в славянских языках неоднородно. В русском языке выделяют два варианта начинательности: инхоативное и ингрессивное, см. [Виноградов 1972: 419; Авилова 1976: 273–283; Шелякин 1969: 3; Земская 1955: 13; Исаченко 1960; РГ 1980: 597; и др.], причем разграничение таких вариантов связано с формальными различиями – с разными префиксами.

Инхоативное значение трактуется как «приступ к дальнейшему действию, обладающему длительностью» [РГ 1980: 597], и соотносится, как правило, с приставкой *za-*. Во всех работах отмечается, что такие глаголы всегда могут быть истолкованы сочетанием 'начать делать что-либо': *заходить* 'начать ходить', *заговорить* 'начать говорить'. В.В.Виноградов отмечает, что инхоативное значение, вносимое приставкой *za-*, «чаще всего развивается в глаголах, обозначающих звуковое явление, речь, в глаголах движения (в разные стороны, в

разных направлениях), в глаголах психического переживания и их внешних проявлений» [Виноградов 1972: 419].

Ингрессивная начинательность определяется как «достижение результата в процессе возникновения явления» [Виноградов 1972: 419], «начало и продолжение действия в едином целом» [РГ 1980: 596–597] и связывается с приставками *по-*, *вз-*, *воз-* и конфиксом *раз-/рас-* -ся. В «Русской грамматике» (1980) в примечании указывается, что ингрессивную начинательность могут выражать и глаголы с префиксом *за-*, например: *Петух вдруг закричал и хлопотливо захлопал крыльями* [РГ 1980: 597].

Й.Крекич также использует данные термины, но понимает их по-другому: «...ингрессивная функция имплицитно подразумевает продолжение действия; инхоативная функция имплицитно подразумевает начало нового состояния аспектуального актанта» [Крекич 1989: 48]. В качестве инхоативных, или неточно-начинательных, глаголов Й.Крекич рассматривает следующие: *заболеть / заболевать, загореться / загораться, закипеть / закипать, вскипеть / вскипать*; в качестве же ингрессивных, или точно-начинательных, – *засмеяться, захрапеть, почувствовать, зашагать, заморгать*.

Ю.С.Маслов в болгарском языке выделяет одно начинательное значение – ингрессивное, поясняя, что термин «ингрессивный» представляется ему более удачным, так как термин «инхоативный» для многих лингвистов ассоциируется с группой глаголов, обозначающих постепенный переход в состояние, выраженное соответствующим корнем [Маслов 1956: 178–179; 1959: 184]. К.Иванова, описавшая систему СГД в болгарском языке, относит ингрессивный СГД к количественным СГД, так как соответствующие глаголы выражают переход от нуля к наличию действия [Иванова 1974: 94].

Вслед за русской традицией инхоативный и ингрессивный СГД выделяет в своих русско-словацких сопоставительных работах Э.Секанинова, причем в монографии 1980 г. ингрессивное значение выступает как подтип инхоативности [Sekaninová 1980: 80–82], а в монографии 1993 г. речь идет уже о двух разновидностях начинательности, для выделения которых основание дает русский материал [Sekaninová 1993]. Э.Секанинова подчеркивает, что «в русском языке инхоативный СГД выражается приставкой *за-*, ингрессивный СГД – приставкой *по-*, тогда как в словацком языке оба СГД выражаются лексически» [Sekaninová 1993: 120–122]. В «Грамматике словацкого языка» в перечне СГД называется единый начинательный СГД, который проиллюстрирован глаголом с приставкой *za-* (*zavrčat'*) [Morfológia 1984: 139]. Авторы «Русской грамматики» (1979) (соответствующий раздел написан З.Скоумаловой) выделяют инхоативный (приставка *за-*) и

ингрессивный (приставка *po-*) СГД в русском языке, подчеркивая отсутствие соответствующих СГД в чешском, в котором первое значение передается аналитически, а второе – имплицитно, контекстными средствами [Skoumalová 1979: 249]. В «Грамматике чешского языка» (1986) начинательный СГД лишь упоминается без какой-либо конкретизации [Mluvnice 1986: 185]. Более сложная система начинательных значений представлена в ранней статье З.Скоумаловой (1968), посвященной сопоставительному анализу глаголов с приставками *za-*, *za-* в русском и чешском языках. Начинательное значение (связанное с начальной фазой действий / состояний) она делит на подтипы: инцессивный (начало состояния), ингрессивный (у глаголов однонаправленного движения) и инцидентный (*incidenční*) (интенсивное действие начато и продолжается как состояние: *разбушевался*), причем инцессивное значение понимается широко и охватывает большую часть глаголов с приставкой *za-* в русском языке [Skoumalová 1968: 212].

В «Грамматике польского языка» (1984) автор соответствующего раздела Г.Врубель использует термин «инхоативный», подчеркивая при этом, что интерпретация инхоативности во многом зависит от семантики соответствующего глагола. Он выделяет группу чистых инхоативов (*zaboleć, zachorować, zapachnąć*), которые являются эквивалентами сочетаний фазовых глаголов с инфинитивом; а во вторую группу начинательных глаголов (кстати, никак не названную) включает дериваты от глаголов звучания (*zagrzmieć, zakaszleć, zaplakać*), обозначающие кратковременные действия с актуализацией начального момента [Gramatyka 1984: 475].

Таким образом, как в терминах, так и в трактовке семантики начинательности в славистике нет единства.

Мы считаем целесообразным для сопоставительного исследования выделить столько подтипов начинательности, сколько их в целом выделяется в сравниваемых языках. В наибольшей степени это значение дифференцировано в русском языке, поэтому мы учитываем все типы начинательности, выделяемые в русском языке; при этом мы используем традиционные термины, то есть в данном случае будем говорить прежде всего об инхоативной и ингрессивной начинательности. Выделение двух вариантов начинательности в духе русской лингвистической традиции оправдано и отражает семантические различия между начинательными глаголами не только в речи, но и на уровне словаря. Для обозначения специфики семантики начинательных дериватов типа *болеть – заболеть / заболевать, кипеть – закипеть / закипать* воспользуемся термином чешских и словацких лингвистов – «инцессивные» (*incesivní*) глаголы [Исаченко 1960: 224; Skoumalová 1968: 212]. Инцессивные глаголы СВ с приставкой *za-* представляют

начало процесса как начало нового состояния актанта, а соответствующие глаголы НСВ – как становление этого нового состояния (более подробно о критериях выделения данного подтипа начинательной модификации см. ниже). Об особом значении дериватов с приставкой *за-* типа *забогатея, заболела, заспя* пишет Л.Андрейчин, определяя его как «полный переход в новое состояние» [Андрейчин 1949: 116].

Инхоативные глаголы выражают начало длительного процесса или деятельности. Их семантическую структуру представляет комплекс смыслов: [–процесс] начало, процесс (в квадратных скобках указываются имплицитные, в данном случае пресуппозитивные, без скобок – ассертивные смыслы). Ср.: *забегать по комнате, заиграть на скрипке*. Семантика данных приставочных глаголов приближается к значению конструкций с фазисными глаголами (ср. *забежал по комнате* = *начал бегать по комнате*).

Ингрессивные глаголы выражают начало действия так, что его продолжение после начала уходит как бы на второй план, контекст может данный элемент вообще подавлять, поэтому семантическая структура ингрессивов может быть представлена следующим образом: [– процесс] начало (процесс) (в круглых скобках указан неустойчивый элемент ассертивной части). Поэтому ингрессивные дериваты и аналитические конструкции с фазисным глаголом *начать* в семантическом отношении не являются полностью эквивалентными, например: (1) *Он почувствовал боль* / (1') *Он начал чувствовать боль*; (2) *Она закричала* / (2') *Она начала кричать*, так как предложения (1, 2) в отличие от (1', 2') могут выражать и кратковременные действия. Отметим, что в некоторых случаях замена ингрессивного деривата аналитической конструкцией вообще невозможна, это касается глаголов с приставками *по-*, *у-*. Так, *Побежал домой* нельзя заменить на **Он начал бежать домой*, хотя такая замена вполне вероятна при введении в предложение обстоятельств, указывающих на какие-либо изменения в движении, ср.: *Он побежал быстрее* = *Он начал бежать быстрее* (инхоативная начинательность).

Ингрессивы, по сравнению с инхоативами, характеризуются более широкими сочетаемостными возможностями и синонимическими связями, причем ингрессивы в этом отношении неоднородны. Поэтому считаем необходимым выделить собственно ингрессивы, для которых нехарактерна синонимия с аналитическими конструкциями (это в основном глаголы с приставками *у-* и *по-* типа *увидеть, побежать*), и ингрессивно-инхоативные глаголы (с приставкой *за-*), у которых тип начинательности полностью определяется контекстом.

Инцессивные глаголы НСВ (типа *заболеть, заскучать*) выражают «наступление нового состояния аспектуального актанта», что дало

основание Й.Крекичу именно по отношению к данным глаголам использовать термин «инхоативный», указывающий на семантическую связь рассматриваемых глаголов с глаголами типа *сохнуть, стареть*, по отношению к которым данный термин употребляется во многих зарубежных работах [Крекич 1989: 47–48].

3.3. Семантический анализ начинательных модификаций в русском языке

Разграничение вариантов начинательности особенно важно в сопоставительном исследовании, так как оно способствует выявлению тонких семантических различий между однотипными производными глаголами в русском и сравниваемых с ним языках. А.Зализняк считает, что собственно инхоативное значение должно отвечать трем условиям: «(i) приставка обладает максимальной степенью семантической самостоятельности; (ii) приставочный глагол обозначает начало именно той ситуации, которая описывается бесприставочным глаголом; (iii) бесприставочный глагол обозначает именно гомогенный процесс» [Зализняк 1995: 176]. Учет этих условий позволяет отграничить инхоативы от таких глаголов, как *заснуть, замолкнуть*, которые мы рассматриваем как инцессивы, но не дает оснований для различения инхоативности и ингрессивности, что необходимо в нашем сопоставительном исследовании.

Показателем инхоативности может служить, с одной стороны, наличие синонимии деривата и аналитической конструкции, включающей фазовый глагол, и, с другой – отсутствие его синонимии с квантовыми глаголами, имеющими приставку *про-* или суффикс *-ну-*. Если же такая синонимия возможна, то, очевидно, можно сделать вывод об ингрессивном (вернее, ингрессивно-инхоативном) характере соответствующего деривата. Глаголы речи и звука с префиксом *за-* типа *закричать, зашептать, зазвенеть* обычно рассматриваются в рамках инхоативности, но, по нашему мнению, их целесообразнее трактовать как ингрессивные, так как они могут быть синонимичны глаголам с префиксом *про-* или с суффиксом *-ну-*. Ср.: *Они уже пошли было, но я вдруг **закричал** (ср. крикнул, прокричал) и вслед: «Подождите!»* [Крекич 1989: 70; Авилова 1976: 281]. Ср. также: ***Загремел** (прогремел) гром и **засверкала** (сверкнула) молния*. Словари русского языка (например, МАС) при толковании начинательных глаголов типа *загреметь, зашептать* ограничиваются лишь аналитической конструкцией *начать греметь, начать шептать*, тогда как для более точной передачи семантики подобных глаголов необходимо использовать и синонимические дериваты типа *прогреметь, прошептать, шепнуть*. Показателем ингрессивности деривата с приставкой *за-* может слу-

жить также его свободная сочетаемость с контекстуальными средствами, сигнализирующими естественное прекращение действия сразу после начала. Ср.: *На миг вдали что-то зачернело; Загрохотало за лесом и сразу стихло; Она почувствовала мгновенную боль.* Инхоативным дериватам такое употребление несвойственно, ср.: *На мгновение он зашагал по квартире.*

Применение рассмотренных выше тестов позволило выявить следующие семантические группировки начинательных глаголов с приставкой *за-*. Помимо глаголов разнонаправленного движения и перемещения типа *забегать, зашагать, задвигаться*, называемых многими авторами, явную тенденцию к реализации инхоативного значения проявляют глаголы, выражающие начало:

1) деятельности, занятий – *заиграть на скрипке, запеть, заколдовать, заторговать, застолярничать.* Ср.: *Первыми заторговали торговли старым платьем* (Лейкин, БАС); *Запировал степной царь в юрте старшей жены* (Пришвин, БАС). Необходимо отметить, что начинательные модификации многих глаголов деятельности используются редко, причем, как правило, в разговорной речи и художественной литературе. Ср.: *Соседские племена завоевали друг с другом* (БАС); *Но берегись, чтоб, наконец, платя за хлеб-соль сердца злостью, не захозяничал жилец* (Вяземский, БАС); *С тех пор мужик забатрачил* (БАС); *Перекинув через плечо двухстволку, застранствовал... по окрестностям Зайниц... и других деревень* (Чехов, БАС); *Лето придет, мы запразднуем; тогда на нашей улице праздник будет* (Печерский, БАС); *Морозов снова зачертил что-то на бумажке* (Катерли, БАС);

2) образа жизни – *запьянствовать, закуролесить, занищенствовать.* Ср.: *В его дому, в большом посаде царском, на всем виду, богатою хозяйкой забарствую* (А.Островский, БАС); *И вот этот-то, бесспорно умный, с сильной волей человек вдруг запьянствовал* (Гл.Успенский, БАС);

3) природных (продолжительных) процессов – *заморосить, задождить, заштормить.* Ср.: *К вечеру заморосило; И в ведрое-то лето вязли колеса в колеях, а задождит – не вылезешь* (Бородин, БАС).

Склонность к ингрессивности в русском языке проявляют начинательные глаголы с приставкой *за-*, обозначающие:

1) зрительно, обонятельно, акустически воспринимаемые явления – *запахнуть, заблагоухать, зачернеть, забелеть; загрохотать, замаякать, заскрипеть, закричать;*

2) многоактное или колебательное движение – *замахать, заморгать, задрожать, завибрировать.* Ср.: *Он замахал нам рукой, чтобы мы вернулись; Собака завилыла хвостом; Зал задрожал от аплодис-*

ментов; *Завибрировала* дюралевая обшивка самолета; Блеснула, *затрепыхала* далекая молния (Шишков, БАС);

3) внутреннее состояние или физическое недомогание, ср: *Ее зазнобило*; *У меня заломило в спине*; *У меня что-то запершило в горле* (Куприн, БАС); *У Павла в глазах даже зарябило от быстрой езды*; *У него зачесалась спина*; *Ольга Львовна смутилась, заколебалась: брать или не брать* (Марков, БАС). Отметим, что группы глаголов, обозначающих чувственно воспринимаемые явления и многоактные действия, проявляют наибольшую регулярность сочетания с приставкой *за-*.

Для определения инцессивного значения также существуют парадигматические и синтагматические критерии. Парадигматическим критерием служит возможность образования вторичного имперфектива типа *заболевать*, *закипать*, *засыпать*, *загораться*, *задремывать* и т.п. Как мы отмечали, образование глаголов НСВ от инфинитивов и ингрессивов крайне редко (исключение: *запеть* (инх.) – *запевать*, например *Хор дружно запекает*). Семантика постепенного становления нового состояния позволяет вторичным имперфективам с приставкой *за-* сочетаться с начинательными глаголами, ср.: *заболевать* – *Я начинаю заболевать*; *задремывать* – *Он начинает задремывать*; *засыпать* – *Я начинаю засыпать*; *закипать* – *Вода начинает закипать* и др. Заметим, что критерий сочетаемости начинательного деепричастия с приставкой *за-* с фазисным глаголом особенно существен для болгарского языка, в котором практически от любого начинательного глагола СВ возможно образование вторичных имперфективов, но с фазисным глаголом сочетаются лишь инцессивные глаголы. Ср.: *започва да закипава (начинает закипать)*, *започва да заспива (начинает засыпать)*, но: **започва да завалява, заиграва, заотваря, замолвам, зашумявам* [Киева-Шверчек, Лашкова 1978]. К инцессивным глаголам близки начинательные глаголы с приставкой *за-*, обозначающие внутреннее состояние субъекта и не имеющие вторичных имперфективов, например *затосковать*, *загрустить*. Синтагматическим критерием для выделения инцессивного значения здесь служит сочетаемость с показателями постепенного наступления действия и степени реализации состояния – *пнемногу*, *постепенно*, *совсем* и т.п., ср. [Крекич 1989: 49–50], например: *Она совсем загрустила, затосковала, развеселилась*; *Ребенок быстро заскучал*. Начало нового состояния в русском языке может быть выражено и суффиксацией, вернее – меной суффиксов. М.Я.Гловинская выделила в качестве одного из регулярных семантических типов видового противопоставления в русском языке тип «быть в состоянии» (НСВ) / «начать быть в состоянии» (СВ): *обижаться – обидеться*, *понимать – понять* [Гловинская 1982: 92].

Начинательные дериваты *раз-* / *рас-* -ся в русском языке также не являются в семантическом отношении однородными, что, в частности, демонстрирует анализ толкований данных глаголов в МАС: *рассмеяться* 'начать сильно смеяться', *раскричаться* 'начать кричать все сильнее и сильнее', *разволноваться* 'прийти в состояние сильного волнения, беспокойства', *раскашляться* 'начать сильно и долго кашлять' и под. Данные дериваты и их семантическая неоднородность были предметом анализа во многих публикациях (см., например, [Карунц 1987; Бабенко 1984; Волохина, Попова 1993: 90–91]). В зависимости от их лексического значения и контекста данные глаголы выражают (в разной комбинации) семы начинательности, интенсивности, усилительности, продолжительности и чрезмерности. При помощи эксперимента с расширением контекста можно объективировать наличие (или отсутствие) той или иной семы. Например, глаголы типа *разболеться*, *разговориться* выражают усиление проявления действия с определенного момента, не обязательно начального, о чем свидетельствует возможность их употребления в контексте, уже содержащем указание на начало действия. Ср.: *Встретил в магазине нового соседа, заговорили о погоде, потом **разговорились**, и выяснилось, что мы учились в одной школе в Саратове; Я заболел вчера, простыл, боюсь **разболеться** (усилительная, или эволютивная, начинательность)*. Ср. также: *У него **разболелась** голова, наверное – от солнца, и он уверял, что теперь, конечно, **расхворается*** (Федин, МАС). Подобное употребление невозможно или неестественно для глаголов звучания или проявления психического состояния типа *расплакаться*, *разреветься*, *расхохотаться*, *разохаться*, выражающих ингрессивное или инхоативное начало интенсивного действия: нельзя сказать **Она плачет уже несколько минут, боюсь, расплачется*. Ср. употребление начинательно-интенсивных дериватов в романе А. Белого «Петербург»: *А паркет, точно зеркало, **разблистался** квадратиками; «Ха-ха-ха-ха-ха-ха», – **разревелась** все та же пьяная кучка; Он явственно видел: кучечка седобровых матрон **расшепталась** язвительно*.

Таким образом, начинательность в глагольной словообразовательной системе русского языка – это сложный смысл, реализация которого зависит от характера обозначаемого действия и соответственно от семантики базового глагола, а также от того, какая используется приставка.

1) При обозначении целенаправленной деятельности или длительных природных процессов начинательная модификация базового глагола представляет начало продолжительного действия (начинательность как инхоативность).

2) Начинательность может реализоваться как граница между отсутствием действия и появлением действия, когда для говорящего

дальнейшее течение действия не важно (начинательность как ингрессивность). Для собственно ингрессивов нехарактерна синонимия с аналитическими конструкциями (это в основном глаголы с приставками *у-* и *по-* типа *увидеть, побежать*). Ингрессивно-инхоативные глаголы с приставкой *за-* могут выражать различные типы представления начала действия: начало длительного или кратковременного действия (под влиянием контекста), начало действия без конкретизации дальнейшего его течения (без такого влияния).

3) К области начинательных модификаций относится и выражение становления нового состояния – начинательность как инцессивность, в рамках которой возможен переход от первых признаков нового состояния к становлению этого состояния, ср.: *Я начинаю заболеть / Я заболеваю – Я заболел*.

4) Глаголы, образованные по модели *раз-* / *рас-* *-ся*, могут выражать либо усилительную (эволютивную) начинательность – усиление проявления действия с некоторого момента, либо начало интенсивного действия.

5) Ингрессивность в русском языке может выражаться только словообразовательными средствами, инцессивность, инхоативность и эволютивная начинательность – как словообразовательными, так и лексическими средствами (фазовыми глаголами, последняя разновидность – фазовыми глаголами в сочетании с обстоятельствами типа *все сильнее*).

В следующих разделах показано, что в западнославянских языках выражается еще одна разновидность данного модификационного значения – начинательность как актуализация первого момента непродолжительного действия, имеющего не только начальную, но и конечную границу (начинательно-квантовая модификация).

3.4. Исследование акциональных начинательных модификаций в русском языке в сопоставлении с чешским, словацким и польским

3.4.1. Русско-чешско-словацкое сопоставление. В чешском и словацком языках инхоативная словообразовательная модификация не представлена – при необходимости начало длительного действия выражается аналитически, фазовыми глаголами.

<i>Он заходил по комнате.</i>	чеш.	<i>Začal chodit po pokoji.</i>
	словац.	<i>Začal chodiť po izbe.</i>
<i>Ребенок скоро заговорит.</i>	чеш.	<i>Dítě brzy začne mluvit.</i>
	словац.	<i>Dieťa začne čoskoro rozprávať.</i>
<i>Все разом заговорили.</i>	чеш.	<i>Všichni začali najednou mluvit.</i>

словац. *Všetci začali naraz hovoriť.*

В чешском и словацком языках значительно меньше оснований для выделения инцессивного значения, так как соответствующих соотносительных по виду начинательных глаголов с приставкой *za-* и конфиксами *roz- + se*, *roz- + sa* здесь меньше, чем в русском и болгарском, поэтому начало состояния часто передается также аналитическими средствами. Ср.: *закунеть / закупать* – чеш. *začít / začínat se vařit, přijít / přicházet do varu*; словац. *zovrieť, začať vriieť; заболеть / заболевать* – чеш. *onemocnět, ochuravět*; словац. *ochorieť*, но: *загореться / загораться* – чеш. *zapálit se / zapalovat se*; словац. *zapáliť sa / zapalať sa*; *зацвети / зацветать, расцвети / расцветать* – чеш. *zakvést / zakvést (редк.), rozkvést / rozkvétat*; словац. *zakvitnúť / zakvitať*. Ср. также чешские переводы русских одновидовых инцессивных глаголов со значением психического и эмоционального состояний: *Семен закучал без своего друга* (Бабель) – чеш. *Semjonovi se bez přítele začalo stýskat* (VČRS); *Дымок замосковал по воле* (Шолохов) – чеш. *Dumkovi se zastesklo po svobodě* (VČRS).

Тонкие семантические различия между русским и западнославянскими языками наблюдаются в связи с выражением русского ингрессивного значения, которое в западнославянских языках функционально соотносится с ограничительно-квантовой семантикой дериватов с приставкой *za-*.

Для большинства анализируемых, с одной стороны, русских, а с другой – чешских и словацких дериватов с приставкой *za-*, образованных от глаголов звучания, зрительного, осязательного восприятия, многоактных глаголов, характерны следующие отношения. Чешские и словацкие глаголы выражают кратковременное проявление действия, тогда как соответствующие русские глаголы выражают начинательное значение ингрессивного типа: продолжение начатого действия уходит как бы на второй план, и вообще неясно, продолжалось ли действие после начала или сразу закончилось. Ср.: чеш. *Pod nohama tu zašustělo listí*; словац. *Pod nohami tu zašušťalo listie* – *Под ногами у него зашуршала* (букв. *прошуршала*) *листва*. Более адекватно ситуацию чешского и словацкого предложений передает глагол *прошуршала*, так как русский глагол *зашуршала* не выражает окончания проявления (или восприятия) звука, однако именно последний глагол является более приемлемым при выражении данной ситуации по-русски. С другой стороны, если бы мы переводили русское предложение на чешский (или словацкий) язык, то оба возможных варианта перевода *Pod nohama tu zašustělo listí / Pod nohama tu začalo šustit (šustět) listí* также не совсем точно передавали бы русскую картину обозначаемой ситуации.

Аналогичные семантические отношения между чешскими, словацкими и русскими дериватами наблюдаем в двух следующих предложениях: чеш. *V kapse mi zacinkaly mince*; словац. *Vo vrecku mi zacinkali mince* – В кармане у него зазвенели (букв. прозвенели) монеты. Возможный в русском переводном предложении глагол *звякнули* так же, как и глагол с приставкой *за-*, не передает достаточно точно восприятие протекания во времени действия, обозначенного чешским и словацким глаголами *zacinkaly*, *zacinkali*, так как последние, в отличие от глагола *звякнуть*, выражают кратковременное проявление нескольких актов действия. Для обозначения одного акта соответствующего звукового проявления в чешском и словацком языках существуют два глагола – чеш. *cinknout*, *zacinknout*, словац. *cinknúť*, *zacinknúť*. Специфику семантики квантовых дериватов с приставкой *za-* и связанные с этой спецификой проблемы их перевода на русский язык иллюстрирует следующий пример: *Nejlépe na olympiádě zaskákal devatenáctiletý Michal Doležal, na velkém můstku osmý a na středním jedenactý* (MFD. 18.02.98) – Лучшее всего на олимпиаде прыгал (букв. прыгнул несколько раз) Михал Долежал, на большом трамплине он был восьмым, а на среднем – одиннадцатым. Ряд примеров, иллюстрирующих подобные русско-чешские и русско-словацкие соотношения дериватов с приставками *за-* и *za-* можно было бы продолжить: словац. *zaškrípať*, чеш. *zaskřípat* – *заскрипеть*, *проскрипеть*, *скрипнуть*:

Železné vráta zaškrípali. – *Заскрипели* (букв. скрипнули несколько раз) железные ворота.

Piesok zaškrípal pod nohami. – *Песок заскрипел* (букв. проскрипел) под ногами.

Křeslo zaskřípalo pod její tíhou. – *Кресло заскрипело* (букв. скрипнуло несколько раз) под тяжестью ее тела.

словац. *zaštrngat'* – *зазвенеть*, *процокасть*:

V izbe zaštrngali poháre. – В комнате зазвенели бокалы / прозвучал звон бокалов (последний вариант перевода более точный);

Podkovy koní zaštrngali. – *Процокали* подковы лошадей;

словац. *zašumieť'* – *за шуметь*, *про шуметь*:

V diaľke zašumel príboj. – Вдали за шумел (букв. про шумел) прибой;

чеш. *zašustit* – *за шуметь*, *про шуметь*:

Papír zašustil pod rukama. – Бумага за шумела (букв. про шумела) под руками.

Рассмотрим функционально-семантические чешские и словацкие эквиваленты русского предложения *Зрители заплодировали*, выра-

жающего инхоативную начинательность. В чешском и словацком языках начало продолжительного действия выражается аналитической конструкцией, ср.: чеш. *Diváci začali tleskat / se dali do tleskání*; словац. *Diváci začali tlieskať*. Дериват с приставкой *za-* (ср.: чеш. *Obecenstvo zatleskalo*, словац. *Obecenstvo zatlieskalo*) выражает кратковременное проявление или восприятие данного действия, которое можно было бы достаточно точно передать русским искусственным дериватом *прооплодировать или приблизительно делимитативом пооплодировать. О том, что в чешском и словацком предложениях с глаголами *zatleskat*, *zatlieskať* речь не идет об инхоативной модификации, свидетельствует невозможность следующего расширения контекста: чеш. **Obecenstvo zatleskalo a to trvalo (a potlesk trval) půl hodiny*; словац. **Obecenstvo zatlieskalo a to trvalo (a potlesk trval) polhodinu*. Ср.: рус. *Зрители заоплодировали, и это продолжалось полчаса (и аплодисменты продолжались...)*. Вполне вероятным способом обозначения данной ситуации в чешском и словацком языках является использование аналитической конструкции с фазовым глаголом: чеш. *Obecenstvo začalo tleskat a potlesk trval půl hodiny*; словац. *Diváci začali tlieskať a potlesk trval polhodinu*. Впрочем, если убрать достаточно искусственный акцент на продолжении начатого действия, то в чешском языке также возможно такое предложение: *Obecenstvo bouřlivě zatleskalo: potlesk trval celých dvacet minut – Zpřeměněli бурно заоплодировали: аплодисменты продолжались целых двадцать минут*. Квантовое восприятие действия, таким образом, не обязательно предполагает его кратковременность. В некоторых случаях носителю русского языка трудно даже представить квантовое восприятие какого-либо действия, которое в западнославянских языках передается дериватами с приставкой *za-*, особенно если речь идет не о кратковременной ситуации, а о длительном процессе или деятельности. Например, чешское предложение *Komáři se zahemžili nad bažinou* достаточно сложно адекватно перевести на русский язык. Порусски та же самая ситуация обозначается с фиксацией начального момента длительного действия: *Комары зароились (закружились) над болотом*, по-чешски же – через ее кратковременное восприятие (букв. *прокружились, пророились).

Возникает вопрос: могут ли дериваты с приставкой *za-* в чешском и словацком языках выражать начинательное значение, близкое к русскому инхоативному? Ответ на этот вопрос потребовал анализа большого материала, как словарного, так и текстового, в результате которого было выявлено следующее.

В чешском языке актуализация начального фазиса действия, выраженного дериватом с приставкой *za-*, возможна лишь при сильной

поддержке контекста и в определенных семантических группах глаголов, а именно: ненаправленного или хаотичного движения: *zaveslovat* – *загресту*; *zahýbat (čím)* – *задвигать (чем)*; *zascválat* – *пуститься в галоп*; *zaklusat* – *загарцевать*; *zaproudít* – *забурлить, зациркулировать*; *zagestikulovat* – *зажестикулировать*; *zahemžit se* – *зароиться*; физических процессов: *zavanout* – *подуть*; *zadýmat* – *задымить*; *zapršet* – *пойти (о дожде)*; *zaplanout* – *запылать, вспыхнуть*; *zahořet* – *загореться*; эмоциональных, психических и физических состояний: *zachtít se* – *захотеться*; *zažít* – *почувствовать жажду*; состояний или процессов, воспринимаемых зрительно: *zasvítit* – *засветить*; *zazet* – *зазять*.

Синтагматическим показателем инхоативного «прочтения» приведенных глаголов может служить сочетаемость глаголов движения и деятельности с наречиями в сравнительной степени типа *prudčeji* (*сильнее*), свидетельствующими о продолжении действия после его начала и о его развитии, нарастании интенсивности, ср.:

Zavesloval, zahýbal rukou, zadýmal – Он заработал веслом, задвигал руками, задымил **сильнее**.

В некоторых случаях и словарные толкования отражают инхоативную семантику, например: *zaproudít* ‘*začít proudit*’ (*забурлить* ‘начать бурлить, циркулировать’), причем SSJČ ограничивается в толковании этого глагола лишь аналитической фазовой конструкцией, хотя более типично сочетание двух толкований, например:

- zaklusat* – 1) *začít klusat* (*начать гарцевать*);
2) *krátce, chvíli klusat* (*гарцевать какое-то непродолжительное время*).

Ср. также:

чеш. *zavanout* ‘*začít vanout, zpravidla na chvíli*’ (*начать дуть, обычно недолго*): *Zavanul vlažný větrík a klidná hladina studánky rozvlnila se* (Jirásek, PSJČ) – **Подул теплый ветерок, и спокойная поверхность родника зарыбила**;

чеш. *zagestikulovat* ‘*vykonat několik gest, začít gestikulovat*’ (PSJČ) (*сделать несколько жестов, начать жестикулировать*), ср. рус. *зажестикулировать*;

чеш. *zahemžit se* ‘*krátce, chvíli se hemžit; začít se hemžit*’ (PSJČ) (*недолго суетиться, роиться, начать суетиться*);

словац. *zaviať* ‘*začať al. krátku čas viať, vanúť*’ (*начать или короткое время дуть*): *Zavial teplý vetrik* – **Подул теплый ветерок**.

Проанализированный чешский материал свидетельствует о том, что при поддержке контекста многие дериваты названных выше семантических групп с приставкой *za-* способны развивать начинатель-

ное значение в двух его вариантах. Приводимые ниже примеры (1 – 2), извлеченные из толковых словарей чешского языка (PSJČ и SSJČ), представляют группу дериватов с приставкой *za-* со значением «манифестации действия» в минимальном контексте, которое, однако, при поддержке более широкого контекста может изменяться в инхоативное (примеры 1' и 2'). Ср.: (1) *Lokomotiva tосně zadýmala* – Паровоз **выпустил несколько мощных клубов дыма**; (1') *Jindra prudčeji zadýmal* – Индра **задымил сильнее**; (2) *K večeru trochu zapršelo* – К вечеру **прошел небольшой дождь**; (2') *Počasí se změní – zaprší na dlouho* – Погода изменится – **надолго задождит**. В примерах (3,4) представлены инхоативные значения: (3) *A už se hospoda zahemžila lidmi* (Martínek) – В трактире **уже засуетились люди**; (4) *Ruce ještě vášnivěji zagestikulovaly* (Martínek) – Руки еще более страстно **зажестукивали**. Ср. также: *Zatřásl hlavou a usilovně zavzpomínal na jiné místo soudního protokolu, kde se znovu hovořilo o optice...* (Škvorecký) – Он потряс головой и **усиленно стал вспоминать другое место судебного протокола, где снова говорилось об оптике**.

В словарных толкованиях некоторых аналогичных словацких дериватов не отражена возможность их инхоативного прочтения, например:

zagestikulovať ‘urobiť rukami posunky, gestá’ (SSJ) (сделать руками движения, жесты); *zahemžiť sa* ‘hemžiť sa, pohýbať sa krátko, chvíľu (суетиться, двигаться недолго, минуту). Тем не менее в словацком языке, как показало наше исследование, начальный момент ограниченного действия, выраженного дериватом с префиксом *za-*, также может быть актуализирован. Ср.: *Nad močiarom sa zahemžili (zahmyrili) komáre a ich tanec trval celý deň* – Над болотом **закружили комары, и их танец продолжался целый день**; *V byte zavoňala káva a cítil som jej vôňu celý deň* – В квартире **запахло кофе, и я чувствовал этот аромат целый день**.

В большинстве случаев сопоставляемые языки имеют достаточно средств для адекватного взаимного перевода глаголов рассматриваемых семантических групп и точного выражения характера протекания действия. Ср. переводы с русского языка на чешский и словацкий:

Он сидел так неудобно, что у него **занемели** ноги. чеш. *Seděl tak nepohodlně, až ho začaly **brnět** nohy.*

словац. *Sedel tak nepohodlne, že mu střípli (zdreveneli) (результат) nohy // až tu začali **třpnut'** (dreveniet') (инхоативность) nohy.*

После ранения он **захромал**. чеш. *Po zranění začal kulhat.*

словац. *Po zranení začal krívať.*

Лодка **заскользила** по поверхности. чеш. *Lod'ka začala klouzat po hladině.*
словац. *Lod'ka sa začala klzat' po hladine.*

Ср. употребление в русских переводах лексических показателей ограниченного проявления действия во времени:

чеш. *Zaklouzal po roztoklé půdě.* – Скользя, он **сделал несколько шагов** по размокшей земле.

Raněný vstal a zakulhal. – Раненый встал и, **хромя, сделал несколько шагов.**

Начинательно-усилительная (эволютивная) модель *roz-* + *se*, *roz-* + *sa* в чешском и словацком языках более продуктивна, чем соответствующая модель *раз-* / *рас-* -*ся* в русском. Данная модификация в чешском и словацком языках характерна для более широкого, чем в русском языке, круга семантических групп глаголов: со значением зрительно, акустически, обонятельно воспринимаемых явлений, психических состояний, деятельности и др., например: чеш. *bušit* (*буться*), *řvát* (*реветь*), *znít* (*звучать*), *vonět* (*нахнуть*), *tesknit* (*тосковать*), *jásat* (*ликовать*), *třást se* (*трястись*), *kolébat se* (*колебаться*), *tleskat* (*аплодировать*), *tančit* (*танцевать*), *debatovat* (*дискутировать*); словац. *blikat'* (*мигать*), *klokotat'* (*бурлить*), *búchat'* (*стучать*), *diskutovat'* (*дискутировать, обсуждать*) и т.д.

Чешские дериваты, обозначающие звучание, зрительно и обонятельно воспринимаемые явления, выражают начало интенсивного действия без его усиления (то есть инхоативно-интенсивную, или начинательно-интенсивную модификацию базового действия), например, *rozbučít se* 'začít bzučet, dostat se (plně) do bzučení': *Moucha se rozbučela* – Муха **разжужжалась**; *rozeřvát se* 'začít řvát': *Šelmy se rozeřvaly* – Хищники **начали реветь**; *roztleskat se* 'začít (silně) tleskat': *Obecenstvo se rozitleskalo* – Публика (*горячо*) **зааплодировала**; *rozublat se* 'začít bublat, dostat se (plně) do bubláni': *Voda se na plotně rozubblala* – Вода на плите **забулькала**; *rozeznít se* 'začít znít': *Rozezněla se symfonie* – **Зазвучала симфония**; *Padesát autorských výtisků se rozvonělo tiskárnou po kuchyni* (Hurník) – Пятьдесят авторских экземпляров по всей кухне **распространяли запах типографии**. Как мы видим, на русский язык такие дериваты часто переводятся глаголами с приставкой *за-*.

Сходную семантику имеют дериваты, выражающие колебательное движение, например, *rozklepat se* 'začít se (silně) klepat': *Rozklepal se zimou* – Он **задрожал от холода**; *rozechvět se* 'začít se chvět': *Kolena se pod ním rozechvěla* – У него **задрожали колени**; *rozkmítat se* 'začít

(silně, náležitě) kmitat': *Ručička vah se rozkmitala* – Стрелка весов **сильно заколебалась**.

О выражении усиления интенсивности можно говорить у чешских и русских глаголов деятельности, а также глаголов, обозначающих природные и физические процессы, типа *rozpovídat se* (*разговариваться*), *rozpršet se* (букв. *раздождиться*), *rozstonat se*, *roznetoci se* (*разболеться*), ср.: *K ránu se rozpršelo* – К утру дождь **пошел сильнее / пошел сильный дождь**; *Rozpovídal se o svých potížích* – Он **разговорился** о своих трудностях; *Rozstonal se na chřipku* – Он **разболелся** (гриппом).

Характерно, что и вторичные имперфективы, нерегулярно образующиеся от данных дериватов, в зависимости от семантики базового глагола могут выражать: а) усиление интенсивности действия после его начала, ср. семантику соответствующих производных глаголов звучания: *Zvonu se rozeznívají* – Колокола **звучат все сильнее**; *Šelmy se rozeřvávají* – Хищники **ревут все сильнее**; б) большую интенсивность того или иного процесса (у глаголов, обозначающих психическое состояние человека): *Díval jsem se na vadnoucí květy a rozteskňoval se* (Klíma) – Я **смотрел** на увядающие цветы **и (очень) грустил**; *Dívala se na obrázek a rozradostňovala se* – Она **смотрела** на картинку **и радовалась**.

Словацкая эволютивная модель по своей семантике, продуктивности и употреблению проявляет значительное сходство с чешской. Ср. толкование и употребление соответствующих дериватов как: 1) инхотативно-интенсивных модификаций, например, *rozhrmieť sa* (*začať hrmieť, dunieť*): *Rozhrmeli sa delá* – **Загрохотали** пушки; *rozfúkať sa* (*začať fúkať*): *Rozfúkal sa silný vietor* – **Задул** сильный ветер; *rozchichotať sa* (*začať chichotať*): *Ženy sa rozchichotali* – **Женщины захихикали**; 2) начинательно-усилительных модификаций, например, *rozhovoriť sa*, *rozvravieť sa* (*pustiť sa, dať sa do hovoru*): *Spočiatku mlčal, potom sa rozhovoriť* – Сначала он молчал, потом **разговорился**; *Rozhovoriť sa a zabudol na čas* – Он **разговорился** и забыл о времени; *Až neskôr sa rozvravel* – Он не сразу **разговорился**; *rozchorieť sa*: *V ostatnom čase sa akosi rozchorel* – В последнее время он что-то **пачхворался**; *rozdebatovať sa*: *Po večeri sa hostia rozdebatovali* – После ужина гости **разговорились** (но в некоторых случаях VSRS предпочитает переводить соответствующие словацкие модификации глаголов деятельности на русский язык как инхотативно-интенсивные, то есть без выражения усилительности, ср.: *Rozdiskutoval sa o medzinárodnej situácii* – Он **приступил к обсуждению** международного положения).

Дериваты, образованные по данной модели от базовых глаголов однонаправленного движения, в чешском языке выражают начало движения без признака интенсивности, ср.: *rozejít se k náměstí* – *направиться, пойти по направлению к площади*; *rozjet se* – *тропнуться с места*.

3.4.2. Русско-польское сопоставление. Инхоативное значение в польском языке, так же как и в чешском и словацком, передается преимущественно аналитически. Ср.: *Он заговорил* – *Zaczął mówić*; *Он заходил по комнате* – *Zaczął chodzić po pokoju*; *Пара закружилась* – *Para zaczęła się kręcić wokół*; *Все наладится: заработают заводы, откроются школы, затопзуют магазины* – *Wszystko się poprawi: zaczęną pracować fabryki, otworzy się szkoły, zaczęną handlować sklepy*.

Так же как в чешском и словацком языках, в польском дериваты с приставкой *za-*, образованные от глаголов со значением акустически и зрительно воспринимаемых явлений, выражают кратковременное действие квантово-ограничительного характера, ср.: *zagrzmieć* – *загреметь / прогреметь*; *zagrzecgotać* – *загрохотать / прогрохотать*; *zaszeleścić* – *зашелестеть / прошелестеть*; *zaszumieć* – *зашуметь / прошуметь*; *zapłakać* – *заплакать*. Различия же между, с одной стороны, польским и, с другой – чешским и словацким языками касаются способности данных и других дериватов с приставкой *za-* к актуализации начального момента действия и выражению ингрессивной или инхоативной начинательности.

По мнению Ц.Перникарского, глаголы типа *zaskrzypieć* (*заскрипеть / проскрипеть*), *zakrzyzczyć* (*закричать / прокричать*) «обозначают кратковременные акции с акцентом на их начале» [Piernikarski 1969: 124], то есть начинательно-квантовую модификацию, которая в польском языке выражается исключительно словообразовательными средствами. Как справедливо указывает Ц.Перникарский, аналитически ее передать невозможно, так как нет таких наречий, которые выражали бы ограниченное действие с актуализацией его начального момента [Piernikarski 1969: 124]. Тем не менее значение глаголов типа *zaszumieć*, выражающих что-то среднее между ‘зашуметь’ и ‘прошуметь’, можно передать по-русски комбинацией словообразовательных и лексических средств: *zaszumieć* – *зашуметь ненадолго*, *zapachnąć* – *запахнуть на миг, мгновение*.

Польские дериваты с приставкой *za-*, образованные от многоактных глаголов, имеют сложное значение, которому трудно найти эквивалент в русском языке: они выражают кратковременное действие с акцентом на его начальном моменте, но образующее не один квант, а состоящее из нескольких элементарных актов, ср.

[Piernikarski 1969: 127]. Если чешские и словацкие дериваты типа чеш. *zakašlat*, словац. *zamávat'*, *zakývat'* на русский язык можно довольно точно перевести глаголами *кашлянуть*, *махнуть*, *кивнуть несколько раз*, то значение польских глаголов типа *zakaszleć*, *zakiwać*, *zatachać*, актуализирующих еще и начальный момент действия, адекватно передать по-русски довольно сложно.

Важно подчеркнуть, что в трактовке семантики рассматриваемых глаголов среди польских лингвистов нет единства. Приводимые списки глаголов с префиксом *za-*, способных выражать начинательность, и списки результативных глаголов с этой же приставкой у разных исследователей не совпадают. А.Богуславский считает, что в семантических группах глаголов движения, зрительного и слухового восприятия дериваты с приставкой *za-* начинательность не выражают [Bogusławski 1978: 383]. Такого же мнения З.Н.Стрекалова [Стрекалова 1979: 184]. В.Смех в перечне глаголов, предрасположенных к выражению начала действия, приводит в том числе и глаголы, обозначающие зрительно воспринимаемые явления, а также несколько глаголов звука: *zabielić się* – *забелеть(ся)*, *zaczernieć* – *зачернеть(ся)*, *zaświtać* – *забрезжить*, *zalamantować* – *зарыдать*, *zachrapać* – *захрапеть*. В группе результативных глаголов с приставкой *za-* в монографии В.Смеха преобладают глаголы звучания типа *zaszumieć* (*прошуметь / зашуметь*), *zaszeleścić* (*прошелестеть / зашелестеть*). О специфике фазисно-временной семантики данных глаголов можно судить по тому, что наряду с ними приводятся также такие, как *zadecydować* – *принять решение*, *zatelefonować* – *позвонить*, в которых перфективирующая приставка *za-* указывает не на начало, а на окончание действия. Кроме того, в эту же группу включен ряд глаголов, выражающих зрительно воспринимаемые явления: *zaiskrzyć się* (*засверкать*), *zaciemnieć* (*затемнеться*), *zamigotać* (*замерцать*) и др. Очевидно, именно к глаголам звука и зрительного восприятия относится замечание В.Смеха, что некоторые из результативных глаголов с приставкой *za-* в определенном контексте могли бы указывать на начало действия [Śmiech 1986: 41–42].

Расхождения в трактовке семантики дериватов с *za-* в польском языке, по всей видимости, свидетельствуют о неявно выраженном фазисно-временном значении данных глаголов и его зависимости от контекста. Действительно, можно привести примеры такой сильной зависимости. Так, в следующих предложениях значение польского деривата полностью определяется контекстом: *Orkiestra zagrała i wszyscy się rozeszli* – *Оркестр закончил **играть*** (букв. *сыграл*), *и все разошлись*; *Orkiestra zagrała i wszyscy ruszyli do tańca* – ***Заиграл** оркестр, и все двинулись танцевать* [Śmiech 1986: 39].

Наше исследование польских глаголов показало, что квантовое восприятие действия, выражаемое дериватами с приставкой *za-*, не препятствует развитию у ряда глаголов рассматриваемого типа при поддержке контекста ингрессивно-инхоативного значения. Так, польское предложение *Sala zahuczala od oklasków – Зал загремел от аплодисментов*, так же как в русском языке и в отличие от чешского и словацкого, допускает такое расширение, которое однозначно указывает на длительное продолжение действия после его начала, ср.: *Sala zahuczala od oklasków i to trwało pięć minut – Зал загремел от аплодисментов, и это продолжалось пять минут*. Ср. также: *Zagremel grom, który długo nie stichał – Zagrzmiało i długo nie ucichało*.

Поэтому в переводах, особенно поэтических, русские и польские глаголы с приставками *za-* и *za-*, несмотря на разницу их фазисно-временной семантики на словарном уровне, выступают как функциональные эквиваленты. Ср. примеры из стихотворений А.Ахматовой и их соответствия в польском переводе: *Но вдруг твоё задремало тело, А голос, улетая, клял меня – Zadygotało nagle twoje ciało. I ulatując, głos twój mnie przeklinał; Изумрудною стала вода замутненных каналов, И крапива запахла, как розы, но только сильнее; Stala się szmaragdowa woda zmąconych kanałów. Jak róże, ale mocniej, zapachniały pokrzywy* (Achmatowa).

При переводе с одного славянского языка на другой нередко приходится пренебрегать точностью передачи фазисно-временной семантики деривата в целях естественности переводного текста. Так, в следующих предложениях значение польских глаголов *zaszeleściły, zadrżały, zabrzęczały* могли бы наиболее точно выразить словосочетания *зашелестели, задрожали, зазвенели на мгновение* или дериваты с приставкой *про-*: *прошелестели, прозвенели*, но в русском языке при обозначении данных ситуаций более реальны другие средства, а именно ингрессивные глаголы без эксплицитного выражения кратковременности действия либо одноактные глаголы без актуализации начальной точки действия, ср.: *Pod jego nogami zaszeleściły liście – Под его ногами зашелестели листья; Jego kolana zadrżały – У него задрожали колени; W jego kieszeni zabrzęczały drobne – В его кармане звякнула мелочь*.

Среди тех польских глаголов, которые выражают лишь начало действия без указания на его конечную границу, обычно называют глаголы типа *zaboleć – заболеть, zacząć się – притаиться, zakuleć – захромать (охрометь), zakipieć – закипеть, zakwitnąć – зацвести* и т.п., ср. [Piernikarski 1969: 127–128], которые по нашей классификации относятся к инцессивной группе. В польском языке лишь некоторые из инцессивов имеют соотносительные глаголы НСВ, ср.:

zakwitnąć / zakwitać – зацвету / зацветать, zaświecić się / zaświecać się – засветиться / начать светиться.

Мотивирующая база глаголов с приставкой *za-*, способных так или иначе обозначать начальный фазис действия, в польском языке уже, чем в русском. Начало целенаправленной деятельности, физических и природных процессов (инхоативная начинательность), начало некоторых состояний по-польски могут быть выражены лишь аналитически, например: *задолбить (начать долбить) – zacząć dłubać, задразнить (начать дразнить) – zacząć drażnić, задымить (начать дымить) – zacząć dymić, зажестикულიровать – zacząć gestykulować, зажечь семейной жизнью – rozpocząć życie rodzinne, заклевать (начать клевать) – zacząć dziobać, залихорадить (кого-либо) – zacząć trząść, замолотить (начать молотить) – zacząć mleć. Ср.: **Заштормило** на неделю – *Sztorm utrzymywał się przez tydzień; Погода изменится – скоро **задождит** – Pogoda się zmieni – **зачне падаć** (deszcz); Машина **заработала** – *Maszyna zaczęła pracować; Они **заспорили** – **Zaczęli się sprzeczać.*****

По данным многих лингвистов, начинательно-усилительная (эволютивная или аугментативная) модель *roz- + się* в польском языке является продуктивной [Śmiech 1986: 73–75; Gramatyka 1984: 488], причем более продуктивной, чем соответствующая модель в русском языке [Стрекалова 1976; 1979: 197–207]. Отметим, что при интерпретации дериватов, образованных по данной модели, в лингвистических описаниях, а также в словарных толкованиях в польском языке, как и в русском, в значительно большей степени, чем в чешском и словацком языках, выражается эволютивный элемент смысла – постепенное достижение интенсивного проявления действия, названного базовым глаголом [Gramatyka 1984: 488]. Ср. польские дериваты, образованные от базовых глаголов со значением психического состояния, деятельности и не имеющие соответствующих формально-семантических эквивалентов в русском языке: *rozdyskutować się* ‘начав дискутировать, постепенно увлечься’; *rozgestykulować się* ‘начав жестикулировать, потерять меру’; *rozentuzjzmować się* ‘начать проявлять энтузиазм все сильнее’. Характерная особенность польского языка – возможность представления данной модификации в целом ряде случаев не только в совершенном, но и в несовершенном виде, ср.: *rozkapryszać się* ‘начинать капризничать все сильнее’; *rozplakiwać się* ‘начинать плакать все сильнее’ [Стрекалова 1979: 207].

Таким образом, начало длительного действия в западнославянских языках словообразовательными средствами может быть выражено лишь совместно с интенсивностью или эволютивностью, причем соответствующие модификации в западнославянских языках более продуктивны, чем в русском. Начало длительного действия без элементов

интенсивности в западнославянских языках выражается, как правило, аналитической конструкцией.

В целом же начинательные модификации базовых глаголов деятельности и гомогенных процессов значительно продуктивнее в русском, чем в западнославянских, что влияет на частотность обозначения их начальной границы при повествовании в прошедшем времени (см. главу II, раздел 3.4.3).

4. Акциональные модификации со значением конца деятельности или процесса

4.1. Общая характеристика

Фазисно-временной параметр конца действия не менее сложный для интерпретации смысл, чем начало действия или его ограниченность временными пределами. Этот параметр протекания действия во времени выражается по-разному в отдельных семантических группах глаголов при помощи формантов *от-*, *от- -ся*, *до-*, *до- -ся*; чеш. *do-*, *do-+ se*, *od-*; словац. *do-*, *do-+ sa*, *od-*; пол. *do-*, *do-+się*.

Русский и сопоставляемые с ним языки различаются:

- 1) дистрибуцией сходного репертуара средств выражения данного параметра по семантическим группам глаголов;
- 2) степенью разграниченности конкретных его реализаций;
- 3) продуктивностью отдельных финитивных модификаций;
- 4) нюансами восприятия данного параметра в конкретных ситуациях;
- 5) связанными с его выражением коннотациями.

В классе терминативных глаголов завершение действия во всех сопоставляемых языках неразрывно связано с достижением предела и во многих случаях с выражением результата действия. Семантика предела и результата анализируется в разделе 2.4 главы II, здесь же остановимся подробнее на выражении конечного фазиса нетерминативных гомогенных процессов и деятельности.

4.2. Результативные модификации гомогенных глагольных действий в русском языке в сопоставлении с западнославянскими

Для выражения результата интенсивной деятельности в русском и западнославянских языках используется сходная деривационная модель типа *докричатся до кого-либо* – чеш. *dokřičet se*, словац. *dokričať sa*, пол. *dokrzyzczeć się*; *достучаться* – чеш. *doklepat se*, пол. *dopukać się* / *dopukiwać się*; *дозвониться* / *дозваниваться* – чеш. *dovolat se*,

пол. *dodzwonić się / dodzwaniać się*. Однако комбинация этого модификационного смысла с глагольными лексемами в названных языках разная, имеются также другие средства выражения данного значения. Ср.: 1) *додумать до чего-либо* – чеш. *přijít na co, dospět k čemu*, словац. *prísť na niečo, dospieť k niečomu*; 2) чеш. *dopracovat se úspěchu*, словац. *dopracovať sa pekných výsledkov*, пол. *dopracować się własnego domu, nowej metody* – *добиться в результате работы успехов, хороших результатов, заработать на собственный дом, выработать новый метод*.

В русском языке подобная модификация характерна прежде всего для глаголов, обозначающих целенаправленные действия, результат которых зависит также и от адресата (ср. *просить кого-либо, звонить кому-либо, ждать кого-либо, кричать кому-либо*). Интенсивность и длительность действия дериватами *до-* *-ся* особенно четко выражаются при наличии соотносительного глагола СВ со значением нейтрального результата, например: *искать – найти – доискаться; будить – разбудить – добудиться*, но могут выражаться и при его отсутствии. Так, от глаголов типа *звать (кого-либо), просить (о чем-либо)* словообразовательными средствами нельзя выразить нейтральный результат, так как глаголы СВ *позвать (кого-либо), попросить (кого-либо)* не выражают достижение цели, на которую направлено действие, тем не менее производные типа *дозваться (кого-либо), допроситься (чего-либо)* помимо результата выражают также оценку действия как длительного и интенсивного. Ср.: *Катя насилу допросилась* (нельзя: **быстро допросилась...*), *чтобы она открыла дверь* (А.Толстой, МАС); *Не так-то просто было доискаться* (нельзя: **просто было доискаться...*) *людей, которые согласились пойти ночью к скалам* (Федин, МАС). С другой стороны, отсутствие глагола, обозначающего нейтральный результат действия, может обуславливать использование модели *до-* *-ся* для его выражения. Ср.: *звонить – дозвониться: Мы сразу же ему дозвонились*.

Глаголы, образованные по данной модели, широко используются в разговорной речи, а также в художественной литературе и современной публицистике. Ср.: *Мне повезло, потому что допросился я туда, когда здесь к власти пришел Горбачев* (ТВ Ревю. 1/1993); *Освещая головы спящих арестантов электрическим фонарем, (он) досчитался, что их – двести восемьдесят одна* (Солженицын).

По нашим наблюдениям, данная модификация в западнославянских языках проявляет большую продуктивность, чем в русском. В частности, З.Н.Стрекалова приводит широкий круг польских глаголов этого типа, причем некоторые из них имеют соотносительные пары НСВ [Стрекалова 1979: 215–222]. Ср.: пол. *dotrzeźwić się* ‘привести в

чувство, в трезвое состояние после ряда усилий’; *dowojować się* ‘завоевать или отвоевать что-либо в результате длительной борьбы’; *dohodować się / dohodowywać się* ‘дождаться результатов выращивания, разведения чего-либо’; *dosmakować się / dosmakowywać się* (редк.) ‘ощутить вкус, долго пробуя, смакуя, распробовать’ и т.п.

В чешском языке круг результативно-длительных дериватов, образованных от нетерминативных глаголов деятельности, также шире, чем в русском, но вторичные имперфективы крайне редки. В следующих примерах, извлеченных из SSJČ, чешские интенсивно-результативные глаголы (*do-+ se*) переводятся на русский язык: а) эквивалентными в формальном и семантическом отношении дериватами (*до- -ся*); б) довольно точно дериватами с приставкой *вы-*; в) другими дериватами с некоторыми семантическими потерями – как правило, признака интенсивности и длительности; г) описательными искусственными конструкциями, адекватно передающими весь комплекс смыслов. Ср.: а) *dokopat se* – докопаться (***Dokopali se až k základům*** – Они докопались до фундамента); б) *dočíst se* – вычитать (***Dočetl se mnoha zajímavých věcí*** – Он вычитал много интересных вещей); *domodlit se štěstí* – вымолить счастье; в) *doprat se čeho* (редк.) – отстирать что-либо (***Nemůže se doprat kapesníků*** – Он не в состоянии отстирать (все) носовые платки); *dopočítat se* – сосчитать (***Nemůže se dopočítat kuřat*** – Он не в состоянии сосчитать цыплят); *doptat se* – выяснить, спрашивая (***Nebylo snadné se doptat na jeho byt*** – Было не так просто выяснить, где его квартира); г) *dohospodařit se slušného majetku* – ‘достичь хозяйственной деятельностью большого состояния’; *dovařit se* – ‘довести до готовности долгим процессом варения’.

В русском языке продуктивна модель типа *добежаться* (*до простуды, до неприятностей*), выражающая достижение определенной точки в развитии действия, после которой наступают нежелательные его последствия, либо подразумеваемые, либо эксплицитно выражаемые отдельной лексемой или синтаксической конструкцией, ср.: ...*Лихорадочно писал я, рисовал карикатуры... и... дорисовался до того, что генерал-губернатор Пешков оштрафовал меня на 500 рублей* (Аверченко). Мотивирующая база и правила образования подобных дериватов в русском языке анализируются в [Мельчук 1990]. Эта специфически русская словообразовательная модель неоднократно привлекала внимание и зарубежных русистов, см. [Rudolfová 1973; Rutkowska 1981]. Так как рассматриваемые дериваты в составе данной конструкции обозначают новое явление – новое состояние субъекта как следствие предшествующей деятельности, есть все основания рассматривать их в рамках словообразовательной мутации, не смотря на продуктивность и регулярность в русском языке.

Для западнославянских языков данная модель, можно сказать, нехарактерна, хотя в польском языке Н.Е.Ананьева обнаружила пять аналогичных дериватов: *doigrać się, dowojować się, dopytać się, dokrzyć się, dośpiewać się* [Ананьева 1996: 43]. Обычно смысл русских дериватов на западнославянские языки передается описательными конструкциями, ср.: *Вот ты и домолчался – тебя же во всем и обвинили* – чеш. *Kam až ses dostal s tím svým mlčením. Nakonec tebe ze všeho obvinili* (VRČS); *Мы достоумся здесь до того, что не попадем ни в кафе, ни в ресторан* – пол. *Nasze stanie tu doprowadzi do tego, że nie dostaniemy się ani do kawiarni ani do restauracji*. Наибольшие сложности для перевода с русского языка представляют случаи имплицитного выражения достижения нежелательных последствий в предложениях типа *Доработался! Дошутился!*, так как в аналитической конструкции данные нежелательные последствия надо назвать.

4.3. Финитивные модификации глагольных действий в русском языке

Во всех сопоставляемых языках базовые глаголы, обозначающие динамические гомогенные действия, способны иметь финитивные модификации, образуемые при помощи приставок *от-*; чеш. и словац. *od-*, *do-*; пол. *do-* и, реже, *od-*. Выражение конца действия, как правило, сопровождается другими смыслами, которые указывают на причину окончания действия и эмоциональное отношение к этому говорящего. Мы используем традиционный термин «финитивные» глаголы, который хотя и не отражает сложную семантику соответствующих дериватов, однако позволяет на единых основаниях – с точки зрения особенностей представления конца действия – проанализировать все модификационные значения, связанные с этим смыслом.

Во многих аспектологических работах глаголы с приставкой *от-* трактуются как временно-предельные, то есть как образованные от нетерминативных основ и выражающие достижение конечного временного предела [Авилова 1976: 286; Шелякин 1971; Крекич 1989]. Ряд исследователей (Е.А.Земская, А.В.Исаченко, А.В.Бондарко) рассматривают их в кругу результативных образований [Земская 1955; Исаченко 1960: 246; Бондарко, Буланин 1967: 18]. Е.А.Земская еще в работе 1955 г. писала, что данные дериваты выражают полную законченность процесса с оттенком отработанности. Эта формулировка сходна с той, которую предлагает Д.Пайар, определяющий словообразовательное значение приставки *от-* в дериватах типа *отсеять* и *отгремела война* соответственно как ‘завершение миссии’ и ‘исчерпание потенциала’ [Пайар 1997: 100–101]. М.А.Кронгауз, выступивший с критикой традиционной трактовки семантики глаголов с при-

ставкой *от-* как финитивной [Кронгауз 1997: 63; 1998: 172], не считает семантический признак завершения действия существенным для значения данных производных, которое формулируется как ‘потеря способности в результате истощенности внутренних ресурсов или отведенного срока’ [Кронгауз 1997: 81–82]. Однако, по нашему мнению, именно признак законченности действия, связанный с семантикой не только СВ, но и приставки, находится на первом плане значения соответствующих дериватов, взаимодействуя с другими элементами смысла, обуславливающими его реализацию. Действительно, естественное завершение (а не прерывание) нетерминативной деятельности или процесса должно иметь внутренние причины, которые по логике вещей могут быть связаны с истечением отведенного на данный процесс (деятельность) отрезка времени, либо с истощением внутренних ресурсов, необходимых для реализации действия, либо с достижением его цели, нередко скрытой в лексическом значении глагола (ср. *отбомбить(ся)*, *отсеять(ся)*, *отпахать*), либо с взаимодействием названных факторов, например временного и «ресурсного». Заметим, что истощенность и потеря способности субъекта к действию не всегда вызывают обязательное его прекращение. Например, в следующем предложении дериват *исписался*, выражающий такую истощенность, тем не менее не обуславливает прекращение самого действия ‘писать’: *Неужели я уже, как говорится, **исписался** и теперь могу только повторяться и подделываться под свою прежнюю манеру?* (Чайковский, МАС), ср. также: *Он исписался, но продолжал писать никому не интересные романы.* Однако такое употребление невозможно для дериватов с приставкой *от-*, ср.: **Я уже отплакала, но продолжала плакать.* И лишь актуализация, подчеркивание истощенности ресурсов во фразеологизированной конструкции типа *Я уже свое отработал* в некоторой степени «гасит» значение завершенности действия и создает условия для выражения, при сильной поддержке контекста, его продолжения. Следующие предложения хотя и маловероятны, но все же возможны: *Я свое уже отработал, но приходится все еще работать; Я свое уже отслужил, вот доработаю этот год и уйду на пенсию.*

Трудно согласиться с М.А.Кронгаузом и в том, что приставка *от-* вообще «не способна выражать идею прекращения или завершения актуального действия» [Кронгауз 1997б: 64]. В приводимых ниже примерах из русской художественной литературы и современной публицистики глаголы деятельности с префиксом *от-* синонимичны конструкциям с фазовым глаголом типа *кончить*: *Представление закончилось, опустился занавес, **отплодировали** (ср. *перестали аплодировать*) зрители (МК. 14.04.93); Чай уже **отпили** (ср. *закончили**

пить). *Катя ждала меня перед потухшим самоваром...* (Вересаев, БАС); *«Все, что помните, расскажите»*. – «Лучше, как **отловим** (ср. закончим ловить) рыбку, тогда. А то рыба не любит разговору» (Станкевич, БАС). Употребление финитивных дериватов, не сопровождаемое какими-либо «причинными» смыслами, в русском языке не очень частотно, но все же не является редкостью. Ср.: *Буквально несколько дней назад **отшумели** митинги и демонстрации* (МК. 06.05.92); *Вот колокол **отзвонил**, звуки певчие улетели* (Солженицын); *Лялька смеется... **Отсмеялась** и еще раз напоминает...* (Шукшин, пример Й.Крекича [Крекич 1978]).

Таким образом, собственно финитивную (эгрессивную) модификацию с приставкой *от-* мы рассматриваем как модель, выражающую завершение деятельности или процесса в связи с выполнением необходимой нормы и обязательств, истечением срока или другими обстоятельствами, причем «причинные» смыслы могут ослабляться или вообще «гаситься», и тогда семантика финитивного деривата сводится лишь к идее окончания процесса или деятельности. Иметь эгрессивное значение могут глаголы следующих семантических групп: 1) глаголы звука: *отзвенеть, отшуметь, отзвучать, отзвонить* и т.п.; 2) глаголы со значением психических процессов и их проявления: *отгоревать, отгрустить, отплакать, отсмеяться, отвеселиться* и т.п.; 3) глаголы со значением зрительно воспринимаемых процессов: *отблестать, отсверкать, отсиять* и др.; 4) отдельные глаголы деятельности, например *отплодировать, отпить (чай)*.

Выражение конца деятельности может сопровождаться модальными значениями и различного рода коннотациями. В предложениях *Все, я **отвышивала**: глаза уже не те; **Отловили** мы рыбу в нашей реке: ее всю потравили* дериваты выражают не просто конец деятельности, а потерю способности, возможности ее совершать (финитивно-прагматическую модификацию), что может сопровождаться коннотацией сожаления, всецело зависящей от контекста и ситуации.

Прагматическая разновидность финитивной модификации во многих словообразовательных и акциональных описаниях глагола не выделяется, ср. [РГ 1980: 345; Авилова 1976; Шелякин 1983; Волохина, Попова 1993: 27; ТФГ 1987: 79; Исаченко 1960], а также не отражается в словарях [Карунц 1989: 22–25], тем не менее именно этот тип финитивной модификации характеризуется высокой продуктивностью и может быть образован от большинства базовых динамических гомогенных глаголов. Он реализуется в двух типах контекста: (1) во фразеологизированной конструкции с местоимением *свое*, (2) а также в контексте, явно или имплицитно указывающем на причину невозможности продолжать действие. Данную модификацию имеют также

терминативные глаголы, способные к рекатегоризации, то есть к безобъектному употреблению безотносительно к внутреннему пределу. Экспрессивная финитивно-прагматическая модификация используется в разговорной речи, художественной литературе и публицистике. Ср. возможность употребления глаголов: а) деятельности, в том числе и обобщенной, б) внутреннего состояния, в) проявления чувств, г) поведения и образа жизни, д) ментальной деятельности, е) ряда глаголов со значением эмоционального отношения к чему-либо в конструкциях обоих типов: (1) *Я свое*: а) *отрисовал, отгулял, отпреподавал, откомандовал, отпутешествовал, отохотился, отловил, отписал, отплавал* и т.п.; б) *отбоялся, отстеснялся, отгрустил, отстрадал* и т.п.; в) *отвеселился, отохотал* и т.п.; г) *откапризничал, отдурачился, отбедствовал* и др.; д) *отмечтал, отфилософствовал* и т.п.; е) *отлюбил*; (2) *Дед **отработал**. Глаза у него неважные, один совсем не видит* (Неверов, МАС); *Они [старик] уже **отработали** и доживали свой век в нищете* (Решетников, БАС); *Он остановился, тяжело дыша: «Все, видно **отработал** я, **отъездил** по командировкам»* (Огонек. 1989. № 4); *Я мечтала поехать в город учиться. Да разве я могу? Я, Тонечка, теперь **отучилась*** (Кочетов). В приведенных предложениях обозначен конец самой возможности совершать действие, что часто сопровождается чувством сожаления, огорчения. Однако конструкции с местоименным словом *свое* могут выражать и удовлетворение говорящего в связи с констатацией исчерпанности нормы действия, выполненного долга, а поэтому и невозможности или нежелания субъекта продолжать деятельность, например: *Я свое уже отработал (отпахал, отсеял, отбегал* и др.), *теперь другие пусть поработают*. Ср. возможность различной интерпретации прагматического отношения говорящего к действиям, обозначенным глаголами с приставкой *от-*, в следующем предложении: *Ничего не требуют только пенсионеры... Потому что **отработали** до перестройки, **отпили** до Указа и **отлюбили** до СПИДа* (Юность. 1991. № 11).

Глаголы деятельности имеют в русском языке два варианта финитивных модификаций: без и с постфиксом *-ся*, подчеркивающим замкнутость действия в сфере субъекта, причем выражение конца действия и в этом случае может сопровождаться различными коннотациями, ср.: *У нас дома уж, небось, давно и **отпахались** и **отсеялись*** (Горбатов, БАС); *...Он остановился, схватившись рукой за грудь: «Видно, **отбегался** я»* (Калинин, БАС).

Таким образом, финитивные модификации в русском языке имеют две основные семантические разновидности, в соответствии с которыми мы выделяем: а) собственно финитивную (эгрессивную), выражающую конец отдельных процессов или деятельности, в том числе

как выполнение задания или долга; б) финитивно-прагматическую, выражающую конец возможности реализации деятельности, которая, как правило, сопровождается определенными коннотациями, ср.: а) *Они уже **оттанцевали**, на сцене другой ансамбль*; б) *Все, я **оттанцевала**, после перелома нога плохо гнется*.

В нашем исследовании результативные и результативно-оценочные дериваты с приставкой *от-* (типа *отстроить дом*, *отгладить рубашку*) не рассматриваются. О длительно-ограничительных дериватах с приставкой *от-* типа *отслужить два года в армии* мы упоминали в разделе 2.3 данной главы.

Сопоставительный ракурс исследования определяет вовлечение в круг глаголов, анализируемых в данном разделе, и **комплетивных** дериватов с префиксом *до-*, эксплицитно выражающих последнюю фазу и завершение терминативного действия. Это объясняется, во-первых, спецификой фазисно-временной семантики данных глаголов, актуализирующих смысл окончания действия и его последнюю фазу, а во-вторых, особенностями словообразовательного выражения окончания действия в западнославянских языках, в которых финитивное и комплетивное значения не разграничены так четко, как в русском.

В русском языке префиксы *до-* и *от-*, способные эксплицитно выразить конечный фазис действия или конечную границу действия, распределены между двумя большими классами терминативных и нетерминативных глаголов. Финитивная, комплетивная и результативная словообразовательные модификации в семантическом отношении очень близки, так как все они выражают конец действия в разных его вариантах. В некоторых случаях один базовый глагол может иметь три названные модификации, ср.: *оттанцевать*, *дотанцевать*, *станцевать*.

4.4. Западнославянские финитивные модификации

В чешском и словацком языках обычно указываются два префикса, эксплицитно выражающих окончание гомогенных процессов или деятельности: *od-* и *do-*; при этом отмечается высокая продуктивность префикса *do-* [Šlosar 1981: 66; Uher 1987: 72; Sekaninová 1978: 92]. По мнению Д.Шлосара, конкуренция префиксов *od-* и *do-* лишь кажущаяся: у каждого префикса свое четко выраженное семантическое поле, причем только с *do-* связывается чисто финитивное значение [Šlosar 1981: 118].

Производные глаголы, образованные приставкой *od-* от гомогенных глаголов деятельности, используются в продуктивной модели *od- + si svoje* типа чеш. *Už jsem si svoje oddělal (odpracoval, odučil, odsloužil, odehrál)* – *Я свое уже отработал (отучил, отслужил,*

отыграл), которая, по данным информантов, выражает следующее отношение говорящего к обозначаемому действию: 'я достаточно этим занимался, все, что от меня требовалось, я выполнил'. Данная модель в чешском языке продуктивна, в принципе любой базовый глагол деятельности может иметь такую финитивно-прагматическую модификацию, хотя словари, как правило, не фиксируют соответствующие производные глаголы. Ср. отмеченные нами в разговорной речи вполне употребительные дериваты: *Já už jsem si svoje odžehlila, odeprala, oduklízela, odestála* и т.п. – (разг.) *Я свое отгладила, отстирала, отубирала, отстояла* и т.п. Ср. также: *Já jsem si svoje už odlyžoval, odbruslil, odplaval, odbohoval, odtrénoval* – *Я уже свое отходил на лыжах, откатался на коньках, отплавал, отбоксировал, оттренировался* (разг.).

Аналогичную конструкцию, включающую дериват с приставкой *od-*, находим в словацком языке: *Odpracoval som si svoje* – *Я свое отработал*; *Odsľúžili sme si svoje* – *Свое мы уже отслужили*; *Ja už som si svoje odchodila do knižnice* – *Я уже свое в библиотеке отзанималась*; *My sme si svoje odstáli, teraz stojte vy* – *Мы свое отстояли, теперь стойте вы*.

Второй тип значений дериватов с префиксом *od-* связан с выражением выполнения каких-либо обязанностей и их завершения. Ср.: *Odzkoušel za den 15 posluchačů* – *За день он проэкзаменовал* (ср. *отэкзаменовал*) *15 студентов*; *Odúřadoval si svých osm hodin a měl pokoj* – *Он отработал свои восемь часов и был свободен*; *Odvolilo už šedesát procent voličů* – *Проголосовало* (букв. *отголосовало*) *уже шестьдесят процентов избирателей*; *Dnes jsem už odučil, jdu domů* – *На сегодня я уже отучил, иду домой*.

При таком употреблении базовый глагол гомогенной деятельности модифицируется таким образом, что конечный временной предел, выражаемый префиксом *od-*, воспринимается как внутренний предел, регламентированный выполнением определенных обязанностей. Это особенно четко выражено при модификации объектных глаголов речи, например: *Oddeklamoval, odrecitoval, odskandoval básničku* – *Он отдекламовал, отчитал стихотворение*; *odučil hodinu* – *провел урок* (букв. *отучил урок*); *odemlel roli* – *отбарабанил роль*; *Staroměstský orloj odzvonil, odchrastil a odkukal druhou hodinu ranní* (PSJČ) – *Часы на Староместской площади отзвонили, отхрипели, откуковали два часа утра*.

Сходное употребление модификаций глаголов деятельности с приставкой *od-* наблюдается в словацком языке, например: *My sme už odtancovali, teraz je váš výstup* – *Мы уже оттанцевали, теперь ваш выход*; *Odsľúžil a šiel domov* – *Он отдежурил и пошел домой*; *Syn si už*

odslúžil vojenskú službu – Сын уже отслужил в армии; *Odzneli veselé piesne* – Отзвучали веселые песни; *Odzvonil školský zvonček* – Отзвонил школьный звонок.

Характерной особенностью приставки *do-* в чешском языке, обозначающей конец действия, деятельности или процесса, выступает ее сочетаемость как с терминативными, так и с нетерминативными базовыми глаголами; при этом выражаются соответственно комплетивная и финитивная модификации базового глагольного действия, ср.: *doprat* – *dopírat* (достирать – достирывать); *dokopat* – *dokopávat* (докопать – докапывать); *dobolet* (отболеть); *dolovit* (отохотиться); *doředitelovat* (отдиректорствовать). Значение последней фазы действия эксплицирует возможность образования вторичных импрефективов, которые представляют эту фазу в процессе протекания.

Финитивная модификация может реализоваться как: 1) эгрессивная, выражающая конец действия без каких-либо коннотаций и обобщений, и 2) финитивно-прагматическая со значением окончания возможности совершать действие. Вне широкого контекста предложение *Už doučil* (Он уже отучил) двузначно, оно может обозначать либо окончание конкретной деятельности (*Už doučil, nemá na dnešek nic* – Он уже отучил, сегодня у него уже больше ничего нет), либо окончание деятельности вообще и возможности ее совершать (*Ten už doučil, je teď v důchodu* – Он уже отучил и сейчас на пенсии). Последняя модификация часто сопровождается выражением сожаления по поводу окончания деятельности вообще. Она очень продуктивна и может быть образована от любого базового глагола деятельности, хотя словари чешского языка соответствующие дериваты часто не фиксируют, например: *Ten už dobojoval, dolétal, docestoval, dosportoval* – Он уже отвоевал, отлетал, отпутешествовал, отзанимался спортом. Дериваты с приставкой *do-* часто употребляются для эвфемистического обозначения смерти, например: *Stařec dodýchal* – Старик умер (букв. отдышал).

В словацком языке финитивный префикс *do-* также чрезвычайно продуктивен, он соединяется как с терминативными объектными, так и с нетерминативными безобъектными базовыми глаголами, то есть может выражать конец действия с выделением (комплетивная модификация) и без выделения (финитивная модификация) его последней фазы, что последовательно отражается в «Большом словацко-русском словаре» (VSRS). Ср.:

- dočítať* 1) bezpredm. (*prestáť čítať*) – кончить читать: *Už si dočítal?* – Ты уже кончил читать?
2) predm. дочитать (что): *dočítať knihu* – дочитать книгу;
- dopísať* 1) bezpredm. окончить писать,

- 2) predm. *дописать*: *dopisać list* – *дописать письмо*;
dopić 1) bezpredm. *кончить пить*,
 2) predm. *допить* (*чай, кофе*);
domlić 1) bezpredm. *окончить молоть*,
 2) predm. *домолоть* (*зерно*).

Финитивная модификация также может иметь как конкретный, так и обобщенно-прагматический характер. Ср.: *Domał'oval a šiel domov* – *Он кончил красить и пошел домой*; *Mám úplne zlé oči* – *domał'oval som* – *Глаза совсем плохие, отрисовал я*.

В польском языке производные с приставкой *do-*, которые могут быть образованы как от терминативных, так и от нетерминативных основ, выражают достижение действием последней фазы его развития: *dobrzmieć*, *dośpiewać* (*piosenkę*), *dopisać* (*list*) [Gramatyka 1984: 476]. Ср. русско-польские эквивалентные предложения: *Сегодня я обязательно должен дочитать книгу* – *Dzisiaj powinienem koniecznie doczytać książkę*; *Ребенку надо обязательно доест суп* – *Dziecko powinno koniecznie dojeść zupę*. Глаголы типа *dobrzmieć* (которых в польском языке немного – около десятка) могут толковаться двояко: 1) *przestać brzmieć*; 2) *brzmieć do końca*, ср. также: *dosiedzieć* (*досидеть / отсидеть*), *dosłużyć* (*дослужить / отслужить*), *dotańcować* (*доманцевать / отманцевать*) [Piernikarski 1969: 124, 125]. Отметим, что от ряда тех же базовых глаголов возможно образование финитивной модификации с приставкой *prze-*: *przebrzmieć* – *отзвучать*, *przechuczeć* – *отшуметь*, *przekwitnąć / przekwitać* – *отцвести / отцветать*. Комплетивные дериваты могут быть представлены не только в СВ, но и в НСВ, ср.: *dobudować / dobudowywać* – *достроить / достраивать*, *dogotować / dogotowywać* – *доварить / доваривать*.

Фазисно-временные дериваты с приставкой *od-* в «Грамматике польского языка» (1984) называются нормативно-пердуративными: они выражают завершение действия как выполнение определенного требования или норм [Gramatyka 1984: 475], например: *odstać* – *отстоять*, *odczekać* – *прождать*, *odslużyć* – *отслужить*, *odegrać* – *отыграть*, *oddeklamować* – *отдекламировать*. О том, что элемент завершения действия в значении данных глаголов обусловливается не только совершенным видом, но и семантикой деривационной модели в целом, свидетельствует тот факт, что вторичные имперфективы, возможные от некоторых подобных дериватов, не могут выражать единичный разворачиваемый во времени процесс и употребляются преимущественно для обозначения повторяющихся действий [Piernikarski 1969: 121]. В.Смех подчеркивает синонимию подобных дериватов с глаголами, имеющими другие приставки (что, в общем, характерно и для русского языка), ср.: *odstać / wystać* – *отстоять / выстоять*, *odtrąbić / zatrąbić* – *оттрубить / протрубить*, *odtańczyć /*

zatańczyć – *оттанцевать* / *станцевать* [Śmiech 1986: 80]. У некоторых дериватов с приставкой *od-* отмечается преимущественное употребление в официальном стиле речи (например, *odczytać rezolucję* – *зачитать резолюцию*, *odśpiewać hymn* – *пропеть гимн*), при этом приставка *od-* приближается по своей функции к результативным приставкам *prze-* и *za-* (ср. *przeczytać*, *zaśpiewać*).

4.5. Сопоставительное исследование акциональных финитивных модификаций в русском и западнославянских языках

Богатый репертуар сходных средств выражения конца действий, деятельности, процессов в сопоставляемых языках, включающий префиксы *do-*, *om-*, *do-*, *od-*, глаголы *закончить*, *кончить*, *перестать*, позволяет передать все нюансы фазисного значения, способствует максимальной адекватности перевода с одного языка на другой. Тем не менее каждый из сопоставляемых языков имеет свою специфику в выражении данного частотного смысла.

Как представляется, смыслы просто окончания действия и окончания с одновременной актуализацией последней фазы в семантике чешских и словацких дериватов с префиксом *do-* разграничены не так четко, как в русском языке, где два названных значения опираются на два разных префикса. Проанализируем этот тезис на основе русско-чешского сопоставления. Средством разграничения данных смыслов в чешском языке являются внутренний (лексический) и внешний (прежде всего заполнение валентностей) контексты. Ср.: *Dnes jsem tu knihu dočetl* – *Сегодня я эту книгу дочитал*; *Dnes jsem už dočetl* – *На сегодня я уже закончил чтение*; *Teď už dočetl: nic nevidí* – *Он уже (свое) отчитал: ничего не видит*.

Последняя фаза в обоих языках может быть выражена нетерминативными глаголами, если время протекания деятельности или процесса определено 1) социальными или 2) физическими нормами и правилами. Первый тип дериватов встречается в обоих языках, ср.: *dosloužit* / *dosluhovat* – *дослужить* / *дослуживать* (разг.), *doguľat* / *doguľivat* (*отпуск*) (разг.); второй в большей степени характерен для чешского языка. Ср. достаточно регулярное образование вторичных имперфективов от безобъектных глаголов, обозначающих колебательные движения, затухание которых подчиняется определенным физическим законам: *dohoupát se* / *dohoupávat se* (*Houpačka se dohoupává* – *Качели перестают качаться*); *dokolébat se* / *dokolébávat se* (*Kolébka se dokolébává* – *Люлька перестает качаться*). Здесь между чешским и русским языками наблюдаются различия в том, какие нетерминативные глаголы комбинируются с модификационным словообразовательным

значением актуализации последней фазы, представленной в совокупности с окончанием действия (СВ) или в процессе протекания (НСВ).

Завершение нетерминативной деятельности в русском языке, как правило, нельзя представить в виде процесса, в чешском же языке в целом ряде случаев возможно образование вторичных имперфективов от финитивных дериватов, ср.: *dobolet / dobolívát – отболеть*; *doznět / doznívát – отзвучать*; *dobojovat / dobojovávát – отвоевать*; *dohvízdat / dohvízdávát – отсвистеть*, но: *dofilozofovat – отфилософствовать*; *dolovit – отохотиться*; *dorybařit – отрыбачить*.

Между русским и чешским языками наблюдаются различия в способах выражения конца деятельности. Ср.: *Už spolu dokamarádili – Они уже не дружат* (букв. 'Они уже отдружили'). Можно в общем определить группы глаголов, для которых такое несоответствие наиболее характерно. В русском языке конец колебательных, вращательных движений, как правило, обозначается при помощи фазисного глагола, в чешском же языке в подобных случаях активно используется префикс *do-*. Ср.: *Roleta se dotočila – Рюлетка перестала вращаться* (остановилась); *Houpačka se dohoupala – Качели перестали качаться*; *Struny se dochvěly – Струны замерли* (букв. перестали дрожать); *Těličko dítěte se dotřáslo – Ребенок перестал дрожать* (букв. Тельце ребенка перестало дрожать). Напротив, вызванное теми или иными причинами окончание психических, эмоциональных переживаний и внешних проявлений чувств в русском языке может быть выражено синтетически, при помощи приставки *от-*, в чешском языке только аналитически, ср.: *отгрустить – přestat se rmoutit*; *отвеселиться – přestat se bavit*; *отмучиться – přestat se trápit*; *отсмеяться – přestat se smát*.

Подчеркнем, что на уровне конкретных текстов способы передачи конца деятельности или процесса в каждом языке разнообразны и случаи формально-семантического тождества при выражении данного смысла между сопоставляемыми языками редки. Ср. авторские переводы русских предложений с анализируемыми дериватами на чешский язык, проверенные информантами-чехами, владеющими русским языком: *Поезд ушел очень скоро, отсвистел, отдымил, отшумел* (Пильняк) – *Vlak odejel velmi rychle, je po hvízdání, po čoudění, po hukotu*; *Хватит, отбоялся* (разг.) – *To stačí, už jsem se přestal bát* (*Už jsem se nabál dost*).

Существующие формальные и взаимосвязанные с ними семантические различия при обозначении конца деятельности могут привести к тому, что идентичные ситуации в чешском и русском языках стилизуются по-разному. Например, команда к поющим в строю солдатам *Dozpívat!* соответствует русскому *Отставить песню!* (*Прекратить пение!*). Однако конец деятельности в этих приказах представлен неодинаково. В русском языке приведенное предложение означает не-

медленное прекращение действия. Чешское *Dozpívat!* предполагает завершение куплета или какой-то части песни и затем ее прекращение. Аналогично приказ *Dojist!*, обращенный, например, к жующим на уроке ученикам, выражает приказ доесть то, что они едят, и прекратить есть; *Docvičit!* – ‘закончить упражнение и перестать упражняться’. В этих случаях два значения префикса *do-* (соответствующие значениям приставок *до-* и *от-*) как бы сливаются в одно.

Русской модели *Я свое уже отработал*, способной выражать как а) выполнение долга (ср. *Я свое уже отработал, теперь поработайте вы*), так и б) исчерпание внутренних ресурсов и возможности совершать действие (ср. *Я свое отработал, нет сил работать дальше*), в чешском и словацком языках соответствуют две модели: а) *Už jsem si svoje odpracoval* и б) *Už jsem dopracoval*.

В польском языке префикс *do-* при выражении окончания гомогенных деятельности и процесса не является столь продуктивным, как в чешском и словацком языках. Комплетивная модификация в польском языке, как и в других сопоставляемых языках, образуется в основном от терминативных глаголов, например: *dojeść* – *доесть*, *doczytać* – *дочитать*. Ср.: *Dzisiaj powinienem koniecznie doczytać książkę* – *Сегодня я обязательно должен дочитать книгу*; *Dziecko powinno koniecznie dojeść zupę* – *Ребенок обязательно должен доесть суп*. Но в русском языке комплетивная модификация базовых терминативных глаголов, по нашим наблюдениям, более употребительна, чем в польском, где смысл завершения последней фазы действия часто выражается аналитически конструкцией с фазовыми глаголами *dokończyć*, *ukończyć*. Этот факт отмечает и Н.Е.Ананьева в сопоставительном исследовании префиксальных глаголов с приставками *do-* /*до-* в современных польском и русском языках, правда, лишь по отношению к глаголам говорения типа *досказать* [Ананьева 1996: 40]. Ср. перевод на польский язык других русских дериватов с приставкой *до-* при помощи аналитических конструкций: *Строители дом не достроили, так и стоит незаконченный* – *Budowniczo wie nie dokończyli domu, stoi więc niedokończony*; *Я не доделал работу до конца, закончу через несколько дней* – *Nie dokończyłem (nie ukończyłem) pracy, ukończę za kilka dni*. Ср. также примеры, почерпнутые из русско-польских словарей, ср.: *добрить* – *dokończyć (skończyć) golenie kogo, ogolić do końca*; *домыть* – *skończyć myć co*; *дописать* – *skończyć pisanie*; *доломать* – *połamać (złamać) do końca*; *дочистить* – *wyczyścić do końca*; *дотаять* – *roztopić się (stajać) do końca*; *дообедать* – *skończyć obiad*; *досмотреть фильм* – *obejrzeć do końca* и т.д. В некоторых случаях информанты допускают употребление польских дериватов с приставкой *do-* в разговорном языке, например: *Я дописал статью только сегодня* –

Dopisałem (do końca) artykuł dopiero dzisiaj; Она дошьет костюм завтра – Doszyje (ср. ukończy) garnitur jutro.

Таким образом, проведенное исследование выявило некоторые расхождения в представлении окончания гомогенного процесса или деятельности в сопоставляемых языках, отраженное в семантике соответствующих дериватов. В частности, в некоторых случаях в чешском языке при выражении окончания действия неважно разграничение комплетивных и финитивных значений, то есть неважно, представляется ли конец действия с выделением последней фазы или без такого выделения (например, при обозначении конца колебательного движения). С другой стороны, значение завершения выполнения обязанностей в чешском языке выражено более четко, чем в русском, в котором данное значение не воспринимается как самостоятельное на фоне широкого употребления префикса *om-* для выражения окончания деятельности вообще. Для польского языка, по сравнению с русским, в большей степени характерно аналитическое выражение завершения последней фазы действия при помощи глаголов *ukończyć, skończyć*.

5. Краткие выводы

1. Делимитативы в русском языке представляют высокопродуктивную модификацию. От глаголов со значением конкретной деятельности образуются прототипические делимитативы (типа *поработать, погулять, побегать*), но данную модификацию могут иметь также гомогенные глаголы со значением психического, физического, эмоционального состояний субъекта, поведения, обобщенной деятельности, инактивных физических процессов, хотя дериваты типа *побастовать, позаседать, поучаствовать, поцарствовать, погноиться* менее употребительны, встречаются в основном в разговорной речи и не всегда фиксируются в словарях русского языка.

2. Сопоставление с западнославянскими языками выявило расхождения в фазисно-временной семантике делимитативов – различную акцентировку конечной границы действия, которая в русском языке, как правило, сигнализирует прекращение действия, а в западнославянских указывает лишь на конечную границу временного отрезка, соотносимого с действием.

3. Фазисно-временная специфика русских делимитативов определяет другие особенности их семантики и употребления. Развитие делимитативов некоторых свойств соотносительных по виду глаголов СВ возможно в русском языке при невыраженности в их семантике оценочного компонента и при употреблении в контекстах, где обяза-

телен или предпочтителен СВ: в императиве, при повествовании в прошедшем времени, в ряде инфинитивных конструкций.

4. Чешский и словацкий языки отличаются от русского наличием продуктивных ограничительно-прагматических модификаций, образуемых по модели *po- + si*, *za- + si* и характеризующихся сатисфактивным элементом значения ('действие совершается с удовлетворением или удовольствием'). В польском языке также распространены дериваты *po- + sobie* (как результат соединения делимитатива с «медиальным» формантом *sobie*), дериваты *za- + sobie* единичны. Дериватами *za- + si* в чешском и словацком языках выражается, как правило, приятная для производителя деятельность (на что указывает формант *si*), независимо от объективной продолжительности представленная как единый квант.

5. Длительно-ограничительная (пердуративная) модификация в русском и западнославянских языках обнаруживает значительное сходство – выражает заполнение деятельностью или процессом определенного промежутка времени, оцениваемого обычно как продолжительный, причем после его истечения действие не обязательно должно прекратиться. Между русским и западнославянскими языками в выражении данной модификации были выявлены следующие различия: мотивирующая база пердуративов в русском языке в целом шире, чем в западнославянских, причем наибольшие расхождения отмечены между русским и чешским языками: в последнем пердуративы крайне редко образуются от терминативных и инактивных базовых глаголов. Во всех западнославянских языках исключена сочетаемость данных производных с указанием на временную границу действия типа *до утра, до двух часов*.

6. В настоящем исследовании в соответствии с русской лингвистической традицией различаются инхоативная ('начало длительного действия') и ингрессивная ('начало без четкой прорисовки продолжения действия') разновидности словообразовательной начинательной модификации, имеющие различную мотивирующую базу, сочетаемостные свойства, синонимические связи в русском языке, причем глаголы с приставкой *za-* могут выражать оба типа начинательности.

7. Русские ингрессивы с приставкой *za-* функционально и формально соотносятся с западнославянскими дериватами с приставкой *za-*, выражающими квантовую модификацию базовых глаголов. С семантической точки зрения данные русские и западнославянские дериваты неэквивалентны: чешские и словацкие глаголы выражают кратковременное проявление действия (квант восприятия гомогенного процесса или деятельности), тогда как соответствующие русские глаголы выражают начинательное значение ингрессивного типа: продолжение начатого действия уходит как бы на второй план, и вообще неясно, продолжалось ли действие после начала или сразу закончи-

лось. В чешском, словацком и польском языках начало продолжительного действия (инхоативная начинательность) выражается аналитической конструкцией.

8. Квантовое восприятие действия, выражаемое в западнославянских языках дериватами с приставкой *za-*, не препятствует развитию у ряда глаголов рассматриваемого типа при поддержке контекста значения начинательности. Польские дериваты с приставкой *za-* отличаются от чешских и словацких большей способностью к актуализации начинательности.

9. Сопоставительное изучение начинательной модификации в русском и западнославянских языках выявило различия не только в средствах ее выражения, но и в содержательном плане – в ряде случаев между данными языками наблюдаются расхождения в представлении идентичных ситуаций, то есть некоторые расхождения во фрагментах языковых «картин мира». Эти различия, однако, не слишком значительны и практически не влияют на адекватность перевода с одного языка на другой.

10. Для выражения результата интенсивной деятельности в русском и западнославянских языках используется сходная деривационная модель типа *докричаться до кого-либо* – чеш. *dokřičet se*, словац. *dokričať sa*, пол. *dokrzyzcze się*; *достучаться* – чеш. *doklepat se*, пол. *dopukać się – dopukiwać się*; *дозвониться* – *дозваниваться* – чеш. *dovolat se*, пол. *dodzwonić się – dodzwaniać się*.

11. В русском языке продуктивны конструкции типа *добежаться (до простуды, до неприятностей)*, выражающие достижение определенной точки в развитии действия, после которой наступают нежелательные его последствия, либо подразумеваемые, либо эксплицитно выражаемые отдельной лексемой или синтаксической конструкцией. Данные производные отсутствуют в чешском и словацком языках, а в польском представлены единичными дериватами.

12. В русском языке два префикса (*до-* и *от-*), способные эксплицитно выразить конечный фазис или конечную границу действия, распределены между двумя большими классами терминативных и нетерминативных глаголов. Финитивную модификацию имеют в основном гомогенные базовые глаголы, в лексическом значении которых не содержится указания на конечный предел действия, типа *греметь, плакать, воевать, служить* (ср. *отгреметь, отплакать, отвоевать, отслужить*). Дериваты с префиксом *до-* (комплетивная модификация) образуются преимущественно от терминативных глаголов, причем они имеют корреляты НСВ (ср. *Он дописал / дописывает письмо*).

13. Финитивные модификации в русском языке имеют две основные семантические разновидности, в соответствии с которыми в работе выделяются: а) собственно финитивная (агрессивная), выража-

ющая конец отдельных процессов или деятельности, в том числе как выполнение задания, обязательств или исчерпание ресурсов; б) финитивно-прагматическая, выражающая конец возможности реализации деятельности, которая, как правило, сопровождается определенными коннотациями.

14. Характерной особенностью продуктивной приставки *do-*, обозначающей в чешском и словацком языках конец действия, деятельности или процесса, выступает ее сочетаемость как с терминативными (комплетивная модификация), так и с нетерминативными (финитивная модификация) базовыми глаголами. Как представляется, смыслы просто окончания действия и окончания с одновременной актуализацией последней фазы в семантике чешских и словацких дериватов с префиксом *do-* разграничены не так четко, как в русском языке, где два названных значения опираются на два разных префикса. Средством разграничения данных смыслов являются внутренний (лексический) и внешний (прежде всего заполнение валентностей) контексты.

15. В польском языке временной префикс *do-* также соединяется как с нетерминативными, так и с терминативными базовыми глаголами, причем немногочисленные дериваты типа *dobrzmieć* могут быть интерпретированы двояко: 'перестать греметь' или 'догреметь до конца'. Комплетивные дериваты, образованные от базовых терминативных глаголов, в польском языке менее употребительны, чем в русском, так как смысл завершения последней фазы терминативного действия в польском языке часто выражается аналитически.

16. На уровне конкретных текстов способы передачи конца деятельности или процесса в каждом языке разнообразны, и случаи формально-семантического тождества при выражении данного смысла (если в одном из них используются словообразовательные средства) между сопоставляемыми языками редки.

• ЗАКЛЮЧЕНИЕ •

Идея времени в семантической структуре русского и, шире, славянского глагола представлена как темпоральная модель действия, фиксирующая его ограниченность / неограниченность временным пределом и другие параметры протекания во времени.

Изучение «скрытой» категориальности в лексическом значении глаголов, а также «явных» словообразовательных категорий глагола и категории вида позволило определить наиболее общие концепты, лежащие в основе аспектуальной категоризации действий в русском и других сопоставляемых с ним славянских языках: динамичность / статичность, гетерогенность / гомогенность, ограниченность / неограниченность действия пределом, мгновенность / немгновенность, локализованность / нелокализованность во времени. Данные концепты закреплены в самой языковой системе и лежат в основе категоризации динамических явлений в славянских языках, позволяя свести бесчисленное множество явлений изменяющегося мира к конечному набору языковых категорий.

Оппозиция ограниченности / неограниченности действия пределом в славянских языках получила статус категориальной как в лексике и словообразовании, так и в грамматике, являясь концептуальной основой лексико-грамматических разрядов терминативных (предельных) и нетерминативных глаголов, фазисно-временных СГД и грамматической категории вида.

В русском и сопоставляемых с ним славянских языках выработан особый механизм актуализации предела действия в рамках грамматической категории вида в зависимости от параметров протекания обозначаемого действия во времени, его локализации на временной оси и восприятия говорящим. Глагольный вид в славянских языках характеризуют словообразовательный механизм видообразования и аналогичные грамматические последствия префиксации и суффиксации глаголов – их перфективация и имперфективация. Иными словами, образование новых глагольных лексем связано с формообразованием, причем не только с образованием форм СВ и НСВ, но в восточно- и западнославянских языках и форм времени. Подчеркнем, что словообразовательный механизм видообразования не препятствует признанию за категорией вида грамматического статуса во всех сопоставляемых языках. Тем не менее категория вида в славянских языках различается степенью близости к прототипической грамматической кате-

гории и может занимать разные позиции по шкале «словоизменение» – «словообразование». На основе исследования зависимости видообразования от семантики и словообразовательной структуры исходного глагола, а также сопоставления регулярности и границ вторичной имперфективации можно утверждать, что степень грамматичности вида в русском языке меньше, чем в болгарском, и больше, чем в чешском и словацком языках.

Как показатель степени грамматичности категории вида рассматриваем обязательность употребления того или иного вида при обозначении кратных действий, в настоящем историческом, в претеритальных повествовательных текстах, в императиве, при отрицании и др. (то есть вне категориальной оппозиции актуально-процессного значения НСВ и конкретно-фактического значения СВ). Высокая степень нормированности употребления видов связана с подчинением их функционирования правилам построения синтаксических конструкций и текста, что характерно именно для грамматических форм. Обязательность употребления того или иного вида (прежде всего НСВ) в некоторых типах контекста в русском языке (так же как и в болгарском) больше, чем в западнославянских языках; это свидетельствует в целом о меньшей свободе выбора видов и о большей нормированности их употребления в русском и болгарском языках.

Различия в употреблении видов и видообразовании между русским и сопоставляемыми с ним славянскими языками объясняются не только асимметрией категориального значения и синтагматических свойств видов, но и некоторыми расхождениями в семантике видовой оппозиции на системном уровне. В русском и болгарском языках категориальная видовая оппозиция ближе к привативной, в чешском и словацком представляет собой переходную ступень от привативной к эквиполентной. Польский язык занимает в этом отношении промежуточное положение между названными языками.

Тесным взаимодействием словообразовательных и грамматических категорий глагола, а также высокой степенью грамматичности вида в русском языке можно объяснить и втягивание в сферу действия ослабленной интенциональности употребления форм также словообразовательных разрядов глаголов, примыкающих к категории вида: начинательных дериватов с приставкой *за-* и делимитативов с приставкой *по-*. Иными словами, в русском языке употребление дериватов со словообразовательным значением начинательности или ограниченности во времени в некоторых случаях регулируется не намерением говорящего выразить эти словообразовательные значения, а другими правилами, например правилами построения побудительных конструкций или повествовательных текстов. Русский язык, таким образом, идет по пути расширения видовой коррелятивности за

счет распространения правил употребления парных по виду глаголов на некоторые акциональные дериваты, актуализирующие временные границы действия.

Несмотря на системные сходства в организации категории вида и внутриглагольного словообразования, аналогичные онтологические типы действий и их параметры протекания во времени в русском, западнославянских и болгарском языках в ряде случаев концептуализируются несколько по-разному, что определяет различия в употреблении видов, а также семантике акциональных дериватов, отражающих некоторые расхождения в восприятии начального, конечного пределов действия, разные способы ограничения действия во времени.

Как представляется, антропоцентричный подход к языку, учитывающий «чисто человеческую точку зрения на мир» (Е.С.Кубрякова), отраженную в семантике языковых единиц, категорий и принципах построения последних, не должен противопоставляться системоцентричному подходу, при котором исследование и описание языка проводятся с использованием системных методов. Названные выше подходы к исследованию языков мы рассматриваем как две адекватные, хотя и неполные, модели описания, которые находятся в отношении «принципа дополнительности». Проведенное исследование аспектуальной категоризации действий в русском и некоторых других славянских языках показало, что различия в восприятии и категоризации онтологически идентичных действий и их параметров во многом определяются отношениями, сложившимися в аспектуальной системе каждого языка. Системность различий в языковых картинах мира может быть в полной мере исследована только при взаимодействии антропо- и системоцентричного принципов. Именно такой синтезирующий подход к описанию вида и фазисно-временных акциональных модификаций в русском и некоторых других славянских языках мы стремились реализовать в данной работе.

• БИБЛИОГРАФИЯ •

- Авилова 1976** – Авилова Н.С. Вид глагола и семантика глагольного слова. М., 1976.
- Адмони 1964** – Адмони В.Г. Основы теории грамматики. М.;Л., 1964.
- Адмони 1988** – Адмони В.Г. Грамматический строй как система построения и общая теория грамматики. М., 1988.
- Алисова 1974** – Алисова Т.Б. К вопросу о так называемых «стативных» предикатах // Всесоюзная научная конференция по теоретическим вопросам языкознания. М., 1974.
- Ананьева 1993** – Ананьева Н.Е. Функционирование форм прошедшего времени совершенного вида со значением повторяемости в польском языке (в сопоставлении с русским) // Исследования по глаголу в славянских языках. Типология и сопоставление. Варшава, 1993.
- Ананьева 1996** – Ананьева Н.Е. Приставочные глаголы с префиксом ДО- / ДО- в современных русском и польском языках // Исследования по глаголу в славянских языках. Глагольная лексика с точки зрения семантики, словообразования, грамматики. М., 1996.
- Андрейчин 1949** – Андрейчин Л. Грамматика болгарского языка. М., 1949.
- Анкета 1997** – Ответы на вопросы аспектологической анкеты филологического факультета МГУ // ТАСФ. Т. 2, М., 1997.
- Аношкин 1991** – Аношкин А.Н. Глаголы с объемно-следственными акциональными модификаторами и их синтаксические свойства: АКД. Воронеж, 1991.
- Апресян 1967** – Апресян Ю.Д. Экспериментальное исследование семантики русского глагола. М., 1967.
- Апресян 1974** – Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974.
- Апресян 1980a** – Апресян Ю.Д. Типы информации для поверхностно-семантического компонента модели «смысл <=> текст» // Wiener Slawistischer Almanach. 1980. Bd 4.
- Апресян 1980b** – Апресян Ю.Д. Нетривиальные семантические признаки и правила выбора значений // Восприятие языкового значения. Калининград, 1980.
- Апресян 1986** – Апресян Ю.Д. Перформативы в грамматике и словаре // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1986. Т. 45, № 3.
- Апресян 1988a** – Апресян Ю.Д. Морфологическая информация для толкового словаря // Словарные категории. М., 1988.
- Апресян 1988b** – Апресян Ю.Д. Глаголы моментального действия и перформативы в русском языке // Русистика сегодня. М., 1988.
- Апресян 1995** – Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т. II. Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995.
- Апресян 1997** – Апресян Ю.Д. Лексикографическая трактовка вида: нетривиальные случаи // ТАСФ. Т. 2, М., 1997.
- Арутюнова 1980** – Арутюнова Н.Д. К проблеме функциональных типов лексического значения // Аспекты семантических исследований. М., 1980.
- Арутюнова 1992** – Арутюнова Н.Д. Язык цели // Модели действия. Лексический анализ языка. М., 1992.

- Бабенко 1984** – Бабенко Л.Г. (ред.) Русская глагольная лексика: пересекаемость парадигм. Екатеринбург, 1997.
- Балли 1955** – Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955.
- Барентсен 1978** – Барентсен А. Наблюдения над союзом *пока* // Dutch Contributions to the VIII International Congress of Slavists. Amsterdam, 1978.
- Барентсен 1992** – Барентсен А. Об обстоятельствах ограниченной кратности действия в русском языке. Ч. I // Studies in Russian Linguistics. Amsterdam; Atlanta, 1992.
- Барентсен 1995** – Барентсен А. Трехступенчатая модель инварианта совершенного вида в русском языке // Семантика и структура славянского вида. I. Kraków, 1995.
- Барентсен 1997** – Барентсен А. Роль лексического значения глагола при выборе вида в контексте ограниченной кратности // Семантика и структура славянского вида. II. Kraków, 1997.
- Барентсен 1998** – Барентсен А. Признак «секвентная связь» и видовое противопоставление в русском языке // Типология вида. Проблемы, поиски, решения. М., 1998.
- Барнет 1983** – Барнет В. К проблеме языковой эквивалентности при сравнении // Сопоставительное изучение русского языка с чешским и другими славянскими языками. М., 1983.
- Бенвенист 1974** – Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1973.
- Богуславский 1972** – Богуславский А. К вопросу о семантической стороне глагольных видов // Z polskich studiów slawistycznych. Prace na VII Międzynarodowy Kongres Slawistów w Warszawie 1973. Warszawa, 1972.
- Бодуэн де Куртенэ 1963** – Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию. Т. II. М., 1963.
- Болдырев 1994** – Болдырев Н.Н. Категориальное значение глагола. Системный и функциональный аспект. С.-Петербург, 1994.
- Болдырев 1995** – Болдырев Н.Н. Функциональная категоризация английского глагола. С.-Петербург; Тамбов, 1995.
- Бондарко 1958** – Бондарко А.В. Настоящее историческое (*praesens historicum*) глаголов несовершенного и совершенного вида в чешском языке // Slavia. 1958. XXVIII.
- Бондарко 1959** – Бондарко А.В. Настоящее историческое в славянских языках с точки зрения глагольного вида. Славянское языкознание. М., 1959.
- Бондарко 1971** – Бондарко А.В. Вид и время русского глагола. М., 1971.
- Бондарко 1976** – Бондарко А.В. Теория морфологических категорий. М., 1976.
- Бондарко 1978** – Бондарко А.В. Грамматическое значение и смысл. Л., 1978.
- Бондарко 1979** – Бондарко А.В. Принципы сопоставительных исследований аспектуальных отношений // Acta ling. Academiae Scientiarum Hungaricae. 1979. T. 29, № 3–4.
- Бондарко 1982** – Бондарко А.В. Грамматические категории слова в тексте и в системе языка (на материале глагольного вида) // Русский язык. Текст как целое и компоненты текста. Виноградовские чтения XI. М., 1982.
- Бондарко 1984а** – Бондарко А.В. Функциональная грамматика. М., 1984.
- Бондарко 1984б** – Бондарко А.В. О системно-структурной организации грамматических категорий слова // Слово в грамматике и словаре. М., 1984.
- Бондарко 1986** – Бондарко А.В. Семантика предела // ВЯ. 1986. № 1.

Бондарко 1987 – Бондарко А.В. Аспектуальность // Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л., 1987.

Бондарко 1988 – Бондарко А.В. Интерпретационные аспекты семантики длительности в русском языке // Язык: система и функционирование. М., 1988.

Бондарко 1991 – Бондарко А.В. Предельность и глагольный вид (на материале русского языка) // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1991. Т. 50, № 3.

Бондарко 1992 – Бондарко А.В. К проблеме соотношения универсальных и идиоэтнических аспектов семантики: интерпретационный компонент грамматических значений // ВЯ. 1992. № 3.

Бондарко 1993 – Бондарко А.В. Глагольный вид в высказывании: признак 'возникновение новой ситуации' // Russian Linguistics. 1993. Vol. 16.

Бондарко 1994 – Бондарко А.В. К проблеме интенциональности в грамматике (на материале русского языка) // ВЯ. 1994. № 2.

Бондарко 1996a – Бондарко А.В. Теория инвариантности Р.О.Якобсона и вопрос об общих значениях грамматических форм // ВЯ. 1996. № 4.

Бондарко 1996b – Бондарко А.В. Проблемы грамматической семантики и русской аспектологии. С.-Петербург, 1996.

Бондарко, Буланин 1967 – Бондарко А.В., Буланин Л.Л. Русский глагол. Л., 1967.

Брой 1997 – Брой В. Семантика глагольного вида как отвлечение от предельных свойств лексем (иерархическая модель компонентов) // Семантика и структура славянского вида. II. Kraków, 1997.

Булыгина 1977 – Булыгина Т.В. Проблемы теории морфологических моделей. М., 1977.

Булыгина 1980 – Булыгина Т.В. Грамматические и семантические категории и их связи // Аспекты семантических исследований. М., 1980.

Булыгина 1982 – Булыгина Т.В. К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические типы предикатов. М., 1982.

Булыгина, Шмелев 1997 – Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1997.

Васильев 1981 – Васильев Л.М. Семантика русского глагола. М., 1981.

Вежбицкая 1996 – Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М., 1996.

Вежбицкая 1999 – Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. М., 1999.

Венедиктов 1976 – Венедиктов Г.К. Об одном редком явлении в системе глагольного вида в болгарском литературном языке // Славянское и балканское языкознание. Проблемы морфологии современных славянских и балканских языков. М., 1976.

Виноградов 1972 – Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.; Л., 1972.

Виноградов 1975 – Виноградов В.В. Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии // Виноградов В.В. Исследования по русской грамматике. Избранные труды. М., 1975.

Виноградов 1980 – Виноградов В.В. Стиль «Пиковой дамы» // Избранные труды. О языке художественной прозы. М., 1980.

Виноградова 1984 – Виноградова В.Н. Стилистический аспект русского словообразования. М., 1984.

Виноградова 1987 – Виноградова В.Н. Словообразовательные средства иронии // Русский язык в школе. 1987. № 3.

- Витгенштейн 1994** – Витгенштейн Л. Философские работы. М., 1994.
- Волохина, Попова 1993** – Волохина Г.А., Попова З.Д. Русские глагольные приставки: семантическое устройство, системные отношения. Воронеж, 1993.
- Волохина, Попова 1994** – Волохина Г.А., Попова З.Д. Русские приставочные глаголы и их значения. Воронеж, 1994.
- Вригт 1986** – фон Вригт Г.Х. Логико-философские исследования. Избранные труды. М., 1986.
- Всеволодова 1983** – Всеволодова М.В. Некоторые случаи выражения времени в русском языке // *Russian Linguistics*. 1983. № 13.
- Всеволодова 1984** – Всеволодова М.В. Некоторые закономерности сочетаемости слов и словоформ в предложении // *Сочетаемость слов и вопросы обучения русскому языку иностранцев*. М., 1984.
- Всеволодова 1986** – Всеволодова М.В. Некоторые случаи выражения времени в русском языке // *Russian Linguistics*. 1986. № 10.
- Всеволодова 1990** – Всеволодова М.В. К вопросу о семном составе славянского глагольного вида // *Проблемы сопоставительной грамматики славянских языков*. М., 1990.
- Всеволодова 1997** – Всеволодова М.В. Аспектуально значимые лексические и грамматические семы русского глагольного слова. (Закон семантического согласования, валентность и глагольный вид) // *ТАСФ*. Т. 1. М., 1997.
- Гак 1992** – Гак В.Г. Номинация действия // *Модели действия. Логический анализ языка*. М., 1992.
- Гжегорчикова 1997** – Гжегорчикова Р. Новый взгляд на категорию вида в свете когнитивной семантики // *ТАСФ*. Т. 2. М., 1997.
- Гиро-Вебер 1990** – Гиро-Вебер М. Вид и семантика русского глагола // *ВЯ*. 1990. № 2.
- Гийом 1992** – Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики. М., 1992.
- Глагол 1964** – Глагол, наречие, предлоги, союзы. Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в. М., 1964.
- Гловинская 1982** – Гловинская М.Я. Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола. М., 1982.
- Гловинская 1989** – Гловинская М.Я. Семантика, прагматика и стилистика видо-временных форм // *Грамматические исследования. Функционально-стилистикальный аспект*. М., 1989.
- Гловинская 1997** – Гловинская М.Я. Еще раз к вопросу об инвариантах совершенного и несовершенного вида // *ТАСФ*. Т. 1. М., 1997.
- Гловинская 1998** – Гловинская М.Я. Инвариант совершенного вида в русском языке // *Типология вида. Проблемы, поиски, решения*. М., 1998.
- Головин 1966** – Головин Б.Н. Приставочное внутриглагольное словообразование в современном русском литературном языке: АДД. М., 1966.
- Горшкова, Петрухина 1986** – Горшкова К.В., Петрухина Е.В. (ред.) Вопросы изучения русского языка в сопоставлении с другими языками. М., 1986.
- Грубор 1962** – Грубор Дж. Видовые значения // *Вопросы глагольного вида*. М., 1962.
- Гуревич 1994** – Гуревич В.В. Глагольный вид в русском языке. Пособие для изучающих русский язык. М., 1994.
- Гусман 1990** – Гусман Р. Выражение хронологических отношений между действиями в сложноподчиненном предложении в русском языке: АКД. М., 1990.
- Гусман 1993** – Гусман Р. Выражение хронологических отношений между действиями в сложноподчиненном предложении в русском языке. М., 1993.

- Гусман, Петрухина 1991** – Гусман Р., Петрухина Е.В. Синтаксические функции глагольного вида и лексическое значение глагола в русском языке // Русистика. 1991. № 2.
- Деянова 1967** – Деянова М. За една особеност на употребата на свършения глаголен вид в словенски и словашки език // Език и литература. 1967. № 4.
- Деянова 1976** – Деянова М. Из сърбохърватско-българската съпоставителна аспектология // Български език. 1976. Кн. 6.
- Деянова 1979** – Деянова М. За атенуативния начин на действие при българския и чешкия глагол // Български език. 1979. Кн. 4.
- Долгополов 1980** – Долгополов Л.К. Принципы и приемы изображения города (Приложения) // Белый А. Петербург. Сер. «Литературные памятники». Л., 1981.
- Дурст-Андерсен 1997** – Дурст-Андерсен П.В. Совершенный и несовершенный вид русского глагола с позиции ментальной грамматики. Семантика. Прагматика // ТАСФ. Т. 1. М., 1997.
- Дюрен 1995** – Дюрен Ж. Обработка процесса и вид глагола // Семантика и структура славянского вида. I. Краков, 1995.
- Жирмунский 1968** – Жирмунский В.М. О природе частей речи и их классификации // Вопросы теории частей речи на материале языков различных типов. Л., 1968.
- Зализняк 1967** – Зализняк А.А. Русское именное словоизменение. М., 1967.
- Зализняк 1995** – Зализняк Анна А. Опыт моделирования семантики приставочных глаголов в русском языке // Russian Linguistics. 19. 1995.
- Засорина 1979** – Засорина Л.Н. (ред.). Образование употребительных слов русского языка. М., 1979.
- Земская 1955** – Земская Е.А. Типы одновидовых приставочных глаголов в современном русском языке // Исследования по грамматике русского литературного языка. М., 1955.
- Земская 1990** – Земская Е.А. Словообразование и текст // ВЯ. 1990. № 6.
- Земская 1992** – Земская Е.А. Словообразование как деятельность. М., 1992.
- Змарзер 1996** – Змарзер В. Семантическая характеристика ядерных глаголов в современных польском и русском языках // Исследования по глаголу в славянских языках. Глагольная лексика с точки зрения семантики, словообразования, грамматики. М., 1996.
- Золотова 1982** – Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 1982.
- Золотова 1994** – Золотова Г.А. О новых возможностях лексикографии // ВЯ. 1994. № 4.
- Золотова 1995** – Золотова Г.А. Глагольный вид с точки зрения текста // Семантика и структура славянского вида. I. Kraków, 1995.
- Золотова 1997a** – Золотова Г.А. Лексические значения и видо-временные функции глагола // Семантика и структура славянского вида. II. Kraków, 1997.
- Золотова 1997b** – Золотова Г.А. Аспектологические проблемы с точки зрения структуры текста // ТАСФ. Т. 1. М., 1997.
- Золотова и др. 1998** – Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998.
- Иванова 1974** – Иванова К. Начини на глаголно действие в съвременния български език. София, 1974.

Иванчев 1961 – Иванчев Св. Контекстово обусловена ингресивна употреба на глаголите от несвършен вид в чешкия език // Годишник на Софийския университет. Филологически факултет. 1959/1960. Кн. 3. София, 1961.

Иванчев 1965 – Иванчев Св. Към характеристиката на глаголният вид в славянските езици // Славянска филология. VII. София, 1965.

Иванчев 1971 – Иванчев Св. Проблеми на аспектуалността в славянските езици. София, 1971.

Иванчев 1973 – Иванчев Св. За някои основни сходства и разлики между славянските езици в областта на глаголният вид // Славянска филология. XV. София, 1973.

Исаченко 1960 – Исаченко А.В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Морфология. II. Братислава, 1960.

Калашник 1985 – Калашник Д.М. Выражение ограничительной длительности действия при функционировании глаголов с приставкой *no-* в современном русском языке: АКД. Л., 1985.

Кандрашина, Литвинцева, Поспелов 1989 – Кандрашина Е.Ю., Литвинцева Л.В., Поспелов Л.А. Представление знаний о времени и пространстве в интеллектуальных системах. М., 1982.

Караванов 1991 – Караванов А.А. Семный состав способов глагольного действия совершенного вида с приставкой *no-*: АКД. М., 1991.

Кароляк 1995 – Кароляк С. Понятийная и видовая структура глагола // Семантика и структура славянского вида. I. Kraków, 1995.

Кароляк 1997 – Кароляк С. Вид глагольной семантемы и видовая деривация // Семантика и структура славянского вида. II. Kraków, 1997.

Кароляк 1998 – Кароляк С. К вопросу о типологии вида в славянских и романских языках // Типология вида. Проблемы, поиски, решения. М., 1998.

Карунц 1987 – Карунц Р.Г. Лексикографическая разработка глаголов временных способов действия в толковых словарях русского языка. Ташкент, 1987.

Карунц 1988 – Карунц Р.Г. Семантизация глаголов временных способов действия в толковых словарях: АДД. Ташкент, 1988.

Карцевский 1962 – Карцевский С. Система русского глагола // Вопросы глагольного вида. М., 1962.

Катанадзе, Красильникова 1975 – Катанадзе Л.А., Красильникова Е.В. Об актуализации морфемной членимости слова в речи (Употребление префиксальных слов в устной речи) // Развитие современного русского литературного языка. 1972: Словообразование. Членимость слова. М., 1975.

Кацнельсон 1972 – Кацнельсон С.Д. Типология языка и языковое мышление. Л., 1972.

Кацнельсон 1986 – Кацнельсон С.Д. Общее и типологическое языкознание. Л., 1986.

Китайгородская 1981 – Китайгородская М.В. Словообразование глаголов в русской разговорной речи: АКД. М., 1981.

Климонов 1997 – Климонов В.Д. Аспектуальные классы и их грамматическая семантика // Семантика и структура славянского вида. II. Kraków, 1997.

Клобуков 1997 – Клобуков Е.В. Теоретические основы изучения морфологических категорий русского языка (Морфологические категории в системе языка и в дискурсе): АДД. М., 1995.

Князев 1997 – Князев Ю.П. Типология вида и русский глагольный вид // ТАСФ. Т. 2. М., 1997.

Ковачев 1977 – Ковачев С. К вопросу о категориях времени и вида // Болгарская русистика. 1977. Т. 4, № 3.

Коновалов 1983 – Коновалов Ю.Г. Способы выражения фазисности действия в современном русском языке: АКД. М., 1983.

Коробова 1989 – Коробова М.М. Глаголы несовершенного вида с непарновидовыми значениями и их лексическая характеристика // Слово и грамматические законы языка. Глагол. М., 1989.

Кошелев 1988 – Кошелев А.Д. О референциальном подходе к изучению семантики вида (Опыт референциального описания видов. Значение) // Референция и проблемы текстообразования. М., 1988.

Кошелев 1998 – Кошелев А.Д. К описанию главного видового значения русского глагола // Типология вида. Проблемы, поиски, решения. М., 1998.

Кошмидер 1962 – Кошмидер Э. Очерк о видах польского глагола. Опыт синтеза // Вопросы глагольного вида. М., 1962.

Кравченко 1992 – Кравченко А.В. Вопросы теории указательности: Эгоцентричность. Дейктичность. Индексальность. Иркутск, 1992.

Кравченко 1995 – Кравченко А.В. Глагольный вид и картина мира // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. 1995. Т. 54, № 1.

Крекич 1978 – Крекич Й. Соотношение трех основных семантических компонентов глаголов совершенного вида в значении так называемых финитивных глаголов с приставкой *om-* // *Dissertationes Slavicae XIII*. Szeged, 1978.

Крекич 1985a – Крекич Й. Что такое результативность? // *Studia slavica*. 1985. Т. 31, f. 3–4.

Крекич 1985b – Крекич Й. К вопросу об общем значении глаголов совершенного вида // *Dissertationes slavicae*. XVII. Szeged, 1985.

Крекич 1989 – Крекич Й. Семантика и прагматика временно-предельных глаголов. Изменения значений. Будапешт, 1989.

Кржижкова 1966 – Кржижкова Е. Темпорально-квантитативная детерминация глагола (опыт трансформационного анализа) // *Československá rusistika*. 1966, № 1.

Кронгауз 1993 – Кронгауз М.А. Семантика русского глагола и его словообразовательные возможности // *Russian Linguistics*. 1993. Vol. 17.

Кронгауз 1995 – Кронгауз М.А. Приставки и глаголы: грамматика сочетаемости // Семантика и информатика. Вып. 34. М., 1995.

Кронгауз 1997a – Кронгауз М.А. Исследования в области глагольной префиксации: современное положение дел и перспективы // Глагольная префиксация в русском языке. М., 1997.

Кронгауз 1997b – Кронгауз М.А. Опыт словарного описания приставки *om-* // Глагольная префиксация в русском языке. М., 1997.

Кронгауз 1998 – Кронгауз М.А. Приставки и глаголы в русском языке: семантическая грамматика. М., 1998.

КСКТ – Краткий словарь когнитивных терминов (Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г.) / Под общей редакцией Е.С.Кубряковой. М., 1996.

Кубрякова 1978 – Кубрякова Е.С. Части речи в ономазиологическом освещении. М., 1978.

Кубрякова 1981 – Кубрякова Е.С. Типы языковых значений. Семантика производного слова. М., 1981.

Кубрякова 1984 – Кубрякова Е.С. Производное слово в лексике и грамматике // Слово в грамматике и словаре. М., 1984.

Кубрякова 1990 – Кубрякова Е.С. Противопоставление имен и глаголов как важнейшая черта организации и функционирования языковых систем // Теория грамматики. Лексико-грамматические классы и разряды слов. М., 1990.

Кубрякова 1991 – Кубрякова Е.С. Слово как центральная единица внутреннего лексикона // Человеческий фактор в языке. Язык и порождение речи. М., 1991.

Кубрякова 1992 – Кубрякова Е.С. Глаголы действия через их когнитивные характеристики // Модели действия. Логический анализ языка. М., 1992.

Кубрякова 1995 – Кубрякова Е.С. Лексикализация грамматики: пути и последствия // Язык – система. Язык – текст. Язык – способность. М., 1995.

Кубрякова 1997а – Кубрякова Е.С. Части речи с когнитивной точки зрения. М., 1997.

Кубрякова 1997б – Кубрякова Е.С. Категоризация мира: пространство и время (вступительное слово) // Категоризация мира: пространство и время. Материалы научной конференции. М., 1997.

Кубрякова 1998 – Кубрякова Е.С. О двоякой сущности языковых категорий и новых проблемах в их изучении (вступительное слово) // Общие проблемы строения и организации языковых категорий (грамматические, словообразовательные, лексические и текстовые категории). Материалы научной конференции, 23–25 апреля 1998 г. М., 1998.

Куева-Шверчек, Лашкова 1978 – Куева-Шверчек Л., Лашкова Л. Някои ингресивни глаголни конструкции в български и полски езици // Kategorie werbalne w języku polskim i bułgarskim. Slavia Meridionalis 1. Warszawa, 1978.

Кузнецов 1952 – Кузнецов П.С. Глагол // Современный русский язык. М., 1952.

Кузнецова 1987 – Кузнецова Э.В. Глагол и имя: их противоположность и единство // Номинативные единицы языка и их функционирование. Кемерово, 1987.

Кузнецова 1988 – Кузнецова Э.В. (ред.) Лексико-семантические группы русских глаголов: Учебный словарь-справочник. Свердловск, 1988.

Кустова 1992 – Кустова Г.И. Некоторые проблемы анализа действий в терминах контроля // Логический анализ языка: модели действия. М., 1992.

Кустова 1994 – Кустова Г.И. Глаголы изменения: процесс и наблюдатель // НТИ. Сер. 2. 1994. № 6.

Лакофф 1981 – Лакофф Дж. Лингвистические гештальты // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 10. М., 1981.

Лакофф 1988 – Лакофф Дж. Мышление в зеркале классификаторов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23. М., 1988.

Лакофф 1996 – Лакофф Дж. Когнитивная семантика // Язык и интеллект. М., 1996.

Лебедева 1979 – Лебедева Н.Б. Лексико-грамматическое исследование глагольной семантики (взаимодействие результативности и объектности): АКД. Томск, 1979.

Леман 1995 – Леман Ф. Альтернатива акциональных функций русского глагола // Семантика и структура славянского вида. I. Kraków, 1995.

Леман 1997 – Леман Ф. Грамматическая деривация у вида и типы глагольных лексем // ТАСФ. Т. 2. М., 1997.

Лесани 1994 – Лесани Х. Изменение валентности глаголов в связи с их префиксацией в современном русском языке: АКД. М., 1994.

Ли Вон Бок 1998 – Семантические типы видовых пар с функциональной точки зрения в современном русском языке // Голоса молодых ученых. М., 1998.

Ли Вон Бок, Петрухина 1998 – Ли Вон Бок, Петрухина Е.В. К вопросу об изучении русского глагольного вида в корейской аудитории // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 6. М., 1998.

Ломов 1975 – Ломов А.М. Категория глагольного вида и ее взаимоотношение с контекстом // ВЯ. 1975. № 6.

Ломов 1977а – Ломов А.М. Аспектуальные категории русского языка и их функциональные связи: АДД. Воронеж, 1977.

Ломов 1977б – Ломов А.М. Очерки по русской аспектологии. Воронеж, 1977.

Ломов 1983 – Ломов А.М. К функционально-семантической характеристике акциональных модификаторов глагола // Вопросы семантики. Калининград, 1983.

Ломов 1984 – Ломов А.М. Предельность / неопределенность, акциональные модификаторы и категория вида // Вопросы семантики. Калининград, 1984.

Ломов 1994 – Ломов А.М. Типология русского предложения. Воронеж, 1994.

Лопатин 1973 – Лопатин В.В. Рождение слова. Неологизмы и окказиональные слова. М., 1973.

Лопатин, Милославский, Шелякин 1989 – Лопатин В.В., Милославский И.Г., Шелякин М.А. Современный русский язык. Теоретический курс. М., 1989.

ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь / Ред. В.Н.Ярцева. М., 1990.

Масленникова 1969 – Масленникова Л.И. Заметки о лексико-синтаксическом способе выражения повторяемости в польском языке // Исследования по польскому языку. М., 1969.

Маслов 1948 – Маслов Ю.С. Вид и лексическое значение глагола в современном русском литературном языке // Изв. АН СССР. Отд. лит. и яз. 1948. Т. 7, вып. 4.

Маслов 1955 – Маслов Ю.С. О своеобразии морфологической системы глагольного вида в современном болгарском языке // Краткие сообщения Института славяноведения. Вып. 15. 1955.

Маслов 1956 – Маслов Ю.С. Очерк болгарской грамматики. М., 1956.

Маслов 1958 – Маслов Ю.С. Роль так называемой перфективации и имперфективации в процессе возникновения славянского глагольного вида. М., 1958.

Маслов 1959 – Маслов Ю.С. Глагольный вид в современном болгарском литературном языке (значение и употребление) // Вопросы грамматики болгарского литературного языка. М., 1959.

Маслов 1963а – Маслов Ю.С. Морфология глагольного вида в современном болгарском литературном языке. Л., 1963.

Маслов 1963б – Маслов Ю.С. Значение данных болгарского языка для общей теории славянского глагольного вида // Славянское языкознание. V Международный съезд славистов. М., 1963.

Маслов 1965а – Маслов Ю.С. Система основных понятий и терминов славянской аспектологии // Вопросы общего языкознания. Л., 1965.

Маслов 1965б – Маслов Ю.С. Роль так называемой перфективации и имперфективации в процессе возникновения славянского глагольного вида // Исследования по славянскому языкознанию. М., 1965.

Маслов 1978 – Маслов Ю.С. К основаниям сопоставительной аспектологии // Вопросы сопоставительной аспектологии. Л., 1978.

Маслов 1981 – Маслов Ю.С. Грамматика болгарского языка. М., 1981.

Маслов 1984 – Маслов Ю.С. Очерки по аспектологии. Л., 1984.

Межкатегориальные связи 1996 – Межкатегориальные связи в грамматике. С.-Петербург, 1996.

Мелиг 1985 – Мелиг Х.Р. Семантика предложения и семантика вида в русском языке (к классификации глаголов Зино Вендлера) // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1985.

Мелиг 1995 – Мелиг Х.Р. Гомогенность и гетерогенность в пространстве и времени // Семантика и структура славянского вида. I. Kraków, 1995.

Мелиг 1997 – Мелиг Х.Р. Вид и референциальный статус глагольной предикации в тексте // Семантика и структура славянского вида. II. Kraków, 1997.

Мельчук 1990 – Мельчук И.А. Словообразование в лингвистических моделях «смысл – текст» (предварительные замечания) // *Metody formalne w opisie języków słowiańskich / Red. Z.Saloni. Białystok*, 1990.

Мельчук 1997 – Мельчук И.А. Общий курс морфологии. Т.1. М., 1997.

Милославский 1975 – Милославский И.Г. О соотношении номинативных и синтагматических свойств языкового знака // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1975. Т. 34, № 4.

Милославский 1981 – Милославский И.Г. Морфологические категории современного русского языка. М., 1981.

Милославский 1987 – Милославский И.Г. К определению основных понятий аспектологии // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1987. Т. 46. № 4.

Милославский 1989 – Милославский И.Г. Вид русского глагола как словообразовательная категория // Филологические науки. 1989. № 4.

Милославский 1995 – Милославский И.Г. О семантическом содержании видовой характеристики русского глагола // Язык – система. Язык – текст. Язык – способность. М., 1995.

Мучник 1956 – Мучник И.П. О видовых корреляциях в системе спряжения глагола в современном русском языке // ВЯ. 1956. № 6.

Мучник 1966 – Мучник И.П. Развитие системы двувидовых глаголов в современном русском языке // ВЯ. 1966. № 1.

Мучник 1971 – Мучник И.П. Грамматические категории глагола и имени в современном русском литературном языке. М., 1971.

Мушиньска-Вольны 1996 – Мушиньска-Вольны Д. Процессивные глаголы в русском и польском языках // Исследования по глаголу в славянских языках. Глагольная лексика с точки зрения семантики, словообразования, грамматики. М., 1996.

Норман 1994 – Норман Б.Ю. Грамматика говорящего. С.-Петербург, 1994.

Обзор 1990 – Обзор работ зарубежных лингвистов по русской морфологии (1970 – 1985 гг.) / Под ред. К.В.Горшковой, Е.В.Петрухиной. М., 1990.

Обнорский 1953 – Обнорский С.П. Очерки по морфологии русского глагола. М., 1953.

Павлов 1984 – Павлов В.М. Темпоральные и аспектуальные признаки в семантике «временных форм» немецкого языка и некоторые вопросы теории грамматического значения // Теория грамматического значения и аспектологические исследования. Л., 1984.

Падучева 1985a – Падучева Е.В. Семантические типы ситуаций и значение *всегда* // Семиотика и информатика. Вып. 24. М., 1985.

Падучева 1985b – Падучева Е.В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью. М., 1985.

Падучева 1986 – Падучева Е.В. Семантика вида и точка отсчета (в поисках инварианта видового значения) // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1986. Т. 45, № 5.

Падучева 1989 – Падучева Е.В. К поискам инварианта в значении глагольных видов: Вид и лексическое значение глагола // НТИ. Сер. 2. 1989. № 12.

Падучева 1990 – Падучева Е.В. Об употреблении видов в императиве: вариативность или прагматическая норма? // Res philologica. Л., 1990.

Падучева 1992 – Падучева Е.В. Семантика и прагматика несовершенного вида императива в русском языке // Русистика сегодня. Функционирование языка: лексика и грамматика. М., 1992.

Падучева 1993 – Падучева Е.В. Таксономические категории глаголов *imprefectiva tantum* в русском языке // НТИ. Сер. 2. 1993. № 2.

Падучева 1995 – Падучева Е.В. Таксономические категории глагола и семантика видового противопоставления // Семантика и информатика. Вып. 34. М., 1995.

Падучева 1996 – Падучева Е.В. Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М., 1996.

Пайар 1997 – Пайар Д. Формальное представление приставки *от-* // Глагольная префиксация в русском языке. М., 1997.

Петрухина 1976 – Петрухина Е.В. К вопросу о нейтрализации видового противопоставления // Československá rusistika. 1976. № 4.

Петрухина 1978 – Петрухина Е.В. О функционировании видового противопоставления в русском языке в сопоставлении с чешским (при обозначении повторяющихся действий) // Русский язык за рубежом. 1978. № 1.

Петрухина 1983 – Петрухина Е.В. Функционирование презентных форм глаголов совершенного и несовершенного вида (с точки зрения взаимодействия вида и времени) в чешском языке в сопоставлении с русским // Сопоставительное изучение русского языка с чешским и другими славянскими языками. М., 1983.

Петрухина 1985 – Петрухина Е.В. Функционально-системное сопоставление грамматических категорий русского и других славянских языков // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 1985. № 6.

Петрухина 1986 – Петрухина Е.В. Грамматическая семантика видового противопоставления в славянских языках // Československá rusistika. 1986. № 2.

Петрухина 1988a – Петрухина Е.В. Видовая семантика и понятие предела действия // Актуальные проблемы русской морфологии. М., 1988.

Петрухина 1988b – Петрухина Е.В. К дискуссии о теории глагольного вида в русском языке // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 1988. № 4.

Петрухина 1990 – Петрухина Е.В. К вопросу о конкуренции первичных и вторичных имперфективов в современном русском языке // Русский язык за рубежом. 1990. № 4.

Петрухина 1991 – Петрухина Е.В. Функции русского глагольного вида в тексте // *Małe formy w literaturze rosyjskiej. Słowo w tekście rosyjskim. Językoznawstwo*. Olsztyn, 1991.

Петрухина 1992a – Петрухина Е.В. Сопоставительное изучение категории глагольного вида в славянских языках и семантические универсалии // *Synchroniczne badania porównawcze systemów gramatycznych języków słowiańskich*. Warszawa, 1992.

Петрухина 1992b – Петрухина Е.В. Славянская категория глагольного вида и сопоставительный анализ // *Съпоставително езикознание*. 1991. Кн. 4. Ч. XVI. София, 1992.

Петрухина 1993a – Петрухина Е.В. Типологические особенности глагола в славянских языках (проблема славянской модели глагольного действия) // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 1993. № 3.

Петрухина 1993б – Петрухина Е.В. Категория результативности в глагольной системе русского языка // *Jednostki językowe – ich powiązania i ewolucja*. Olsztyn, 1993.

Петрухина 1993в – Петрухина Е.В. К проблеме аспектуально релевантной классификации глагольной лексики в русском языке // *Studia Rossica Posnaniensia*. Vol. XXXIII. Poznań, 1993.

Петрухина 1995 – Петрухина Е.В. Модификации глагольного действия в русском языке в сопоставлении с польским // *Polsko-wschodniosłowiańskie powiązania kulturowe, literackie i językowe*. 2. Językoznawstwo i translatoryka. Olsztyn, 1995.

Петрухина 1996а – Петрухина Е.В. Глаголы деятельности и их фазисно-временные модификации в современном русском языке // *Исследования по глаголу в славянских языках. Глагольная лексика с точки зрения семантики, словообразования, грамматики*. М., 1996.

Петрухина 1996б – Петрухина Е.В. Глагольная производная номинация. Модификация и мутация // *Вестник МГУ. Сер. 9. Филология*. 1996. № 6.

Петрухина 1997а – Петрухина Е.В. Аспектуальная категоризация действий в русском языке в сопоставлении с некоторыми другими славянскими языками (Вид и фазисно-временные способы глагольного действия): ДД. М., 1997.

Петрухина 1997б – Петрухина Е.В. О международной конференции «Типология вида: проблемы, поиски, решения» // *Вестник МГУ. Сер. 9. Филология*. 1997. № 6.

Петрухина 1997в – Петрухина Е.В. Аспектуальные классы глаголов и модели протекания действия во времени в славянских языках // *ТАСФ. Т. 3*. М., 1997.

Петрухина 1997г – Петрухина Е.В. Внутреннее время действия и его представление в русской и западнославянских картинах мира // *Категоризация мира: пространство и время. Материалы научной конференции*. М., 1997.

Петрухина 1997д – Петрухина Е.В. Основные принципы сопоставления модификаций глагольных действий в славянских языках // *Проблемы изучения отношений эквивалентности в славянских языках*. М., 1997.

Петрухина 1998а – Петрухина Е.В. Грамматическая и лексическая категоризация действий и их параметров в славянских языках (сопоставительное исследование русского, западнославянских и болгарского языков) // *Научные труды филол. фак-та МГУ. Вып. 3*. М., 1998.

Петрухина 1998б – Петрухина Е.В. Языковая картина мира и сопоставительное изучение русской глагольной деривации // *Вестник Хакасского гос. университета. Сер. Литературоведение. Языкознание*. Вып. 5. Абакан, 1988.

Петрухина 1998в – Петрухина Е.В. Сопоставительная типология глагольного вида в современных славянских языках (на материале русского, западнославянских и болгарского языков) // *Типология вида. Проблемы, поиски, решения*. М., 1998.

Петрухина 1998г – Петрухина Е.В. Вторичная глагольная номинация в русском и западнославянских языках (проблемы интенциональности, восприятия, дискурса) // *Научные доклады филологического факультета МГУ. Вып. 2*. М., 1998.

Плунгян 1989 – Плунгян В.А. К определению результата (универсальна ли связь результата и предельности?) // *ВЯ*. 1989. № 6.

Плунгян 1998 – Плунгян В.А. Грамматические категории, их аналогии и заместители: АДД. М., 1998.

Потебня 1977 – Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. Т. IV. Вып. II. Глагол. М., 1977.

- Рассудова 1968** – Рассудова О.П. Употребление видов глагола в русском языке. М., 1968.
- РГ 1979** – Barnetová V., Běličová-Křížková H., Leška O., Skoumalová Z., Straková V. Русская грамматика. Т. 1. Academia. Praha, 1979.
- РГ 1980** – Русская грамматика. Т. 1. М., 1980.
- Русская разг. речь 1973** – Русская разговорная речь / Ред. Е.А.Земская. М., 1973.
- РЯ 1979** – Русский язык. Энциклопедия. М., 1979.
- Секанинова 1992** – Секанинова Э. Начинательный способ действия в русском и словацком языках // Исследования по словацкому глаголу. М., 1992.
- Селиверстова 1982** – Селиверстова О.Н. Второй вариант классификационной сетки и описание некоторых предикатных типов русского языка // Семантические типы предикатов. М., 1982.
- Сигалов 1963** – Сигалов П.С. Русские инхоативные глаголы: АКД. Л., 1963.
- Сигалов 1977** – Сигалов П.С. Вопросы теории русского исторического словообразования: АДД. Л., 1977.
- Сигалов 1978** – Сигалов П.С. Задачи и возможности сопоставительного и сравнительно-исторического изучения способов действия славянских глаголов // Вопросы сопоставительной аспектологии. Л., 1978.
- Сильницкий 1983** – Сильницкий Г.Г. Структура глагольного значения и результатов // Типология результативных конструкций. Л., 1983.
- Сильницкий 1985** – Сильницкий Г.Г. Семантические классы глаголов с предикатными актантами // Типология конструкций с предикатными актантами. Л., 1985.
- Сильницкий 1986** – Сильницкий Г.Г. Семантическая структура глагольного значения // Проблемы структурной лингвистики. 1983. М., 1986.
- Смирнов 1962** – Смирнов Л.Н. Употребление форм прошедшего времени совершенного вида со значением повторяемости в словацком литературном языке // Славянское языкознание. Краткое сообщение Института славяноведения. М., 1962.
- Смирнов 1970** – Смирнов Л.Н. Глагольное видообразование в современном словацком литературном языке. М., 1970.
- Смирнов 1971** – Смирнов Л.Н. Об одной особенности функционирования глаголов совершенного вида в словацком языке (сравнительно с русским) // Исследования по славянскому языкознанию. М., 1971.
- Смирнов 1983** – Смирнов Л.Н. Проблемы и задачи сопоставительной славянской аспектологии // Славянское языкознание. М., 1983.
- Смирнов 1990** – Смирнов Л.Н. О некоторых проблемах сопоставительной славянской аспектологии // Проблемы сопоставительной грамматики славянских языков. М., 1990.
- Смирнов 1992** – Смирнов Л.Н. О сопоставительном изучении способов глагольного действия в славянских языках // Synchroniczne badania porównawcze systemów gramatycznych języków słowiańskich. Warszawa, 1992.
- Соболева 1980** – Соболева П.А. Словообразовательная полисемия и омонимия. М., 1980.
- Соболева 1982** – Соболева П.А. Структура словообразовательного значения // Проблемы структурной лингвистики 1980. М., 1982.
- Соболева 1983** – Соболева П.А. Опыт упорядочения способов глагольного действия // Аспектуальные и темпоральные значения в славянских языках. М., 1983.
- Соболева 1984** – Соболева П.А. Способы глагольного действия и словообразовательные разряды глаголов // Слово в грамматике и словаре. М., 1984.

- Соколов 1978** – Соколов О.М. К характеристике способов глагольного действия (на материале русского и болгарского языков) // Вопросы сопоставительной аспектологии. М., 1978.
- Соколов 1988** – Соколов О.М. Семантика категории фазовости русского глагола // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1988. № 6.
- Соколов 1991** – Соколов О.М. ИмPLICИТНАЯ морфология русского глагола. Морфемика. М., 1991.
- Сопоставительное изучение 1987** – Сопоставительное изучение словообразования славянских языков / Ред. Г.П.Нещименко. М., 1987.
- СРЯ 1989** – Современный русский язык / Ред. В.А.Белошапкина. М., 1989.
- Степанов 1976** – Степанов Ю.С. Вид, залог, переходность (Балто-славянская проблема) // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1976. Т. 35, № 5.
- Степанов 1981** – Степанов Ю.С. Имена. Предикаты. Предложения. М., 1981.
- Стрекалова 1976** – Стрекалова З.Н. Аугментативный способ глагольного действия в русском, польском и словацком языках // Slavica Slovaca. 1976. № 3.
- Стрекалова 1979** – Стрекалова З.Н. Морфология глагольного вида в современном польском литературном языке. М., 1979.
- Сятковский 1976** – Сятковский Ст. Основные принципы сопоставительного анализа // Русский язык за рубежом. 1976. № 5.
- Сятковский 1981** – Сятковский Ст. Основные принципы сопоставительного анализа // Методика преподавания русского языка за рубежом. М., 1981.
- Тезисы 1967** – Тезисы Пражского лингвистического кружка // Пражский лингвистический кружок. М., 1967.
- Тимберлейк 1985** – Тимберлейк А. Инвариантность и синтаксические свойства вида в русском языке // Новое в зарубежной лингвистике. XV. М., 1985.
- Типология 1983** – Типология результативных конструкций. Л., 1983.
- Тихомирова 1988** – Тихомирова Т.С. Курс польского языка. М., 1988.
- Тихонов 1985** – Тихонов А.Н. Основные понятия русского словообразования // Словообразовательный словарь русского языка. М., 1985.
- Тихонов 1998** – Тихонов А.Н. Видовые корреляции в современном русском языке // Типология вида. Проблемы, поиски, решения. М., 1998.
- Улуханов 1971** – Улуханов И.С. Словообразовательная мотивация и ее виды // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1971. № 1.
- Улуханов 1984** – Улуханов И.С. Узуальные и окказиональные единицы словообразовательной системы // ВЯ. 1984. № 1.
- Улуханов 1996** – Улуханов И.С. Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация. М., 1996.
- Ферм 1990** – Ферм Л. Выражение направления при приставочных глаголах перемещения в современном русском языке. Uppsala, 1990.
- Философский словарь** – Философский словарь / Ред. И.Т.Фролов. М., 1991.
- Флайер 1997** – Флайер М.С. Делимитативные приставки в русском языке // Глагольная префиксация в русском языке. М., 1997.
- Фрумкина и др. 1991** – Фрумкина Р.М., Михеев А.В., Мостовая А.Д., Рюмина Н.А. Семантика и категоризация. М., 1991.
- Холодович 1963** – Холодович А.А. О предельных и непредельных глаголах // Филология стран Востока. Л., 1963.
- Холодович 1979** – Холодович А.А. Проблемы грамматической теории. Л., 1979.
- Храковский 1987** – Храковский В.С. Фазовость // Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. М., 1987.

- Черепанов 1974** – Черепанов М.В. Типология префиксальных и конфиксальных структур русского глагола: АДД. Л., 1974.
- Черепанов 1975** – Черепанов М.В. Глагольное словообразование в современном русском языке. Саратов, 1975.
- Чейф 1975** – Чейф У. Значение и структура языка. М., 1975.
- Шатуновский 1996** – Шатуновский И.Б. Семантика предложения и нереперентные слова. М., 1996.
- Шведова, Трофимова 1987** – Шведова Л.Н., Трофимова Т.Г. Пособие по употреблению видов глагола для работы с филологами-русистами. М., 1987.
- Шелякин 1969** – Шелякин М.А. Функции и словообразовательные связи начинательных приставок в русском языке // Лексико-грамматические проблемы глагола. Новосибирск, 1969.
- Шелякин 1971** – Шелякин М.А. Функции и образование финитивных глаголов в русском языке // *Wissenschaftliche Zeitschrift der Pädagogischen Hochschule Potsdam. Jahrgang 15. Heft 2. Potsdam*, 1971.
- Шелякин 1977** – Шелякин М.А. Основные проблемы современной русской аспектологии // Вопросы русской аспектологии, II. Тарту, 1977.
- Шелякин 1983** – Шелякин М.А. Категория вида и способы действия русского глагола (теоретические основы). Таллин, 1983.
- Шелякин 1987** – Шелякин М.А. Способы действия в поле лимитативности // Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л., 1987.
- Широкова 1963** – Широкова А.Г. О категории многократности в чешском языке // Исследования по чешскому языку. М., 1963.
- Широкова 1965** – Широкова А.Г. Основные значения многократных глаголов в чешском языке // ВЯ. 1965. № 2.
- Широкова 1966** – Широкова А.Г. Способы выражения значения многократности в чешском языке (в сравнении с другими славянскими языками) // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 1966. № 1.
- Широкова 1971** – Широкова А.Г. Некоторые замечания о функциональных границах вида в русском и чешском языках // Исследования по славянскому языкознанию. М., 1971.
- Широкова 1978** – Широкова А.Г. Теоретические предпосылки сопоставительного изучения славянских языков // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 1978. № 6.
- Широкова 1983** – Широкова А.Г. Методологические проблемы сопоставительного исследования близкородственных языков (на материале славянских языков) // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 1983. № 4.
- Широкова 1992** – Широкова А.Г. Системно-функциональная и узуальная эквивалентность при сопоставительном изучении славянских языков // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 1992. № 4.
- Широкова 1996** – Широкова А.Г. Отношение маркированных многократных глаголов к категории славянского глагольного вида (образование, семантика, особенности функционирования) // Исследования по глаголу в славянских языках. Глагольная лексика с точки зрения семантики, словообразования. Грамматика. М., 1996.
- Широкова 1998** – Широкова А.Г. (ред.) Сопоставительные исследования грамматики и лексики русского и западнославянских языков. М., 1998.
- Штырева 1992** – Штырева Е.Д. К вопросу о взаимодействии категории вида с глагольной лексикой (на примере некоторых лексико-семантических групп глаголов в словацком и русском языках) // Исследования по словацкому языку. М., 1992.

- Щеболева 1980** – Щеболева И.И. Принципы словообразовательного синтеза. Ростов-на-Дону, 1980.
- Щерба 1974** – Щерба Л.В. О частях речи в русском языке // Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.
- Щур 1974** – Щур Г.С. Теория поля в лингвистике. М., 1974.
- Язык и картина мира** – Язык и картина мира. М., 1988.
- Якобсон 1985** – Якобсон Р.О. Избранные работы. М., 1985.
- Янценецкая 1991** – Янценецкая М.Н. (ред.) Семантические вопросы словообразования: производящее слово. Томск, 1991.
- Ясаи 1993** – Ясаи Л. Лекции по глагольному виду. Будапешт, 1993.
- Ясаи 1997** – Ясаи Л. О принципах выделения видовой пары в русском языке // ВЯ. 1997. № 4.
- Agrell 1918** – Agrell S. Przedrostki postaciowe czasowników polskich. Kraków, 1918.
- Antinucci, Gebert 1977** – Antinucci F., Gebert L. Semantyka aspektu czasownikowego // Studia Gramatyczne I. Wrocław, 1977.
- Bache 1985** – Bache C. Verbal aspect: A general theory and its application to present-day English. Odense, 1985.
- Bačvarov 1980** – Bačvarov J. Rozsah sekundární imperfektivace v bulharštině, češtině a ruštině // Materiály z II. sympózia o bohemistice v zahraničí. Praha, 1980.
- Barnet 1974** – Barnet V. Konfrontace a ostatní druhy polylingválního popisu // Slavica Slovaca. 1974. R. 9.
- Barnet 1983** – Barnet V. K problému ekvivalence při srovnávání // Konfrontační studium ruské a české gramatiky a slovní zásoby. II. Praha, 1983.
- Barnetová 1956** – Barnetová V. K násobenosti slovesného děje // Kapitoly ze srovnávací mluvnice ruské a české. I. Praha, 1956.
- Barnetová 1968** – Barnetová V. K syntaktické funkci slovesného vidu // Kapitoly ze srovnávací mluvnice ruské a české. III. O ruském slovese. Praha, 1968.
- Barnetová 1975** – Barnetová V. Morfologie slovesného vidu v ruštině. Praha, 1975.
- Bartmiński 1993** – Bartmiński J. O profilowaniu pojęć w słowniku etnolingwistycznym // Profilowanie pojęć. Lublin, 1993.
- Birkenmaier 1977** – Birkenmaier W. Thema-Rhema Gliederung und russischer Verbalaspekt // International Review of Applied Linguistics. Heidelberg, 1977. Vol. 15, № 38.
- Bivon, Petrukhina 1995** – Bivon R., Petrukhina E. The Russian verb. A guide to its forms and usage for advanced learners. Colchester, 1995.
- Bogusławski 1960** – Bogusławski A. Prefiksalne pary aspektowe a semantyka czasownika rosyjskiego // Slavia Orientalis. 1960. № 1.
- Bogusławski 1963a** – Bogusławski A. Czasowniki dokonane i niedokonane i ich stosunki wzajemne // Z polskich studiów slawistycznych. Warszawa, 1963.
- Bogusławski 1963b** – Bogusławski A. Prefiksacja czasownikowa we współczesnym języku rosyjskim. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1963.
- Bogusławski 1972** – Bogusławski A. К вопросу о семантической стороне глагольных видов // Z polskich studiów slawistycznych. Ser. 4. Językoznawstwo. Prace na VII międzynarodowy kongres slawistów. Warszawa, 1972.
- Bogusławski 1976** – Bogusławski A. Problem «tertium comparationis» w porównaniu lingwistycznym // Kwartalnik neofilologiczny. 1976. XXIII, № 3.
- Bogusławski 1978** – Bogusławski A. O jednostkach werbalno-prefiksalnych języka rosyjskiego i polskiego // Slavia Orientalis. 1978. № 3.

- Bogusławski 1981** – Bogusławski A. O oznaczaniu faktów dokonanych czasownikami niedokonanymi // Budowa, semantyka i łączliwość czasowników w języku rosyjskim i polskim. Warszawa, 1981.
- Bogusławski 1988** – Bogusławski A. Język w słowniku. Wrocław, 1988.
- Brecht 1985** – Brecht R.D. The form and function of aspect in Russian // Issues in Russian morphosyntax. Columbus (Ohio), 1985.
- Breu 1984** – Breu W. Zur Rolle der Lexik in der Aspektologie // Die Welt der Slaven. XXIX. München, 1984.
- Chafe 1973** – Chafe W. Language and memory // Language. 1973. Vol. 49.
- Cognition and categorization** – Cognition and categorization / Ed. by E. Rosch and B. Lloyd. Hillsdale, 1978.
- Comrie 1976** – Comrie B. Aspect: an introduction to the study of verbal aspect and related problems. Cambridge, 1976.
- Daneš 1971** – Daneš F. Pokus o strukturní analýzu slovesných významů // Slovo a slovesnost. XXXII. 1971.
- Daneš 1985** – Daneš F. Věta a text. Praha, 1985.
- Daneš, Hlavsa 1981** – Daneš F., Hlavsa Z. a kol. Větné vzorce v češtině. Praha, 1981.
- Dahl 1974** – Dahl Ö. Some suggestions for a logic of aspects // Slavica Gothoburgensia 6. Göteborg contributions to the seventh International Congress of Slavists in Warsaw. August 21–27, 1973. Göteborg, 1974.
- Dahl 1981** – Dahl Ö. On the definition of the telic – atelic (bounded – nonbounded) distinction // Syntax and semantics. N.Y., 1981.
- Dokulil 1948** – Dokulil M. Modifikace vidového protikladu v rámci imperativu v spisovné ruštině a češtině / Pocta Fr. Trávníčkovi a F. Wollmanovi. Brno, 1948.
- Dokulil 1949** – Dokulil M. Slovenský příspěvek k sémantice a syntaxi slovesa // Slovo a slovesnost. XI. 1949.
- Dokulil 1953** – Dokulil M. K překládání slovesného vidu // Kniha o překládání. Praha, 1953.
- Dokulil 1958** – Dokulil M. K otázce morfologických protikladů (Kritika předpokladů binárních korelací v morfologii češtiny) // Slovo a slovesnost. XIX. 1958.
- Dokulil 1962** – Dokulil M. Tvoření slov v češtině. 1. Teorie odvozování slov. Praha, 1962.
- Dokulil 1982** – Dokulil M. Dva příspěvky k odvozování sloves // Naše řeč. R. 65. 1982.
- Dokulil 1994** – Dokulil M. The Prague School's theoretical and methodological contribution to «Word Formation»(Derivology) // The Prague School of structural and functional linguistics. Linguistic and literary studies in Eastern Europe 41 / Ed. by P.A. Luelsdorff. Amsterdam; Philadelphia, 1994.
- Dokulil 1997** – Dokulil M. Obsah. Výraz. Význam. Výbor z lingvistického díla Miloše Dokulila. I. Praha, 1997.
- Dokulil, Daneš 1958** – Dokulil M., Daneš F. K tzv. významové a mluvnické stavbě věty // O vědeckém poznání soudobých jazyků. Praha, 1958.
- Doroszewski 1962** – Doroszewski W. Kategorie słowotwórcze // Studia i szkice językoznawcze. Warszawa, 1962.
- Dostál 1954** – Dostál A. Studie o vidovém systému v staroslovenštině. Praha, 1954.
- Durst-Andersen 1992** – Durst-Andersen P. Mental grammar. Russian aspect and related issues. Slavica Publishers. Columbus (Ohio), 1992.
- Durst-Andersen 1994** – Durst-Andersen P. Russian aspect as different statement models // Tense, aspect and action to language typology. N.Y., 1994.
- Dynamika 1989** – Horecký J., Buzássyová K., Bosák J. a kol. Dynamika slovnej zásoby súčasnej slovenčiny. Bratislava, 1989.

- Faßke 1981** – Faßke H. Grammatik der obersorbischen Schriftsprache der Gegenwart. Morfologie. Bautzen, 1981.
- Fielder 1985** – Fielder G.E. Implicature and the aspect of infinitive in Russian // Issues in Russian morphosyntax. Columbus (Ohio), 1985.
- Flier 1985** – Flier M. The scope of prefixal delimitation in Russian // The scope of Slavic aspect. Columbus (Ohio): Slavica, 1985.
- Fontaine 1983** – Fontaine J. Grammaire du texte et aspect du verbe en russe contemporain. Paris, 1983.
- Forsyth 1970** – Forsyth J. A grammar of aspect. Usage and meaning in the Russian verb. London, 1970.
- Givón 1979** – Givón T. From discourse to syntax: Grammar as a processing strategy // Discourse and Syntax. N.Y., 1979.
- Givón 1984** – Givón T. Syntax: A functional-typological introduction. Vol. I. Amsterdam, 1984.
- Givón 1986** – Givón T. Prototypes: Between Plato and Wittgenstein // Noun classes and categorization: Proc. of a symposium on categorization and noun classification. Eugene. Oregon. October 1983. Benjamins, 1986.
- Gramatyka 1984** – Gramatyka współczesnego języka polskiego. Morfologia / Pod red. R. Grzegorzycowej, R. Laskowskiego, H. Wróbla. Warszawa, 1984.
- Grzegorzycowa 1969** – Grzegorzycowa R. Czasowniki odimienne we współczesnym języku polskim. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1969.
- Grzegorzycowa 1990** – Grzegorzycowa R. Wprowadzenie do semantyki językoznawczej. Warszawa, 1990.
- Havránek, Jedlička 1960** – Havránek B., Jedlička A. Česká mluvnice. Praha, 1960.
- Holvoet 1989** – Holvoet A. Aspekt a modalność w języku polskim na tle ogólnosłowiańskim // Prace slawistyczne. 77. Warszawa, 1989.
- Hopper 1979** – Hopper P. Aspect and foregrounding in discourse // Syntax and semantics. Vol. 12. N.Y., 1979.
- Jackendoff 1993** – Jackendoff R. Semantics and cognition. Cambridge, 1993.
- Janda 1986** – Janda L.A. A semantic analysis of the Russian verbal prefixes ZA-, PERE-, DO- and OT-. München, 1986.
- Kačala 1988** – Kačala J. Sémantika slovesa a intencija slovesného deja (k jazykovému vyjadreniu kategórie času a priestoru) // Jazykovedný časopis. 1988. № 2.
- Karolak 1992** – Karolak S. Aspekt i aktionsart w semantycznej strukturze języków słowiańskich // Z polskich studiów slawistycznych. Seria VIII. Warszawa, 1992.
- Klemensiewicz 1951** – Klemensiewicz Z. Próba charakterystyki dwu naczelných funkcji przedrostka w polskim czasowniku // Sprawozdania z Czynności i Posiedzeń PAN. LII. 1951.
- Kopečný 1962** – Kopečný F. Slovesný vid v češtině. Praha, 1962.
- Komárek 1984** – Komárek M. Prefixace a slovesný vid (k prefixům prostě vidovým a subsumpci) // Slovo a slovesnost. VL. 1984.
- Křížková 1961** – Křížková H. Ke konkurenci vidů v ruštině a češtině. Československá rusistika. 1961. № 1.
- Křížková 1962** – Křížková H. K ingresivnosti v češtině (In margine Ivančevovy práce o videch v češtině) // Slovo a slovesnost. XXIII. 1962.
- Křížková 1965** – Křížková H. Pojetí neutralizace v morfologii // Slovo a slovesnost. XXVI. 1965.
- Křížková 1966** – Křížková H. Příslovečné určení s významem časové míry ve spojení s dokonavými slovesy // Naše řeč. 1966. R. 49. Č. 2.

- Kučera 1983** – Kučera H. A semantic model of verbal aspect // American contributions to the Ninth International Congress of Slavists (Kiev 1983). Vol. 1. Linguistics. Columbus (Ohio), 1983.
- Kučař 1968** – Kučař J. К общей характеристике номинации // Travaux linguistiques de Prague 3. Études structurales dédiées au VI congrès des slavistes. Prague, 1968.
- Lakoff 1982** – Lakoff G. Categories and cognitive models // Berkeley cognitive science report. 2. Berkeley, 1982.
- Lakoff 1987** – Lakoff G. Women, fire and dangerous things: What categories reveal about the mind. Chicago, 1987.
- Langacker 1982** – Langacker R.W. Remarks on English aspect // Tense-aspect: Between semantics and pragmatics / Ed. by P.J.Hopper. Amsterdam, 1982.
- Langacker 1987** – Langacker R.W. Foundations of cognitive grammar. Vol. I. Theoretical Prerequisites. Stanford (California), 1987.
- Lehmann 1986** – Lehmann V. Satzsemantische oder verarbeitungssemantische Aspektbeschreibung // Slavistische Beiträge. Bd 200. München, 1986.
- Lehmann 1995** – Lehmann V. Re kategorisierung und interne Struktur von Kategorien (die Beispiele Aspekt und Metapher) // Festschrift für Hans-Berndt Harder zum 60. Geburtstag. München, 1995.
- Lyons 1977** – Lyons J. Semantics 2. Cambridge, 1977.
- Mehlig 1987** – Mehlig H.R. Some analogies between the morphology of nouns and the morphology of aspect in Russian // Folia Linguistica XXX. 1–2. Mouton de Gruyter. Berlin, 1987.
- Mehlig 1997** – Mehlig H.R. Некоторые замечания по поводу описания категории вида в русском языке // Russian Linguistics. 27. 1997.
- Mluvnice 1986** – Mluvnice češtiny. 2. Tvaroslovi. Praha, 1986.
- Morfológia 1984** – Oravec J., Bajziková E., Furdík J. Súčasný slovenský spisovný jazyk. Morfológia. Bratislava, 1984.
- Němec 1958** – Němec J. Genese slovanského systému vidového. Praha, 1958.
- Oravec 1958** – Oravec J. Tvorenie nedokonavého vidu v slovenčine // Jazykovedné štúdie. III. Bratislava, 1958.
- Panevová 1978** – Panevová J. Kritéria pro zjišťování významu vět // Slovo a slovesnost. XLI. 1978.
- Pauliny 1943** – Pauliny E. Štruktúra slovenského slovesa. Bratislava, 1943.
- Peciar 1963** – Peciar Š. Obmedzovací význam predpony po- v slovenčine // Slovenská reč. 1963. R. 28. Č. 2.
- Peciar 1967** – Peciar Š. Funkcie slovesnej predpony na- v slovenčine // Jazykovedný časopis. 1967. R. 18.
- Peciar 1968** – Peciar Š. K problému čisto vidových predpôn // Jazykovedný časopis. 1968. R. 19.
- Piernikarski 1963** – Piernikarski C. Typy opozycji aspektowych czasownika polskiego na tle słowiańskim. Wrocław, 1963.
- Piernikarski 1975** – Piernikarski C. Czasowniki z prefiksem po- w językach polskim i czeskim // Na tle rodzajów akcji w językach słowiańskich. Warszawa, 1975.
- Poldauf 1954a** – Poldauf I. Podíl mluvnické a nauky o slovníku na problematice slovesného vidu // Studie a práce lingvistické. Praha, 1954.
- Poldauf 1954b** – Poldauf I. Spojování s předponami při tvoření dokonavých sloves v češtině // Slovo a slovesnost. XV. 1954.
- Příruční mluvnice ruštiny pro Čechy** – Příruční mluvnice ruštiny pro Čechy. I, II. Praha, 1960; 1961.
- Příruční mluvnice češtiny 1995** – Příruční mluvnice češtiny. Brno; Praha, 1995.

- Rosch 1973** – Rosch E.H. Natural categories // *Cognitive psychology*. 1973. Vol. 4.
- Rosch 1975** – Rosch E.H. Human categorization // *Advances in cross-cultural psychology*. London, 1975.
- Rosch 1978** – Rosch E.H. Principles of categorization // *Cognition and categorization* / Ed. by E.Rosch and B.Lloyd. Hillsdale, 1978.
- Ružička 1954** – Ružička J. Činnostné a stavové slovesá // *Jazykovedný časopis*. 1954. R. 8. Č. 1.
- Rudolfová 1973** – Rudolfová L. Lexikálně sémantická charakteristika ruských reflexivních sloves s předponou *do-* // *Československá rusistika*. 1973. № 1.
- Rutkowska 1981** – Rutkowska M. Nie znane polszczyźnie rosyjskie prefigowane derywaty odczasownikowe z elementem *-sja* typu *doleżałsja, priest'sja*. Wrocław, 1981.
- Sekaninová 1968** – Sekaninová E. Analýza sémantiky komponentov v predponovom slovese // *Kapitoly ze srovnávací mluvnice ruské a české*. III. Praha, 1968.
- Sekaninová 1978** – Sekaninová E. Slovesný vid a spôsob slovesného deja v slovenčine a ruštine // *Studia Academica Slovaca*. 7. Bratislava, 1978.
- Sekaninová 1980** – Sekaninová E. Sémantická analýza predponového slovesa v ruštine a v slovenčine. Bratislava, 1980.
- Sekaninová 1993** – Sekaninová E. Dvojazyčná lexikografia v teorii a praxi. Bratislava, 1993.
- Skoumalová 1963** – Skoumalová Z. K metodice lexikálního rozboru prefigovaných sloves // *Československá rusistika*. 1963. № 2.
- Skoumalová 1968** – Skoumalová Z. O komplexní analýzu verbální prefixace // *Kapitoly ze srovnávací mluvnice ruské a české*. III. Praha, 1968.
- Skoumalová 1979** – Skoumalová Z. Категория способов глагольного действия. Глагольное образование // *Русская грамматика*. I. Praha, 1979.
- Skoumalová 1983** – Skoumalová Z. Zamyšlení nad knihou o slovtovorném vývoji českého slovesa // *Slovo a slovesnost*. XLIV. 1983.
- Šlosar 1981** – Šlosar D. Slovtovorný vývoj českého slovesa. Brno, 1981.
- Šmiech 1971** – Šmiech W. Funkcje aspektów czasownikowych we współczesnym języku ogólnopolskim. Łódź, 1971.
- Šmiech 1973** – Šmiech W. O wielokrotności czasowników zależnej od określenia granicy akcji // *Łódzkie Towarzystwo Naukowe*. 1973. XXVIII, № 2.
- Šmiech 1986** – Šmiech W. Derywacja prefiksalna czasowników polskich. Wrocław; Warszawa; Kraków; Łódź, 1986.
- Šmilauer 1940** – Šmilauer V. Slovesný vid a způsob slovesného děje // *Hovory o českém jazyce*. Praha, 1940.
- Šmilauer 1971** – Šmilauer V. Novočeské tvoření slov. Praha, 1971.
- Straková 1978** – Straková V. Ke kontrastivní morfosémantické analýze // *Studie ze slovanské jazkovědy*. I. Praha, 1978.
- Straková 1983** – Straková V. Pragmatické modifikace slovesné sémantiky (Příspěvek k derivační typologii) // *Slovo a slovesnost*. XLIV. 1983.
- Stunová 1993** – Stunová A. A contrastive study of Russian and Czech aspect: Invariance vs. discourse. Amsterdam, 1993.
- Talmy 1978** – Talmy L. Figure and ground in complex sentences // *Universals in human language*. Vol. IV: Syntax. Stanford, 1978.
- Talmy 1985** – Talmy L. Lexicalization patterns; semantic structure in lexical forms // *Language typology and syntactic description*. Vol. III. Grammatical categories and the lexicon. Cambridge, 1985.
- Talmy 1988** – Talmy L. The relation of grammar to cognition // *Current issues in linguistic theory*, 50. Topics in cognitive linguistics / Ed. by B.Rudzka. Ostyn, 1988.

- Trávníček 1923** – Trávníček F. Studie o českém vidu slovesném. Praha, 1923.
Uher 1987 – Uher F. Slovesné předpony. Brno, 1987.
Vendler 1967 – Vendler Z. Verbs and times // Linguistics in philosophy. Ithaca (N.Y.), 1967.
Veyrenc 1980 – Veyrenc J. Etudes sur le verbe russe. Paris, 1980.
Vikner 1994 – Vikner C. Change in homogeneity in verbal and nominal reference // Tense, aspect and action to language typology. N.Y., 1994.
Wierzbicka 1967 – Wierzbicka A. On the semantics of the verbal aspect in Polish // To honour Roman Jakobson. Essays on the occasion of his seventieth birthday. Paris, 1967.
Wittgenstein 1978 – Wittgenstein L. Philosophical investigations: Philosophische Untersuchungen. Oxford, 1978.
Wróbel 1978 – Wróbel H. O zasadach opisu słowotwórczego polskich czasowników prefiksalnych // Studia gramatyczne II. Wrocław, 1978.
Zmarzer 1985 – Zmarzer W. Charakterystyka semantyczna czasowników stanu psychicznego w języku rosyjskim i polskim // Rozprawy Uniwersytetu Warszawskiego. Warszawa, 1985.

Литературные источники

- Ф.Абрамов.** Две зимы и три лета. М., 1989.
А.Аверченко. Кривые углы. М., 1989.
А.Белый. Петербург. Сер. «Литературные памятники». Л., 1981.
Ф.М.Достоевский. Братья Карамазовы. М., 1972.
Ф.М.Достоевский. Из дневника Ф.М.Достоевского // Круг чтения. М., 1991.
П.Кириченко. Долгие сумерки // Смена. 1989. № 3.
В.Никитин. Ближе к вечеру // Смена. 1989. № 3.
Б.Пастернак. Доктор Живаго. Београд, 1988.
К.Паустовский. Ильинский омут. М., 1984.
Б.Пильняк. Повесть непогашенной луны. М., 1990.
Б.Пильняк. Человеческий ветер. Тбилиси, 1990.
А.Платонов. На заре туманной юности. М., 1991.
А.Платонов. Чевенгур. // Впрок. Проза. М., 1990.
Ю.Семенов. Улица Огарева, 6. М., 1972.
А.И.Солженицын. Архипелаг ГУЛАГ. Т. 1–3. М., 1990.
А.И.Солженицын. В круге первом. М., 1991.
А.И.Солженицын. Один день Ивана Денисовича // Новый мир. 1962, № 11.
В.В.Шульгин. Три столицы. М., 1991.
И.Г.Эренбург. Додумать не дай! // Круг чтения. М., 1991.
А. Achmatowa. Wiersze // А. Ахматова. Стихотворения. М., 1989.
К.Čapek. Bílá nemoc. Matka. Praha, 1958.
М. Figuli. Mladost'. Bratislava, 1979
Ж. Glazarová. Vlčí jáma. Praha, 1962.
Ж. Hášek. Školní výlet. Praha, 1974.
И. Hurník. Dětství ve Slezsku. Praha 1979.
И. Klíma. Moje první lásky. Praha, 1985.
И. Klíma. Má veselá jitra. Praha, 1990
А. Lindgrenová. Rasmus na vandrovce / preložila H. Dobiášová. Bratislava 1961.
К. Poláček. Michelup a motocykl. Praha 1980.

- Rozprávky. Bratislava, 1984.
V.Řezáč. Poplach v Kovářské uličce. Praha, 1966.
J.Semjonov. Ogarevova ulice č.6. Praha, 1975.
J.Škvorecký. Hříchy pro pátera Knoxe. Praha, 1991.
V.Vančura. Marketa Lazarová. Praha 1965.

Список сокращений

- БАС** – Словарь современного русского языка. Т. 1–17. М., 1948–1965.
БРПС – Большой русско-польский словарь. Т. 1–2. М.; Варшава, 1987.
БПРС – Большой польско-русский словарь. Т. 1–2. М.; Варшава, 1988.
КСКТ – Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996.
ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
МАС – Словарь русского языка. Т. 1–4. М., 1981–1984.
РБЕ – Речник на българския език. София, 1977–1993.
СРЯ – Современный русский язык / Под ред. В.А.Белошапковой. М., 1989.
ТАСФ – Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова / Ред. М.Ю.Черткова. Т. 1–3. М., 1997.
MFD – Mladá fronta dnes.
PSJČ – Příruční slovník jazyka českého. D. 1–9. Praha, 1935–1957.
SJP – Słownik języka polskiego. T. 1–11. Warszawa, 1958–1969.
SSJČ – Slovník spisovného jazyka českého. D. 1–4. Praha, 1960–1971.
SSJ – Slovník slovenského jazyka. D. 1–6. Bratislava, 1959–1968.
VRČS – Velký rusko-český slovník. D. 1–5. Praha, 1952–1960.
VSRŠ – Velký slovensko-ruský slovník. D. 1–6. Bratislava, 1979–1995.
VRSS – Velký rusko-slovenský slovník. D. 1–5. Bratislava, 1960–1970.